

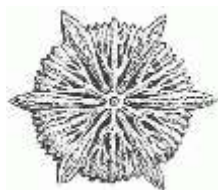
БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

РАВНИНА ТУА

*Антология советского
фантастического
и приключенческого
рассказа
20-х – 30-х
годов XX века*

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «СПУТНИК ТМ»
2019**

Б. НИКОНОВ

ПАТЮРЭН И КОЛЛИНЭ

(ЭКСПЛУАТАТОР СОЛНЦА)

Фантастический рассказ

Б. Никонов
ПАТЮРЭН И КОЛЛИНЭ
(ЭКСПЛУАТАТОР СОЛНЦА)

Опубликовано в журнале «Мир приключений», №4,
1925 г.

ПАТЮРЭН И КОЛЛИНЭ

(ЭКСПЛОАТАТОР СОЛНЦА).

РАССКАЗ Б. Никонова.

Патюрэн умирал.

У его смертного ложа в общей палате больницы для бедных не было никого из близких. Их и не было у Патюрэна, пока он был жив. Иногда к нему подходила сестра милосердия и поправляла подушку. Больше ей нечего было делать: Патюрэн должен был умереть через пять-шесть минут.

Но над его изголовьем стоял один совсем посторонний человек, которого звали Коллинэ. Они не были ни родственником умирающего, ни даже его знакомым; тем не менее, Коллинэ явился к умирающему, едва только узнал, что он находится при смерти. Он жадно прислушивался к бреду Патюрэна. Умирающий все время что-то говорил, так тихо и невнятно, что постороннему было невозможно понять его. Но Коллинэ, очевидно, понимал. Мало того, он торопливо записывал в книжку то, что говорил Патюрэн, и видимо, волновался, словно выведывал у умирающего важную тайну.

— Что он говорит? — любопытствовала сестра милосердия.

— Так... Ничего особенного. Разные формулы и цифры. Это для вас неинтересно! — сухо ответил Коллинэ.

Коллинэ один во всем мире знал, что Патюрэн был великий изобретатель. Коллинэ тоже был изобретатель и работал над той же проблемой, что и Патюрэн, но он был неудачник. У него ничего не выходило, а

Патюрэн находился на верном пути. Коллинэ знал это наверное. Он был убежден в этом. Он, правда, не был знаком с Патюрэном: последний отличался редкой не-сообщительностью и замкнутостью, и сурово отвергал всякие поползновения Коллинэ на знакомство. Но Коллинэ тщательно следил за деятельностью своего соперника, и ему было ясно, что Патюрэн рано или поздно разрешит проблему. Проблема эта заключалась в отыскании способа конденсировать солнечную теплоту. Мощная тепловая энергия солнца щедро разливалась по миру, по земле — и пропадала в пространстве. Наступала зима, и люди бедствовали от холода и искали искусственных способов отопления, истребляя леса, уничтожая многовековое богатство земли: каменный уголь и нефть. Бедняки мучились каждую зиму, ие имея возможности покупать дорогие дрова и уголь. Сколько страданий причинял неимущему люду холод! И какое благодеяние сделал бы для них тот, кто нашел бы способ ловить и сохранять на зиму в особых недорогих приборах безмерно щедрые солнечные летние лучи!

Вот, об этом-то и думал всю жизнь Патюрэн. Этого-то он и искал. И первая дума его и первая его забота все время были о бедняках, о неимущих, о мерзнувших семьях рабочих в подвалах больших городов, о замерзающих в лесу крестьянах. Патюрэн уже давно находился на верном пути в деле разрешения проблемы. Еще несколько лет тому назад он уже производил чрезвычайно удачные опыты. Наконец, он достиг и полного разрешения вопроса и мог бы пережить величайшее торжество удачи. Но он замедлил с опубликованием, потому что изобретенный им способ был чересчур дорог. Им могли пользоваться только богатые люди. Патюрэн боялся, что при таких условиях его

тепловой конденсатор будет использован различными фабрикантами и эксплуататорами для наживы, а беднякам не даст ничего. Поэтому он решил замкнуться в своих исследованиях, ничего никому о них не сообщать, и почти маниакачески уклонялся от всех, кто интересовался его изобретением. И ранее того необщительный и чрезмерно застенчивый, в последнее время он избегал людей с какой-то болезненной обостренностью. Во всех, кто домогался с ним знакомства, он видел хищников, жаждущих наживы — и, в сущности, не ошибался.

Именно таким хищником и был Коллинэ. Этот человек, наоборот, мечтал о наживе, о корыстном использовании изобретения. В противоположность

Патюрэну, который не думал ни о каких патентах и привилегиях, и только о том и мечтал, чтобы дать возможность каждому человеку устроить простой и дешевый аппарат и безвозбранно пользоваться им, Коллинэ жаждал добиться привилегии и продавать изобретение за бешеные деньги богачам фабрикантам, заводчикам, пароходовладельцам и во-

Коллинэ жадно ловил каждое слово умирающего...

обще всем крупным предпринимателям и предприятиям, нуждающимся в топливе. Он рассчитывал, что «солнечное тепло» даже при эксплуатации его путем привилегий и патента будет все-таки настолько дешевле и выгоднее дров, каменного угля и нефти, что все накинутся на него. Он предвидел громадные ре-

формы на заводах, колоссальные изменения в их машинном оборудовании, почти полное уничтожение громоздких и дорогих топок и печей. И все это сулило колоссальные выгоды эксплуататору солнца.

Коллинэ с ловкостью настоящего сыщика следил за успехами Патюрэна. И когда Патюрэн заболел, и его отправили по распоряжению полиции в больницу для бедных, Коллинэ, как тень, последовал сюда за ним, и ловил каждое слово, каждый шепот Патюрэна.

Он рассчитывал, что Патюрэн в бреду выдаст свою тайну. И он не ошибся...

Мозг умирающего работал лихорадочно. Патюрэн и в предсмертные мгновения не прекращал своей творческой работы. И словно торопясь пред наступлением вечной темноты и безмолвия закончить свою земную работу, спешно, но с удивительной ясностью делал математические выкладки и комбинировал химические формулы. И с удесятеренной быстротой все ближе и ближе подходил к решению проблемы.

Коллинэ, задыхаясь от волнения, ловил каждое его слово... И вот, почти все сказано. Тайна почти открыта. Почти...

Умирающий на мгновение остановился. Он, по-видимому, пришел в сознание.

— Послушайте! — тихо прошептал он. — Я не хочу унести этого в могилу. Я нашел формулу амальгамы для приемника лучей. В нее входит...

И он стал диктовать формулу. Коллинэ записывал ее. Но умирающий ослабевал с каждым мгновением. Он шептал все тише и тише и, не сказав последнего, самого важного, слова, умер.

Это слово должно было явиться ключом к формуле. Без него она оставалась мертвой. Бывают такие замки, отпереть которые можно только путем подбора букв;

но предварительно нужно знать определенное одно слово, по которому подбираются буквенные рычажки. Если этого задуманного хозяином замка слова не знать, то замок остается мертвым.

Коллинэ ломал руки от отчаяния. Разгадка была так близка... И все-таки она осталась навеки запертой, И ключ к ее замку умирающий унес с собой в могилу...

Но унес ли?..

II.

Коллинэ сидел в кабинете у главного врача больницы.

— Это великий изобретатель! — говорил он врачу: — Странный чудак, почти маниак, но гениальная личность. Представьте, что он завещал мне формулу своего открытия, но не успел договорить до конца. А открытие это такого рода, что произведет настоящий переворот в общественной жизни. Поймите мое отчаяние, доктор! Я прибегаю к вашему искусству, таланту, к вашему собственному гению... Оживите его!

Доктор задумался. Это был известный физиолог, знаменитый своими опытами над оживлением мертвых органов. Он заставлял жить отрубленные пальцы, мертвые сердца, желудки. Он помещал в особый физиологический раствор сердце, желудок и мозг мертвой собаки, соединенные стеклянными и резиновыми трубками, и эта неживая «теоретическая собака» жила растительной жизнью: мозг ее пульсировал, сердце билось, желудок переваривал пищу.

— Оживите его, доктор, — продолжал Коллинэ: — Это будет величайший, беспримерный опыт... Пусть он будет жить еще хотя бы несколько минут, чтобы возобновилась деятельность мозга. Может быть, он, хотя

бы и бессознательно, закончит то, что начал говорить и не закончил!

— У него есть родные? — спросил физиолог.

— Никого.

— Хорошо. Я распоряжусь, чтобы его отнесли в пре-паровочную.

В тот же день смертные останки Патюрэна были перенесены в отдельный павильон во дворе больницы. В этом павильоне доктор производил свои замечательные опыты. Коллинэ добился у него разрешения принести сюда же аппараты Патюрэна, чтобы здесь же, на месте, начать свои опыты... Доктор, заинтересованный конденсированием солнца, охотно согласился на это. Ему самому хотелось посмотреть на удивительное изобретение.

Полиция, опекавшая жалкое имущество бедняка-изобретателя, не воспрепятствовала Коллинэ забрать лабораторию Патюрэна и небольшой латунный прибор с валиком и приемником, который должен был воспринимать и сохранять тепловую солнечную энергию. У Патюрэна не было ни одного близкого человека. Никто не заявлял претензий на это имущество, а кроме того, авторитет знаменитого врача, именем которого Коллинэ не замедлил прикрыться, также оказал свое влияние.

И уже через два — три часа после смерти Патюрэна физиолог приступил к своей удивительной работе. Он отпрепарировал голову умершего, вынул его сердце, легкие, и, поместив их в стеклянный ящик, наполненный особым физиологическим раствором, соединил эти части тела Патюрэна сложной системой трубок, напоминавшей и игравшей роль аппарата кровообращения. Мертвенно бледное лицо Патюрэна с закрытыми, обведенными синевой глазами, возвышалось над

уровнем жидкости. Оно казалось страшной маской, брошенной в воду и плавающей на ее поверхности.

...Мертвое лицо «теоретического человека» оживло и он заговорил...

Доктор открыл одну из трубок и ввел в сердце раствор, заменяющий кровь. И к удивлению, почти к ужасу Коллинэ, сердце стало биться, легкие сжимались и расправлялись. Странный препарат, слеланный из останков Патюрэна, этот «теоретический человек», состоявший только из сердца, легких и головы, ожил.

Но это не было настоящей жизнью. И в то же время это не было уже смертью.

— Опыт, кажется, удался! — промолвил физиолог с улыбкой: — Но что с вами?

Коллинэ едва стоял на ногах. Он с трудом дышал и не отрывал расширившихся зрачков от страшного видения: мертвое лицо теоретического человека оживло: по нему пробежала судорога. Глаза приоткрылись, и тяжелый, неподвижный взгляд их остановился на Коллинэ. Коллинэ вскрикнул и отвернулся.

— Неужели вы боитесь? — усмехнулся доктор: — Какой вы нервный. Понюхайте эфира!

И он поднес к лицу Коллинэ баночку с летучей жидкостью. Коллинэ стало легче. Поборов свое волнение и страх, он нагнулся над стеклянным ящиком и стал ждать...

Ждать не пришлось слишком долго. Доктор усилил концентрацию раствора, сделал какие-то изменения в системе трубок — и вдруг мертвые губы зашевелились, и из них вырвался свистящий звук человеческого голоса.

Мозг Патюрэна, очевидно, начал работать. И, очевидно, в нем продолжалась та же работа, которую прервала смерть. Коллинэ затаил дыхание и сжимал в руке записную книжку.

Мертвец упорно повторял одно и то же слово. Вначале его нельзя было разобрать, потому что хрип и свист, вылетавшие из губ Патюрэна, мешали слушателям. Но мало-помалу голос мертвеца становился ровнее и яснее, и повторяемое им слово вдруг стало понятно Коллинэ.

Это было название одного минерала, который входил как главная составная часть в амальгаму приемника аппарата. Именно этот минерал и связывал солнечные лучи, и втягивал их в себя, в связи с другими составными элементами. Это и был ключ к разгадке.

Безумная радость поднялась в его груди. Теперь оставалось только достать указанный Патюрэном основной элемент и произвести опыт с уже готовым аппаратом.

А Патюрэн еще несколько раз произнес воскресшее и унесенное было в могилу слово, и замолчал. Легкие продолжали сокращаться, сердце пульсировало. Но лицо опять приняло безжизненный вид и стало непо-

движно. Патюрэн как бы сознавал, что его долг, прерванный смертью, выполнен, и что теперь ему уже нечего делать на этом свете, и остается одно: замолчать и уснуть навсегда со спокойной совестью.

— Вы думаете продолжать опыт? — спросил Коллинэ врача.

— Конечно! — пожал плечами физиолог: — Я разработаю этот опыт как можно шире. Мы задержим как можно дольше вашего покойника здесь, на земле. Я предвижу кое-какие дальнейшие возможности. Почему вы задали мне этот вопрос?

— Так... — уклончиво ответил Коллинэ. Он не мог сознаться, что оживший мертвец теперь почему-то уже стеснял его...

Бренное туловище Патюрэна, его руки, ноги, его уже ненужная мускулатура и покровы были сложены в гроб и похоронены на кладбище для бедных, на краю города. Но мозг, сердце и голова Патюрэна продолжали жить странной, неживой жизнью в стеклянном ящике в лаборатории физиолога. И трудно было сказать, какие идеи и образы таятся в этом неживом, но живущем мозгу.

III.

Коллинэ работал над аппаратом с лихорадочной поспешностью.

Амальгама была вскоре готова. Приемник был покрыт ею. Аппарат — такой маленький и несложный аппарат, с блестящим латунным валиком и раструбом, как у граммофона, сверкал медью и никелем. Теперь оставалось только пустить его в ход.

Стояла жаркая, солнечная погода. Коллинэ пригласил врача, который чрезвычайно желал присутство-

вать при опыте, и вместе с ним вынес аппарат на крыльцо и поставил на солнце.

— Подождем до вечера, — сказал он: — А вечером пустим его в ход в комнате. Энергия будет излучаться как из жарко натопленной печи.

Аппарат тихо гудел, как гудит далекий аэроплан. Доктор потрогал его: поверхность валика была совершенно холодная. Он покачал с сомнением головой.

— Вы не верите? — рассмеялся Коллинэ: — Между тем, это математически верно. Сегодня вечером вы можете устроить себе чудесную паровую баню при помощи этого аппарата.

— Мне думается, что ваш Патюрэн просто маниак и строитель воздушных замков. Впрочем, это ваше дело. Меня интересует, вы сами понимаете, совсем другая сторона дела.

Аппарат все гудел. Солице пекло. Белые стены павильона, где лежал теоретический человек, резали глаза своей ослепительной белизной. Коллинэ с наслаждением слушал гудение. Он ясно представлял себе свое грядущее финансовое могущество. Аппарат Патюрэна рисовался ему в гигантских размерах. И в еще более гигантских размерах рисовался ему завод, на котором будут изготавливаться эти аппараты. Они захватят весь мир. Заводы, фабрики, пароходы, железные дороги — все придут на поклон к Коллинэ, все будут у его ног. Золото потечет к нему стремительным потоком! Патюрэн умер бедняком. Коллинэ будет долго и счастливо жить, воспользовавшись его гениальной мыслью. Нет, он не будет таким дураком, чтобы работать для бедняков и оставаться самому бедняком!

Аппарат гудел до самого вечера. Солнце зашло, небо окрасилось багрянцем заката — и только тогда затих чудесный ящик с валиком и раструбом. Коллинэ

отнес его в лабораторию и поставил в соседней комнате. Ему не хотелось оставаться в одной комнате с живым мертвецом. Он всего охотнее провел бы этот вечер у себя дома, а не здесь. Но он ждал возможных осложнений в работе аппарата и надеялся, что мертвец опять заговорит и сможет дать нужные разъяснения.

Он сидел некоторое время над работой, делая вычисления. Незаметно подкрался вечер и стало темно. В комнате, выходящей на север, было прохладно, несмотря на то, что весь день снаружи стоял душливый зной.

В дверь постучали. Это был слуга доктора. Он принес письмо: доктор извинялся, что сегодня не может прийти в павильон присутствовать при опыте, и просил начать опыты с аппаратом без него.

Коллинэ написал несколько слов в ответ и отпустил слугу. И с удивлением услышал, что тот щелкнул ключом в двери. Коллинэ сначала не сообразил, что это значит. Но потом понял, что слуга по рассеянности запер павильон; вероятно, он привык запираť его каждый раз на ночь. Коллинэ потрогал дверь: да, она была заперта. Это было довольно глупо. Он стал кричать. Но слуга, очевидно, уже успел отойти далеко и не слышал.

— Пустяки! — подумал Коллинэ: — Я все равно рассчитывал остаться здесь до утра. А в случае чего я, разумеется, могу выскочить в окно.

Он заинтересовался окнами, стал их рассматривать, искал форточки. И сделал неприятное открытие: окна были из толстого корабельного стекла, и под стать всем остальным зданиям больницы были зарешечены мелким переплетом. Форточки были в потолке.

— Глупо! — подумал он: — Я попал в тюрьму. Этого только не хватало!

Впрочем, дурное настроение быстро рассеялось.

Коллинэ решил привести аппарат в действие. Это была торжественная, долгожданная минута.

Он отодвинул задвижку у раструба, и аппарат стал снова гудеть. Из раструба хлынула горячая волна. Коллинэ вскрикнул от восторга и принялся танцевать вокруг стола, на котором стоял аппарат. Несколько раз он подбегал к аппарату, трогал его и даже ласкал его гладкие стенки. И с каждым разом убеждался, что волна излучаемой им энергии становится все горячее. Усиливалось и гудение. В комнате стало заметно теплее. Градусник показывал уже 18 градусов. Коллинэ немного успокоился от взрыва радости, снял пиджак и жилет, и решил опять заняться вычислениями. Но становилось все жарче. И это обеспокоило его.

— Странно, — подумал он, — энергия излучается с нарастающей силой. Точно приближающийся звук — чем ближе, тем вдесятеро и вдесятеро сильнее.

И ему в первый раз пришло в голову, что ни он, и очевидно, ни Патюрэн не подумали о регуляторе. Коллинэ почему-то казалось, что состав амальгамы сам по себе обладает регулятивным действием! Любая печь дает тепло медлительным потоком, но и при печах устранивают вьюшки и форточки. Как же было не озаботиться этим здесь? Впрочем, может быть, регулятор в аппарате и имеется, но только Коллинэ не знает о нем ничего. Но где же этот регулятор?

Он стал внимательно рассматривать сконструированный Патюрэном ящик. Но в ящике не было ни одной зацепки, ни единого винтика, ни единой шайбы, которые могли бы играть роль регулятора. Коллинэ знал их все и знал, для какой роли они назначены. Все это было не то.

Он пробовал поднять повыше раструб. Но и это не удалось, и Коллинэ лишь обжег руку при этой попыт-

ке. От аппарата несло уже таким жаром, что нельзя было прикасаться к нему. Гудение все усиливалось. Казалось, что в комнате пущен в ход сильный мотор.

— Глупая история! — подумал Коллинз: — Как остановить аппарат? Боже мой, как его остановить? Уже нельзя оставаться в комнате.

Он обернул руки в толстую ткань и попытался задвинуть у раструба задвижку. Но с ужасом заметил, что латунная задвижка расплавлена и уже не действует. В ло же мгновение ткань задымилась и вспыхнула, и Коллинз еле успел стряхнуть ее с руки и затоптать ногами.

Он вдруг вспомнил о Патюрэне. О том существе, которое было Патюрэном, и которое лежало в соседней комнате в стеклянном ящике. Патюрэн должен знать, как остановить аппарат. Патюрэн скажет это!

Ему уже не пришлось в голову, что с аппаратом все равно теперь ничего поделать нельзя. О регуляторе надо было подумать ранее. Теперь следовало бы выбросить огнедышащий ящик с раструбом наружу, или самому бежать из этой ловушки. Но отчаяние лишило Коллинз разума. Да и как было выбросить аппарат? Как было убежать отсюда? Может быть, Патюрэн знал еще одно последнее, загадочное, спасительное слово?

— Патюрэн! Патюрэн! — закричал он, наклоняясь над мертвенной маской, плававшей в ящике: — Патюрэн! Я погибаю! Мы горим, Патюрэн! Регулятор! Регулятор! Где регулятор?

По мертвому лицу пробежала судорога. Глаза открылись и уставились на Коллинз. Губы скривились, и послышался хриплый, визгливый смех. Мертвый Патюрэн смеялся. Это был бессмысленный смех, как у идиота. Что вызвало этот смех? Какая реакция происходила в мозгу, обреченном на это мертвенное суще-

ствование? Какие явления возникали в нем? Не те же ли, что у сумасшедших?

Коллинэ заметался по комнате. Он кинулся к двери, плотно захлопнул ее и забаррикадировал столом, стульями, шторой от окна. За дверью раздавалось громовое рычание, словно там сорвались с цепи и бесновались десятки диких зверей. Дверь дымилась. Солнечная энергия, пойманная в западню, вырывалась наружу со всею своей силой, нараставшей в течение целого дня.

А Патюрэн все смеялся.

Мертвый Патюрэн все смеялся...

Коллинэ изо всей силы ударил кулаком в толстое оконное стекло и разбил руку до крови. Страшная боль отрезвила его на мгновение, и он остановился, сообщая, что ему делать?

Но делать было нечего. Окна не поддавались никаким усилиям. Стены были гладкие и толстые; потолок был высоко, форточки в потолке были маленькие. А дым и жара становились все невыносимее.

В соседней комнате раздался тяжкий удар, словно от взрыва. Забаррикадированная дверь вдруг отскочила и повалилась, и в лабораторию ворвался столб пламени.

Через четверть часа павильон пылал, как костер. Стены, сложенные из камня, были раскалены докрасна. И к утру не осталось ровно ничего, кроме груды этих раскаленных камней. Ни лаборатории знаменитого физиолога с десятками приборов и препаратов, ни изобретенного Патюрэном аппарата, ни самого Патюрэна — этого «теоретического человека» в стеклянном ящике; ни живого человека Коллинэ. Даже кости этого эксплуататора солнца были испепелены вырвавшейся наружу солнечной энергией.

Б. НИКОНОВ

ШУМ КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

Рассказ

Иллюстрации И. Владимирова

Б. Никонов

ШУМ КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

Фантастический рассказ

Опубликовано в журнале «Мир приключений» №12,
1927 г.

Моя жена уехала в Москву.

Я проводил ее и вернулся с вокзала домой пешком через поля. У нас вокзал находится далеко за городом, и к нему ведет широкая дорога, обсаженная вековыми березами. Дорога красивая, удобная и поэтическая, но очень длинная. По ней лишь ездят. А пешком ходят прямо полем, пешеходными уютными тропинками и маленькими мостами через овраги. Так гораздо ближе.

Поезд ушел вечером, когда уже розовели верхушки деревьев и догорали последним ярким блеском окна домов и церковные кресты. Розовел на солнце и дым поезда, и у меня было такое мимолетное впечатление, будто я на все смотрю сквозь розовые очки. Я провожал поезд глазами, пока не нырнул в лес последний вагон. Над деревьями за клубилось розовое облачко и исчезло... И я подумал: «Эта розовое облачко — последний привет Нади. Это — ее мысль, ее забота обо мне!»

Я шел, не торопясь, домой. Торопиться было некуда. Меня никто не ждал дома. Мне было слегка грустно, но в то же время отъезд Нади был для меня приятен. Я сам с трудом признавался себе в этом, но все-таки ощущение розовых очков не пропадало... Я любил

жену. Мы жили очень дружно. Но с течением времени мне все более и более хотелось — хотя бы на краткое время — домашнего одиночества и свободы. Люди устают друг от друга и утомляют один другого, даже самые близкие. Утомляет однообразие разговоров, интонаций, привычек. Утомляет (что греха таить!) и та мелочная опека, которой так часто грешат супруги по отношению друг к другу. Я боюсь это утверждать, но это вполне возможно: ту же усталость и жажду свободы, хотя бы самой маленькой и невинной, быть может, испытывала и Надя, когда она решила побывать в Москве у дяди, показаться московским врачам (без всякой особой надобности!) и сделать кое-какие покупки (тоже). Я не мог поехать вместе с ней, потому что был связан службой.

Я шел, не торопясь, по благоухающей полевой дорожке, и испытывал двойственное ощущение. Мне было как-то неловко, не по себе, словно я потерял что-то, или заблудился, оставшись в одиночестве. И в тоже время у меня было легкое чувство свободы и независимости. Я походил на школьника, которому дали продолжительный вака́т. Бывало, в детстве я бродил вот также, как сейчас, по полю в первые дни каникул, и тоже чувствовал, будто что-то потерял и чего-то мне не хватает, — и одновременно с этим, меня охватывало непривычное и странное чувство свободы. Правда, теперь все это было немножко сумрачнее: не было прежней безоблачности...

«Что я буду теперь делать, пока Нади нет?» — в сотый раз спрашивал я себя. Обязательной служебной работы летом у меня было мало; дни были длинные. И я решил, что буду теперь целыми часами сидеть на реке с удочкой. Надя не любила моего увлечения рыболовством, потому что она оставалась тогда одна дома и

скучала. А если приходила ко мне на берег, то тоже скучала и тоже оставалась одна, ибо я за своими удочками забывал все на свете. Но теперь скучать и оставаться дома было некому, и я не без удовольствия помышлял о рыбной ловле.

Но с еще большим удовольствием, почти с восторгом я помышлял о другом, — совершенно новом для меня удовольствии, которое меня нынче ждало и тоже требовало одиночества и забвения всего на свете: о радио!

Оно, правда, еще не работало. В кабинете у меня уже стоял радиоприемник, но не была поставлена антенна. Мне обещали все устроить и наладить завтра или послезавтра. Надя, уезжая, говорила: «Ну, теперь я буду спокойна: ты будешь по вечерам сидеть дома и слушать концерты вместо того, чтобы промачивать ноги на реке!» А я ей говорил: «Я буду слушать Москву и, таким образом, буду там вместе с тобой!»

Уютные полевые тропинки, пахнущие медом и мятой, привели меня незаметно в город и сменились деревянными тротуарами. Вот и моя квартира в одноэтажном сером доме с палисадником. У калитки чья-то коза жует только что сорванную со столба афишу о концерте. Уходят по зеленой травке на покой гуси. Так все тихо тут и патриархально! А Надя в это время несется в громыхающем поезде в громыхающий, загадочный и жуткий город, в бешеную сумятицу столичной жизни... Завтра или послезавтра и я приобщусь к этой громыхающей сумятице: волшебные струны радио расскажут и мне о ней!

В комнатах было тихо и прохладно. Я с некоторой опаской думал о моменте одинокого возвращения: не покажется ли мне чересчур печальным мой опустевший приют? Но нет, я не стану лгать! Дом опустел, но

мне это не было тяжело. Я лишь еще раз почувствовал свободу и покой...

Я долго пил чай, а потом побрел в кабинет и любовался радиоприемником. «Завтра» — говорил я себе: «Завтра я поверну вот эту штучку, надену на голову, вот эту рогульку с радиоушами — и в меня войдет целый новый мир: лекции, декламация, музыка! Как все это необыкновенно!

На другой день не случилось ничего необыкновенного. Утром я поскучал немного о Наде, побеспокоился, почему нет письма? Потом просидел свои шесть часов в канцелярии. Потом пообедал. И после обеда получил открытку от Нади. Она писала с дороги: «Еду отлично! Здорова, и все благополучно! Береги себя!» У меня сразу отлегло от сердца, и я со спокойной совестью отправился рыбачить. Совет Нади беречь себя я понял в том смысле, что следует надеть галоши, чтобы не промочить ног. Но галоши я оставил в траве, и вспомнил о них только ложась дома спать. Утром бежала на берег Марфуша, но галош уже не оказалось. Я решил не писать об этом Наде, чтобы не портить ей настроения.

Антенна была готова. Я с нетерпением ждал вечера. Я ждал минуты, когда можно будет, наконец, вступить в таинственное и чудесное общение с эфиром. Я уже заранее знал, что с шести часов будет передача из Москвы. Меня крайне занимала мысль: может быть, на том концерте, который я буду слушать по радио, будет присутствовать там, в Москве, — Надя. Может быть, я даже услышу ее голос, если ей вздумается закричать «браво» или вызывать артистов? Как жаль, что я не

уговорился с ней заранее относительно этого! «Непременно напишу ей об этом!» — решил я.

Рыбачить я уже не пошел; я был слишком поглощен радио. Я постарался обставить радио-сеанс наивысшим комфортом: поставил столик с приемником в прохладный уголок у окна, придвинул широкое мягкое кресло и даже надел на себя широчайший халат, чтобы ничто не стесняло меня и не отвлекало от наслаждения. Мне странно вспоминать теперь обо всем этом ребячестве после того, что потом произошло...

И вот, я, наконец, познал тайны радио-вещаний!

Я услышал проникновенные, задушевные слова, произносимые приятным баритоном: «Алло, алло! Слушайте, граждане! Говорит Москва!»

За пятьсот километров баритон говорил мне также легко, просто и громко, как будто находился со мною рядом, здесь, в комнате! Затем послышались звуки скрипки. Я живо, почти до галлюцинации, представил себе, что сижу в громадном, ярко освещенном зале. Рядом со мною сидят чудесные красавицы, нежные и грациозные, как лебеди, и красота их странно и чудесно сочетается с пением скрипки, словно они образы, порожденные музыкой. Потом запел тенор — и предомной открылись какие-то сказочные палаты с хрустальными колоннами. Заиграл оркестр — и в хрустальных палатах в светлой пляске закружились люди с цветными факелами в руках. Потом грянул тяжкий громовой раскат, зазвенели разбитые хрустальные окна, и нахлынула орда разбойников. Я слышал дикие вопли, звон оружия. Вспыхнуло пламя и охватило все собою, и с грохотом упали и разбились хрустальные колонны, и все потемнело и пропало. И смолкли последние звуки оркестра...

Я был в восторге; я бредил наяву под влиянием музыки и сознания, что я приобщен к чудесам человеческого гения. Я был в эти мгновения абсолютно, безоблачно счастлив. Я был в каком-то трансе лучезарного благополучия.

Концерт кончился. Задушевный голос объявил: «Граждане, слушайте, слушайте! Сейчас вы услышите бой часов Спасской башни! А перед этим послушайте шум уличного движения в Москве. Даю Красную площадь!»

И я вдруг почувствовал себя перенесенным с концерта на городскую улицу. Сказочные образы исчезли. Мне ясно представилось, что кругом меня в синеватом свете уличных фонарей сновали темные фигуры прохожих. Кто-то смеялся, кто-то громко чихнул. Шаркали шаги по тротуару. Визжал, и скрежетал, и звенел трамвай. Эти звуки — и чиханье человека, и звонки трамвая, передавались удивительно реально. Послышался грохот телеги и понуканье извозчика. То тут, то там вспыхивали голоса людей и сливались с другими уличными звуками в какую-то странную, немного дикую симфонию. Шум огромного, битком набитого людьми города звучал в моих ушах, концентрируясь в коробке приемника. Какой чудесный гений мог заключить в эту небольшую металлическую коробку всю эту призрачную, немного жуткую ночную жизнь Москвы?

Я подумал: «Где-то сейчас Надя? Может быть, сидит с дядей в шикарном ресторане после концерта? А может быть, уже давно спит у себя в комнате?»

Взвыл грубым ревом автомобиль. Как хорошо было слышно его! Как отчетливо! Послышались испуганные голоса: «Стой! Держи!» Как чудесно передавался тембр голосов и выражение! Я засмеялся от удовольствия. Сидя у себя дома, за полтысячи верст от Моск-

вы, я присутствовал при каком-то уличном московском скандале! Не замечательно ли это? Не смешно ли?

Разлилась трель милиционерского свистка. Как славно свистят московские милиционеры: даже у нас слышно! Вот, придет Надя, я расскажу ей, и мы посмеемся!

.....

Вдруг меня словно обожгло. Я вскочил и едва не оборвал шнур.

В гуле площади, в реве автомобиля, с которым очевидно что то случилось, среди испуганных и гневных голосов я ясно расслышал крик Нади...

Вдруг меня словно обожгло. В гуле площади, в реве автомобиля, среди испуганных и гневных голосов, я явно расслышал крик Нади...

Кричала Надя! Это была она! И как кричала! Так кричат люди лишь в минуты опасности и отчаяния... И самое страшное было то, что она звала меня!.. Звала

привычным уменьшительным, ласковым именем, как, бывало, звала в минуты замешательства, когда нужно было помочь ей...

Я обливался холодным потом. Шум Красной площади звучал в ушах, хотя я уже снял аппарат. Я чувствовал, что схожу с ума. Я снова надел радио-уши: крики прекратились. Слышалось мелодическое пение колоколов кремлевской башни.

Я бросил радио. Я сновал по комнате из угла в угол в величайшем волнении. Что это было? Неужели это галлюцинация? Или просто ошибка? Совпадение имени, голоса?

Нет, это было все не то! Если это галлюцинация, то почему такая зловещая, такая ужасная, в то время, когда я был настроен самым розовым образом? И если это простое совпадение, то как могло случиться, что совпало сразу так много обстоятельств?

А если это кричала в самом деле Надя? Что с ней случилось на площади? Почему она звала меня?

Я не спал всю ночь и чувствовал, что схожу с ума. Рано утром я побежал на телеграф и отправил дяде телеграмму: «Здорова ли Надя?»

Утром, на свету, в шуме дня, мне стало немного легче, и я уже был готов считать все случившееся простой галлюцинацией. Мне было даже немного неловко телеграфировать дяде. Поэтому я и придумал такую форму: «Здорова ли Надя?» вместо первоначальной: «Что случилось с Надей?» Первая редакция была вполне естественна для заботливого мужа. Вторая же могла показаться нелепой, если с Надей ничего в действительности не случилось.

Ответа я ждал с страшным волнением. Я старался внушить себе, что все благополучно, и что я зря впал в такое паническое настроение. Тем не менее, я даже не пошел на службу: такой хаос был в моей душе.

Через несколько часов пришел ответ:

«Приезжай немедленно.»

Я был совершенно обескуражен. Я пал духом. Все остальное я припоминаю теперь как во сне. Помню, что выехал с тем же вечерним поездом, с каким выехала три дня назад Надя. Помню, что также розовели дома в огне заката, и сияли кресты на соборе. Помню, что я ехал в переполненном жестком вагоне, не имея возможности даже присесть. Я всю ночь простоял на площадке у окна и чувствовал, что все равно не могу ни спать, ни забыться. Я напряженно вглядывался вперед, стараясь различить в утренней дымке громадный страшный город с его Красной площадью, шум которой ворвался в мое сознание и отравил меня ужасом, тоской и ожиданием какого-то непоправимого бедствия...

На вокзале меня встретил дядя.

— Ну, что? — только и мог я спросить сдавленным голосом.

Он обнял меня за талию и повлек куда-то в сторону. У него был странный вид: растерянный, беспомощный.

— Едем скорее к Наде! — сказал я. — Что с ней?

— Поспеем! Нет надобности торопиться! — бормотал он, не глядя на меня — Давай, поговорим...

— Что вы говорите? — воскликнул я. — Почему не надо торопиться? Где Надя? У вас?

— Она очень, очень больна! — бормотал старик. — Тяжко больна, мой бедный друг!

— Послушайте, — сказал я. С ней случилось что-то? На Красной площади?

— Да, да! — произнес он удивленным тоном: — Как ты узнал? Именно, там!.. Но не спрашивай меня! Я сам ничего не знаю! Я там не был... Она была вечером в театре и не вернулась... Ее привезли уже... уже...

Он не договорил и всхлипнул.

.....

Подробности я узнал вскоре.

Надя попала под какой-то пьяный автомобиль на площади. У ней были сломаны обе ноги. Она умерла через несколько минут там-же, на площади, от шока.

Почему она попала на Красную площадь, и как все это случилось, — я не знаю и не узнаю никогда. Но ее крик, ее предсмертный зов звучат в моих ушах. Первая мысль ее в тот ужасный момент была обо мне. Первое имя, первый призыв — было мое имя и призыв меня. Думала ли она, могла ли она думать и предполагать, что я ее услышу?..

Ее зов, ее крик мне передало радио... Ужасное, жестокое изобретение человеческого гения! Отныне я чувствую его, ненавижу его! Не могу без ужаса видеть эти натянутые над землей струны! Судьба сыграла на них страшную для меня мелодию!

Б. П. НИКОНОВ

АМЕРИКАНСКАЯ ДУЭЛЬ

Рассказ

Иллюстрации Н. М. Кочергина

Б. П. Никонов

АМЕРИКАНСКАЯ ДУЭЛЬ

Опубликовано в журнале «Мир приключений» №3»,
1927 г.

АМЕРИКАНСКАЯ ДУЭЛЬ

30 августа 1926 года в фешенебельном ресторане «Нью-Йоркская Звезда» произошло довольно заурядное, на первый взгляд, событие:

Два джентльмена, в высшей степени корректные и шикарно одетые, поспорили друг с другом за стаканом коктейля. О чем шел разговор — осталось никому неизвестным. Но разговор кончился плачевно: один из джентльменов нанес другому тяжкое словесное оскорбление.

Они могли бы покончить дело тут же, в ресторане, боксом, или иным физическим воздействием. Но оскорбление, невидимому, было слишком тяжело. И джентльмены, на глазах у присутствующих, чопорно обменялись визитными карточками и, корректно раскланявшись, вышли.

Очевидно, предстояла дуэль!

Тут же, на улице, едва они покинули ресторан, их

окружило человек пять-шесть вездесущих репортеров. И тут же на улице состоялось интервью с обоими джентльменами. Один из джентльменов оказался довольно разговорчивым. Он сообщил, что его фамилия — м-р Сноб, и что дуэль, действительно, неизбежна.

Вездесущие репортеры окружили дуэлянтов...

— Чем и как оскорбил вас ваш противник? — спросили

репортеры.

— О, он сказал, что фирма «Аллан Грей и сыновья» никуда не годится!

— Разве это так оскорбительно для вас?

— О, подобные оскорбления могут быть смыты только кровью!

И больше ничего от м-ра Сноба уже нельзя было добиться. Он презрительно молчал, опустив вниз тщательно выбритые губы. Его противник был менее общителен: он сообщил только, что его зовут м-р Дудли и что подробности, поскольку это допустимо в интересах дуэлянтов, можно узнать от секундантов.

Репортеры, конечно, на этом не могли успокоиться. И не прошло двух часов, как им уже было известно, кто секунданты и где они живут. А в вечернем выпуске «Нью-Йоркского Геральда» уже появились интереснейшие интервью с ними. М-р Сноб и м-р Дудли решили драться по американскому способу, т. е. предоставив роковой удар судьбе и жребию. Дуэль была назначена на следующее утро, в окрестностях города, на большой дороге. Смертельный удар должен был исходить не от человека и не от природы, а от машины, а именно, — от автомобиля. Один из дуэлянтов, по жребию, должен был попасть под быстро несущийся автомобиль. Но где это совершится и каким образом — об этом умалчивалось.

Причина дуэли оставалась совершенно невыясненной. И дуэлянты, и секунданты упорно отказывались вдаваться в подробности касательно этого и лишь глухо замечали, что оскорбление было нанесено в высшей степени тяжкое, после которого неприято даже оставаться в живых.

Репортер «Геральда» нескромно спросил секундан-та м-ра Сноба:

— Ваш доверитель что-то говорил о фирме «Аллан Грей и сыновья»?...

— Тысячу раз нет! — воскликнул секундант — Что такое «Аллан Грей и сыновья»? Это ничтожная маленькая фирма каучуковых изделий. Причем тут она? Нет, нет! Это было сказано моим доверителем просто для того, чтобы прекратить тягостный для него разговор!

Репортер попытался затем вывести час и точное место дуэли. Но секунданты были на этот счет неумолимы.

— Это совершенно невозможно! — сказал секундант м-ра Дудли — Мы всячески должны избегать скопления публики. Если будет много народа, то может произойти катастрофа, и, главное, не удастся самая процедура дуэли!

— А в чем заключается эта процедура? — полюбопытствовал представитель газеты.

— О, это секрет! — в один голос ответили оба секунданта.

Достойные представители нью-йоркской прессы однако решили не сдаваться и употребить все усилия, чтобы вывести сенсационный секрет. Тем более, что любопытство публики было чрезвычайно раздражено и номера «Геральда» расхватывались с жадностью.

В особой статье газета от себя заявляла:

«Мы лично считаем эту необыкновенную дуэль типичным проявлением американского духа. Мы не поощрим никаких сил и средств для того, чтобы держать наших читателей в курсе дела. Нами командированы самые Энергичные и талантливые сотрудники на все шоссейные дороги в районе 150 километров от города. Поставленные газетой громкоговорители будут в течение

ние всей ночи оповещать публику о всех подробностях, какие только удастся нам добыть!»

Кто такие мистер Дудли и мистер Сноб? До сих пор о них решительно ничего не было известно. Во всяком случае, они не принадлежали ни к родовитой, ни к денежной аристократии города. Они не входили в число пресловутых «четырехсот» представителей нью-йоркского высшего света.

Но после ресторанного скандала, закончившегося вызовом на такую необычную даже в Америке дуэль, на этих двух джентльменах сосредоточилось всеобщее внимание и о них стали циркулировать настоящие легенды — и на бирже, и в ресторанах, и в вагонах городской подземки, и в театрах, и в частных домах. Всего более были, конечно, заинтересованы дамы, тем более, что, по описанию интервьюеров, оба дуэлянта являлись настоящими джентльменами, в высшей степени

корректными, строгими красавцами, с неотразимой мрачной прелестью во взгляде. Кто то даже успел прозвать м-ра Дудли «Мрачным Красавцем», намекая на известный персонаж в «Дон-Кихоте». Мистер Дудли был особенно интересен: он был выше ростом, красивее и гораздо загадочнее мистера Сноба. Он не давал ни-

каких объяснений репортерам и вообще молчал. От него веяло рыцарской таинственностью и величием. Чувствовалось что-то средневековое, легендарное, сказочное.

Роковое столкновение их изображалось в легендах на самые разные лады. Говорили, например, что оба дуэлянта — лица старинной европейской аристократии, и что столкновение произошло на почве семейных отношений. Другие уверяли, что речь шла о женщине необычайной красоты и высоко-аристократического происхождения. Один из дуэлянтов будто бы позволил себе отозваться о ней как о земном существе, а другой не перенес этого и назвал собеседника «дурно-воспитанным человеком», а тот счел это тягчайшим оскорблением для себя.

Наконец, кто-то пустил слух, что мистер Дудли — лицо королевской фамилии. И теперь уже никто не верил, что м-р Дудли и м-р Сноб назвались настоящими фамилиями. Конечно, это были псевдонимы. А под этими псевдонимами скрывались необыкновенные, поразительные имена...

Любопытство публики было так задето, что организовалось несколько депутатий к секундантам с целью во что бы то ни стало узнать хотя приблизительно место дуэли. Но и эта последняя попытка не имела никакого успеха.

Секунданты единогласно заявили:

— Наши доверители отличаются исключительной скромностью. Они абсолютно не желают никакого «бума», никакой сенсации. Дуэль должна состояться по возможности втайне. Но в свое время мы представим в редакцию «Геральда» исчерпывающий протокол; надеемся, что «Геральд» и другие газеты не откажутся его напечатать, и, таким образом, ваше жела-

ние, граждане, будет удовлетворено. Подробности дуэли будут вам известны!

Но гражданам, разумеется, этого было мало!

Пять часов утра.

До рассвета уже недалеко, но покров ночи еще лежит повсюду: на пыльной, почти не смоченной росой шоссейной дороге, на кустах, на крышах какой-то неведомой придорожной фермы, на верхушках соседнего леса.

Но в темноте можно уже разглядеть, что широкая полоса дороги здесь раздваивается. От главной дороги под острым углом ответвляется другая шоссейная дорога и скрывается направо в кустах. На мыске между дорогами чернеет столбик и на нем белая дощечка с надписью и указующим перстом.

Тихо. Но вот, со стороны города, багровый отсвет которого маячит в небе, слышится шум автомобиля. А вот и он сам, выныривает из темноты черной массой без огней, без сигнального гудка. И останавливается у перекрестка.

— Алло! Джимми!

— Алло! Здесь!

— Все готово?

— Ол райт!

Темно. Но уже рассвет неумолимо приближается. Предметы посерели, трава начинает казаться зеленой. Теперь ясно видно, что автомобиль привез пятерых пассажиров. Их встречает некто шестой, который ожидал их здесь. И вся компания собирается на мыске между дорогами, под деревом.

Становится еще светлее, и теперь можно узнать приехавших. Эго, во первых, мистер Сноб, во фраке, в

перчатках, в цилиндре, вылощенный и шикарный свыше всякой меры и чрезвычайно мрачный. Далее, двое секундантов. Наконец, толстый как шар человек с чемоданом. Это доктор-хирург, м-р Крюю.

— А мистер Дудли? — осведомляется он.

— Мистер Дудли сейчас выйдет! — отвечает секундант — Я помогу ему!

Мистер Дудли позволяет высадить себя из автомобиля. Он так же элегантен и великолепен, как мистер Сноб, и так же мрачен и неразговорчив. Доктор Крюю и один из секундантов осторожно ведут его под руку в полутьме и ставят под деревом. Мистер Дудли стоит неподвижно. Лощеный цилиндр его поблескивает в лучах рассвета. Он словно застыл в величественной позе. Мистер Сноб старается не глядеть на своего противника.

— Прекрасно! — говорит секундант м-ра Дудли, — теперь можно приступить к самой операции.

— Ол райт!

Секундант мистера Дудли «ведет дуэль». Он «менеджер», т. е. хозяин дуэли. Инициатива действий принадлежит ему.

— Прежде всего, я позволяю себе, сэры, предложить вам мирное соглашение? — обращается он к противникам — Сэр, не желаете ли покончить миром?

В ответ на это мистер Сноб безмолвно мотает головой. А мистер Дудли даже головой не мотает: он застыл в мрачно-величавой позе. Он и слышать не хочет ни о каких примирениях.

— В таком случае...

В это время на дороге раздается подозрительный шум. На ферме за оградой тоже что-то не совсем благополучно: там мелькают какие-то тени. А по дороге со

стороны города ясно слышен автомобильный гудок. Потом другой, третий...

— Наше местопребывание открыто! — восклицает менеджер — секундант: — Не следует ли нам отложить поединок и перенести его в другое место?

Мистер Сноб безнадежно и презрительно пожимает плечами. Зачем? Не все ли равно, где и когда умереть? А мистер Дудли молчит... Молчит и, не шевелясь, стоит под деревом, элегантный, чопорный, настоящий джентльмен!

Увы! Местопребывание дуэлянтов в самом деле открыто! И уже давным давно!

В кустах сидят и лежат прибывшие из города любопытные. На ферме с комфортом расположились репортеры пяти газет и корреспондент лондонского «Таймса». У них там даже оборудовано радио. А из-за деревьев на мысок, где находятся дуэлянты, нацелилось несколько аппаратов кино.

Всего более были заинтересованы дамы...

И с каждой минутой подъезжают новые и новые экипажи с публикой. Они останавливаются на приличном расстоянии и высаживают зрителей. Тут и миллиардеры с Пятого авеню, и представители искусств и науки, и мелкая буржуазия, и просто зрители без всяких примет.

И дамы, дамы, дамы... Множество дам!

Рассвет разгорается. Но легкий туман покрывает мысок, дорогу, заволакивает деревья и набрасывает на жуткую картину дуэли какую-то романтическую тайну.

Менеджер обращается к дуэлянтам:

— Сэры, необходимо поспешить! Я оглашу еще раз условия поединка, а после того секунданты разведут вас на места и предоставят вас в руки судьбы и случая. Итак, я начинаю!

Менеджер говорит громко. У него превосходный баритон и отличная дикция. Его слышно всюду. И зрители впиваются в него и слухом, и зрением.

— Противники становятся каждый на одну из соединяющихся здесь дорог в непосредственной близости к перекрестку. Они неподвижно стоят и ждут несущегося им навстречу автомобиля. Автомобили, едущие сзади, в расчет не принимаются, потому что они видят стоящего на дороге человека еще издали и могут успеть его объехать. Но впереди вас, джентльмены, в нескольких саженях от перекрестка, находится крутой поворот, густо закрытый, как вы видите, деревьями. Автомобиль, приближаясь сюда с той стороны, дает предупредительный гудок, и горе тому, кто пренебрежет этим сигналом и останется посреди дороги. Он будет неминуемо раздавлен! — И вот одного из вас, джентльмены, ждет именно эта участь. Но кого? Это и решит случай. Погибнете ли вы, мистер Сноб, или вы, мистер Дудли, — это будет зависеть от того, по которой

из двух дорог поедет после перекрестка первый роковой автомобиль.

— Мы нарочно избрали эту сравнительно тихую местность и ранний час в расчете на то, что нам удастся без помехи выполнить предначертание. Но вот начинается день, и уже в самом ближайшем времени оттуда поедут автобусы и частные автомобили. Мне кажется, я уже слышу их шум вдалеке. Итак, расходитесь, джентльмены, на свои места, заранее, как вы знаете, указанные вам жребием, и да благословит вас в этот высокий час Небо!

Какой гул сдержанных восклицаний прокатился в публике! Какой вихрь вздохов, шопота, подавленных стонов! И сколько пари было заключено в этот поистине высокий момент! А на какие высокие суммы!

— Мистер Сноб! Вы готовы?

— Готов! — ответил сухим гортанным голосом мистер Сноб, презрительно оттягивая книзу губы.

Секундант подошел, взял его под руку и отвел на середину одной из дорог. Мистер Сноб застыл в позе величавого презрения к жизни, корректный, как лорд, в перчатках, фраке и цилиндре.

— Мистер Дудли! Вы готовы?

Мистер Дудли молчит. Он стоит под деревом — и ни звука, ни жеста. Как странно! Жив ли он, по крайней мере?

Менеджер обращается к доктору. Доктор Крю, как шар, проворно подкатился к застывшему в чопорной позе молчаливому джентльмену и стал слушать ему сердце и щупать пульс.

В толпе зрителей послышались восклицания:

— Он умер от страха!

— Он болен! Он не может участвовать в дуэли!

— Он даже не в состоянии сделать шага! Это бесчеловечно заставлять его так рисковать жизнью!

О бесчеловечности, разумеется, кричат дамы, которым импонирует своей эффектной внешностью и загадочным происхождением великолепный мистер Дудли. Мужчины придерживаются другого мнения:

— Пустяки! С ним маленький обморок! Доктор даст ему понюхать спирту и он очнется!

В самом деле, не прекращать же эту интереснейшую и редчайшую дуэль из-за такого пустяка! А пари? А высокие суммы? Надо же считаться и с этим!

— Алло, мистер Дудли! Как себя чувствуете?

— Мужайтесь, старичина!

— Не мешкайте! Чего там! Кончайте скорее!

Доктор Крю еще раз пощупал пульс, постучал мистера Дудли по спине и заявил:

— Он выдержит! У него слегка отнялся язык и немножко парализованы ноги, но это не беда! Нужно только помочь ему добраться до места!

Менеджер, доктор, второй секундант и некто неизвестный, называвшийся Джимми, взяли мистера Дудли под руки и повлекли его к роковому месту на дороге. Мистер Дудли, вытянувшись всем телом и цепляясь парализован-

ными ногами за траву, безмолвно и почти безжизненно покачивался между своими спутниками. Они поставили его, как куклу, посредине дороги, в той же позе, в какой уже давно стоял на своем смертном посту мистер Сноб, и долго возились с его ногами, устанавливая их. Зрители, затаив дыхание, наблюдали эту процедуру. Многие сомневались, выстоит ли парализованный м-р Дудли, и не свалится ли он ранее срока?

Но, вот, все готово. Оба дуэлянта стоят на своих местах, один близ другого, у перекрестка, где раздваивается дорога в город. Стоят важные, безмолвные, неподвижные, блестяще-элегантные — и ждут судьбы...

Кино-аппараты уже пощелкивают. Кодaki нацелились со всех сторон. Заключаются последние пари. Кое-кто из дам проливает от волнения слезы.

— Идет!

За поворотом ясно слышен нарастающий гул автомобиля. Напряжение достигает высочайшей степени. Еще минута, еще секунда, и вылетевший автомобиль кинется на одну из дорог и раздавит героического дуэлянта во фраке и цилиндре. Но кого? Которого?

Что думают и испытывают сейчас сами дуэлянты — об этом никто не думает. Думают о пари, о том, кто выиграет. Опасаются (даже вслух!), что автомобиль по какому-нибудь несчастному случаю не раздавит дуэлянта, и все пропадет. Кино-съемщики, фотографы и репортеры превратились в одно зрение, впились всем естеством в поворот дороги за деревьями, откуда сию секунду выскочит Судьба.

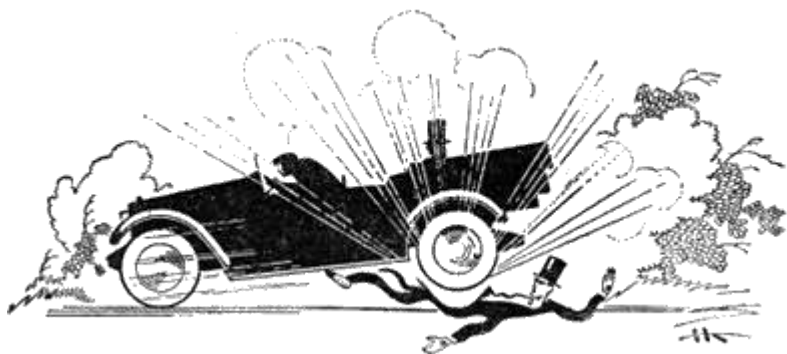
Продолжительный гудок. В ответ ему заревела тысячью голосов толпа, и рев ее не прекращался, пока... пока не кончилась вся эта необыкновенная история.

Наш сотрудник, художник Н. М. Кочергин, зарисовал с натуры эту страшную дуэль, оставшуюся в глубокой тайне для всего Нью-Йорка.

Очевидцы рассказывали потом, что все произошло необычайно быстро. Огромный автомобиль — великолепная машина, сверкавшая коричневым лаком, вынеслась из-за поворота и на полном ходу устремилась на ту дорогу, па которой стоял м-р Дудли. И, наскочив на него, переехала через несчастного...

Но тут случилось нечто совсем неожиданное: мистер Дудли с сильным треском лопнул! Совершенно так же, как лопается автомобильная шина, или детский воздушный шар.

Сначала думали, что лопнула шина у рокового автомобиля. Но нет! Несчастье приключилось именно с мистером Дудли. И дородное тело его, наряженное в отличный фрак и цилиндр, лежало в пыли, как раскрашенная тонкая тряпка!

Автомобиль остановился. И не успели удивленные зрители опомниться от первой сенсации, как за ней последовала вторая:

Сидевший в автомобиле господин, как две капли воды похожий на погибшего на дороге Мрачного Красавца, поднял над головой огромный плакат:

Всем! Всем! Всем!

Граждане!

Автомобиль, переехавший меня, м-ра Дудли, принадлежит всемирно-известной фирме «Марс».

Я воскрес

и заявляю всем и каждому, что нет в мире автомобилей лучше «Марса», и что едущим на них не страшны никакие катастрофы!

Бродвей, 13.

Богатый выбор машин!

Гром рукоплесканий встретил этот плакат. Рукоплескания усилились и превратились в настоящую бурю, когда на дороге показался мистер Сноб.

Он тоже нес на высокой палке громадный белый плакат;

Граждане!

В целом мире нет ничего лучше каучуковых произведений знаменитой фабрики «Аллан Грей и с-я». Мистер Дудли, которого только что переехали, был сделан на фабрике «Аллан Грей и сыновья».

О его прочности и добротности можете судить по его остаткам. Равно как и о художественности исполнения.

Магазин: Бродвей, 15.

Мистер Сноб вместе с плакатом уселся в автомобиль. Туда же влезли секунданты и толстый, как шар, доктор Крю, который, впрочем, никогда и не бывал доктором, — и автомобиль, сверкая двумя ослепительно белыми плакатами, плавно и быстро понесся в дымившийся под утренним солнцем Нью-Йорк.

(В. С.)

ВАСИЛИЙ СИПОВСКИЙ

ДВАДЦАТИПЯТИЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ

ШЕРЛОКА ХОЛМСА

ИЗ ЗАПИСОК ДОКТОРА ВАТСОНА

Иллюстрации И. Владимирова

(В. С.) Василий Сиповский
ДВАДЦАТИПЯТИЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ ШЕРЛОКА ХОЛМСА
Из записок доктора Ватсона
Опубликовано в журнале «Мир приключений» № 1,
1924 г.

Василий Васильевич Новодворский (Василий Васильевич Сиповский) (1872 - 1930).

...За псевдонимом **В. Новодворский** стоит известный историк и филолог Василий Васильевич Сиповский, окончивший историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета и преподававший на высших женских Бестужевских курсах. С 1932 года он был профессором Ленинградского университета. О том, что это маститый ученый, говорят и докторская диссертация, и избрание его в члены-корреспонденты Академии наук СССР. Как писатель, опубликовал под псевд. В. Новодворский приключенческо-травестийные романы «Путешествие Эраста Крутолобова в Москву и Петербург в 30-х годах XIX столетия» (1929) и «Коронка в пиках до валета: Тайна одной промышленной компании» (1930).

От редакции

Помещаемый ниже рассказ заслуживает особого внимания. И прежде всего — по теме. Юбилей Шерлока Холмса, завершающий его многопрославленную деятельность... Какая благодарная канва! В живом, все время нарастающем действии, в сменяющихся непрерывно картинах, чуткий читатель не может не уловить филигранно-тонкую, художественную иронию над произведениями, которые еще недавно, к сожалению, составляли излюбленное чтение наших юношей, — да и одних ли только юношей?..

Чрезвычайная динамичность повествования может служить образцом современных литературных достижений. По великому завету Тютчева, здесь тесно словам и мыслям просторно. В этом нет ничего удивительного.

Автор рассказа — один из самых популярных наших профессоров, заслуженный исследователь русской словесности, написавший ряд научных и литературных трудов. Имя его известно всей грамотной России. Но мы должны подчиниться воле автора, пожелавшего подписать свою прелестную вещицу, родившуюся в редкие часы досуга, — только инициалами.

К серии рассказов об удивительных похождениях моего гениального друга я считаю необходимым прибавить рассказ о странных приключениях его, связанных с торжественным днем его юбилея.

Сегодня, 20-го января 1891 г., исполнилось двадцать пять лет его научно-детективной деятельности. Сегодня в честь его готовились в Лондоне торжества: здание главного бюро лондонской сыскной полиции было украшено снаружи и внутри зеленью и национальными флагами. Над главным входом был укреплен огромный лавровый венок с инициалами моего друга, с римской цифрой XXV. Вечером этот венок должен был быть иллюминирован разноцветными электрическими лампочками. В зале должен был быть сервирован ужин. Предполагались тосты, чтение телеграмм. Весь церемониал торжества был разработан совместно с Холмсом. Без его одобрения не решались устроить торжество, т. к. знали особенности его характера и опасались, что он совсем отвергнет всякие чествования. Шерлок Холмс значительно сократил церемониал, постарался придать ему более интимный характер. Он не любил публичных торжеств, не любил больших собраний и обедов, когда юбиляру приходится выслушивать немало напыщенных речей, в которых, обычно, нет искренности. На все эти речи приходится отвечать такими же речами. Это было не по душе Холмсу, — вот почему он и постарался сделать свой праздник более скромным. Отказаться от праздника Холмс не пожелал, т. к. заслуги свои перед человечеством признавал и всегда говорил, что такие праздники имеют воспитательное значение для граждан, при-

учая их ценить заслуги великих общественных деятелей.

Итак, сегодня, в 10 часов вечера, депутация из самых видных чиновников главного королевского детектив-бюро должна была заехать за ним на автомобилях, украшенных флагами и цветами, и свезти его в главное полицейское управление. Там он должен был выслушать несколько речей и полученные со всех концов мира поздравительные телеграммы. Обещал приехать сам министр полиции. Говорили, что Шерлок Холмс получит подарок от короля.

Накануне я довольно долго засиделся у Холмса, и мы весь вечер проговорили о предстоящем торжестве. Не скрою того, что друг мой, великий Холмс, был несколько взволнован, курил сигару за сигарой и говорил гораздо больше обыкновенного.

— Да, милый Ватсон, — говорил он, — 25 лет сосредоточенной, упорной работы все в одном направлении, работы не только практической, но и научной, теоретической — это, должен сознаться, при всей моей скромности, дело большое...

Я, конечно, не мог не согласиться с ним... И мы дружески беседовали с ним, перебирая в памяти различные приключения, в которых нам приходилось принимать участие вдвоем.

Я забыл сказать, что хотя чествовали собственно Холмса, но не забыли и меня: я был тоже приглашен на ужин и должен был выехать вместе с ним.

Признаюсь, я волновался с самого утра, и если бы не жена, я наверно опоздал бы. В 9 часов я был готов. На мне был фрак, украшенный докторским значком. Я торопливо натянул пальто, попрощался с женой и поспешно вышел из дома.

На входных дверях снаружи я увидел письмо на мое имя. Оно было приколото кнопкой.

Я торопливо вскрыл письмо и не мог не воскликнуть от изумления: в письме было поздравление от... лондонских воров и грабителей! В изысканно вежливой форме поздравляли меня, как неизменного спутника Холмса и историографа его подвигов, выражалось пожелание многих лет «совместной работы». Письмо было подписано председателем «главного лондонского клуба воров» — известным грабителем Джоном Джемсоном, по прозвищу «Стальной Лом». Его подпись была скреплена секретарем Вилльямсом Пэджем, по прозвищу: «Не зевай». Далее следовали подписи около 30 членов клуба, которые добросовестно выписали свои имена и прозвища — «Пистолет», «Буравчик», «Лакомка», «Воробей», «Тюльпан», «Чертик», «Выгребай», «Маркиз», «Дантист», «Экспресс» и мн. др. В письме лежала свежая фиалка, которую вору рекомендовали мне одеть в петлицу фрака.

ПРЕЗИДИУМ ЛОНДОНСКОГО КЛУБА ВОРОВ.

Председатель «Стальной Лом». Товарищ предс. «Пистолет».

Секретарь «Смокинг». Члены Президиума: «Воробей», «Отмычка».

Признаюсь, это письмо меня встревожило. Я почувствовал в этой проделке что-то угрожающее не мне, конечно, а другу моему Холмсу. Я вернулся домой, бросился к телефону, дал номер Холмса. Из телефонного бюро мне ответили, что № 1667091 «не действует». Смутная тревога, мною овладевшая, превратилась в твердое убеждение, что Холмсу что-то угрожает. Жена, увидев мое расстроенное лицо, кинулась ко мне с расспросами: «Что случилось? Почему ты вернулся?»

Я вкратце рассказал ей о своих опасениях, показал письмо. Она побледнела, но, сохраняя присутствие духа, сказала дрожащим голосом: «Спеши к Холмсу!.. Ты ему нужен и Господь храни вас обоих!.. Возьми револьвер!».

Я хотел было звонить в главное сыскное бюро, но не решился этого сделать, не узнав, в чем дело. Холмс, с его самолюбием, не простил бы мне фальшивой тревоги, которая могла его поставить в смешное положение.

Едва я выбежал из подъезда, как со мной столкнулся какой-то джентльмен, прекрасно одетый. Это столкновение было так неожиданно, что у меня с головы слетел цилиндр.

Едва я успел сообразить, в чем дело, как подбежал какой-то мальчишка, схватил мой цилиндр и исчез — словно в воду канул. Я посмотрел на господина, который стоял растерянный, тоже с обнаженной головой.

— У меня украли шляпу, — пробормотал он. — И у вас тоже? — учтиво осведомился он.

— Побежим догонять воров, — сказал он. — Я видел, как мальчишка с вашим цилиндром побежал туда, — и он махнул рукой в переулок, начинавшийся у моего дома. — А мою шляпу утащил вон тот оборванец... Я его догоню. Честь имею...

И джентльмен по-
несся в сторону, про-
тивоположную той,
куда убежал мой ци-
линдр.

Я сразу понял, что
джентльмен — участ-
ник проделки с моим
цилиндром. Но мне
некогда было заниматься такими пустяками — надо
было спешить к Холмсу.

— Возвращаться домой за шляпой, или ехать так? —
подумал я, стоя у подъезда. После краткого колебания
я решился ехать без шляпы.

Едва я сделал несколько шагов, как ко мне подка-
тил кэб и кэбмэн любезно предложил везти меня. Я
занес уже ногу на подножку экипажа, но сразу отдер-
нул ее — я понял, что экипаж был подослан преступ-
никами. Я поспешно отскочил от кэба и побежал к
трамваю. Кэбмэн свирепо плюнул в мою сторону,
хлестнул лошадь и быстро скрылся.

Едва я добежал до трамвая, который только что по-
дошел, как около площадки оказалась толпа каких-то
джентльменов, которые все зараз упорно лезли в ва-
гон. Произошла давка, и какой-то верзила подставил
мне ножку, и я растянулся на мостовой. Не успел я
подняться, как с меня сдернули левый ботинок и вдруг
толпа рассеялась.

3

«Что делать? ехать к Холмсу без шляпы и ботин-
ка?» Это было и смешно, и рискованно. Стоял январь...
Возвращаться домой? Но ведь этого, по-видимому, и

хотели преступники. Я решил ехать во что бы то ни стало. У Холмса были и цилиндры, и ботинки и костюмы. «У него переоденусь» — решил я и влез в трамвай. Я уселся, поджав под себя разутую ногу, а голову обернул шарфом.

Пассажиры вытаращили на меня глаза и стали перешептываться. Я стал пытливо всматриваться в их лица. Я чувствовал, что среди них есть мои враги. Но кто? И сколько их?

Какая-то толстая женщина вдруг встала и, желая выйти из вагона, пошла к выходу. По дороге она тяжелым сапогом наступила на мою единственную ногу. Я зашипел от боли, но мужественно выдержал адскую боль: я понял, что меня вызывали на скандал, на полицейский протокол... Хорошенькая девочка, лет девяти, сидевшая против меня с мамашей, долго порывалась что-то сказать мне, наконец, не выдержала и спросила:

— Сэр! А где у вас вторая нога?

Я промолчал. Холмс научил меня хладнокровию и выдержке. Кондуктор подошел ко мне и предложил взять билет. Я опустил руку в карман. Кошелек не оказался. Вместо кошелька я вытащил изящную карточку с надписью: «Доктор Ватсон — осел». Часов, моих любимых часов, золотых часов, которые так долго служили мне, тоже не оказалось!

Я не мог удержаться от проклятия. Приходилось выходить из трамвая. Франт, сидевший против меня, неприлично заржал. Я невольно сжал кулаки: самообладание покидало меня!

— У меня украли деньги, — сказал я кондуктору.

— Это случается очень часто, — не без иронии протянул кондуктор. — Тем не менее вам придется выйти из вагона.

Вдруг хорошенькая девочка, сидевшая против меня, конфузливо протянула мне деньги и сказала:

— Сэр! Мне жалко, что вы на одной ноге и без шляпы. Позвольте вам помочь!

Я мысленно благословил маленькую спасительницу и, взяв у нее деньги, хотел ей дать мою визитную карточку. Совсем забыв, что было написано на той карточке, что в карман подсунули воры, я протянул ей карточку с надписью: «Доктор Ватсон — осел».

Девочка прочла. Недоумение выразилось на ее лице и вдруг она, прижавшись к матери, воскликнула: «Он... Он — сумасшедший. Мама!.. боюсь».

Франт сорвался с места и кинулся к кондуктору с требованием немедленно остановить трамвай и высадить меня. Кондуктор подошел и стал внимательно смотреть на меня. Смотрел долго, потом вдруг спросил:

— Вам нездоровится, сэр?

— Нет, сэр, — ответил я, напрягая все силы, чтобы сохранить хладнокровие. — Я совершенно здоров, чего и вам желаю.

— У вас голова в порядке? — вежливо осведомился кондуктор.

— В совершеннейшем.

Кондуктор с недоумением покачал головой и обратился к пассажирам с вопросом, мешаю ли я им или нет. В вагоне поднялись споры: одни кричали, что я мешаю, что сумасшествие заразительно, что они требуют моего удаления. Другие заступались за меня и уверяли, что я заслуживаю только сожаления. Некоторые, однако, выскочили на площадку и следили за мной оттуда, ожидая, когда я начну безумствовать. Выскочила и моя маленькая спасительница с матерью.

Кондуктор не знал, что ему делать. Франт горячился, рассказывая, что я сбежал из дома сумасшедших, что меня ищут по Лондону... Я был спокоен, как уличный фонарь, и ни на какие провокации не поддавался. В вагон явился контролер. Кондуктор начал ему что-то с жаром объяснять, показывая на меня пальцем. Контролер угрюмо посмотрел на меня, потом медленно стал приближаться. Остановился от меня шагах в четырех и, не подходя далее, сказал:

— Эй, вы! Как вас там?

Я спокойно назвал свою фамилию. Франт сорвался с места и закричал:

— Он — самозванец! Он назвался именем одного из

самых почтенных лондонских врачей! Я д-ра Ватсона прекрасно знаю... Я лечусь у него.

Контролер посмотрел на него, посмотрел на меня, потом опять заговорил, обращаясь ко мне:

— Вы что же врете? Какой же вы Ватсон?

— А вам какое дело, кто я? — вдруг, теряя терпение, закричал я. — Ведь у других пассажиров вы не спрашиваете их имен?!..

Контролер опешил, тупо посмотрел на кондуктора и потом промямлил:

— Вы бы лучше вышли из вагона!

— Почему это?

— Публика требует!

Тут в вагоне опять начались споры: одни заступались за меня, — другие настаивали на моем удалении... Но мне было уже все равно: мы подъезжали к дому Холмса. Я встал вдруг на обе ноги и стремглав кинулся к выходу... Несколько человек устремилось за мной. Теперь я видел своих врагов.

4

Выйдя из трамвая, я устремился к дому Холмса. К удивлению моему, около дома стояла толпа и дико хохотала, читая какое-то объявление. Я подбежал, втиснулся в толпу, совсем забыв, что я без шляпы и без ботинка. Я впился в афишу... Это был огромный плакат с карикатурами на Холмса. Тут же было витиеватое поздравление... от лондонских воров... Меня оттиснули в толпе. Какой-то усач давил меня плечом, какой-то оборванец отчаянно давил мне живот... Я понял, что все это неспроста, и стал выбираться из толпы. Это было адски трудно: минут пять пришлось поработать локтями, выслушать кучу ругательств, подвергнуться

тычкам и вдруг... вдруг оказалось просторно — толпа расступилась, и мне был предоставлен выход... Но, Боже мой, в каком я был виде! Пользуясь давкой, негодяи обрезали полы моего нового пальто, причем обрезали и фалды моего фрака. Я оказался в какой-то детской курточке... Что было делать? Бежать к полисмену и требовать снятия плаката, позорящего моего друга? Но я был в таком виде, что уж тут-то, наверно, меня прямо отвезли бы в дом сумасшедших. Я бросился к подъезду, сопровождаемый диким хохотом негодяев... Я стремглав понесся по лестнице, прыгая через две ступеньки. У двери Холмса я перевел дух и дал резкий звонок. Никакого ответа!.. Я стал колотить кулаками в дверь... Ни звука! Мне стало страшно!.. Ужасные мысли зашевелили мои волосы. Сердце останавливалось...

Я возобновил стуки. Вдруг одна из дверей на лестнице тихонько приотворилась и чей-то нос тревожно выглянул из-за двери. Я бросился к этим дверям... Но дверь моментально захлопнулась. За дверью раздался возглас ужаса и дверь стали запирать на ключ, на цепочку, на какие-то крючки и затворы. По-видимому, я был действительно страшен, со своим перекошенным лицом, без шапки, без сапога, в какой-то детской курточке.

Я терялся. Я не знал, что делать!.. Спуститься вниз?.. Позвать полицию? Но я был в таком виде! Да к тому же я не хотел вмешивать полицию. В такой торжественный день и вдруг полиция спасает того Холмса, который на тысячу голов выше полиции всего мира! Я стал осматривать дверь и вдруг увидел, что она заколочена снаружи несколькими крупными гвоздями. Их можно было выдернуть. Но чем? Я стоял и беспомощно озирался вокруг себя. Вдруг внимание мое было привлечено каким-то мешком, который лежал на

площадке лестницы. На мешке была записка. Я схватил ее и с изумлением прочитал: «Доктору Ватсону». Текст записки был следующий: «Многоуважаемый доктор! Предвидя затруднения, которые вы, вероятно, испытаете, если пожелаете проникнуть к уважаемому юбиляру — мы великодушно предоставляем вам необходимые инструменты. Передайте наше искреннее поздравление маэстро. Мы были у него сегодня, но, к сожалению, некоторые обстоятельства помешали нам лично поздравить его и пожать его честную руку». Следовали подписи — те же, что и в записке, полученной мною сегодня утром.

Я принялся за дело. Медлить было невозможно. Надо было поспеть все уладить до приезда депутации. Я работал так, что моментально стер себе руки до крови. Но я не обращал внимания, выворачивал гвоздь за гвоздем. Наконец, дверь открылась. Но боже мой! Что это?.. Вся прихожая была перевернута вверх дном. Огромный шкаф был придвинут к дверям кабинета Холмса. Дверцы шкапа были открыты настежь. Он был пуст. В углу на стуле сидела какая-то странная фигура в белых панталонах. Головы не было видно, рук тоже.

Фигура не двигалась. Я выхватил револьвер и, протянув его перед собой, медленно стал подходить.

Вдруг мне показалось, что белые штаны стали дрыгать. Я невольно отскочил. Послышалось какое-то мычание. Я постоял. Потом решительно подошел к мычащей фи-

гуре и увидел, что передо мной женщина, юбка которой была поднята на голову и завязана выше головы веревкой. Я быстро развязал веревку, обдернул юбку и увидел почтенную Алису Кембридж, экономку Холмса, полумертвую от ужаса, с завязанным ртом и руками... Я освободил почтенную даму... Она, по-видимому, узнала меня, но, не говоря ни слова, немедленно ударилась в истерику. Боже мой! я, доктор, такой истерики никогда не наблюдал в своей практике! Лекарств у меня под рукой не было — приходилось действовать внушением. Я рявкнул на нее со всей яростью, какую только мог проявить, крепко потрянул ее, даже, признаться, слегка треснул ее по шее. И она успокоилась.

Всхлипывая и дрожа всем телом, она стала рассказывать мне, что в шесть часов она услышала звонок, открыла дверь — и немедленно ей в нос бросили какого-то порошку, от которого она сейчас же лишилась сознания. Больше она ничего не помнила.

Увидев беспорядок в прихожей, пустой шкаф, перебивший свое обычное место, она всплеснула руками и хлопнулась в обморок на пол... Я решил не обращать на нее внимания и кинулся к шкафу. Хотел его отодвинуть. Но сил моих не хватило... Я вошел в шкаф и стал через заднюю стенку кричать: «Холмс! Холмс! Отзовитесь!». И вдруг, к великой радости моей, до меня донесся голос моего друга из кабинета: «Ватсон?.. Это вы?».

Голос Холмса заметно дрожал.

— Я! Я! — радостно орал я... — Как вы? здоровы?

— Здоров. Но только выйти не могу... Дверь не поддается... А телефон не действует. Я — в заключении. Пожалуйста, помогите мне выбраться!

Я сбросил с себя свою курточку, — остатки фрака, жилет, засучил рукава и навалился на шкаф. Но это

монументальное строение из тяжелого резного дуба не поддавалось... Я чувствовал, как жилы напряглись у меня на лбу, кровь прилила к голове. Шкаф только вздрагивал, но с места не двигался. Я бросился к эконолке, все еще лежавшей на полу, стал трясти ее, тер ей уши, дул ей в нос. Я кричал на нее, я ей грозил. Наконец, она открыла глаза.

— Идите скорее к соседу... напротив, — стал я торопливо говорить ей. — Только не делайте тревоги!.. Бога ради, не спускайтесь вниз!.. Скорее!.. Скорее!.. Попросите прийти сейчас же!..

Старуха поплелась, трусливо озираясь по сторонам. У выходной двери она остановилась и залопотала:

— Я боюсь! Я не пойду!

Но я так посмотрел на нее, что она моментально юркнула из двери на площадку. И через две-три минуты явился сосед Холмс. Увидев меня, он шарахнулся было в сторону, но я успел его удержать и вкратце рассказал, в чем дело.

Вдвоем мы налегли на шкаф, и он поддался. Образовался проход в кабинет. Холмс уже стоял у дверей. Секунда — и он вышел в прихожую. Вышел в халате, спокойный, хотя и бледный, с неизменной трубкой в крепко стиснутых зубах.

— Глупая проделка! — пропустил он сквозь зубы, и в стальных холодных глазах его загорелись искры гнева.

— Необходимо все привести в порядок, — сказал он холодно.

Общими усилиями мы передвинули шкаф на старое место. Закрыли дверцы. Сосед ушел домой. Холмс просил его держать все в секрете.

Я вошел в кабинет. Холмс уселся в кресло и еще раз сказал:

— Глупая проделка!

— Но, дорогой Холмс! что же нам делать? Сейчас явится депутация, а вы в халате! Ведь весь ваш гардероб раскраден!

Холмс затянулся и, выпустив целый клуб дыма, спокойно сказал:

— Ну и вы, дорогой Ватсон, не в праздничном костюме!

Я огляделся. Я был в потной, мятой рубашке. Я совсем забыл все, что произошло со мной. Теперь все вдруг припомнилось и я стал торопливо и довольно несвязно рассказывать о том, что случилось со мной.

Холмс слушал с холодным вниманием. Ни один мускул не дрогнул на его стальном лице. Только бровь (левая) подымалась все выше и выше, да клубы дыма делались все больше.

— Покажите остатки вашего костюма! — сказал он наконец, когда я кончил свой рассказ.

Я пошел в прихожую и вернулся с остатками моего одеяния.

— Оденьтесь, — спокойно сказал Холмс.

Я напялил на себя жилет, фрак без фалд и детскую кацавейку вместо моего изящного, нового пальто.

Холмс холодно посмотрел на меня и сказал:

— В этом костюме вам нельзя ехать на ужин.

Такое равнодушие к моему несчастью меня задело.

— Ну и вам, дорогой Холмс, тоже неудобно ехать в халате!

Холмс промолчал. Но, видимо, мое замечание кольнуло его.

— Почему вы через окно не позвали кого-нибудь? — спросил я, желая переменить тему разговора.

Холмс посмотрел на меня и сквозь зубы процедил:

— Холмс помогает полиции, но у нее помощи не ищет.

Я смутился. Я понял, что мой вопрос был некорректен.

Я не учел безграничного самолюбия Холмса. Я понял, как сейчас, в этот торжественный день своего юбилея, он страдал.

Вдруг раздался звонок. Экономка взвизгнула и кинулась на кухню. Мы посмотрели друг на друга.

— Я пойду открою, — нерешительно сказал я. — У меня с собой револьвер!

— Я сам открою, — холодно сказал Холмс.

— Но, Бога ради!.. Впрочем, это, вероятно, депутация?

— Нет, еще рано. Они приедут в одиннадцатом часу, а сейчас без десяти минут десять.

Холмс взял противогазовую маску, одел ее на лицо, а мне приказал быть наготове. Мы отправились к двери. Впереди стоял Холмс, а я за ним, положив к нему на плечо мой револьвер.

— Кто там? — спросил Холмс, не отворяя дверей.

— Из телеграфа... Дешеш, — послышался ответ. Мы переглянулись. Мой револьвер дрогнул на его плече.

— Самообладание, — презрительно бросил мне мой друг и вдруг широко распахнул дверь. Перед нами стоял почтальон с пачкой телеграмм и каким то узлом в руках. Увидев перед собой, вместо человеческого лица, противогазовую маску, он дико вскрикнул и собрался было катиться вниз по лестнице, но Холмс сбросил маску и успокоил его.

— Фу! как я напугался! — тяжело дыша, произнес почтальон. — Разве можно так пугать людей? — уже сердито стал он ворчать. — Вот, примите... Для вас куча депеш... Да еще у ворот кто-то сунул этот узел. Просил вам занести.

Холмс забрал депеши, а до узла не прикоснулся.

— Положите узел на площадку, — сказал он.

Почтальон с недоумением положил узел на каменный пол и, пожимая плечами, стал спускаться с лестницы, оглядываясь на нас.

Мы забрали депеши и смотрели на узел, лежащий у наших ног. По лицу Холмса я видел, какая гигантская работа происходила в его гениальном мозгу.

— Принеси, Ватсон, мою складную удочку, — сказал он наконец.

Я принес из кабинета складное удилище.

— Теперь мы отойдем от узла. Пойдем за дверь, — сказал Холмс. Мы отошли. Дверь совсем не закрыли — оставили щель. Холмс просунул в щель удилище и стал давить узел, постепенно усиливая давление. Жадными глазами наблюдал я узел. Признаться: я ждал взрыва. Но узел ворочался с боку на бок и только!

— Там что-то мягкое, — сказал Холмс. — Адской машины нет! Разверни узел, Ватсон.

Признаюсь, я бы предпочел, чтобы Холмс сам это проделал, но самолюбие заставило меня повиноваться. Присев на корточки, дрожащими руками я с трудом развязал узел и... там оказались два фрака, две жилетки, пара панталон и два пальто. Была и записка на имя Холмса... Опять поздравление от воров и любезное предложение ему и мне воспользоваться костюмами. Прибавлено было, что костюмы выкрадены из гардероба лорда Стуккея и что, конечно, лорд может признать на Холмсе свои костюмы, но что же делать? Дру-

гих костюмов они предложить не могут: фрак и панталоны Холмса они решили поместить в музей, открытый при лондонском воровском клубе. Следовали подписи.

На этот раз я увидел ясно, как по лицу Холмса пробежала какая-то судорога. Мой друг терял свое хладнокровие.

— Негодяи, — процедил он сквозь зубы.

— Однако, надо торопиться! — сказал я. — Придется одеться в костюмы уважаемого лорда Стуккея!

Холмс ничего не ответил и, сбросив халат, стал натягивать на себя панталоны лорда Стуккея... Я тоже... Через несколько минут мы были готовы. В костюмах лорда Стуккея нам обоим было тесновато.

6

Был уже одиннадцатый час... Депутация опоздала. Холмс ходил по комнате большими шагами — явный признак душевного волнения, которое он старался скрыть. Я хорошо *изучил* натуру моего друга.

— Это им так не пройдет, — наконец сказал он... — Подай депеши, Ватсон.

Я подал пучок депеш.

Но, о ужас! Все депеши были от лондонских воров... От Буравчика, от Стального Дома, Незевая, Пистолета, Выгребая, Экспресса — словом, от всех, от всех членов воровского клуба.

Все они посылали свои сердечнейшие поздравления и пожелания дальнейшей «совместной работы».

Холмс был бледен, как полотно. Мне было страшно смотреть на него.

Вдруг звонок. Холмс решительно отправился к двери. Я схватил его за рукав.

— Бога ради!.. Дорогой Шерлок!.. Возьмите маску, — лепетал я.

— Оставьте меня, Ватсон!.. Мне все равно.

И он остановился у дверей. Я стоял за ним с револьвером в руках.

Холмс спросил:

— Кто там?

— Отворите, дорогой Холмс, — раздался знакомый нам голос Чарльза Скотта, одного из полицейских агентов Лондона, — того Скотта, которого Холмс выделял среди бездарных его товарищей. С ним он работал всегда с особым удовольствием. Тот благоговел перед Холмсом и гордился своей близостью к нему, считая себя его учеником. Холмс, однако, не торопился открывать дверь. Он сказал:

— Если вы действительно Скотт, то скажите, что у меня в нижнем правом жилетном кармане?

— Зубочистка!.. Зубочистка! Из слоновой кости, в серебряной оправе! — раздался радостный голос из-за двери.

«Зубочистка» — это был условный пароль Холмса. Этот пароль знали только я да Скотт.

Холмс открыл дверь и в прихожую ворвался Скотт.

— Бога ради!.. Маэстро!.. Почему вы отказались ехать на торжество?

— Я?.. Отказался?.. — не без удивления переспросил Холмс. — Я уже с полчаса жду обещанной депутации. И, признаюсь, ожидание это мне несколько наскучило!

— А ваша телефонограмма?

— Какая телефонограмма?

— Да вот, что вы послали четверть часа тому назад? Это знаете... такая неприятность! Министр вас ждет...

Все готово... А вы вдруг отказываетесь!.. Я приехал, чтобы вас уговорить и немедленно вас привезти...

Мы переглянулись с Холмсом.

— Это... недоразумение, — сказал Холмс. — Я никакой телефонограммы не посылал... У... меня... даже... телефон почему-то не действует сегодня.

— Ах, как я рад. Как рад!.. Так скорее! скорее! — засуетился Скотт.

Мы стали надевать пальто. Еле влезли.

Потом мы поспешно стали спускаться с лестницы. Скотт на ходу рассказывал нам, какая с ним приключилась беда. На пути испортился его автомобиль. Шофер почему-то потерял сознание. Пришлось по дороге взять наемный автомобиль.

У подъезда какая-то толпа радостно приветствовала Холмса. Он холодно раскланялся... В толпе хохотали... Я почувствовал, что дело неладно. В толпе я узнал несколько знакомых лиц. Как будто здесь торчал и трамвайный франт.

Стиснув в руке револьвер, я поспешно юркнул за Холмсом в автомобиль и из предосторожности задернул занавеску. Автомобиль помчался, сопровождаемый какими-то нелепыми криками.

Холмс был холодно-мрачен. Ни один мускул не дрожал на его лице. Скотт суетился и заметно волновался. Очевидно, и он сознавал, что творится что-то странное... Чтобы рассеять неприятное молчание, он стал рассказывать о предстоящем торжестве. Холмс молчал. Скотт говорил, что он счастлив, бесконечно счастлив, потому что ему, простому смертному, выпала высокая честь везти великого человека... Потом... Он стал говорить все медленнее... медленнее... Вдруг чихнул... Раз... Два... склонил свою голову ко мне на плечо (мы сидели с ним рядом на передней скамейке —

Холмс один на задней) и уснул. Я хотел было разбудить его, но почувствовал, что и со мной творится что-то странное... Голова переставала работать... Обессиленный, я откинулся назад. Как сквозь сон я услышал сдавленный крик Холмса: «Откройте окно! окно!.. Нас усыпили»... И больше я ничего не помню.

7

...Я очнулся в большой освещенной зале. Около меня суетился какой-то субъект в маске, почему-то напомнивший мне трамвайного франта. Он старался привести меня в чувство. Давал что-то нюхать... На голове у меня был компресс. Около меня сидел бледный Холмс... С другой стороны какие-то два оборванца, тоже в масках, поливали голову несчастного Скотта, который, однако, не подавал признаков жизни.

Наконец, очнулся и он. Мы удивленно смотрели друг на друга, смотрели вокруг... Зала была декорирована зеленью, цветами и национальными флагами. На возвышении стоял стол, покрытый красным сукном. Около стола, окруженный лавровыми деревьями, был поставлен бюст Холмса. За столом сидело несколько человек. Все в масках. В зале было много народу в самых разнообразных костюмах: были кавалеры во фраках, дамы в ослепительных костюмах, — были оборванцы в лохмотьях. Были красавцы и красавицы, были такие неприличные хари, что у меня мороз стал подирать по коже...

— Ну что, они готовы? — спросил какой-то джентльмен, сидевший по середине стола (очевидно, председатель).

— Готовы, — отвечал субъект, суетившийся около меня.

— Посадите уважаемых гостей на отведенные им места!.. Маэстро — на это кресло! — сказал председатель.

Мы уселись на указанные места.

— Объявляю торжественное заседание лондонского воровского клуба открытым, — сказал председатель. — Займите свои места.

Он встал и произнес следующую речь:

— Прекрасные дамы и уважаемые кавалеры! Сегодняшнее заседание нашего клуба посвящено чествованию величайшего в мире детектива — известного вам всем Шерлока Холмса. Вот он сам среди нас. Я предлагаю собранию поблагодарить юбиляра за его любезность, оказанную нам его посещением.

Раздались оглушительные рукоплескания. Поднялся крик и хохот.

Холмс был недвижим, как мраморное изваяние.

Председатель позвонил в колокольчик и шум стих.

— Прежде всего, уважаемый Холмс! — продолжал председатель, — позвольте высказать вам наше общее пожелание, чтобы вы в нашем обществе чувствовали себя легко и непринужденно. Вы поступили благоразумно, что предпочли нашу теплую компанию казенному холодному празднику в обществе бездарных полицейских ищеек, которые вас никогда не любили, вам всегда завидовали. Мы же — искренние поклонники вашего исключительного таланта... С вами работать нам было и лестно, и приятно. Вы многому научили нас. За это мы вам благодарны в высокой степени. Позвольте представить вам наш президиум. Я — Джон Джемсон, по прозвищу «Стальной Лом» — председатель воровского клуба. Моя специальность — громила. Несгораемые ящики, американские и французские замки... — Он вежливо поклонился Холмсу... — Товарищ председателя, — и Стальной Лом грациозным жестом указал на какого-то мрачного бродягу, сидевшего около. — Имени его точно не знаю, а прозвище — «Пистолет», беглый каторжник. Солидный человек, с хорошим стажем, и вам, как кажется, известен... по делу... по делу... По какому, бишь, делу ты известен Холмсу? — спросил он Пистолета.

— По делу о фиолетовом брильянте... Потом еще трагедия в Ливерпульском экспresse, — важно прохрипел Пистолет.

Я вздрогнул. Это были мрачные, кровавые дела.

Холмс был неподвижен.

... — Секретарь клуба... Вилльям Смоккинг. По прозвищу: «Не зевай». Это юноша, как вы видите, из высшего света. Его специальность такая интимная, что я предпочитаю об ней умолчать.

Секретарь поднялся, сделал изящный полупоклон в сторону Холмса и сел на место.

... — Члены президиума:... «Воробей»... «Тюльпан»... «Чертик»...

Все они вставали и отвешивали поклоны Холмсу.

... — Теперь, господа! — торжественно произнес председатель. — Я предоставляю слово нашему уважаемому товарищу «Выгребаю», который сообщит вам биографию юбиляра.

Выступил «Выгребай» и прочел по бумаге краткий очерк жизни Холмса. Очерк был составлен объективно и дельно. Я услышал упоминание и моего имени.

Выгребай окончил, поклонился Холмсу и отошел в сторону.

... — Слово предоставляю «Воробью», — сказал председатель. — Он сообщит нам статистические данные, хранящиеся в нашем архиве в двух шкафах, носящих название: «Холмс № 1» и «Холмс № 2». Должен сказать вам, как представителю королевской полиции, — обратился он к Скотту, что уважаемый юбиляр в нашем архиве занимает места более, чем сыскная полиция всего Соединенного Королевства.

Скотт сконфуженно крикнул.

Вышел Воробей. Он имел вид настоящего ученого, в сюртуке, застегнутом на все пуговицы, в очках, одетых на маску... Тусклым, монотонным голосом он стал приводить цифры, одни цифры дел, раскрытых Холмсом, дел нерешенных им, цифры лиц, попавших из-за Холмса в тюрьму, на срочное заключение, на каторгу, на виселицу...

В зале сделалось тихо. Я слышал явственно, как колотилось мое сердце. Тук... Тук... Холмс был бледен.

Когда Воробей насчитал, как сейчас помню, 83 повешенных, он сделал паузу...

Председатель встал и сказал: «Прошу всех присутствующих почтить память погибших вставанием»... Все поднялись...

— Уважаемые гости, — обратился к нам Стальной Лом, — будьте любезны, встаньте и вы.

Мы поднялись.

Секунду все постояли молча. Председатель дал знак, и все опустили на места.

Воробей продолжал свою статистику. Он сравнивал на цифрах работу официальной полиции и Холмса. Сравнение было уничтожающее для полиции Лондона... Я помню, что по данным Воробья, в 1889 году один Холмс открыл удачно 545 дел, а лондонская полиция, в составе более тысячи агентов, раскрыла лишь 31 дело... В зале раздались смешки. Скотт усиленно пыхтел.

Воробей закончил свой доклад сопоставлением цифр дел, открытых разными «мировыми сыщиками», «чемпионами сыска». Оказалось, что Холмс раскрыл около 12000 дел, Нат Пинкертон — около 5000, Картер — 2000... Следовали имена французских, итальянских, испанских детективов. На последнем месте стоял русский сыщик Путилин. За ним значилось 9 открытых дел... Зал огласился хохотом, рукоплесканиями, криками: «Да здравствует Холмс! Чемпион сыска!.. Король детективов!..»

У меня отлегло от сердца... Я искоса посмотрел на Холмса. Легкая краска показалась на его лице... Он тихо поднялся и сделал неопределенный поклон в пространство.

Зала пришла в неистовый восторг... Все ревели от восторга. Председатель дал зале выразить свой бурный восторг и позвонил.

— Слово предоставляется нашему историографу — товарищу «Отмычке», — возгласил он.

Вышел Отмычка, толстенький, кругленький субъект, и в пространной речи стал излагать историю замечательнейших преступлений, открытых Холмсом... Должен сказать, что речь его направлена была, главным образом, против меня. Ведь, я был, так сказать, «официальным историком» Холмса. Оратор указал, что основная точка зрения моя неправильна, что я стою на устаревшей «идеалистической точке зрения» и совсем не учитываю новых идей «исторического материализма». Это было справедливо. Не умаляя достоинств Холмса, оратор ловко провел идею о значении масс, говорил, по-моему, слишком много о «классовом самосознании». Закончил он свой доклад перечнем фактических ошибок, которые я допустил в своих очерках, слишком субъективно представив деятельность Холмса. Признаюсь, мне было немного неловко. Я вспомнил, что и Холмс неоднократно удерживал меня от излишней идеализации.

Отмычка кончил и отошел с поклоном в сторону. Председатель предоставил слово «Маркизу».

— Господа, — сказал он. — Это будет заключительное слово! Оно будет посвящено выяснению той роли, какую в истории и развитии воровства сыграл Холмс. Товарищ наш Маркиз, как вы знаете, отлично окончил курс в Оксфордском университете. Он — юрист по образованию и только обстоятельства жизни заставили его переменить профессию, хотя он и не прервал еще связей с тем обществом, из недр коего вышел. Прошу внимательно вслушаться в его речь!

Маркиз заговорил. Голос его показался мне страшно знакомым. Я заметил, что и Холмс словно насторожился.

Маркиз говорил красиво и очень толково. Он говорил о том, что Холмс первый воспользовался в деле сыска индуктивным методом. Честь применения и развития этого метода принадлежит ему. Он первый поставил дело сыска на научную почву. Но этим самым он содействовал тому, что поднял интеллектуальное развитие воров. Изучая поневоле его приемы, тонкие и научные, и они стали подводить научные обоснования своей работе. Раньше воры были примитивны, — теперь они — тонкие специалисты, которым приходится изучать и логику, и психологию, а также химию, физику, следить за своим умственным и физическим развитием, за быстрым ростом науки во всех ее областях. Всем этим мы обязаны гениальной деятельности уважаемого юбиляра, — говорил он. — И мы можем почитать его *лучше* всего тем, если существующие при нашем клубе «Высшие курсы воровства» украсим его знаменитым именем, — так закончил Маркиз свою речь, которую я передал вкратце.

Едва он произнес последние слова, зала огласилась восторженными криками.

Председатель позвонил и сказал:

— Согласно ли почтенное собрание с предложением Маркиза, которое им сделано с согласия президиума?

— Согласно! согласно! — раздались восторженные голоса.

— Баллотировать не надо?

— Нет! Нет! Протестов нет! — кричали все... — Единогласно!..

Председатель обратился к Холмсу:

— Я счастлив, — сказал он, — довести до вашего сведения, что в сегодняшнем торжественном заседании нашего клуба единогласно постановлено наши молодые курсы украсить вашим почтенным именем. Чтобы вы были уверены, что просветительное учреждение наше вполне солидное, я прошу секретаря сообщить вам некоторые сведения касательно жизни наших курсов.

Секретарь поднялся и сообщил, что курсы существуют уже пять лет, состоят из пяти отделений по специальностям: «воровство», «грабеж», «убийство» — курсы практического характера — и два курса «теоретические»: «воровская технология» и «воровская медицина». Каждое отделение разделяется на секции. Читаются лекции и ведутся практические занятия. Цель курсов — создание кадра узких специалистов. Окончило курсы в текущем году 556 лиц. Из них мужского пола — 285, женского — 269, — неизвестного пола — 2 (в зале смех). По первому отделению (все виды воровства) — 234 (75 % женщин), по второму (виды грабежа) — 119 (90 % мужчин), по третьему (виды убийств) — 149 (60 % женщин), по четвертому (технология) 58 (41 % мужчин), по пятому (медицина) — (90 % женщин). «Женщины все по секции отравлений», — прибавил он.

Секретарь окончил. Председатель обратился к Холмсу с вопросом, не пожелает ли он услышать поздравления от окончивших в текущем году курсы. Холмс молчал.

— Молчание ваше принимаю за согласие, — галантно сказал председатель и дал знак. К нам подошла группа воровской молодежи с высшим образованием. Сказано было несколько приветственных речей. Поднесен был венок из бледных роз.

Потом председатель дал знак, и оркестр сыграл туш в честь юбиляра. Снова бешеные крики восторга. Холмс опять поднялся и поклонился в пространство.

Когда радостные крики замолкли, председатель торжественно сказал:

— Официальная часть нашего торжества закончена. Сейчас мы перейдем к развлечениям. Но прежде я считаю своим долгом, в знак уважения к юбиляру, поднести ему то, что для него является одной из самых драгоценных и необходимых вещей... Секретарь, передайте юбиляру этот предмет.

Секретарь подошел к Холмсу и протянул ему что-то. Я вытянул шею, сгорая от любопытства. Холмс взял поданную вещь в руки и... вздрогнул. Я увидел, что у него в руках была его собственная трубка, его любимая неизменная трубка, оставленная им на письменном столе, когда мы выходили со Скоттом.

Я понял, что в наше отсутствие воры опять залезли в комнату Холмса.

Председатель заметил волнение Холмса и сказал:

— Сначала мы хотели приобщить эту трубку к вашим вещам, которые украшают наш музей, комнату, вам посвященную. Там ваш фрак, ваши панталоны и пальто. Но потом, обсудив вопрос в президиуме, мы решили, что лишать вас трубки было бы жестоко. А потому не откажитесь принять ее обратно... Если желаете, можете курить... Секретарь, подайте табак уважаемому Холмсу.

Секретарь подал коробку с табаком. Холмс с недоверием покосился на табак и не решался взять.

Заметив это, председатель сказал:

— Уважаемый Холмс. Сегодня вы — наш гость, почетный гость. Поверьте, мы — джентльмены. Сегодня вы нас не опасайтесь. Завтра — мы враги, сегодня —

друзья. И, поверьте, мы так ценим ваше любезное посещение, что не позволим себе ничего для вас неприятного или опасного. Законы гостеприимства священны и для воров.

Холмс набил трубку табаком и стал курить. Я инстинктивно полез в карман за портсигаром, забыв, что на мне чужие панталоны. Опустил руку в карман... и вытащил связку отмычек.

Председатель дал знак секретарю и тот подал мне и Скотту ящик с сигарами. В зале наступило оживление... Задымились папиросы, сигары, трубки. Раздался смех. Какая-то воровка громко взвизгнула — очевидно, ее щипнули.

Председатель позвонил и сказал:

— В последний раз «ура» в честь Холмса и его друзей!

— Уррра!! — заревела зала.

— Теперь, — продолжал председатель — мы перенесем Холмса на руках в наш кабаре. Прошу товарищей убийц и грабителей исполнить эту торжественную церемонию. Заседание объявляю закрытым!

К Холмсу подошли какие-то мрачные субъекты с ужасными рожами и подняли его на своих могучих плечах.

Процессия тронулась. Мы со Скоттом шли за Холмсом.

9

В кабаре мы с председателем уселись за отдельным столиком. Подано было шампанское... отличной марки... Пили за Холмса, за меня, за Скотта... Он сиял от удовольствия... Все кричали «ура». Потом что-то закусывали. Опять пили шампанское. Погреб воровского

клуба был оборудован великолепно. Пили ликеры с кофе. В это время шло на эстраде представление кинематографа. Все картины были посвящены деятельности Холмса, и мы имели удовольствие видеть отрывки из самых замечательных наших подвигов. В одной сцене фигурировал и Скотт. Надо было видеть его блаженную физиономию. «Очаровательно!» — шептал он, глотая рюмку за рюмкой. Признаюсь, и мне делалось все веселее и веселее. В сущности, эти воры оказались преотличными ребятами. Надо им было отдать справедливость, — они прекрасно организовали наш праздник. Такое оживление и изысканная любезность в то же время! Даже Холмс, видимо, оживился. Легкая улыбка, не лишенная тени тщеславия, иногда скользила по его выразительным тонким губам. Первое отделение кончилось. Признаюсь, я был здорово навеселе и блаженно посматривал вокруг себя. Вдруг на экране появилась надпись: «Похищение экономки Шерлока Холмса» — «сильно комическая». И мы увидели хорошо знакомую мне квартиру Холмса, увидели, как там суетились какие-то неизвестные мне люди в масках около почтенной Алисы Кэмбридж, которая отбивалась от них кухонным полотенцем. Сцена была смешна до того, что я начал хохотать до слез. Кабаре грохотало от хохота. Вдруг я нечаянно взглянул на Холмса. Он широко открыл глаза и даже рот. Такая тревога была на его лице... Я сразу перестал хохотать и не спускал с него глаз. Признаюсь, это было нелегко. Глаза закрывались сами собой, а руки делали в воздухе какие-то непонятные и ненужные движения.

— Что... это... значит? — слегка запинаясь, спросил Холмс председателя.

Тот ласково наклонился к Холмсу и отчетливо (я помню, что он сказал именно очень отчетливо):

— Это значит, маэстро, что мы произвели полную выемку в вашем помещении! Вплоть до вашей экономки.

— Когда вы... это... успели сделать?.. — спросил Холмс.

— Часа два назад!

— А... теперь... который час? — заплетающимся языком спросил Холмс.

— Сейчас?.. Сейчас... второй час ночи! — сказал председатель, посмотрев на часы.

— Как же вы... успели все снять на фильму? и проявить? — спросил Холмс.

— Постарались, маэстро! Для вас! У нас имеются усовершенствованные аппараты, своя мастерская, — с улыбкой ответил председатель.

— Но что же вы... еще увезли?.. Кроме экономки, — тревожно спросил Холмс.

— Все!.. Только шкаф дубовый остался! Даже туфли взяли!..

— А архив мой?

— И архив тоже изъяли!

Холмс приподнялся. На него было страшно смотреть.

— Мой архив? в ваших руках?..

— Весь, маэстро, весь! И лаборатория ваша! Все в музее!.. У нас... Можете убедиться!..

Холмс дышал тяжело. Пот выступил на его высоком энергичном лбу. Потом он вдруг опустился на стул и закрыл лицо обеими руками. Председатель сочувственно смотрел на великого человека. Вдруг Холмс отнял руки от лица. Его прекрасные глаза были полны слез. Я никогда не видал его таким!.. Я никогда не забуду этого лица! Хмель соскочил с меня. Я хотел под-

бежать к нему, поднялся со стула, но вдруг покачнулся и икнул на всю залу.

Председатель укоризненно посмотрел на меня и покачал головой. Я грузно опустился на стул.

— Вы... победили меня, — глухо сказал Холмс... И потом вдруг закричал на всю залу (я даже вздрогнул от неожиданности. Да, я помню ясно, что я вздрогнул):

— Эй вы! как вас там! черт вас возьми!.. Давайте бутылку виски.

— И содовой? — спросил председатель.

— К черту содовую! — заревел Холмс.

— Вот так-то лучше будет, — радостно сказал председатель, хлопнул в ладоши, и через минуту перед Холмсом стояли две бутылки виски.

Он стал пить. Боже мой! Как он пил! Я хотел дать ему дружеский совет воздержаться, но икнул опять на всю залу.

— Пей, Ватсон! Пей, старый друг! Мы... побеждены! — говорил Холмс, вливая в себя стакан за стаканом.

Я не осмелился спорить с ним и тоже стал глотать стакан за стаканом... Мы чокались с ним. Чокались с председателем... Еще с кем-то... Я помню смутно... будто Холмс пил с председателем на брудершафт. А может быть, это я пил... Помнится, Холмс обещал председателю прочесть на воровских курсах специальный курс об окурках. Случайно я посмотрел на Скотта... Но его за столом не оказалось. Я заглянул под стол... Он был там. Лежал на спине, блаженно улыбался и заплетающимся языком повторял: «о...ч-ча...ро...ва...тель...но!». На сцене что-то пели, плясали. Потом помню, что председатель скомандовал: «Маски долой». Потом помню, что все плясали и на сцене, и в зале. Мне тоже хотелось плясать, но я не мог. Качали Холмса. Потом

качали меня... После чего мне сделалось совсем нехорошо... Больше ничего не помню...

10

...Я очнулся у себя в комнате... На голове был компресс... Около кровати на стуле сидела моя жена и скорбно смотрела на меня. Я приподнялся и сначала ничего понять не мог. Потом я вспомнил все и стал подыматься...

— Лежи! Лежи! — сказала мне жена. Укоризной звучала ее речь. Так говорят с опасно-больным. И вдруг мысль о Холмсе пронизала мой мозг.

— Где Холмс? — быстро спросил я.

— Где же ему быть?... Вероятно, дома... — недовольно ответила жена и потом, не будучи в состоянии сдержать себя, прибавила:

— Как ты неосторожен!.. Ты же — доктор! Сам понимаешь, как вредно так пить!

— Как я попал домой? — спросил я.

— Тебя привели... Вернее, принесли какие-то незнакомые мне люди, — тихо ответила жена. — Признаюсь, мне было стыдно за тебя!

— Ах, Мери!.. Если бы ты знала!.. Какой ужас! Какой вчера произошел ужас! — воскликнул я. Вероятно, лицо мое выразило такое страдание, что добрая жена моя испугалась.

— Прими *cali bromati*... Я приготовила... Дай я переменю компресс... Ты нездоров... Не волнуйся... Лежи спокойно...

— Ах, Мери, не надо *cali bromati*. Дай скорее стакан виски. Это необходимо. И скорее одеваться. Скорее! скорее!

Она покачала головой и сказала:

— Я не знаю, что с тобой вчера было. Но ты явился... вернее, тебя принесли в какой-то кацавейке, без шляпы, в одном ботинке... Где ты был вчера? Ведь ты поехал к Холмсу?

Я вскочил на ноги и бессвязно стал рассказывать ей о случившемся... Она, по-видимому, плохо понимала меня. Но по мере моего рассказа лицо ее покрывалось бледностью. Глаза расширялись. Она даже ухватилась за спинку стула. Когда я кончил, она воскликнула:

— Боже мой! Я ничего не понимаю! Или ты рассказываешь мне свой кошмар или... действительно произошло что-то страшное! Поезжай к Холмсу. Я поеду с тобой. Знаешь... что? Позвони к нему по телефону!

Я подбежал к телефону. Позвонил. «Скорее: № 1667091... Что? Вы Холмс?.. А кто? Кто говорит? Что?.. Доктор Ватсон... Да-да... Мммм... Что такое? Следы преступления. Не понимаю. Ааа... Хорошо! Через полчаса? Хорошо». Я бросил трубку и в отчаянии упал в кресло.

— Что такое? Что тебе сказал Холмс? — дрожащим голосом заговорила жена с испугом глядя на меня.

— Ах. Мери!.. Холмса нет! Там хозяйничают они!

— Кто они?

— Да все эти негодяи! Они мне сказали, чтобы я не смел приезжать раньше, чем через полчаса! Они сказали, что «оставляют следы преступления»... Ничего не понимаю. Ключ от квартиры будет на лестнице, на подоконнике, — сказали они.

— Что это значит?

— Не понимаю...

11

Через полчаса я выбежал из своей квартиры. На улицах газетчики кричали: «Удивительное приключение. Пропал знаменитый детектив Шерлок Холмс. Предполагается преступление. Воры скрали сыщика. Исключительное событие. Сыскная полиция на ногах».

— Опоздал! — подумал я.

Но оказалось, что газеты раньше полиции узнали о случившемся. И, когда я входил в подъезд дома Холмса, туда же к подъезду подкатил автомобиль начальника полиции. Он вышел из автомобиля, сытый и довольный, пожал мне руку и с усмешкой сказал мне:

— Вот так история! Ну кто бы мог предполагать, что с нашим маэстро произойдет такой казус? Добро бы с нами, грешными.

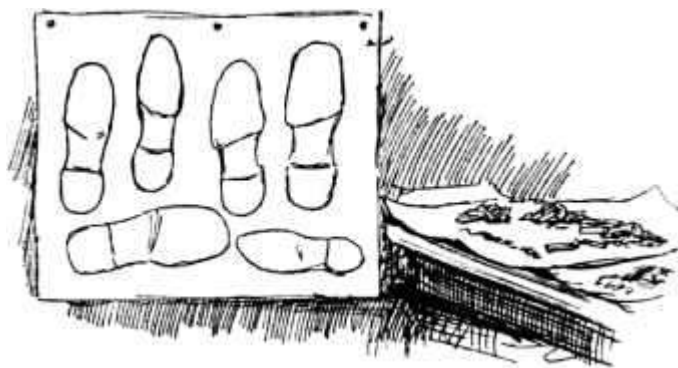
Нескрываемое злорадство слышалось в его речи.

— Радуетесь, скотина, — подумал я.

Несколько агентов следом за нами поднялись по лестнице. Без труда я отыскал ключ, открыл дверь и мы вошли.

Квартира была пуста. Один дубовый шкаф зиял открытыми дверцами.

На подоконнике в кабинете Холмса я нашел аккуратно разложенные кучки грязи — и около записку: «Это для анализа — грязь с наших сапогов». Рядом правильные кучки пепла от папирос и десяток окурков — и опять записка: «Пепел и окурки для установления табачных фирм». Тут же висел лист бумаги с аккуратно вычерченными размерами сапожных подошв, с запиской: «Снимки с наших подошв». На стене углем было написано: «Доктор Ватсон — осел».

Начальник полиции громко захохотал, и от хохота затрясся его живот.

— Мерзавцы! Они еще издеваются!.. Ну и доберусь я до них!

Повертевшись по квартире некоторое время, он сказал:

— Ну, кажется, здесь мне делать нечего. Заезжайте через час ко мне в бюро. Побеседуем. А пока посидите здесь. Сейчас явится следователь. Расскажите ему, что знаете, — и он ушел.

Я остался один. Трудно передать словами, какая безумная тоска овладела мною, когда я ходил один по пустым комнатам, когда я стоял в «бывшем» кабинете

Холмса. Здесь стояло его любимое кресло. Здесь были полки с его книгами, с его архивом, — замечательным, единственным архивом!

«Это ужасно! Это ужасно!» — говорил я вслух, и голые стены какими-то невнятными отзвуками откликались на мои восклицания. Было жутко.

Явился следователь. Стал записывать мое длинное показание, причем несколько раз, ухмыляясь, посматривал на меня и даже пожимал плечами.

— Может быть, проспится и явится. Вот, как вы, — наконец сказал он с усмешкой. Я чуть не наговорил ему дерзостей. Кажется, он весь мой рассказ принял за бред пьяного человека.

Через час я был у начальника бюро. Сперва и он позволил себе шутливо отнестись к моему рассказу, но я сумел убедить его, что дело серьезное. Мой рассказ о «воровском клубе» в Лондоне, о «воровских курсах» озадачил его.

— Быть не может! У меня в Лондоне? Воровской клуб? Воровские курсы? Черт возьми! Этим стоит заняться, — сказал он.

Через два часа я был дома и уже все толково рассказал жене. Я терял голову. Не знал, что делать... Вдруг я вспомнил о талантливом помощнике Холмса — маленьком Джеке, который с толпой товарищей не раз оказывал услуги моему другу. Может быть, он знает что-нибудь. Его лукавую мордашку я как будто видел в толпе, стоявшей около автомобиля, когда мы садились в него. Я позвонил по телефону к тому лавочнику, через которого мы всегда вызывали Джека.

Через час мальчишка был у меня. Я его не сразу узнал. Взъерошенный и бледный, он был неузнаваем. Я сразу набросился на него с расспросами. Он сначала упорно молчал, а потом вдруг решительно сказал:

— Знаете, уважаемый доктор Ватсон. Я больше в это дело вмешиваться не стану. И на ваши вопросы отвечать не желаю.

— Что это значит? — воскликнул я.

— А то значит, что когда вы уселись в автомобиль, я сзади уцепился.

— Ну?

— Что, ну?.. Меня заметили, отцепили, отвели в какой-то подвал, да так выдрали, что я всю жизнь помнить буду.

— Тебя выдрали?

— Так, как и отец родной меня никогда не драл! Вот как. Драли, да приговаривали: «Тебе, щенок, в школе учиться надо, а ты по улицам шляешься! Слежкой занимаешься!.. Учись! Учись! Учись!» Вот как выпороли!.. А теперь прощайте, доктор. Мне некогда!.. Надо уроки готовить.

И он ушел, нахлобучив картуз.

Я развел руками.

12

Прошел день. Прошел другой. Газеты трещали всякую ерунду. Мое участие в этой истории сделалось общеизвестным, и мне отбоя не было от интервьюеров. В конце концов они почему-то знали больше, чем я им рассказывал. Например, меня допрашивали: «Правда ли, что в ваших брюках вы нашли карточку с надписью: „Доктор Ватсон — осел“?» Этого я никому не говорил. Откуда они это узнали?

Мне сделалось известным (все от этих всеведущих газетчиков), что министр полиции делал доклад королю о пропаже Холмса. Но так как его величество в момент доклада был рассеян, то на докладе написал резолюцию: «Прочел с удовольствием». Министр поли-

ции осмелился повторить свой доклад, и тогда его величество, вникнув в дело, над словом «с удовольствием» надписал «не» и волнистой линией соединил «не» с «удовольствием». В вечерних газетах было сообщено, что король выразил неудовольствие по поводу исчезновения Холмса!

Через несколько дней пропал величайший бриллиант из короны короля. Потом исчезло драгоценное кольцо королевы. Обнаружены были дерзкие кражи со взломами в нескольких банках. Лондон всполошился. Полиция потеряла голову. Без Холмса она была беспомощна. Министр полиции пригласил начальника бюро и так намылил ему голову, что тот вызвал меня и стал советоваться, что ему делать. Я не знал, что ему сказать.

— Не вызвать ли из Америки Ната Пинкертон и Ника Картера, а из Парижа Арсена Люпена? — спросил он.

Я пожал плечами. Мне было больно за Холмса. Приглашать из заграницы второстепенных детективов, чтобы спасать его, великого Холмса! Сама мысль об этом была оскорбительной для меня! Но, пожалуй, это было единственное средство спасти Холмса. На лондонскую полицию я не надеялся!

— Вызовите, — сказал я со вздохом.

Я забыл сказать, что Скотт заболел белой горячкой и бушевал в больнице, упорно гонял чертей с докторских носов и просил свезти его обратно в «воровской клуб».

Через две недели я имел «удовольствие» беседовать с тремя мировыми детективами, которые заседали у начальника бюро в его кабинете. Я подробно (в сотый раз) повторил всю историю. Нат Пинкертон слушал внимательно, задавал вопросы. Он показался

мне самым дельным из трех. Картер был просто болван. От него несло спиртом так, что сидеть с ним рядом было неприятно. Он совсем не слушал меня и только рассматривал свои огромные кулаки, покрытые рыжей шерстью. Люпен спросил только, были ли хорошенькие между воровками и каковы были туалеты.

Выслушав мой пространный доклад и мнение начальника полиции, Пинкертон деловито спросил: зачем его, собственно, вызвали — искать Холмса или драгоценности, похищенные ворами? Картер попросил стакан грогу, а Люпен зевнул и небрежно сказал, что во всем этом деле он не видит для себя ничего интересного, так как, по-видимому, в настоящем деле не замешаны женщины, а он интересуется исключительно «дамскими» делами.

Начальник полиции торопливо ответил Пинкертону, что просит его заняться обоими делами. Пинкертон ответил сухо, что это его «не устраивает», так как раздвоит его внимание, и потому он предпочитает заниматься только отысканием драгоценностей. И тут же с американской беззастенчивостью стал торговаться о премии.

Я попытался отстоять интересы моего друга, стал говорить об «идейном интересе» дела, вытащил из портфеля кусочки грязи и пепла, все окурки и снимки с подошв (все «следы преступления», оставленные ворами в квартире Холмса).

Пинкертон усмехнулся и сказал, что вся эта дрянь (он так и сказал: дрянь; это его собственные слова!) его не интересует, что у него «другие приемы», «другая школа». Я мысленно выругал его «дубиной» и тщательно завернул в бумажку все «следы преступления».

Начальник полиции поспешно прервал меня и сказал Пинкертону:

— Коллега! Конечно, вы правы! Ну, займитесь сначала бриллиантами. Холмс подождет. Ведь если он жив (а я убежден, что он здравствует), то, конечно, и останется жив, а бриллианты могут заплыть так далеко! Значит, я могу доложить г. министру, что вы согласны заняться бриллиантами?

Пинкертон сухо поклонился.

На следующий день по телефону я был вызван к Картеру. Он был болен. Голова была перевязана. Физиономия с правой стороны опухла страшно и глаза не было видно. Огромный синяк красовался вместо глаза.

— Видите, доктор... Я немного занемог! — прохрипел он. — Подлечите меня, чтобы я через два дня мог уехать в Америку!.

— Что с вами?

— Пустяки!.. Вчера зашел в бар. Немного перехватил! Вышло недоразумение с одним субъектом. Ну, я его боксировал. Самое замечательное, что сегодня получил неизвестно от кого письмо с предложением немедленно уезжать в Америку. А в письме чек на весьма внушительную сумму и билет на пароход. Это меня устраивает!.

Я прописал ему примочку и посоветовал воздержаться от посещений бара.

Люпен тоже уехал очень скоро. Рассказывали, что и он получил чек.

Нат Пинкертон повертелся около недели в Лондоне и тоже скоропалительно отправился восвояси, заявив, что телеграммой вызван в Америку «по экстренному делу».

13

Прошло еще с неделю времени. Как-то утром мне подали письмо. Я узнал руку Холмса. Письмо было из Норвегии, из Бергена. Друг мой писал с парохода «Морской лев», который отплыл из Англии в полярную экспедицию.

Из письма я узнал, что Холмс пришел в себя в ящике с аэропланом, который был погружен на пароход для нужд полярной экспедиции. Придя в себя, он стал стучать. Стуки его привлекли внимание команды.

Он был извлечен из ящика. Он решился принять участие в экспедиции, цели которой его очень интересовали. Кроме того, он серьезно стал изучать рациональную постановку рыбных промыслов. Возможно, что этим он и займется.

Тяжело было читать это письмо! Бедный Холмс! Бедный «король детективов»! Мир лишился тебя!

ВАСИЛИЙ СИПОВСКИЙ

ТАЙНА СТАРОЙ КНИГИ

Рассказ

Иллюстрации Н. Кочергина

Василий Сиповский

ТАЙНА СТАРОЙ КНИГИ

Опубликовано в журнале «Вокруг света (Л.)» N1,
1928 г.

Целыми днями, с утра до позднего вечера карабкался я по крутым горным скатам, продираясь сквозь кусты диких роз и колючей хвои. Карабкался на вершины горного кряжа, спускался в благовонные, цветущие ущелья, где в самый жаркий день прохладно и сыро, где журчат ключи кристально-чистой холодной воды. Рано утром караулил роскошный восход солнца, ловил жадными глазами момент, когда все загоралось розовыми и золотыми лучами — и необъятное голубое небо, и одиночные облачки, и бесконечный океан и прибрежные утесы, и далекие массивы гор, и очаровательная черномазая Петита, дочь моего хозяина, и старый дед ее Микаел, выползавший на двор покурить первую трубочку, и осел Жако, и лохматый пес Лукко...

Днем все сверкало нестерпимым блеском расплавленного серебра и золота. И как ясны, как чисты были краски! Далекий океан — чистая, беспримесная прусская лазурь! Небо — чистый кобальт! А тени какие!!! Можно сойти с ума от одних теней!

Как шальной, бродил я по целым дням, с утра до вечера, по сосновым рощам, по горам, по деревушке,

заглядывая во все дворы, восхищаясь пурпурными кистями цветов олеандра, пламенными огоньками граната, лиловыми гроздьями глициний... Иногда я долго стоял, не сводя глаз с большой грязной лужи, в которой отражалось небо и проплывающие легкие облачка...

В деревне меня считали добрым малым, так как я охотно угощал, кого вином и сигарами, — кого шоколадом. Но в то же время все были убеждены, что я немного того, — человек, малость свихнувшийся. Особенно сострадательно относились ко мне женщины.

Я забыл сказать, что я — художник-пейзажист, что я забрался в глушь Испании «рисовать натуру». И вот, я живу здесь уже две недели, но палитра моя суха, ящик с красками мирно стоит у меня под кроватью и уже покрылся налетом пыли. Все это время я наслаждался «про себя», не чувствуя потребности делиться с кем бы то ни было своими восторгам.

В село я попал довольно оригинально. Помню, как то я еще на родине прочитал авантюрный роман из испанской жизни. Там было все, что угодно: и разбойники с романтическим атаманом Фра-Дьяволо во главе, вежливым и грубым гидальго, — и контрабандисты, и путешествующие англичане, и офицер полицейской стражи, тоже гидальго «без страха и упрека», были и кровавые схватки. Но, кроме всего этого, были сочные описания испанской природы, и даже названия деревушек, и местечек, городов, с которыми «были связаны прихотливые авантюры этого романа. Меня этот роман заинтересовал именно своими описаниями природы, и я, взял его с собою, — и вот, в результате, очутился в этой деревушке, заброшенной далеко в прибрежных горах, отрогах Пиренеев. Разбойники, увы, теперь велись. Проложены везде шоссе, по ним даже здесь

иногда проносятся отвратительные авто с туристами, заражая воздух запахом горелого бензина. Все остальное сохранило прелесть нетронутой дичи.

Добрался до села я не по шоссе, а плутая по горным проселочным дорогам, не углубляясь, не уклоняясь в глубь страны, не теряя из виду океана. Иногда я садился на своего Жако, и он, потряхивая своими старыми рваными ушами, покорно тащил меня по крутым извилинам дороги; чаще я брел с ним рядом, а иногда, правда, довольно редко, даже сам тащил его за повод, за уши, за что попало, когда он решал, что дальше идти нет смысла, и ложился поперек дороги. Так добрался я до этой деревушки, и решился здесь передохнуть, да и завяз в ней, очарованный нетронутой ее красотой, наивным добродушием ее жителей и дикой прелестью грязной трепанной Пепиты, от которой так пахло то чесноком, то луком.

Торжественно въехав на Жако в село, возбудив сенсацию своим неожиданным появлением, я направился к сельскому священнику с просьбой дать мне комнату на несколько дней, или указать, у кого в деревне я могу остановиться (в таверне останавливаться мне не хотелось, я боялся шума, и не хотелось все время быть на виду).

Пастор Джером меня к себе не пустил, и направил к Родриго, теперешнему моему хозяину, отцу этой самой Пепиты. «Родриго хороший человек», сказал мне пастор, «верующий, богомольный и состоятельный. В юности, конечно, он грешил, немного разбойничал, но теперь успокоился... Покаялся... Господь милосердный его простил. Вы можете спокойно поселиться у него. Я — его духовный отец, и ручаюсь за него.

Я раскланялся с пастором и отправился к Родриго... Это был крепкий, жилистый человек, лет 50, с суро-

вым, бронзовым лицом и густыми бровями... Жуткое было лицо. Оно напоминало мне портрет атамана из моего испанского романа, Но молодые глаза Родриго сверкали добродушным юмором, и по энергичным, сжатым губам змеилась лукавая усмешка. Лет 30 назад Родриго несомненно был «вором», но конечно, «веселым вором», — не только грабил и крал, но и кроме того, подшучивал над своими жертвами.

«Почему вы обратились ко мне?» спросил он, испытующе шаря глазами по мне, по моему Жако, который уныло стоял с моим скромным багажом.

— Ваш пастор прислал меня вам, — ответил я.

Родриго засмеялся.

Милости прошу...

— Наш падре ревнив. Оттого он и не приютил вас...

— Так вы хотите остановиться у меня?

Я кивнул головой.

— Что же — это можно. Милости прошу. У меня есть свободная комната.

— Сколько это будет стоить? спросил я.

Родриго выразил негодование на своем лице.

— Сколько стоит?... Ничего... Мы, испанцы, известны своим гостеприимством... и с таких путешественников, таких, как вы (он еще раз бросил беглый взгляд на мой багаж), не берем ничего. Грех брать деньги за кров и пищу...

Я смутился.

— Признаюсь, — сказал я. — За гостеприимство ваше я вам очень благодарен, но я не могу пользоваться им бесплатно. Лучше я тогда устроюсь в таверне. Хотя мне это не будет удобно...

Родриго внимательно посмотрел на меня.

— А сколько сеньор может заплатить, и сколько времени проживет?

Я назвал ему сумму, равную той, которую я платил в Мадриде, проживая в скромном пансионе. Родриго насторожился. Конечно, сумма, названная мною, для деревни была очень значительной... После некоторого молчания он выразительно хмыкнул.

— Гм! денег я с вас не возьму, это против моих правил. Но вы мне можете сделать подарок в эту сумму. Идет? — И он протянул мне руку. В глазах его заиграл огонек алчности.

— Идет! — воскликнул я, пожимая его железную темную руку, думая в это мгновение о том, сколько раз она когда-то давно хватала за горло.

— Только вот что, — вдруг заговорил Родриго. — Вы не знаете нашего деревенского вкуса; наших потребностей, и можете сделать такой подарок, который ни-какому дьяволу не будет нужен.

— Да, конечно. Это может случиться, — пролепетал я, вспоминая, сколько бесполезных подарков получал я сам и как они меня злили. «Как же быть?» Я не знал, как выйти из положения. Признаюсь, мне очень хотелось остаться у Родриго... И сам он меня заинтересовал, и Пепита все время стояла около, не спуская с меня своих агатовых очей.

— Как же быть? — спросил я.

— А мы вот что сделаем, — сказал деловито Родриго. — Вы дайте деньги, ту сумму, которую вы называли...

Я думаю больше не надо, а мы сами купим себе то, что надо... Идет?

— Идет! — опять воскликнул я, от всей души хлопая своей рукой честную руку этого вовремя покаявшегося разбойника.

Так я и поселился у Родриго, вручив ему вперед условленную сумму. «Подарок» мой так и не претворился в «полезную вещь», а в виде самых прозаических пезет попал в большой кованный сундук, стоявший в спальне Родриго.

Когда наконец я уселся под огромным зонтиком на складном стуле, раскрыл свой ящик с красками, когда из оловянных тюбиков поползли на палитру прихотливые черви разных цветов, — это было великим днем для всей деревни. Меня окружили полуголые чумазные ребятишки, около меня сгрудились все проходившие мимо девушки, парни, женщины... Вокруг меня образовался целый лагерь. Даже сам падре, растолкав своих духовных овец, налег своим брюшком мне на спину, с любопытством заглядывая ко мне на палитру... Всех поразило невиданное зрелище: из тюбиков выползали разноцветные черви, сплетались один с другим и меняли свой цвет — синий с желтым превращались в зеленый, синий с красным — в лиловый. Для жителей деревни это был невиданный фокус, волшебство.

— Карамба! — от всего сердца воскликнул сам Родриго, теряя самообладание.

Я стал писать этюды. Ребятишки бегали за мной, таская по кручам мой зонтик, складной стул, ящик с красками; приносили мне холодную воду, когда я изнемогал от жары.

Однажды я сидел на самом обрыве и рисовал утес, как вдруг на меня, на мою картину (которой я был очень доволен) посыпался каскад песку, мусора... Я в

бешенстве обернулся, готовый растерзать того негодяя, который так безжалостно испортил мою работу. Передо мною стояла Пепита. Бронзовое лицо ее пылало румянцем. «К р а п л а к , к а р м и н , т е м н а я о х р а , и немного, совсем немного б е л и л» — мелькнули

у меня в голове названия красок, необходимых для ее лица. В глазах ее сверкали злые огни.. Она смеялась, смеялась громко, задорно и зло... И белые жемчуга ее зубов сверкали на солнце голубым отливом. Она хохотала, подбоченившись обеими руками, хохотала так, что прыгал бешено цветок олеандра, воткнутый в ее черные космы, дрожали ее молодые, упругие груди и крутые бедра. Мои кулаки разжались сами собой.

Ярость смешалась с бешеным восторгом... Забыв, что у меня в руках палитра, я бросился к ней, чтобы обнять ее, зацеловать... Сил не было удержаться... Она отпрыгнула от меня, ловким движением вырвала палитру и — о! бестия! — мазнула меня палитрой по лицу. При виде моей физиономии она стала хохотать еще сильнее. Она плакала от смеха. Я решил мстить, — поймал ее в свои крепкие объятия и приник своей разноцветной физиономией к ее задорной, мокрой от слез, мордашке. Мсть удалась: Пепита расцветила всеми цветами радуги. Пришла очередь смеяться мне... И тоже стал хохотать, как сумасшедший. Пришлось обоим идти домой мыться.

Образ смеющейся Пепиты вытеснил из моей головы все пейзажи, — я стал рисовать ее, — эту первобытную женщину в живописных лохмотьях, зло смеющуюся, с руками, упертыми в крутые бедра. Пепита не бросала мусора в эту новую мою работу. Вполне освоилась с ролью натурщицы. Картинка удалась на славу. Она до сих пор висит в моем кабинете... Я не продал ее, несмотря на то, что охотников купить ее было достаточно, несмотря на то, что и голодать мне пришлось...

Увидав портрет своей дочери, Родриго воскликнул свое «карамба!» — и сейчас же потребовал, чтобы я нарисовал и его, но непременно верхом, и чтоб лошадь стояла на дыбах, и чтобы в руках у него был стреляю-

щий пистолет. Как было отказать отцу Пепиты? Пришлось изобразить его так, как он того желал. Потом пришел падре Джеромо, и с приятной улыбкой пригласил меня к себе, угостил очень вкусным ликером и попросил, чтобы я нарисовал его самого во всем облачении с руками, поднятыми к Небесам и заплывшими глазками

Мало-помалу, сам того не замечая, я из пейзажиста сделался «портретистом». С кого только не написал я портрета по слабости моего характера. Родриго даже из соседнего села притащил целую кучу своих грязных родственников, и я нарисовал их всех «из экономии» ны на одном полотне, так сказать, «гуртом».

Второй день, как горы покрыты облаками... Порой облака спускаются на самую деревню, мелким морозящим туманом несутся по улице. Океан почернел... Все краски потускнели... Порой мне чудится, что я сижу в горах своей Шотландии, и что сейчас не жгучий июль, а поздняя осень. Вечер. Ветер гудит в трубе, совсем как у нас, на далеком севере. Я сижу с Родриго в столовой его дома... Комната освещается дрожащим огнем очага, около которого суетится хозяйка. Родриго курит мои сигары, прихлебывая вино, которое я купил по его рекомендации... Родриго лениво расспрашивает меня о моей далекой родине, о ее снежных горах, о моих родных и друзьях. Вдруг блеснула молния, и сейчас же раздался раскат грома, задрожал наш дом. Родриго воскликнул «Карамба!» Началась роскошная южная гроза. Молния сверкала одна за другой; гром, не переставая, гремел оглушительными раскатами. Особенно силен был один удар, от которого в комнате задребезжала посуда и со стены сорвался висевший там на гвозде змей — произведение старшего сына Родриго — двенадцатилетнего Паоло. Змей сорвался со стены и

своей деревянной рамой ударил по голове Пепиту. Все засмеялись, — и этот смех увеличил ее ярость, и она швырнула змея через всю комнату, к моим ногам.

Я наклонился к змею, желая его поднять и, к великому моему изумлению, увидел, что он склеен из старой толстой бумаги, исписанной старым латинским письмом. Очевидно, Паоло использовал для своего змея какую-то средневековую латинскую рукопись.

Заметив, как внимательно рассматривал я змея, Родриго наклонился в свою очередь, и тоже заметив, из какого материала он сделан, вдруг разразился потоком ругательств по адресу бедного Паоло. Как тигр кинулся он к мальчишке и стал драть ему уши. С ревом и визгом вырвался Паоло из рук родителя и моментально исчез из комнаты.

Родриго пришел в дурное расположение духа. Из его слов я понял, что он рассердился за то, что испорчена та книга, которою он дорожил и прятал от ребят. Наконец, он потребовал, чтобы была принесена самая книга. Получив ее, он стал озабоченно ее разглядывать... Эта была рукопись в толстом кожаном переплете с медными застежками. Рукопись была в самом плачевном состоянии.

— «Этот негодяй давно ее треплет», — мрачно сказал Родриго после основательного осмотра.

Пепита, разъяренная тем, что на лбу у нее оказался синяк, озлобилась против всех и вся и, желая позлить отца, заявила, что рукописью пользуются все для растопки печки, когда не хватает щепок... И бабушка, и мать, и она, Пепита, — все пользуются книгой для домашних нужд, и не видят в этом преступления. Но, конечно, рвать книгу для змея — «это свинство, за которое надо драть уши» — добавила она.

— «Что это за книга?» — полюбопытствовал я, прерывая молчание.

— «Старая книга» — неопределенно и неохотно процедил Родриго, беспомощно перебирая листы рукописи.

— «Проклятая книга», — сказала вдруг бабушка Анна, отрываясь от своих спиц. — «Сжечь ее надо... Падре сам хотел ее сжечь, а Родриго не дал. Сжечь ее надо. Чортова книга». Родриго цыкнул на мать. Ему, очевидно, были неприятны эти разговоры. Вероятно, они возобновлялись не раз и бесили его. Обращаясь ко мне, он сказал:

— Книга дорога мне как воспоминание... Я ее получил, когда мне было двадцать лет... Вот я ее и берегу.

— Как вы ее получили? — спросил я, рассматривая с изумлением странные чертежи, формулы, кабалистические знаки и рисунки, украшавшие книгу.

— Длинная история, — неохотно процедил Родриго сквозь зубы. Рассказывать не стоит.

— Расскажи, отец, — вдруг воскликнула Пепита. — Очень интересная история... Который раз ее слышу, — и всякий раз дух захватывает от страха, — добавила она быстро, обращаясь ко мне.

— Расскажите, дон Родриго — присоединил я свою просьбу к просьбе Пепиты и налил ему целый стакан вина.

— Расскажи, папа — вдруг заговорили ребяташки и полезли к отцу. Из-за двери показался нос Паоло.

...Между тем, гроза прошла, и только где-то вдали ворчал еще гром. Изредка мигала молния, но дождь лил, как из ведра. Он стучал по крыше, по оконным стеклам. От ветра хлопали ставни. По-прежнему гудело в трубе.

— В такую ночь надо молиться, а не болтать о чертовщине, — проворчала старая Анна. Если бы не вмешалась старуха, Родриго, может быть, ине рассказал нам своей истории, он слишком был расстроен, но его строптивый дух любил самостоятельность и не признавал ничего вмешательства, и потому он начал:

— ... Это было давно. Тридцать лет тому назад. Тогда я был еще глупый парень. Но жизнь уже потрепала меня. Я родился здесь. В этой деревне, в лачуге, которая стояла на месте вот этого самого дома. Когда мне исполнилось десять лет, мой отец пропал без вести, он был честный контрабандист, и сложил свою буйную голову в бою с проклятыми пограничниками. Отбился от дому и, когда мне исполнилось пятнадцать лет, я удрал из дома, и начал бродячую жизнь. Где только я не побывал! Чем только не занимался!.. Когда мне стукнуло 20, я жил со своими друзьями, нас было пять человек, таких же бездомных головорезов — жили мы в развалинах одного старинного здания, верстах в тридцати от Мадрида. Развалины эти пользовались дурной славой, а нам это было на руку. И мы сами пользовались тогда тоже дурной славой. Ночью никто не решался подходить к развалинам. Говорили, что там бродит привидение. Вот мы, пять головорезов, не веривших тогда ни в чорта, ни в бога... мы поселились в этих развалинах, жили там около года, и никого привидения там не видали. Спокойно проживали мы там, никто, даже полицейские ищейки, не совали к нам своих носов. Говорили, что в стенах скрыты сокровища, но что их может взять только тот, кто продал свою душу лукавому. Так как я и мои друзья считали тогда себя ближе к нему, чем к Богу, то мы рискнули отправиться на поиски клада... Однако не нашли ничего, кроме ящиков с какими-то инструментами, да с

чертежами на свиной коже. Мы сожгли всю эту дрянь, согревая себя в такие ночи, вот как сегодняшняя. Однажды, бродя один по развалинам, я спустился в подземелье, наткнулся на плиту странной формы, поднял ее и нашел железный сундук. «Ого!» — подумал я — вот и клад; мне повезло. Признаюсь, я решил ничего не говорить товарищам. Это, конечно, было с моей стороны свинством, но что поделаешь? Слишком сильно было искушение. Я взломал ящик и нашел там человеческий череп, запутанный в густых черных волосах (Петипа вскрикнула); а под черепом вот эту самую книгу. Вот и вся история. Череп я похоронил, сотворив молитву, а книгу взял себе... Вот она и лежит у меня уже 30 лет. А вот теперь, оказывается, и Паоло, и женщины мои до нее добрались. Теперь, пожалуй, придется ее сжечь. Все равно попорчена... И Родриго с искренней досадой стал опять перебирать таинственные листы с полувыцветшими письменами и рисунками...

Нашел там человеческий череп и эту книгу..

Я не мог оторвать своих глаз от растрепанной рукописи, которую кто-то лелеял много веков назад — рукопись, которой кто-то вверял свои заветные мысли, свои чувства, — рукопись, в которой скрыта была тайна чьей-то жизни и смерти... И мне невыразимо жалко сделалось того человека, который над этой книгой много веков назад проводил бессонные ночи... Глядя на рукопись, я старался решить, какая связь между этим человеком и рукописью? Почему они оказались вместе в железном сундуке? Лежали там в течение нескольких столетий, пока не попали в руки «честного вора», разбойника Родриго?

— Дайте мне посмотреть эту книгу, — сказал я Родриго, — может быть, я разберусь в ней.

— Не давай, Родриго! — воскликнула старая Анна.

Я уверен, что Родриго не дал бы мне этой книги, но и на этот раз выступление старухи помогло мне. Верный своему принципу поступать наперекор, он, не обращая внимания на слова матери, сказал:

— Дать вам ее на время я могу, — отчего не дать?... Но разве разберетесь вы в ней? Уж если сам падре ничего в ней не понял, где же вам?

...Я схватил драгоценную книгу и побежал с ней в свою комнату. До рассвета читал я ее при свете маленькой керосиновой лампочки... Утром я сбегал к падре Джеромо за латинским словарем, и опять заперся в своей комнате. За чтением забыл я и все пейзажи, забыл и Пепиту, и Родриго... С великим трудом разбирал я слово за словом; восстанавливая те слова, что прочесть было трудно. Несколько раз Родриго стучался ко мне; Пепита ломилась ко мне в дверь, старый Жако ревел от голода, а я не вылезал из своей комнаты, настолько увлекательна была работа.

До вечера я разобрался в той части рукописи, которая, к счастью, спаслась от хищничества домашних моего Родриго. И это была самая интересная часть рукописи! — исповедь, — автобиография владельца и автора рукописи, так сказать, заключение. Рукопись представляла собою собрание рецептов: — как получить золото из ртути, как старика превращать в юношу, как готовить лекарство против всех болезней, как построить аппарат, летающий по воздуху, и много других, подобных же рецептов. Я понял только заглавия всех этих статей, но в самом тексте разобраться не смог, — он пестрил арабскими, еврейскими письменами, алхимическими терминами, каббалистическими знаками и формулами, но я приблизительно понял автобиографию Балтазара Альвареца, так звали автора рукописи — математика и врача, жившего в Испании в пятнадцатом столетии. Я узнал ужасную трагедию его жизни.

— «Смертный, прочти со вниманием это сочинение». — Оно написано кровью сердца моего. Прочти — и ты познаешь радостные и печальные события моей жизни, и научишься мудро относиться ко всему — к горю и к радости. Я отверг бога и дьявола. Я уверовал только в мудрость и величие человека, — и вот я стою над бездной, над пустотой; и сегодня, может быть, завтра я сделаю последний шаг, и превращу свое бытие в небытие...

Я преодолел разумом своим болезнь, и старость, и тайну бессмертия... И если я пишу, то лишь для того, чтобы читающий эти строки познал ничтожество свое...

Жалкий червь! Ты тщетно гордишься своим разумом... Это говорит тебе великий мудрец Балтазар Альварец, постигший тайны жизни и смерти»...

Такими безотрадными словами начиналась исповедь Балтазара Альвареца.

Он был сын богатого купца, который вел обширную торговлю с востоком. С детства Балтазар сопровождал отца в его странствиях по всему миру: побывал в Аравии, Персии, Палестине, Египте... С юности пристрастился он к наукам, и отец не жалел денег на образование сына... В цветущей юности он своими знаниями равнялся уже седовласым старцам. Там, на востоке Индии, он покорила сердце красавицы княжны, но не долго наслаждался счастьем: молодая жена рано умерла, оставив ему сына... Тогда он еще не владел могучим средством «Мортиморс», разрушающим власть смерти... Овдовев, Балтазар отказался навсегда от всех суетных радостей и всецело посвятил себя науке и любимому сыну.

Вернувшись на родину, построил себе замок недалеко от Мадрида и поселился там с сыном и верным слугой индусом. За крепкими стенами, в уединенном замке жил Балтазар со своим сыном и слугою, в стороне от мира, от людских суетных интересов, волнений, стремлений и надежд. Балтазар презирал человечество, так как был уверен в испорченности человеческой натуры. Он спасал своего сына от пагубного влияния людей. От них таил он и свои великие знания, так как был убежден, что люди все хорошее обращают всегда во зло. Балтазар жил в своем замке среди книг, реторт, в атмосфере смертоносных газов, превращая день в ночь, ночь в день, иногда не засыпая по целым суткам... Для сына он создал дивный сад, в котором росли диковинные растения, выращенные самим Балтазаром, цвели невиданные никем цветы, созревали чудесные плоды... Желая развлечь сына, Балтазар для него изобрел летательный аппарат. При помощи систе-

мы зубчатых колес и сложной комбинации передач, аппарат приводился в движение легким нажимом ног сидящего, легко подымался, без труда брал высоты и преодолевал огромные расстояния. В темную ночь, когда земля погружалась в сон, Балтазар брал своего сына, сажал его на аппарат и улетал с ним или в глубь страны, туда, где не было людей, — или на далекие острова, раскиданные по океану. Там одинокий мальчик резвился в тени тропических лесов, играл с разноцветными раковинами, гонялся за пестрыми попугаями и огромными мотыльками... И опять в темную ночь возвращался Балтазар со своим Альфредом домой, в свой уединенный замок... Он изобрел для сына и плавательный аппарат, на котором они носились по волнам океана, то взлетая на гребни волн, то погружаясь в прозрачные бездны океана, в волшебные леса разноцветных кораллов, где плавали медузы и ползали причудливые морские звезды... Альфред знал то, чего не знали современные ему люди, — он видел, он слышал то, чего не видали, чего не слышали они.

С годами он превратился в прекрасного юношу, который не знал страха, не знал болезней, не знал горя, но увы, и счастья... Никогда он не смеялся, никогда его прекрасные уста не оживлялись улыбкой, никогда в очах его не сверкали огни радости... Чего только не придумывал Балтазар, чтобы вызвать улыбку на устах сына, — все было тщетно... «Увы!» — говорит он — я понял великое значение смеха и слез: никакая наука не в силах их вызвать, — только жалкие люди, с их суетной жизнью, знают смех и слезы — альфу и омегу жизни».

Я хотел освободить его от всех человеческих слабостей и недостатков, от суетных человеческих радостей и человеческих печалей, от любви и ненависти, от

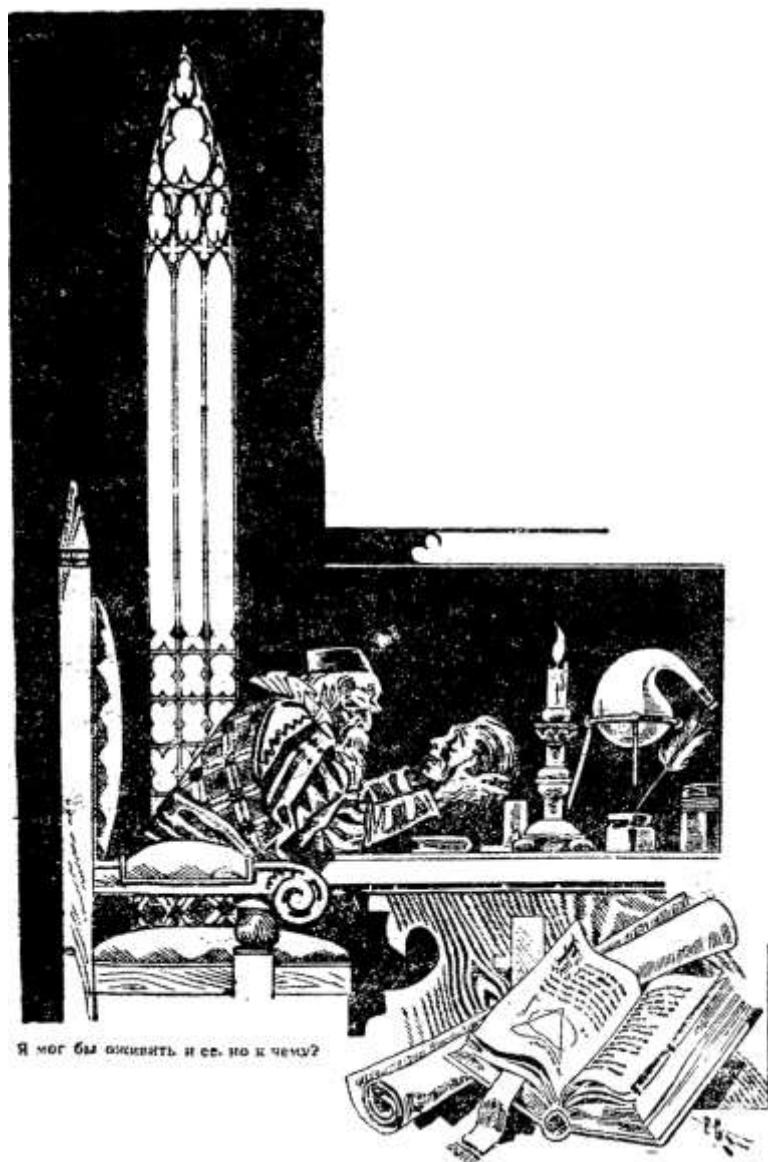
зависти и алчности, от гордости и трусости... Но кто-то мешал мне, кто-то стал между мной и сыном...

Я не мог запретить ему самостоятельно, без меня, летать на моем летательном аппарате, взяв с него клятву, что он будет осторожен, будет летать только ночью, и не спустится никогда к людям... И он нарушил эту клятву. Вот что случилось. Он сам рассказал мне все.

Ночью пролетал он над Мадридом. Город спал. Огни везде были погашены. Альфред решился спуститься ниже. Он полетел над самым городом и вдруг, пролетая над окраиной, услышал женское пение, звук гитары, треск кастаньет, чей-то смех, хохот, крики. Любопытство овладело им. Он спустился к тому дому, откуда неслись проклятые звуки. Это была таверна, грязная, мерзкая таверна, где собираются обросы человечества. Альфред подошел к открытому окну, заглянул в окно и увидел девушку изумительной красоты. Это была первая женщина, которую он увидал. Немудрено, что она показалась ему красавицей — замечает Балтазар. Она пела, плясала, а вокруг нее сидели пьяные мужчины, хохотали, — один бренчал на гитаре — другие ударяли в такт ладошами. Альфред не мог оторвать своих глаз от этой женщины. Когда последний мужчина вышел из таверны, туда вошел мой Альфред... И с тех пор, тайком от меня, он стал ночам летать туда, к этой таверне... Я не знал ничего и ломал свою голову, стараясь отгадать, почему мой Альфред почему мой Альфред стал смеяться, почему таким огнем стали сверкать его прекрасные очи... Безумец! Я радовался этому смеху. И вот однажды он пришел ко мне и сказал: — «Отец, я погубил тебя и погубил себя». И только тогда он рассказал мне все. Рассказал, что его выследили, узнали, что летает по ночам. Узнали, что

он живет в замке, что он сын «колдуна», так называли меня безумные люди — писал Балтазар, и теперь замку грозила опасность. Мне не страшна была вражда людей: у меня были средства уничтожить весь Мадрид, всю Испанию... Но к чему это? Я решился скрыться вместе с сыном из моего замка... Прежде всего я отправил его. На летательном аппарате, взяв с собою пару голубей для подачи мне сведений о своей судьбе, он улетел из замка... Увы, улетел навсегда. Утром, на следующий день, прилетел голубь с запиской от Альфреда. Он сообщал мне, что аппарат испортился, что он окружен толпой, требующей его казни.. Потом я узнал, что мой бедный Альфред был обезглавлен... При помощи золота я достал его милую, кудрявую голову, а тела не достал — его сожгли. Вот она, полуистлевшая, стоит на столе передо мной. Проклятие... Мое чудесное средство «Мортиморс», уничтожающее смерть, бесполезно... Если бы он умер в моих объятиях, на своей постели, я оживил бы его... Но оживить одну голову, без туловища? Я мог бы оживить и ее, но — к чему? И вот теперь, когда я поднялся на самые крайние высоты знания, когда я гордо мнил себя победителем материи, — я оказался таким же беспомощным... К чему все мои знания? Кому доставили они счастье?.. Так пусть же погибнут они!... Пусть гибнет сокровищница всех знаний, собранных мною со всех концов света вселенной. Я не уничтожу моей книги, где собраны все мои знания, но я никому не дам ключа к ней! Никто не поймет ее... Пусть мудрецы грядущих веков снова будут по крупицам собирать те знания, которыми владел я, и которые я навеки схоронил от всех в этой великой книге тайн...

Дальше разобрать ничего я мог, — последняя страница была чем-то залита.

Я мог бы окрестить и ее, но к чему?

Я долго сидел над прочитанной историей... Сидел и думал... Родриго никому не отдаст ее — он сам мне об этом сказал. Да кому она нужна? Летательные аппараты уже изобретены... Старость побеждается омолаживанием. Какой-то японский химик уже делает золото из ртути... Оставить ли книгу на растерзание Паоло, или на растопку печей? Конечно, лучше всего сжечь!..

Когда на второй день после бессонной ночи я вышел из своей комнаты, Пепита с ужасом отскочила от меня...

— Ну? — спросил меня Родриго.

— По моему, ее надо сжечь... и как можно скорее — сказал я Родриго.

— Слава Мадонне — радостно воскликнула старая Анна.

Рукопись Балтазара Альвареца мы сегодня же предали сожжению.

Вышло торжественно и... грустно. Настроение у всех понизилось. Родриго озлился на всех, даже на меня. Пепита стала вздыхать о своем женихе...

Я на следующий же день уехал из деревушки.

КОНСТАНТИН БОГОЛЮБОВ

(Н. Константинов)

ВЕЩИ ГОСПОДИНА ПИКА

Фантастический рассказ

Иллюстрации Н. КОЧЕРГИНА

Константин Боголюбов
ВЕЩИ ГОСПОДИНА ПИКА

Опубликовано в журнале «Мир приключений», № 2,
1928 г.

I.

Люди, потерпевшие неудачу, обыкновенно волнуются. Их речь становится сбивчивой и неясной; кроме того, они гримасничают, размахивают руками и неизвестно зачем бегают по комнате. Но, вопреки этому

общему правилу, Митчель повествовал о своих злоключениях исключительно хладнокровно.

— Так вот, — говорил Митчель: — на завод, где находится его рабочий кабинет, никто проникнуть не может. А городскую квартиру мы поставили вверх дном, мы хозяйничали там, как у себя дома, но не нашли ничего, то есть нашли многое, что пригодилось бы простому взломщику... А нас не интересует ни гардероб, ни счета от портных, ни саксонский фарфор, ни средневековая утварь...

Господин Пик, слушавший чрезвычайно внимательно, встрепенулся.

— Вы хотите сказать, что Рэм собирает редкости?

— Да, именно это.

Несколько времени господин Пик молчал, потирая руки и радостно улыбаясь бабочкам, вытканым на ковре.

Он был совсем маленький господин, жирный, с брюхом, круглым, как яблоко, с прищуренными глазами и крошечным ртом. Голова у господина Пика была большая, переполненная злодейскими замыслами, которые, собственно говоря, и должны быть в голове владельца тайной конторы... Конторы чего?

Воровства, разбоя, ограбления? — нет, говоря деликатно — конторы пересылки вещей из одних рук в другие.

И сюда-то, после целого ряда мытарств, попал Митчель, энергичнейший человек во всей Америке, желавший увидеть недостижимые чертежи изобретателя Рэма. Теперь Митчель ожидал, когда заговорит господин Пик. И господин Пик сказал:

— Я думаю, что так можно сделать. Суть в том, чтобы попасть на завод, куда, по вашим словам, не попадает никто. Я думаю, что это удастся. Подождите немного...

Господин Пик исчез, и Митчель сидел в одиночестве, пока его не позвали из другой комнаты.

— Пройдите сюда, пожалуйста.

В соседней комнате было еще спокойнее. Был неподвижный воздух, пропитанный запахом лака и старого дерева, и были еще разные вещи, расставленные по углам: комоды с вычурной итальянской резьбой, малайские безобразные идолы, стулья рококо и стулья ампир, и турецкие табуреты для кальяна. А у окна стоял сам господин Пик с бесконечно приятной улыбкой.

— Вот это для вас годится, — сказал он, — похлопывая ладонью по крышке какого-то столика. — Митчель обозлился.

— Я не покупаю старую мебель.

— А я не продаю старую мебель, — ответил господин Пик шепеляво, потому что его губы были растянуты улыбкой и уже не оставалось места для слов. — Я продаю агентов, от которых требуется знание дела и полнейшая незаметность. А это у меня — самое лучшее. — Господин Пик снова похлопал ладонью по крышке столика.

Столик был толстоногий, с необычной массивной доской, изукрашенный всякими завитками, но Митчель не стал разглядывать варварскую орнаментику вещи, а поспешил догадаться:

— В столике, конечно, фонограф?

Господин Пик обиделся.

— Фонограф? — переспросил он, оттопырив губы. Или вы думаете, что я глуп, как девушка? Фонограф услышит самые пустяки, какую-нибудь фразу, вроде: — «подайте линейку». — Он запишет, как Рэм разговаривает с прислугой. Но какое вам дело до прислуги? Агент должен посмотреть чертежи.

— Ну, да, агент изучит чертежи Рэма. Смотрите...

И вдруг толстолапый, криволапый, диковинный столик выдвинул вперед одну ножку, и, как бы цепляясь этой ножкой за пол, перетащился на один шаг ближе к Митчелю.

Движения вещи были неуклюжи. Казалось, что ей, сотворенной для стояния на одном месте, каждое движение дается с трудом. Была какая-то болезненность в движениях столика, но была и какая-то сила. Столик упрямо стоял на своих ножках, согнутых, как у человека, взявшего на спину куль соли.

Перед ожившей вещью стояли двое, одаренные искусством движения, изворотливые, но такие слабые на ногах, которых всего две и которые очень тонки. Один, Митчель, был, как стальная пружина, как пистолетный курок, взведенный, когда уже на полку насыпан порох и пуля забита в ствол; другой, господин Пик, посмеивался и разъяснял свои планы.

— Во что бы то ни стало поднять цену столика; он должен быть редкой и единственной вещью... заставить Рэма перевезти его на завод.

А столик продолжал жить. Он приседал, сгибая свои узловатые ноги, и, когда уже касался пола своим плоским лакированным животом, вдруг прыгнул. Он прыгал, словно лягушка, отделяясь от земли сразу четырьмя лапами и грузно падая сверху. Ему приходилось несколько мгновений качаться, чтобы сохранить равновесие.

И подскакивания столика были столь отвратительны и нелепы, что Митчель не выдержал. Он, неожиданно для себя самого, вытащил из кармана револьвер и крикнул сдавленным голосом:

— Стой, убью!

Он угрожал вещи, как человеку. А господин Пик, стоявший подле, возразил, улыбаясь:

— За убитого агента вы заплатите.

Господин Пик шутил весьма остроумно, и его шутка возвратила Митчеля к обычной жизни, где вещи должны стоять на своих местах и только людям досталось в удел благородное искусство движения.

II.

— Что у тебя нового? — спросил Абель Ройман после обеда, когда другие гости заговорили о политике.

— Ничего, — ответил Рэм, — вчера, кажется, я купил пару китайских столиков, но они неинтересны.

Однако, Ройман почему-то заинтересовался.

— А где они стоят, твои столики?

— В маленьком кабинете. Сходи посмотри.

Рядом со столовой был маленький кабинет, куда Рэм ставил вещи похуже. В пыли и забвении лежали там церковные облачения и восточные ткани, стояли средневековые шкатулки, вырезанные из одного куска дерева, и бронзовые канделябры с цепями. На полу и везде валялись книги.

Все это было давно знакомо Ройману, но все же он долго не выходил из кабинета, так долго, что Рэм был вынужден позвать его.

Ройман ответил из-за дверей необыкновенно свирепо:

— Чудовище!

— Кто?

— Ты. Что ты наделал?

В его голосе был такой ужас, что все кинулись к нему, думая увидеть какую-нибудь невероятную картину.

Ройман сидел на корточках перед уродливым столиком, ощупывая его со всех сторон.

— Конечно, — бормотал он: — Юн-Ло или первое царствование Ин-Цзуна...

— Что? — спросил Рэм, ничего не понимая: — Что с тобой случилось?

— Ничего. Когда люди не берегут своих вещей... Это уж, наверное, ты обломал лаковым драконам хвосты. Ничего не разобрать.

— А ты посмотри второй столик, за шкафом. Они, как две капли воды.

Ройман принялся обнюхивать и второй столик. Он злился, как никогда, и, по-видимому, не заботился о своем языке.

— Дуракам счастье. — говорил он, раздражаясь все больше и больше.

— Да скажи ты, в чем дело, — взмолился Рэм.

— И скажу! Чудеснейшие столики Минской династии, а он обращается с ними чорт знает как! Вероятно, эпохи Ин-Цзуна... туалетные столики.

Все были заинтересованы. Вытянув шеи, гости смотрели на Роймана, как собаки на мясо. Рэм, добродушный парень, вытаращил глаза, как только умел.

— Видите, фарфор под красной глазурью из меди и корналина. Глазурь еще грубовата, в пузырьках. А, вот, хвосты драконов, вырезанные из лака. Дай сюда лупу, Рэм.

— Но здесь темно. Столик можно перетащить в столовую. Джон!

Лакей взял столик за крышку.

— Потише, потише, — испуганно шептал Ройман. Но лакей Джон тащил столик самым небрежным образом, и походка его была неверна. В дверях, где требовалась наибольшая осторожность, лакей вдруг покачнулся, попробовал удержаться за стену, но не успел и

грохнулся на пол вместе с драгоценным столиком. Все это было дело нескольких секунд, и когда гости кинулись на помощь, было уже поздно. Столик лежал на полу, разбитый вдребезги, и лакей Джон стоял на четвереньках, подбирал кусочки лаковой резьбы и осколки фарфора. Ножки столика тоже никуда не годились. Они были оклеены тончайшей, почти прозрачной фанерой, которая теперь полопалась, как яичная скорлупа.

— Чорт тебя побери! — кричал Рэм, а Ройман не мог ничего выговорить от ужаса и стоял, прижав кулаки к подбородку.

Слуга Джон бессмысленно усмехался.

— Он, наверно, пьян, — догадался кто-то.

В самом деле, лакей напился, как последний сапожник, и это случилось с ним впервые от роду. Но это не важно. Важно другое: Рэм обладал теперь единственным в мире китайским столиком, который только выиграл от того, что у него не было пары.

И пока гости созерцали осколки, одни человек, тоже гость и, кроме того, сотрудник газеты, поспешил исчезнуть, никем не замеченный. Он помчался прямо в редакцию и успел поместить в завтрашнем номере сенсационное известие о случайно найденной редкости и о преступном деянии лакея Джона.

С этого дня Рэм потерял спокойствие. К нему приезжали ученые, репортеры и фотографы, которые снимали столик с боков, сверху и снизу. Одни из них ухитрился снять даже восковой слепок с дверного замка. Но он был стар, этот бродяга с поломанным аппаратом, и потому попался. Однако, мог появиться фотограф и помоложе, и наверно уже появился: — в квартире ведь перебивали разные люди.

— Твой столик неимоверной ценности. Нужно бе-

речь его, — советовал Ройман.

— Знаю, — отвечал Рэм, — я хочу вызвать агентов из сысского Бюро.

— Ну, а если агенты не помогут? Преступники проникают и в банки, которые, конечно, крепче твоей квартиры. А, может быть, и тебе надоест быть под прищмотром... — Ройман засмеялся: — Представь себе... Ты вышел из дому. И вдруг твоя собственная физиономия наводит на подозрения. — «Ваши документы»!.. Вообще неприятно и небезопасно.

— Что же в такой случае сделать? — спросил Рэм и сам нашел простое и верное средство: — Я перевезу его к себе на завод. Это самое надежное место в городе.

— Прекрасно, — сказал Ройман: — если не крадут твои чертежи, то уцелеет и столик.

В тот же день туалет китайской принцессы был доставлен на заводскую квартиру изобретателя. Рабочие обращались с этим деревянным чудовищем так осторожно, что не обратили внимания на его тяжесть, на прямо-таки невероятную тяжесть для такого хрупкого столика.

III.

— Алло! Слушает Митчель.

— Говорит Пик. Приезжайте немедленно в гостиницу «Рим».

Гостиница «Рим». Ее хозяин мог бы назвать ее и «Мемфисом», — это дела не меняет. Важно, что сюда приходили люди, не интересующиеся делами своих ближних.

Коммивояжеры поигрывали карандашиками на цепочках, размышляя о выгодных сделках, актеры средней руки хвастались друг перед другом напропалую, конюхи из соседнего цирка предпочитали позвякивать

серебром молча. Можно было встретить здесь и шулера, который носил по два кольца на каждом пальце и еще браслет на левой руке. Вот в такую гостиницу и вызвал Митчеля господин Пик.

— Все обстоит хорошо, — говорил он, сияя.

Он сиял, как солнце; он напоминал солнце, потому что у него была круглая голова и щеки, готовые лопнуть. Но он не сказал ничего больше, а увлек Митчеля в отдельный кабинет.

— Вот, к вашим услугам.

На стол он бросил несколько чертежей, измятых, но не сделавшихся от этого дешевле. Это были подлинники, и на них кое-где Рэм сделал отметки красным карандашом.

— Я получил их сегодня ночью, — сказал господин Пик, прикасаясь кончиками пальцев к драгоценной бумаге.

— Да, это они, — шептал Митчель, не слушая. Он согнулся над столом. Можно было подумать, что он старается просунуть голову в одно из колес, вычерченных на ватмане. Господин Пик посмеивался.

— Ну, хорошо. Давайте рассчитываться, — сказал он томно, как бы объясняясь в любви.

— Да, извините. Я совсем позабыл об этом. — Митчель обернулся и...

...Его глаза встретились с чужими глазами. Из угла уставились на него чужие глаза, полуприкрытые тяжелыми веками. Взгляд был снизу, и оттого казалось, что смотрит кто-то подозрительный и тупой. В углу сидело странное существо, без головы, и глаза помещались у него где-то между плечами.

— Кто это? — спросил Митчель, схватив господина Пика за руку. — Стол, — отвечал тот безмятежно, — человек-стол. Рассмотрите поближе.

Господин Пик демонстрировал своего агента...

В углу сидел человек, у которого плечи были подняты так высоко, что ключицы шли параллельно одна к другой, а между плечами была запрятана голова с совершенно плоским черепом и плоским лицом. Это был почти безголовый человек, потому что голова не возвышалась над плечами. Затем туловище, плоское, лишенное всякой талии, четырехугольное, как ящик. Голова и туловище были одно: ящик, доска стола. Затем четыре ноги... именно ноги, потому что рук не было... а может быть, четыре руки... четыре конечности по краям ящика-туловища, одинаково направленные

вперед, одинаковой длины, искривленные, как ножки китайского столика.

Это был человек. Он сидел на полу, прикрытый кое-какими лохмотьями, и смотрел снизу вверх, отчего взгляд казался подозрительным и тупым.

— Теперь посадите его в деревянный футляр, и у вас будет столик, — пояснил господин Пик, — он будет чувствовать себя превосходно, потому что сделан для этого. Совершенно незаметный агент. Тут же, в футляре, у него запасы воды и шоколада.

— Но как... — начал Митчель и не успел окончить.

Господин Пик перебил его:

— Как он попал на завод? Очень просто. Мы взвинтили его цену. Мы продали его вместе с простым столом. Потом этот простой стол был разбит пьяным лакеем, хе, хе.

— Нет, я спрашиваю, где вы нашли такого человека?

— Ах, как я его сделал? Хе-хе. Длительный опыт и проницательность! Вам не приходилось читать о старой китайской шутке? Мандарины воспитывали уродов для комнатных услуг, следуя моде. Новорожденных детей помещали в фарфоровые вазы, и постепенно тело ребенка само становилось вазой, приобретало ее форму. Это было замечательно! — Теперь бы — человек с телом пивной кружки!.. Но это грубое ремесло. У китайцев был вкус к прекрасным вещам, но не было знания. А у меня — медицина, хирургия, евгеника. Принцип обычен: человек подражает вещи. И я выращиваю, оперирую, произвожу опыты. Мешает мне больше всего скелет. Если бы удалось без вреда удалить кое-какие кости, о, что я тогда сделал бы!..

Господин Пик расхохотался впервые за все время знакомства с Митчелем. Он зажмурился и широко рас-

крыл рот и закудаhtал, как обыкновенная курица. Это был человек-курица... Он даже хлопал себя руками по бедрам.

— Что вы скажете, например, если человек помещен в рамке круглого зеркала?

Митчель не сказал ничего. Он ушел поскорее от фабриканта шпионов. Его проводил тяжелый вздох человека-стола.

IV.

— Он ожидает вас в приемной, — сказал слуга.

И Митчель поспешил выйти к неизвестному посетителю.

Это произошло через год после описанной встречи с г-ном Пиком.

Но на пороге Митчель остановился, пораженный поведением посетителя.

Высокий человек в старом пальто с поднятым воротником осматривал мебель, перебегая от предмета к предмету, останавливаясь перед каждым, чтобы ощупать его со всех сторон и даже постучать по нем косточками тощих пальцев.

— Что вам угодно? — спросил Митчель.

Человек оглянулся. У него был небритый подбородок и темный широкий рот. Глаза запали глубоко, а волосы лежали кое-как, как попало.

— Меня зовут — Рэм.

По спине Митчеля пробежал холодок.

Толстомясый, крепкосколотенный изобретатель был неузнаваем. Кто бы узнал в сгорбленном человеке с неопрятной прической прежнего Рэма, громкоголосого весельчака, хохотавшего постоянно, когда надо и когда не надо?

Но Митчель сделал вид, что ничего особенного не случилось.

— Чем могу служить?

— Я пришел... — вымолвил Рэм и вдруг спросил: — Почему вы не уберете их отсюда?

Он кивнул головой на стулья у стен. Его глаза закружились по комнате, и он задал еще вопрос, такой же неожиданный и нелепый:

— А как вы думаете, зачем украшают мебель львиными ножками и листьями дуба?

— Что вам угодно? — спросил Митчель снова.

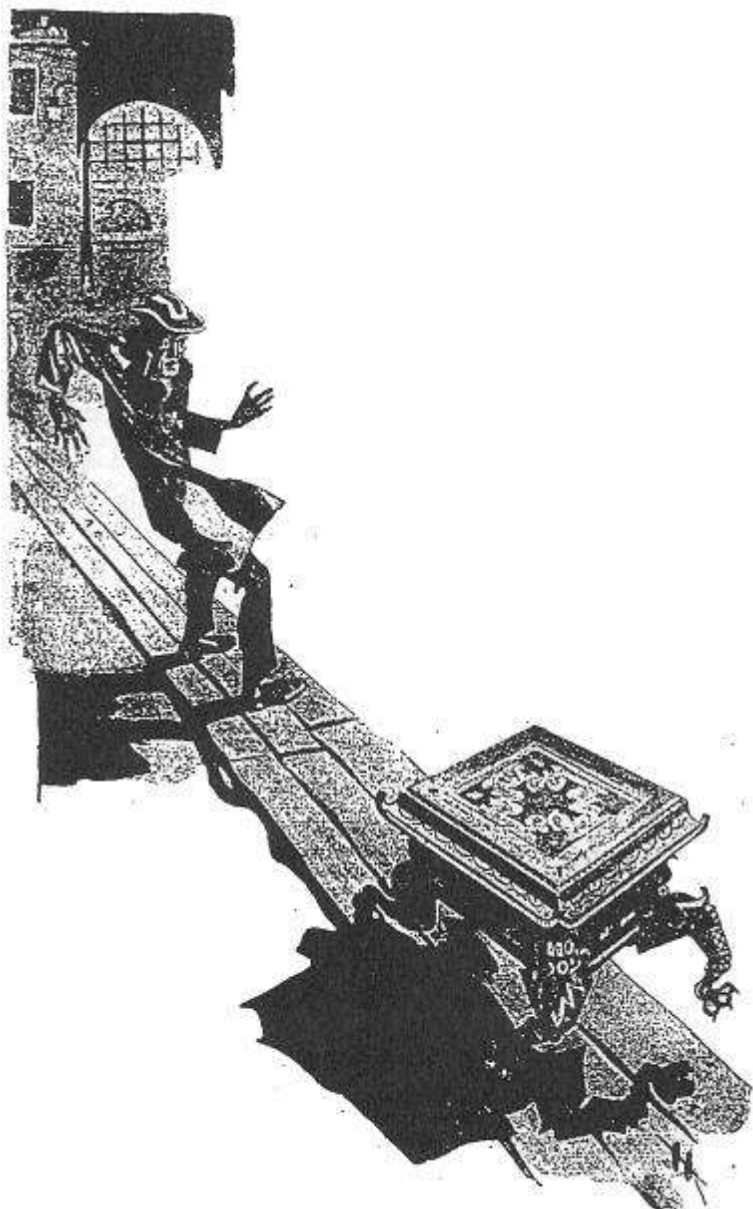
— Мне? Я предостерегаю.

Рэм поднял палец вверх и... усмехнулся. У него искривились губы, а глаза по-прежнему были острые, как огонь.

— Я думал, что у вас нет мебели, а ее — вон сколько. Впрочем, я пересмотрел ее, она безопасна.

Митчель сообразил, что имеет дело с помешанным, и сразу сделался добрым. Он даже предложил Рэму стул.

— Хорошо, я сяду. Я вам расскажу об этом. Можно? С самого начала, с того, как я невзначай приехал на завод ночью. У меня были свои дела на заводе. Меня впустил сторож через северную дверь. Я, кажется, еще пожелал ему доброй ночи и пошел в контору, по тропинке мимо железопрокатной. Была луна, а от нее резкие тени, вырезанные из жести. И вот я увидел, что навстречу идет... я думал... это было, как черепаха, но больше, на кривых лапах. Я ожидал, но мимо меня по дорожке прошел тот самый столик, который я привез на завод накануне вечером. Столик ковылял по дорожке, у него были смешные движения, но я не смеялся. Бывает так... А столик пошел к будке сторожа. Говорили потом, что сторож был убит, а мои чертежи украде-

Мимо меня по дорожке прошел мой столик... Я не смеялся...

ны, но это мне все равно. Я простоял, не двигаясь, до утра. Я говорил, что светила луна? Да, от луны падали тени, от каждого предмета своя... У столика была неприятная тень...

Рэм помолчал немного, потом заговорил опять:

— С того времени я предупреждаю. Почему вы не уберете мебель из комнаты? Смотрите, стол напоминает быка. Он крепко стоит на своих копытах, а рогами уперся в стену. Он оброс шерстью, зеленой, как сукно.

Рэм смотрел на письменный стол, поеживаясь, словно от холода.

— Вам чтонибудь нужно? — спросил Митчель наудачу, не зная, как поступить.

Рэм вздрогнул.

— Мне? Мне ничего не нужно. Я предостерегаю. Нужно убрать мебель из комнаты... Я хотел вас предупредить.

Рэм быстро вышел, не подав Митчелю руки и даже не поклонившись на прощанье.

Это было в высшей степени странное посещение. И, раздумывая о сумасшествии изобретателя Рэма, Митчель подошел к окну. На площади стоял Рэм и ласкал подбежавшую к нему собачонку.

— Он, очевидно, сошел с ума, — подумал Митчель.

Наступал вечер, и уже на диванах покоилась темнота, черная кошка, свернувшись клубком. Доносилось визжание трамвая на повороте и крики продавцов мороженого. Это была вечерняя музыка, и Митчелю захотелось подумать о чем-нибудь веселом. Он даже подошел к зеркалу поправить галстук.

И, как это часто случается в полутьме, в зеркале было другое лицо, не его; гораздо круглее, с темными глазами и блестящим носом.

Митчель дотронулся пальцами до стекла. Оно было холодное, омерзительное на ощупь, неподвижное, сопротивляющееся.

И как раз в это мгновение возникла мысль, маленькая, еще нерешительная, но... Она была ужасна.

— Что делает сейчас господин Пик? — подумал Митчель, вытирая руку о пиджак.

К. БОГОЛЮБОВ

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Рассказ

Иллюстрации С. ЛУЗАНОВА

К. Боголюбов

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Опубликовано в журнале «Мир приключений» №7,
1928 г.

Бэль выполз из пещеры рано утром, когда голубой туман еще клубился в долине, но соседние холмы уже были освещены солнцем. Жизнь казалась ослепительной, как молния, и утренний холод не заставлял отчаиваться. Согрев окоченевшие пальцы дыханием, Бэль сорвал какой-то цветочек и разглядывал его с наивной радостью, которая может показаться сентиментальной и даже смешной, но которая приличествует человеку, только что вышедшему из тюрьмы.

Обстоятельства жизни Бэля не представляли ничего особенного. Восемь лет он пробыл в тюрьме, созерцая белые стены своей камеры, а когда его выводили на прогулку на двор, он мог полюбоваться еще и небом. Небо может быть величественным и прекрасным, но оно пустое и неинтересное, и не в силах наполнить наши глаза. Потому Бэль не смотрел на небо. Он ходил положенные полчаса, опустив голову, вдоль тюремной стены, такой же белой и скучной, как и стены его камеры. Все трещины в камне, углубления и выпуклости были изучены. Бэль знал до мельчайших подробностей, где именно осыпалась штукатурка и сколько кирпичей выглянуло на свет из под извести. Он знал

наперечет все царапины, сделанные на полу каблуками его предшественников в шестой камере второго этажа.

Но это было ужасно. Восемь лет видеть одно и то же — это было ужасно, и, вспоминая об этом, Бэль дрожал больше, чем от холода.

Однако, ему удалось бежать. Тюрьма была старая и находилась в захолустном городке. Охрана же отличалась необычайной сонливостью, и не сумела помешать предприимчивым заключенным, которые, воспользовавшись благоприятными обстоятельствами, прорыли подкоп, и в одну прекрасную ночь бежали. Следуя заранее принятой тактике, сразу же за стенами тюрьмы беглецы начали действовать поодиночке: разными улицами достигли они предместья, разные дороги привели их в лес.

Бэль целый день плутал в чаще, потеряв представление о севере в юге, и не раз бледнел при мысли, что вдруг заросли раздвинутся, трава станет совсем низкой, и он очутится в двух шагах от городской заставы, где, конечно, его возвращению будут рады. Наконец, в сумерки Бэль выбрался на берег безымянной лесной реки и шел вниз по течению, пока не наткнулся на маленькую пещеру в береговом обрыве. Здесь он провел свою первую ночь на свободе.

Теперь он стоял с цветочком в руке, охваченный беспомощной радостью и подавленный необыкновенным разнообразием окружающего мира. Под ногами была густая трава, серебряная от обильной ночной росы, потом росли низкорослые пышные кусты, осыпанные белыми цветами, а еще дальше возвышались деревья с коричневыми стволами и необъятными кронами. По небу плыли тонкие облачка, и кружил на горизонте аэроплан — черная точка, которую можно было

принять за птицу, если бы она не выдавала свое подлинное значение гуденьем. Издали доносились завывания фабричных гудков, и Бэль понял, что он отошел от города достаточно далеко для того, чтобы не тревожиться понапрасну.

Тюрьма была в прошлом, впереди — начиналась жизнь. Темная камера сменилась несказанно великим лесом, по которому можно было идти бесконечно долго, встречая все новые и новые чудеса.

Заботы о пище еще не угнетали, но Бэль захотел пить и, спустившись к реке, пил воду большими глотками, изредка переводя дух, причмокивая и облизывая мокрые губы. Напившись, он посмотрел на небо, желая вновь испытать трепетное восхищение облаками, но — вместо того — стал слушать.

Отдаленное гуденье пропеллера теперь превратилось в рев, отрывистый и возбужденный. Аэроплан медленно волочился над деревьями, почти касаясь их вершин своим брюхом, и вдруг, нелепо накренившись, упал вниз.

Бэль побежал по тому направлению, куда упал аэроплан, чтобы узнать в чем дело, и увидел следующее: в двух шагах от его пещеры, на полянке, лежала на боку стальная птица.

Впрочем, теперь она была только неуклюжим сооружением из металла, с вывороченным шасси, с безнадежно исковерканными крыльями и поломанным пропеллером. Возле сидел человек с надвинутым на самые брови кожаным шлемом.

Когда Бэль подбежал к нему, охваченный страхом и жалостью, человек сказал довольно спокойно:

— Ничего особенного не случилось... Снизился я довольно удачно...

Затем он стал ощупывать свою правую ногу, осторожно поглаживая ее ладонями, и в то же время продолжая говорить:

— Я всегда знал, что с этими машинами ничего доброго не выйдет... Мне еще удалось снизиться... Видимо, простой вывих..

Попробовав изменить положение своих ног, человек застонал.

— Я помогу вам, — сказал Бэль, но человек застонал.

— Помогу вам, — сказал Бэль, но человек раздраженно ответил:

— Лучше сбегайте в город. Я видел, он неподалеку. Бэль конфузливо улыбнулся.

— В город я не пойду.

— Глупости... пойдите в город и скажите, что Эффе-ри требует помощи.

Бэль повторил свой отказ громче:

— Не пойду. Меня там арестуют.

Человек окинул его взглядом и, видимо, правильно оценил серую куртку Бэла. Во всяком случае, он замолчал.

— Я сам сделаю, — сказал Бэль, — раньше я делал это довольно удачно.

Стараясь действовать возможно нежнее, он ощупал ногу летчика и понял, что действительно имеет дело с простым вывихом. Затем, придерживая колено, он несколько раз встряхнул распухшую лодыжку.

— Хорошо, сказал он, — опухоль должна опасть.

Когда эта болезненная операция была закончена и сустав занял свое естественное место, летчик спросил:

— Вы беглый каторжник?

— Да. — Бэль кивнул головой и озабоченно заговорил о другом:

Он ощупал ногу летчика...

— Я перенесу вас в пещеру. Там будет удобнее, а дня через два вы встанете на ноги.

— Вы думаете, встану? Хорошо. У меня там — человек указал на разбитый аппарат — шерстяное одеяло.

Час спустя, Эффери лежал у входа в пещеру, повествуя о своем последнем полете...

— Когда аппарат начал работать с перебоями, я стал искать удобного места, какую-нибудь поляну. Понимаете?

Бэль взглянул на него равнодушно.

— Понимаю. Но вам нужно полежать несколько дней, а в город не пойду.

— Что же мы будем есть?

— Что мы будем есть, — повторил Эффери, — а что вы будете есть?

— Я — другое дело. Я не думаю сидеть в этой берлоге. Где-нибудь в лесу я достану себе... а в город я не пойду.

Сказав последнюю фразу весьма сердитым голосом, Бэль отвернулся и смотрел на реку. Эффери следил за ним сзади, спрятав руку в карман, где был револьвер. Он понимал, что появление постороннего человека мешает замыслам беглого каторжника, и готовился ко всему. И вдруг он заметил, что пасмурное лицо Бэля светлеет. По волосатым губам человека в серой тюремной куртке проползла улыбка, его маленькие круглые глазка сощурились, а тело, распластанное на земле, задрожало от сдержанного хохота. Действительно, Бэль смеялся, зажимая рот ладонью и не отрывая глаз от реки.

— Что с вами? — спросил Эффери.

— Молчите, — шепнул Бэль, сдвинув брови и даже погрозив пальцем.

Тогда Эффери осторожно подполз к нему и растянулся рядом.

Они лежали на краю высокого глинистого обрыва, внизу кипела река, бросая вверх голубые своенравные волны.

И с противоположного берега, осторожно топая широкими пятками, спускалась к воде медведица, а за нею ковылял медвежонок. Внизу медведица огляделась и затем погрузилась в воду до самых ушей; ласковым ворчаньем она приглашала своего ребенка сделать то же самое. Но медвежонок трусливо макал лапу в воду и мгновенно отскакивал назад, видимо, пугаясь холода. Потом он сел в сторонке и жалобно подвывал, пока медведица стояла по горло в воде.

Эффери толкнул своего товарища локтем.

— Что она делает?

— Выгоняет из шкуры блох, — ответил Бэль шепотом, — я слышал об этом.

Выкупавшись, медведица пошла обратно в лес, и медвежонок плелся за нею но пятам, наклонив морду к земле и, по-видимому, с трудом преодолевая крутизну берега. Когда он споткнулся и упал на спину, задрав лапы кверху, Бэль не выдержал.

Выкупавшись, медведица пошла в лес. Медвежонок споткнулся и упал на спину, задрав лапы кверху...

Он захохотал, разевая рот, как только мог, приплясывая и хлопая в ладоши, как мальчишка.

— Цирк, честное слово... переваливаются, словно кегли, — приговаривал он в промежутках между взрывами неистового хохота.

Эффери смеялся более сдержанно, но и в его глазах была та же простодушная радость, как и у его товарища. Мало-помалу Бэль успокоился и почему-то усты-

дился своего поведения. Неуверенно почесал в затылке, как будто бы это действие могло оправдать его мальчишество.

— Ну и что ж, — сказал он со злостью. — Что же тут удивительного? Я не виноват, что просидел восемь лет в тюрьме.

Ему почему-то казалось, что Эффери его осуждает.

— Конечно, не виноват, — повторил Бэль необыкновенно энергично: — Восемь лет я видел одно и то же, и неудивительно, что всякая диковинка меня забавляет. Что ж тут смешного? Я, ведь, не летал, как вы, по триста километров в час, а из года в год мотался по камере. Это вам известны разные разности, а я...

Он умолк, поглядывая на Эффери исподлобья. А тот сосредоточенно копал пальцем песок и не возразил ничего.

— Ну, да, между нами огромная разница, — настаивал Бэль, предполагая молчаливое возражение — вы исколесили весь свет, а я сидел в конуре и плевал в стену. Вы только сейчас неподвижны, а я только сейчас освободился. Я не виноват, если обрадовался медведям.

— Нет, вы неправы, Бэль, — сказал Эффери, — разницы между нами нет. Действительно, я делал по триста километров в час, но, послушайте... Я летал так высоко, что земля казалась серым, невзрачным пятном. Кое-где были домики — белые камушки, кое-где — синие полосы речек, зеленые рощицы казались хлопьями ваты. Это похоже на раскрашенную модель Альп. Нередко земля была покрыта туманом, нередко подо мною был океан, косматый и неприютный, а вокруг — небо. Кроме того, земля бежала подо мной, как вода с гор, и я не успевал рассмотреть ничего. Я только слушал одно и то же гуденье мотора и, делая по триста

километров в час, видел так же мало, как и вы, Бэль.

— Я не знаю, — продолжал он, — понимаете ли вы меня? Мы воспринимаем каждый предмет во времени и пространстве, и между временем и пространством должно быть равновесие. Чтобы ознакомиться с вами, я смотрю на вас минут десять, сколько понадобится. Но если вы будете передо мною пять или шесть лет, у меня появится отвращение. Так и у вас восемь лет перед глазами была одна и та же камера. А я? Если я окинул вас беглым взглядом, если вы стояли передо мною одну сотую секунды, что я скажу о вашем лице? В вашей тюрьме было слишком мало пространства и много времени, а у меня — мало времени и много пространства, потому что я делал по триста километров в час. Одно и то же нарушение равновесия между формами наших восприятий. До сих пор я, как и вы, не слышал шелеста листьев, не видел кипящей воды и купающихся медведей. Сейчас я освободился, как и вы, обрел потерянное равновесие между временем и пространством: я могу смотреть на предметы столько, сколько захочется.

Эффери перевел дух и Бэль воспользовался этим перерывом, чтобы откашляться.

— Возьмите у меня револьвер, — продолжал Эффери, опуская руку в карман, — и убейте на ужин птицу, — я думаю, что выстрелов никто не услышит. Мы подождем здесь, пока я буду в состоянии ходить, а потом вместе перевалим через холмы, чтобы уйти от полиции. Вдвоем нам будет безопаснее, и мы увидим прекрасный зеленый лес, который шумит, цветет и благоухает, в котором живут невиданные звери, и чудесные птицы таятся среди листвы. Мы ведь этого не видели никогда.

К. БОГОЛЮБОВ

ВОИНЫ НОДО

Рассказ

К. Боголюбов
ВОИНЫ НОДО

Опубликовано в журнале «Вокруг света (Л)», №51,
1928 г.

Воины

Рассказ К. Боголюбова

Рисунки К. Хачергина

Нодо

I.

Часовой сделал пять шагов вправо и, остановившись, уставился на воду. В этом месте ручей превращался в пруд, глубокий, тенистый, тихий, как кладбище.

«Может быть, они и лежат там, на дне», — подумал он, приглядываясь к стеклянной воде, по которой бежали какие-то тени и отблески.

«Дно, наверное, илистое, и трупы лежат в грязи», — думал часовой, вспоминая своих предшественников, погибших на посту у ручья. Пять солдат, пять храбрых солдат один за другим погибли на посту у ручья. Каждую ночь часовые бесследно исчезали, на утопанной траве не оставалось даже ни одной капли крови.

— Кто мог их снять? Куда они делись? — спросил часовой (шестой по счету) и, вздрогнув от собственного голоса, обернулся.

С одной стороны — ручей, с другой — лес, откуда доносились странные шорохи. Под лунной листва была мертвенного синеватого цвета. Казалось, что деревья то приближаются одно к другому, то вновь расходятся. Но это был просто ветер.

Из лесу ползла сырость, и охваченный внезапным ознобом часовой на секунду сомкнул веки, мечтая о палатке, об одеяле. Бывают такие мгновения, особенно в минуты опасности, когда одолевает нестерпимая жажда отдыха.

Но секунда прошла, часовой снова открыл глаза и увидел в пяти шагах от себя высокую белую фигуру.

— Стой, стреляю!

Человек в белом спокойно поднял руки кверху.

— Успокойтесь, Поль. Это я.

— Господин Бушен?

— Да. Всмотритесь получше.

Не опуская рук, Бушен-метеоролог, прикомандированный к отряду Далоза, подошел к часовому.

— Я решил узнать, в чем тут дело, Поль. Не пугайтесь. Я спрячусь в кустах. Видите, кольт — восемь пуль.

Бушен залег в мокрой траве, а часовой ходил по поляне взад и вперед, изредка молодцевато покашливая. Прошел час или два, месяц спускался все ниже и ниже.

И вот, в час багрового месяца, произошло нечто неизъяснимое. Расплеснув как воду пушистые кусты, на поляну метнулось гибкое человеческое тело.

У Бушена стучали зубы, и потому за револьвер он схватился слишком поздно. Часовой был уже на земле, лицом вниз, а убийца сидел на нем, поднимая и опуская правую руку.

На поляну метнулось гибкое человеческое тело.

Бушен выстрелил, но тут же заметил, что револьвер у него в кулаке трепещет, как рыба. Выстрелы бесполезны. Он выскочил из своей засады, а затем, обезумев от ужаса и неистовой злобы, ничего не помня, бросился вперед, и скоро очутился на земле рядом с неподвижным часовым. Над ним склонилось лицо лейтенанта Далоза.

— Какого чорта!.. — выругался Бушен, стараясь приподняться: — Что с вами, Далоз?

Лейтенант смотрел на него, улыбаясь.

— Что вам от меня нужно, Далоз?

— Меня зовут Тал-реп, — сказал лейтенант, тщательно выговаривая каждый звук: — Я не знаю, кого зовешь ты, европеец. Ты пришел погубить страну черных людей Нодо. Смотри... — Он указал на вершины деревьев: — Там висят трупы ваших солдат. Коршуны клюют им глаза, а шакалы воют внизу, ожидая объедков.

У Бушена от ужаса закрылись глаза. Он понял, что по ночам лейтенант становится дикарем. Атавизм, уродливая гримаса подсознательного...

— Я не трону тебя, европеец, — продолжал Далоз или, вернее, тот, который днем был Далозом: — Иди и возвести своему племени, как мстят непобедимые воины Нодо.

Бушен поднялся на ноги, постоял, не зная, что делать, а затем кинулся в лес, одержимый единственным желанием поскорее забыть о проклятой поляне, о мертвом часовом, о стеклянной воде лесного ручья.

II.

Вообще говоря, лейтенант мог улыбаться с утра до вечера: он был счастливчик. Ведь именно ему был вве-

рен отряд, командовать которым добивались даже некоторые алжирские генералы, не говоря уже о сотнях полковников со всего плоскогорья Шотт.

Итак, лейтенант Далоз, счастливчик, баловень судьбы, первый футболист и последний по экзаменационному списку Сен-Сирской школы, был назначен главой экспедиции, цель которой утысячить возможности эксплуатации Западного Судана.

Как известно, вдоль верхне-гвинейского берега, от реки Кросс до Сенегамбии, тянется непрерывный горный хребет, совершенно отрезывая Судан от моря. Север же занят могущественнейшей из пустынь, Сахарой.

Но вот, на 5° зап. долготы Мишель Адажон открыл узкий горный проход, который поднимался к северу и в сердце гор образовывал довольно широкую долину. Желанный выход к морю был найден, но только для Франции. Британские владения на берегу Черной Вольты и верхняя часть Нейгерии по-прежнему оставались взаперти. Могла ли Британия равнодушно взирать на усиление французского могущества в Африке? Нет, и, воздействуя на Лигу Наций, вырвала ключ к морю из рук «прекрасной Марианны».

Дело в том, что в долине Адажона обитало малочисленное племя Нодо, которое было объявлено Лигой суверенным, а долина признана собственностью племени. Франции было разрешено держать там только маленький военный отряд, командиром которого был назначен лейтенант Далоз.

Была лунная свежесть, деревья, обремененные росой, стояли, опустив головы; был утренний час, когда отряд вступил в долину. Лагерь разбили невдалеке от дикарского поселка, на берегу ручья, и сразу же начали устраивать провиантский склад. Для этого вырыли яму глубиной в полтора метра, и в яму составили

ящики с галетами, сушеное мясо в мешках и растительный жир в запаянных банках. Сверху растянули брезент.

— А не мелко — полтора метра? — спросил лейтенант.

— Нет, — ответил капрал, человек бывалый: — Жарко не будет, песок сырой. А глубже рыть невозможно. Мы дорылись до твердой глины.

— Ах, там подпочвенная глина! — Лейтенант поднял брови и приказал разбить палатки выше по берегу, над провиантским складом.

Таково начало экспедиции. Лейтенант о чем-то раздумывал, прикомандированный к отряду метеоролог возился с какими-то барометрами и флюгерами, солдаты несли караулы, нещадно почесывались от скуки и проклинали сухие галеты, потому что по вечерам из дикарской деревни тянуло жареным мясом.

На четвертый день они и совсем отказались от галет, утверждая:

— Они пахнут навозом.

— Нас кормят пометом.

Солдаты были правы. Все остальные ящики галет пахли не лучше, и столь же противно пахло сушеное мясо. Только жир в запаянных жестяных банках сохранил все природное безвкусие.

— Так ведь глина непроницаема для воды! — вскричал Бушен, метеоролог.

Лейтенант согласился.

— Об этом я слышал еще в школе. Но что из этого следует?

— Да ведь склад на берегу, а выше лагерь и лагерное отхожее место. Значит, все нечистоты, просачиваясь в песок, доходят до слоя глины и стекают вниз, к складу.

Лейтенант схватился за голову.

— Значит, я сам отравил склад!.. В ящиках щели...

Для склада вырыли новую яму, но хранить уже было нечего. Пришлось заняться охотой.

Впрочем, с этого же дня лейтенант стал усиленно заниматься с солдатами строем, стрельбой и гимнастикой. Пробегав часа три-четыре, солдаты ложились на землю и тяжело дышали. Об охоте нечего было и думать. По вечерам солдаты садились в засаду возле горных тропинок. Нередко проходили охотники Нодо, и через их плечи были перекинuty еще теплые козы. Отняв добычу, солдаты поджаривали мясо на штыках и опасливо озирались: не мелькнула ли в сумраке сухая фигура лейтенанта.

Но лейтенант сидел в своей палатке на ящике изпод галет и размышлял. «Итак, мародерство вызвано. Еще несколько дней, и солдаты прямо пойдут в поселок и будут брать с очагов уже готовую пищу. Мясо, приправленное перцем и тимьяном, с подливкой из толченого дохну. Дикарям это надоест, и они нападут на отряд».

Придя к этому выводу, лейтенант просиял.

— Тут послы, — сказал часовой, просунув в палатку голову. Снаружи сидели на корточках люди Нодо. Их волосы были высоко взбиты и склеены желтой смолой, на шее висели ожерелья из шакальих клыков, а на груди были нарисованы священные знаки мира. Увидев лейтенанта, послы закрыли глаза руками, как бы обороняясь от нестерпимого света.

— Могучий воитель, пришелец с полуночных стран, быstroногий белый олень, — разразился один старик и, перебрав множество эпитетов и метафор, сравнил лейтенанта со всеми благородными животными, закончил свою цветистую фразу просто и неожиданно:

— Хочешь ли ты мяса?

— Мя-са? — повторил лейтенант.

— Да, мяса. Твои солдаты изнемогают в воинских играх, у них нет времени для охоты. Им трудно даже охотиться за охотниками. А у людей Нодо, по милости обезьяних богов, горы говядины, холмы дичи. Мы дадим тебе мяса, чтобы избавить твоих солдат от хлопот.

Лейтенант сразу осунулся. Все старания не привели ни к чему. Эти бродяги миролюбивы, как ангелы. Их не проймешь и мародерством. И они еще осмеливаются предлагать милостыню.

— Нет, — отрезал лейтенант гневно. — Мы не нищие.

Старик в отчаянии всплеснул руками:

— Мы дадим тебе мяса, а за это ты дай нам толстого человека с седыми усами. Пусть он поскорее научит воинов Нодо вашим военным хитростям.

Лейтенант облегченно вздохнул. Дикари, значит, собираются напасть на отряд, но сначала хотят выведать тайны врага. Лейтенант с радостью подарил бы им своего капрала, которого дикари и просили, но не мог этого сделать, и отказал.

— Я не могу. Но посоветую вам... можно сыскать знающего человека.

III.

В тот же день, когда лейтенант беседовал с послами, трое солдат дезертировали в горы. У остальных от голода были мутные глаза, шелушилась кожа. Они бесцельно шлялись по лагерю, подгибая колени как старики.

В то же время началась зима. Когда налетал ураган, деревья в ужасе припадали к земле, небо кипело, ли-

вень рубил листья, калечил траву. Тополива в сухое время не запасли и дрогли в мокрых палатках, где в прелых постелях завелись червяки. Но лейтенант поглядывал на своих солдат с довольной улыбкой. Часто он уходил из лагеря и, заложив руки за спину, гулял в лесу. Однажды, когда он бродил по склонам горы Ме-юр, ветер донес до него хриплый окрик:

— Направо кругом!

Это — не из лагеря, лагерь был далеко. Лейтенант прислушался.

— Ружья на плечо! — новый окрик.

Кто это командует?

Лейтенант пошел на голос, долго плутал в высокой мокрой траве, устал, но продолжал путь, пока, наконец, команда не раздалась над самым ухом:

— Смир-рно!

Выглянув из-за ствола баобаба, лейтенант увидел краснорожего толстяка, который стоял на лесной прогалине, расставив ноги и шумно отдувался.

«Маркитант из Аин-Сулаха», — определил лейтенант.

Перед толстяком, подобрав животы, затаив дыхание и жалостно ворочая белками, стояло десятка два дюжих воинов Нодо. У каждого в руках была длинная палка.

— На кр-раул! — неистово заорал маркитант.

Дикари вскинули палки, и застыли.

«Ах, у них нет ружей, — догадался лейтенант. — Печально. Без ружей они не нападут. Жаль».

Не желая мешать воинам Нодо, он повернул обратно. Но таков уж был этот тревожный день, что едва только поднял лейтенант полу своей палатки, как к нему подскочил часовой:

— Шпиона поймали...

Лейтенант поморщился.

— Где? Кто?

— А вот они...

Два солдата подвели к палатке воина Нодо. Опершись на связку ассигаев, он надменно озирался, показывая всем свои бесчисленные шрамы и кривой глаз — признаки доблести. В волосах у него торчало перо ворона, а на плече висела новенькая винтовка.

— Поймали его за лагерем, — докладывал Жак. — Сидел и считал, сколько у нас солдат.

— Так ли это, друг? — лейтенант объяснил воину, в чем его обвиняют. Тот равнодушно пожал плечами и спросил:

— У тебя убежало пять воинов?

— Да, пять. А откуда у тебя ружье?

Воин погладил ладонью сверкающий ствол.

— Сегодня у меня, завтра будут у всех.

— Ружья стоят денег, — возразил лейтенант презрительно.

Дикарь улыбнулся.

— Боги стоят еще дороже, если они из чистого золота. Мудрые предки оставили их нам, но мы вырежем новых богов из дерева. Мужики Нодо искусны в резьбе. Боги будут ничуть не хуже.

«Так, — лейтенант задумался. — Завтра придут винтовки. Вероятно, дикари купили их у арабов из Тимбукту. Если будет оружие, они нападут. О, это прекрасно!»

Лейтенант милостиво потрепал дикаря по плечу.

— Что еще скажешь, друг?

— Ничего не скажу. У тебя убежало пятеро, осталось двадцать. Это еще очень много.

— Да, порядочно, — согласился лейтенант.

— Они еще смогут защитить великого белого оленя.

— Ну, ступай. — Лейтенант круто повернулся и и скрылся в палатку, опустив за собой полу.

Солдаты злобно смотрели на уходящего воина.

— Не живать нам, я думаю, — сказал один из них. — Надо спастись.

IV.

Оставшись один, лейтенант нахмурился. Дикари, как видно из слов кривоглазого воина, боятся нападать на такой большой отряд. Следовательно, нужно его уменьшить.

И с того дня лейтенант ставил часовых на пост у ручья и каждую ночь снимал их, нападая внезапно. Пять человек погибло, шестой тоже погиб, но вместе с шестым был метеоролог Бушен, которого лейтенант помиловал. Орас Бушен не был солдатом, а лейтенант убивал только солдат. Кроме того, лейтенант чувствовал к метеорологу некоторую привязанность, сыграв с ним около тысячи партий в трик-трак. Тут же на месте выдуманная — лейтенант был бы неплохим сочинителем — речь дикарского вождя Тал-репа... после чего, несуразными прыжками, метеоролог бросился бежать, одержимый единственным желанием — поскорее забыть о проклятой поляне, о мертвом часовом, о стеклянной воде лесного ручья.

Лейтенант смотрел ему вслед, улыбаясь.

Таким образом, убийства у лесного ручья не были совершены в бессознательном состоянии, а являлись следствием неуклонного умысла: нужно, чтобы дикари напали на отряд.

Но зачем нападение?

Ответ мы услышим из уст самого министра колоний, который поучал лейтенанта Далоза, только что назначенного командира отряда. Мы переносимся в прошлое.

V.

Министр был отменно дородный мужчина — этажи подбородков и архипелаги прыщей — пожилой и лысый настолько, насколько подобает министру.

Министр был отменно дородный мужчина.

Предложив лейтенанту стул, он минуты две или три смотрел на свои ногти, а затем спросил:

— Вы ознакомились с положением дела?

Лейтенант, привстав, поклонился.

— Если вам известно важное значение этой долины для нации, то вас не удивит и прямо поставленная задача: долина должна перейти в руки нации. Вы командуете отрядом. Пути в долину трудны и, вероятно, мы не сможем обеспечить вас продовольствием в требуемых размерах.

— Но ведь пойдут мародерства, — осмелился заметить лейтенант.

— Весьма возможно. Может быть, даже на почве грабежей между солдатами и дикарями произойдут стычки.

— Но дикарей 300 — 400, и двадцать пять солдат будут...

— Истреблены, — докончил министр: — Именно этого-то я и добиваюсь.

Заметив, что лицо лейтенанта изображает изумление, министр приступил к разъяснениям:

— Практика колониальных завоеваний показывает, что захватить дикарскую территорию можно двумя способами. Во-первых, посылается армия, на которую слабые туземцы напасть не осмелятся. И в совершенной безопасности армия жжет леса, топчет посевы, разоряет поселки и исподволь искореняет население. Этого мы не можем. Если мы попробуем планомерно и рационально избивать дикарей, неминуемы дипломатические осложнения.

Тогда пусть дикари избивают нас, второй способ. Мы посылаем маленький отряд, слабо вооруженный, с недостаточным запасом продовольствия, которое солдаты будут пополнять грабежами. Затем, конечно, — насилия, оскорбления и прочее. В конце-концов, дикари возмущаются. Самое лучшее, если они вырежут отряд целиком, а сделать им это нетрудно: ведь в вашем распоряжении всего 25 штыков. Тогда мы, уже не

стесняясь, с полным сознанием своей правоты, объявляем войну и двигаем большую карательную экспедицию.

Итак, вы подготовите истребление вашего отряда, и чем скорее с вами разделаются, тем лучше. Сами же вы сумеете, я полагаю, вовремя бежать.

VI.

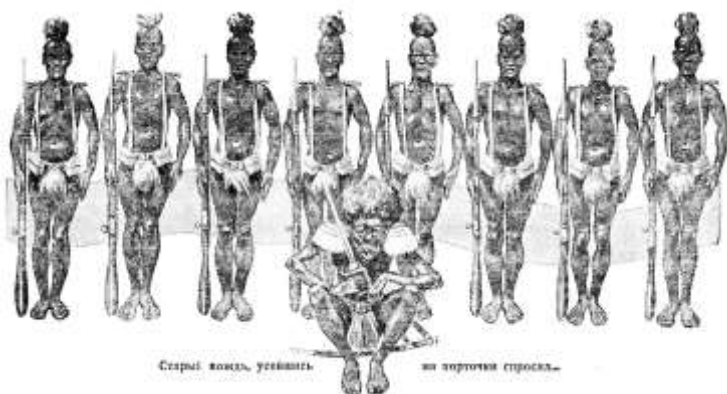
Исполняя волю министра, лейтенант уничтожил провиантский склад отряда. Исполняя мудрую волю министра, лейтенант вызвал мародерство и вынудил племя Нодо вооружаться. Наконец, исполняя непреложную волю министра, лейтенант уменьшил численность отряда, облегчая возможность его истребления.

В ту же ночь, когда он запугал костлявого Бушена, дезертировали еще два солдата, а остальные тупо смотрели в землю, ожидая смерти. Лейтенант даже прекратил убийства, считая их излишними. Ведь у него осталось всего-навсего двенадцать солдат. Из них четверо погибли от лихорадки, а у остальных начали выпадать зубы, а по телу пошли нарывы. Тогда они все дезертировали, оставив лейтенанта с одним слугой-инвалидом.

Лейтенант горящими глазами смотрел на дикарский поселок, не думая уже о побеге, о спасении своей жизни. Он был одержим одной мыслью: нация возложила на него великую задачу, ее нужно выполнить. Ужели дикари не нападут даже на одинокого белого человека, ужели они боятся инвалида-слуги!

Как-то раз, когда перестал дождь, лейтенант выглянул из палатки и, пораженный восторгом, схватился за сердце. Из поселка развернутым строем выходили дикари. Они направлялись к лагерю с винтовка-

ми на плече, разбрызгивая лужи мерными ударами пяток. Их голые тела были стянуты ремнями, на которых висели патронные сумки и ножны для штыков. Впереди, изредка оборачиваясь и равняя строй, выступал старый вождь, украшенный неведомо откуда добытыми эполетами и вооруженный помятой шпагой. Воины Нодо были прекрасно вышколены. Забыв об опасности, лейтенант залюбовался их выправкой, и опомнился только тогда, когда дикари, не теряя строя, остановились в пяти шагах от лагеря. Старый вождь, придерживая свою шпажонку, приблизился к нему и, усевшись на корточки, спросил:

— Каково спит великий морщинистый носорог и сколько пожирает мяса большеголовый пятнистый удав?

— Говори короче, — приказал лейтенант.

Старик зажмурился, как бы от восторга, и продолжал:

— Много ли осталось у тебя воинов?

— Немного. Один, да и тот колченогий.

— Сумеет ли он защитить тебя?

Лейтенант томился, ожидая смерти, а дикарь спокойно разглагольствовал, издеваясь:

— Мы видели, что ты недоволен своими воинами и проверяешь их бдительность, убивая сонливых. Твои воины были хуже старух, но все-таки они были воинами. А что сделаешь ты, одинокий? Тебя одолеют все — кривоногие дарафуры, пьяницы и ротозеи и даже рабы твои — люди Нодо.

И вдруг дикарь переменял тему:

— Скажи, премудрый, везде ли белые воины бьют чернокожих:

— Везде, — сказал лейтенант. — Везде бьют. А если тронут белого воина, обидчик умрет.

Дикарь зачмокал: — Тце... тце... А кто защитит черных воинов Нодо, которые должны охотиться, строить хижины и умирять женщин?

— Да, солдаты только воюют.

— Не только воюют, — дикарь покачал головой. — Твои воины обленились. Тебе нужны хорошие воины, о, покоритель земель! Люди Нодо решили, что самое лучшее на свете — быть белыми солдатами. Люди Нодо продали своих богов, накупили оружия, обучились всему, чему могли обучиться, и стали не хуже белых. Возьми нас в солдаты, непобедимый!

VII.

Орас Бушен добрался до Аин-Сулаха, босой, исхудалый, опаленный солнцем. Заикаясь от ужаса, он сообщил губернатору, что лейтенант избивает своих солдат.

В долину Адансона была отправлена спасательная экспедиция и там, в тени отвесной скалы, был найден покинутый лагерь. Полуистлевшее полотно палаток,

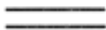
остатки костров, заржавевшие банки из-под консервов, чьи-то рыжие сапоги с протертыми подошвами и ничего больше.

Только в лесу на склонах горы Меюр кто-то вопил:

— ***Vive la France!***

Кто — с точностью установить не удалось, но люди предположили по голосу, что кричит лейтенант Далоз. Мы-то знаем, почему он кричал: он не вынес разочарования и сошел с ума.

Но люди удивлялись.

К. БОГОЛЮБОВ

РАВНИНА ТУА

Рассказ

К. Боголюбов
(Н. Константинов)

РАВНИНА ТУА

Опубликовано в журнале «Вокруг света(Л)», № 18,
1928 г.

Глава I.

Бальдер вышел из палатки желтый от загара, от лихорадки, от злости, нисколько не напоминая золотоволосого германского бога, имя которого носил. Было солнце, которое падало сверху, словно коршун, которое било по голове, как палкой, которое обжигало, слепило, калечило и повергало ниц.

От солнца нужно спастись в пещерах или непроходимых береговых джунглях.

Но десятник Бэн-Ну, родом из Тимбукту, сидел на солнцепеке, сверкая лакированной потом кожей, покурявая и блаженно щурясь. Бэн-Ну бесстыдно бездельничал.

— Ты с ума сошел, — крикнул Бальдер. — Ты думаешь, что за тебя будут работать другие? Кто вышел на линию с людьми Бени-Амер?

Десятник лениво взглянул на Бальдера и столь же лениво раздвинул губы:

— Никто не вышел.

— Ах, никто! Ты думаешь, что они справятся сами, по-твоему, им не нужно указывать, ленивая ты собака! Пес!

Бэн-Ну пропустил мимо ушей ругань, потому что уже привык к ней, второй год работая на постройке железной дороги из Хамда-Анахи в Бакель, и ответил, оставаясь спокойным:

— Не вышел потому, что людей Бени-Амер нет.

— Как нет?

— Они не вышли на работу, господин.

Бальдер задышался от злости.

— Они, наверное, перепились в кабаке.

— Взгляни, господин! — сказал Бен-Ну, пожимая плечами.

На соседней палатке висела доска с надписью:

«Таверна милого дяденьки»,

а на перевернутом ящике дремал толстый мягкотелый араб-хозяин. И кроме одного, — всем известного пьяницы, который лежал на спине, выпятив раздутый пальмовой водкой живот, — кроме него, у палатки не было ни одного человека.

Люди Бени-Амер не пьянствовали в кабаке, но и не вышли на работу.

— Что же, мы им бесплатно даем сахар и водку, — думал Бальдер. — Мы им покажем, как нарушать контракт.

И он решил пойти в становье Бени-Амер.

Следом за ним плелся Бэн-Ну, едва волоча ступни по песку, так что позади оставались не следы, а борозды, как от плуга.

Они обогнули холм, перешли высохшую речку и углубились в прибрежные заросли, где была рассыпана солнечная пыль, колючая, как репейник, где мимозы увядали от зноя и ежились, если Бальдер толкал их плечом. Аромат молочаев был удушлив, и сок выступал на растрескавшейся коре деревьев.

Сразу за лесом на крутом берегу Багоэ стояла деревня Бени-Амер, хижины, разбросанные вокруг площади, посредине которой было жилище каменного праотца и большой дом для юношей, не достигших совершеннолетия.

Но обычно оживленная, визгливая, пискливая, наполненная криками ослов, криками женщин, воплями и перебранками, деревушка была тиха, словно кладбище. И на площади, где обычно сидели мужчины, распивая европейскую водку и любуясь мальчиками, которые состязались в военных играх, бегал один голенастый глупый петух и подзывал своих пестрых кур к рассыпанному зерну. Но петух оставался один, кроме него не было ни курицы, ни осла, ни осленка и ни единого человека.

Бальдер обежал все жилища и даже перетряхнул кучу тряпья в углу какой-то хижины, но везде встретился только с затхлой пустотой, а из тряпья мелькнула мышь, которая, конечно, не могла вознаградить Бальлера за его поиски.

Деревня была пуста, и это было чрезвычайно странно и наводило на размышления. Можно было подумать, что люди Бени-Амер поняли, наконец, в каком неоплатном долгу состоят они у железной дороги и сколько дней должны отработать за выпитую водку, перекаывая шпалы и таская песок для насыпей. Можно было подумать, что люди Бени-Амер, убоявшись

рабского труда, бежали, как некогда евреи из Египта в Ханаарскую землю.

Но если так, то нужно было осмотреть следы, оставленные переселившимся племенем, и Бальдер сказал:

— Бэн-Ну, осмотри, куда они двинулись. Мы нагоним их на мотоциклах.

Десятник презрительно усмехнулся, сожалея о глупости европейца, а затем кашлянул и намекнул осторожно:

— А может быть, и не нужно осматривать?

— Почему?

— Дарафуры рассказывают, что люди Бени-Амер вампиры и оборотни. Тут что-то дьявольское, господин.

Бальер выпучил глаза от бешенства.

— Поди ты к чорту с бабьими сказками. Ищи, пес!

Бэн-Ну повиновался, но отойдя шагов на пять остановился снова, ковыряя песок пальцами ноги.

— А может быть, лучше не ходить, господин... Дарафуры рассказывали, что сегодня ночью поселок Бени-Амер светился, как днем, а потом в небесах зашумело и прилетел блестящий червяк, большой, жирный, как гусеница-обжора. И все смолкло. Дарафуры рассказывают, что дьявол унес людей Бени-Амер с собою, дарафуры не ошибаются, господин. Но если ты хочешь, я пойду.

— Нет, не ходи, постой.

Бальдер прикрыл глаза рукой, жилистой, напавшей связку бечевок, и размышлял.

— Никуда не ходи, Бен-Ну. Я уже все знаю, — сказал он, наконец, опустив уже ненужную руку.

Он дрожал от волнения, предчувствуя, что впереди — новая жизнь, скитания по свету и поиски равнины

Туа, нового материка, куда — без сомнения — переселилось племя Бени-Амер.

И в тот же день Бальдер, передав постройку своему помощнику, уехал в Европу.

Глава II.

Внезапный отъезд Бальдера стоял в связи с одной встречей, которая произошла месяца за два до выше-описанного исчезновения племени Бени-Амер.

Однажды, возвращаясь в лагерь из далекой поездки, Бальдер сбился с пути и заехал в непроходимые заросли, которыми так богаты болотистые берега верхнего Нигера.

Наступила ночь, и на деревьях, не шевелясь, сидели светящиеся жуки-звезды, невидимая большая птица пролетела, как булыжник, обмотанный сеном, на траве была седая роса и Бальдер ехал, опустив поводья, на удачу.

И на одной полянке он увидел шатер, освещенный изнутри, как транспарант. На матовом полотне двигалась огромная тень чьей-то головы.

Всякое неизвестное жилье в сердце Африки не обещает ничего доброго, и человек в палатке мог перевозить краденое золото или каучук, и пить водку, зажав между коленями карабин.

Поэтому Бальдер, оставив коня в лесу, подкрался к палатке, чтобы услышать, с кем ему предстоит встретиться, и услышал как кто-то декламирует Байрона резким дребезжащим голосом.

Тогда Бальдер, откинув опущенную полу шатра, смело вошел внутрь и очутился лицом к лицу с маленьким старичком в рыжем сюртуке, в ермолке, из-под которой вылетали волосы, пушистые, как облака.

Из-за спины старичка выглядывал толстогубый туземец.

— Я — инженер, строитель дороги! — сказал Бальдер.

— Ка-ак?—взвизгнул старичок, подскочив к нему и цепляясь за его рукав. — Строитель дороги из Хамда-Анахи в Бакель? Очень рад встретиться с человеком, который спаивает племя Бени-Амер. Вы мой заклятый враг, сударь, потому что я — Теобальд Кашка, профессор венского университета, доктор хамитской филологии, если это для вас понятно.

Бальдер улыбнулся.

— Да, понятно. Я не понимаю только, почему я ваш враг?

Профессор завертелся, как волчок, взмахивая руками, словно мельница, то розовея, то бледнея, хватаясь пальцами за свою ермолку и выкрикивая мало-понятные фразы. Он, видимо, был взволнован до крайности, но мало-помалу успокоился, отдышался, и речь его стала относительно плавной.

— Я прожил с людьми Бени-Амер двенадцать лет, и стал их другом, братом, царем — двенадцать лет, слышите, не двенадцать недель. Пытаясь связать их язык с языком берберов Куфры, я вел непрерывные наблюдения и вот... колонизация!

Вы не понимаете этого, сударь? Негры Ньям-Ньям благодарят вас по-французски «*merci*», танцовщицы из кофейен Тимбукту обучаются в парижских студиях... Колонизация искореняет природные нравы, сударь, единственное ценное для науки. Вы об этом подумали? Вы спаиваете людей Бени-Амер, накачиваете их вашей вонючей водкой, а за это они работают на вас идохнут, как мухи. Ваши солдаты заражают их сифилисом. Племя вымирает, сударь, — их ведь всего 33 че-

ловека, они исчезнут. Им некуда скрыться от цивилизации, вы заплотнили всю землю. Они исчезнут! Наука потеряет, а племя, совершенно неизученное, исчезнет... Что мне делать, по-вашему?

Профессор опять подскочил к Бальдеру, но на этот раз уже не хватал его за рукав, а скрестив на груди руки, посмотрел — снизу, но победоносно, как завоеватель.

— Но я знаю, что сделаю, сударь. Я выведу племя Бени-Амер из вашей колонизованной, культурной земли в новую страну, которая велика, неизвестна и необитаема.

Профессор поднялся на цыпочки и раскинул руки крестом.

— Высоко над землей расстилается необозримая равнина Туа, — произнес он торжественно, как заклинание.

Равнина Туа! Варварское слово ударило, как топор, напомнив Бальдеру о каких-то сумеречных странах, которые можно увидеть во сне.

Кажется, что облака скользят по самой земле, и никогда не бывает солнца, и оттого свет рассеянный, причудливый и тонкий — туман, а люди, белые тени, идут осторожно, отражаясь в тяжелой воде озера. Равнина Туа!

— Там будут и деревья, — сказал Бальдер тихо, самому себе. Но профессор услышал.

— Деревья? Там не может быть и речи о деревьях. Хотя... там, действительно, есть и деревья, только четырехгранные. Они сделаны из кирпича.

Профессор захохотал, завертевшись волчком.

Переночевав в его палатке, Бальдер ранним утром уехал и больше с профессором не встречался, и даже о нем и не думал до той самой минуты, когда ленивый

десятник Бэн-Ну рассказал о червяке, который летал над становьем Бени-Амер.

За летучего червяка дарафуры сочли, вероятно, самый обычный дирижабль, и, в таком случае, профессор не лгал, и действительно переселил малочисленное племя со всем его скудным скарбом на таинственную равнину Туа.

И эту равнину Туа Бальдер начал разыскивать.

Глава III.

Более рассудительный человек, человек точный, как цифра, какой-нибудь банкир, фабрикант, оказавшись на месте Бальдера, вероятно, сказал бы, что Теобальд Кашка просто-напросто сумасшедший, что никакой равнины Туа и быть не может, что люди Бени-Амер скрылись по неизвестным тропинкам вглубь страны. Более рассудительный человек не начал бы розысков, но Бальдер не был ни рассудителен, ни точен. Инженер по профессии, бродяга по образу жизни, мечтатель и фантазер, он стремился разбогатеть, но не хотел обогащаться, сидя в конторе и перелистывая grossбухи, собирая копейку к копейке, из года в год, — с тем, чтобы под конец жизни оказаться миллионером.

Бальдер вспоминал завоевание Америки, когда неизвестно куда отплыли оборванные испанцы, а обратно вернулись грандами, всесветными богачами, с бочками золота, швыряясь деньгами как песком.

Когда свинопас Пизарро с шайкой полупьяных победил могущественнейшее государство — инков, а другой великолепный оборвыш Кортес воссел на золотом троне Монтецумы, короля ацтеков. Когда тысячи кораблей Вест-Индской компании бороздили волны страшного Зондского моря, и на каждом корабле был

пышный суперкарг, который пересчитывал награбленное, наторгованное, и отчитывался перед принципами. Когда людей было мало, а земля казалась обширной, и немногие доверяли новой открытой теории о шарообразности, и стало быть, ограниченности нашей планеты.

Теперь же земля взята в плен, завоевана хитроумными банкирами, и нет ни одной неизвестной страны. В каждом углу земли сидит за конторкой сухопарый клерк в роговых очках, которого полнокровные конкистадоры сочли бы за обезьяну. Нет ни одного островка, который не был бы чьей-нибудь колонией, нет неисследованных земель и неоткрытых сокровищ.

Богатеть можно покаясь в кресле и переговариваясь по телефону с биржевыми маклерами. Это много покойнее, но и много скучнее.

Поэтому, мечты Бальдера о богатстве были явным анахронизмом, а истинной оставалась нудная жизнь инженера-бродяги от постройки к постройке, с вечной лихорадкой, с красными от бессонной работы веками.

И вдруг... равнина Туа, варварское слово, которое ударило, как топор, и Бальдер, конкистадор, немного Кортес и немного Колумб, пустился в открытое море, даже не зная — есть ли на самом деле Америка, и живут ли в далекой Мексике богатые ацтеки. Бальдер уверовал в слова профессора и, таким образом, еще раз подтвердил свою непригодность к жизни, которая требует расчета, и скепсиса, и не терпит мечтательности и воображения.

Глава IV.

Это были самые бессмысленные поиски. Долгие месяцы Бальдер мотался из стороны в сторону на спине

самого выносливого мехари, а мехари, повинуюсь по-
водьям, мотался по всей Сахаре от Эль-Джуф до горно-
го хребта Тарсо и к северу до Ахагара.

— Я встретил их в пяти шагах от Тишита

Иногда встречались оборвыши-туареги или купцы из Марокко, у которых в кожаных поясах зашиты червонцы, за плечами винчестеры, а левые руки лежат на рукоятках кинжалов.

Бальдер расспрашивал каждого встречного, — не видел ли он маленького старичка, Теобальда Кашку, не видел ли беглецов — людей Бени-Амер.

Спрошенный задумчиво шурился.

— Маленького старичка в очках? Беглецов?

— Ну да, я разыскиваю исчезнувшее племя.

— Племя? Исчезнувшего старичка? — продолжал бормотать встречный, делая необыкновенно серьезное лицо и таинственно улыбаясь. Тогда Бальдер бросал ему пятифранковик, и встречный мгновенно припоминал.

— Я встретил их в пяти шагах от Тишита.

Слома голову мчался Бальдер в Тишит, чтобы от дать новому встречному новый пятифранковик и услышать, что маленького человека в очках видели на противоположном конце Сахары, в в стране Тибести.

Это были весьма хлопотливые поиски, и продолжались до тех пор, пока однажды, сидя у вечернего костра в одном оазисе близ Мабрука, Бальдер не впал в тихую задумчивость.

— Прежде всего, — думал Бальдер, — профессор мог вывезти людей Бени-Амер за пределы Африки, а я мечусь по Сахаре, как угорелый. Затем... существуют два метода поисков. Можно узнавать от людей, но люди говорят для того, чтобы им заплатили. Люди лгут. Но можно и самому знать, — чего ищешь и где искать, а для этого следует посидеть за книгами. Нужно изучить вопрос о таинственном племени.

Так подумал Бальдер, и, продав своего отощавшего мехари за бесценок в Гадамесе, уехал в Европу. А в Ев-

ропе был один старый город, приют ученых и мудрецов, студентов и стуленток, город с десятью университетами, с колоссальной библиотекой и несметным числом профессоров, доцентов, магистров и бакалавров, и сюда-то приехал Бальдер, чтобы изучить всю литературу о племени Бени-Амер. А литература была колоссальна, потому что племя было весьма загадочно и привлекало внимание многих этнологов. Полагали, что люди Бени-Амер не имеют ничего общего с африканскими аборигенами по своему типу; точно также и грубый фетишизм негров был не известен племени, религия которого состояла из почитания солнечных светлых духов, обитающих за неведомым морем Запада. Все эти особенности заставляли предполагать, что вымиравший народец Бени-Амер в незапамятные времена переселился в Африку — откуда? — неизвестно, — из какой-то далекой западной страны.

И однажды, изучая в библиотеке язык племени, Балвдер нашел ключ к пониманию слова «туа»: на языке Бени-Амер слово «тва» обозначало землю, а слово «таа» — запад, и таким образом, «туа» могло являться наименованием западной страны, откуда племя пришло в Африку. А профессор Теобальд Кашка, по всей вероятности, возвратил людей Бени-Амер на их таинственную прародину.

Довольный своим открытием, Бальдер покинул библиотеку и вознамеривался пойти пообедать. Но выйдя на улицу, попал в такую суматоху, неразбериху, толкотню, что был изумлен и подавлен окончательно, и опамятовался только через неделю.

Глава V.

Как только Бальдер поставил ногу на тротуар, его толкнули в спину, ударили локтем в живот, перевернули кругом и потащили на середину улицы, и как он ни сопротивлялся — пытаясь проложить самостоятельную дорогу, — справиться с толпой было невозможно.

Улица была запружена народом, и прибывали новые и новые толпы, стремились вперед, вытянув шеи и заглядывая куда-то ввысь.

— Что случилось? — спрашивал Бальдер, ничего не понимая. Но не отвечал никто. С ним обращались, как с мертвой вещью, которая мешает и которую нужно оттолкнуть с дороги.

Бальдер попробовал сам посмотреть на небо, но ничего не увидел и стал прислушиваться к речам своих случайных соседей.

— Опять эта дьявольщина, — орал сине-багровый толстяк, проталкиваясь изо всех сил вперед и отдуваясь.

Бальдер дернул его за рукав.

— Что случилось?

— Разве вы не видите?

— Не вижу, конечно. Где?

— Осел.

— Какой осел?

— Осленок на крыше.

И толстяк выставил кубический палец, такой же сине-багровый, как и щеки его обладателя.

Руководимые этим пальцем, глаза Бальдера остановились на триумфальной арке.

Когда-то давно, каким-то маркграфом, она была перекинута через улицу, для своего времени величе-

ственная и смелая, но впоследствии задавленная окружающими домами, которые насели на нее с обеих сторон, прикрывая своими крышами от дождя и солнца.

И посредине этой арки, над улицей, стоял обыкновенный вислоухий осленок и кричал, надрываясь:

— Йо... йо...

А люди смотрели на него снизу.

— Вот, видели? — ожесточенно говорил толстяк. — Опять то же самое.

— Что такое?

— Да разве вы ничего не знаете? Вы, наверное, с луны свалились.

— Я приезжий, иностранец.

— Ах, вот что... Ну, скажите, — как сумел осленок взобраться на арку? Десятью минутами раньше он бродил по крыше вон того дома, а теперь перепрыгнул на арку.

— А может быть, его посадили какие-нибудь шутники, — догадывался Бальдер.

— Шутники? И чернокожих покойников тоже посадили шутники, и кота со стрелой — тоже?

— Но я ничего не знаю, я иностранец. Каких покойников, какого кота?

— Да не одного кота, а нескольких. И началось с моего Тиля.

Толстяк, которому уже надоело задирать голову кверху, поведал о своем горе, о гибели толстоусого тибетского кота Тиля. Рыжий кот, лентяй, сибарит, нежился на балконе, раскинув лапы, как ему нравилось, зевая, почесываясь и мурлыча, а хозяин поглядывал на него из-за письменного стола. И вдруг кот мяукнул, хотел вскочить на ноги, но не мог и, упав на спину, задрал кверху скрюченные судорогой лапки. В боку у него трепетала тонкая оперенная стрелка.

Предаваясь горю и проклиная уличных мальчишек, хозяин склонился над мертвым животным, поглаживая его по рыжему пушистому брюшку, но в это мгновение произошло второе событие. Откуда-то сверху мелькнула бечевка, с молниеносной быстротой, как живая, опутала трупик, и огненный Тиль взвился вверх, мазнув своего хозяина по щеке хвостом.

Его смерть открыла длинный мартиролог кошачьих убийств. Кто-то невидимый убивал кошек стрелами, а затем уносил вверх, на крыши, опутав тонкой, волосяной бечевкой. Можно было подумать, что это городские кошатники усовершенствовались в своем искусстве, но почему они убивали кошек варварским способом, — стрелами?

Профессор Шварц, ангорская кошка которого была убита подобным же образом и у него на глазах, успел вытащить из горла своей любимицы стрелу. Она была явно африканского происхождения, типа коротких дротиков «тве-тве», которые в входу у племени Дарафура, а иногда и у людей Бени-Амер.

Кошки, избиваемые стрелами дикарей в европейском городе!

— Но это еще пустяки, — продолжал толстяк. — А вот иноземные мертвецы...

Дело в том, что проржавела крыша городской ратуши и нужно было ее перекрыть, но когда кровельщики собирались начать свое дело, — они были поражены сладковатым омерзительным запахом гниющего трупа. Крыша была словно морг, — и это не просто поэтическое сравнение. Между двумя крайними башенками западной стороны лежал труп человека не европейского происхождения, видимо, положенный по какому-то ритуалу. Покойник лежал на спине лицом к западу, с вытянутыми руками, его глаза были обяза-

ны обрывком кошачьей шкурки, а подле головы стояли черепки с жареным мясом, которое — при ближайшем рассмотрении — оказалось кошатиной.

Доктор Карл Фогель разъяснил в местной газете, что такой способ погребения применялся у людей Бени-Амер. И этот покойник на крыше не был единственным.

Как-то, однажды, у здания банка толпились маклеры, биржевые зайцы, дельцы в засаленных пиджаках с оттопырившимися карманами; они стояли перед банком и галдели о житейских делах, о котировке доллара, о чудесной игре на понижение.

И вдруг — все они брызнули в стороны, разбежались, крича и икая от ужаса, потому что сверху упал на мостовую, и, конечно, расшибся насмерть, какой-то голый человек.

Его кожа была коричневого цвета, а волосы собраны в пучок на темени. Через плечо висел на ремне колчан из кошачьей шкурки, откуда высыпались на землю тоненькие стрелки. Знающие люди определили, что он был из племени Бени-Амер.

— Вот, — говорил толстяк. — Рассудите сами, откуда и что, а я не знаю. Кто бьет котов и подкидывает покойников?

— И вы знаете, что они были люди Бени-Амер? — спросил Бальдер, с трудом преодолевая волнение.

Толстяк усмехнулся.

— Знаю ли я? Моя свояченица замужем за профессором Шварцем.

В эту минуту вся толпа, собравшаяся на улице, ахнула, как один человек. Копытца осленка разъехали, и он полетел вниз, а на его место с соседней нависшей крыши спустился маленький старичок. Ветер трепал

фалды его долгополого сюртука, и оттого казалось, будто старичок пляшет джигу.

Стоя вверху, среди каменных розанов и листьев плюща, старичок размахивая руками и что-то кричал, но что — люди не могли разобрать.

— Что? Что вы говорите? — кричали снизу.

Но всех перекричал один человек.

— Теобальд Кашка, что вы там делаете? — закричал Бальдер, приложив ладони к губам. Его голос, высокий и острый, донесся до ушей профессора и, вздрогнув, как от удара хлыстом, профессор перелез обратно на крышу и побежал по ее краю, припрыгивая, как заяц.

— Остановитесь, остановитесь! — кричал Бальдер, но старик не оборачивался, видимо не слушая окриков.

Тогда Бальдер начал действовать сам.

Работая локтями, коленями и головой, потеряв шляпу и оторвав рукав пиджака, Бальдер растолкал толпу и добрался до ворот ближайшего дома, а затем, ошеломив портье неожиданными бессвязными вопросами, понесся по лестнице, попал на чердак и, проскочив сквозь духоту и сумрак, выбрался, наконец, на крышу.

Глава VI.

Далеко, насколько охватывал взгляд, расстилались ровные красные крыши, словно каменистая равнина, сожженная солнцем, которое падало сверху и било по голове, точно секира. Там и сям были наставлены вытяжные трубы, башенки, флюгера, как деревья, а дым, поднимавшийся кое-где, казался курчавой листвой. Не прерываясь, крыши тянулись над городом, безлюдные, как пустыня.

И на краю высокого купола, свесив ноги, сидел Теобальд Кашка, видимо, отдыхая.

И вдалеке, на краю высокого купола, свесив ноги, сидел Теобальд Кашка, видимо отдыхая. Сообразив, что следует оставаться незамеченным, Бальдер, прячась за трубы и водосточные желоба, начал преследо-

вание, как дикарь в темном лесу, в первобытном лесу с четырехгранными деревьями из кирпича и железа.

Крыши дрожали под каблуком, как жидкая болотная почва; они были иногда отлогие, иногда крутые, и тогда приходилось ползти на животе подобно альпинисту на скалах Юнгфрау.

Были здесь и пропасти, откуда веяло холодом, глубокие ущелья улиц, на дне которых ревел поток, — автомобили, трамваи, кэбы. И, сумев до конца остаться незамеченным, Бальдер настиг профессора врасплох.

— Здравствуйте, — сказал он, выйдя из-за угла.

Профессор торопливо вскочил, сделав круглые глаза, недоумевая, но, видимо, узнал в этом грязном, потрепанном человеке инженера из Хамда Анахи.

А инженер бормотал, мгновенно потеряв самообладание.

— Скажите, скажите о равнине Туа, о прекрасной равнине Туа! Для чего мне это? О, я знаю для чего. Каждая новая пядь земли скрывает тайну обогащения...

Профессор презрительно искривил губы.

— Обогащение невозможно. Равнина Туа бесплодна.

— Но, скажите, скажите, я заплачу. — Вы, как гусеница под каблуком, инженер. Вы гадки со своими деньгами. Но я скажу.

И профессор спросил лукаво:

— Что означает слово «туа»?

— Не знаю...

— Что? Вы не поняли простого слова «крыша»? Убаюканные мечтами о новых колониях, вы не подумали, что... слово «*toit*» — по-французски «крыша».

Люди построили города, но не знают, что творится на крышах. Из тысячи только один бывает на чердаках. Только трубочисты и кровельщики влезают на

крыши. Люди возвели высоко над домами равнину Крышу, о которой не знают ничего. Там гуляет ветер, ночуют птицы и ходят звери — бездомные коты. Итак, земля приготовлена — не было только человека.

А я переселил сюда племя Бени-Амер. Идемте.

Перевалив через гребень двускатной крыши, они шли по водосточному желобу и выбрались на широкую плоскую крышу музея искусств. Четырехугольная крыша была полна народом. Слышались гортанные выкрики, плач детей и дребезжанье варварской балалайки. Полуголые женщины сидели на корточках у очагов, мужчины, бронзовые — и по обычаю дикарей — грязные, лежали на солнце, какой-то старик колдовал, подбрасывая кверху щепочки и по их расположению узнавая будущее.

— Смотрите, — кричал профессор. — Вот, куда переселилось племя Бени-Амер. Что? Здесь есть пастбища для их ослов, есть кошки для охоты, есть солнце и нет европейцев и водки. Дикари еще падают с крыш время от времени, но они привыкнут к новому образу жизни. Их немного, всего три десятка, их никто не заметит, и я смогу спокойно доказывать свою теорию и наблюдать их язык.

Я открыл новую землю, но не думайте, что всякая новая земля плодородна. Вот равнина Туа! Вот ее плодородие — красное листовое железо, ее красоты — печные трубы. Я почти разорен, потому что мне придется их подкармливать, добывать пищу там, в городе, внизу... Но я разорен, чтобы доказать свою теорию, а вы...

Бальдер потупился, потом опять посмотрел на дикарей.

Приготовив варево, женщины позвали своих мужей и те, запуская пальцы в горшки, вылавливали мясо, а

потом, насытившись, вытирали жирные руки о волосы. Если кусок не нравился, мужчины швыряли его детям, а те дрались и визжали, как щенята. Колдун все еще подкидывал щепочки.

Так, на крыше европейского города приютился ди-карский поселок, и об этом никто не знал, потому что люди мало думают о своих крышах и заботятся больше всего о деньгах.

— Смотрите. Вот, куда переселилась племя Боки-Амр.

Опустив голову, Бальдер пошел прочь, а ему вдогонку крикнул профессор: — Не всякая равнина может быть колонией, инженер.

К. БОГОЛЮБОВ

ПЕРЕБЕЖЧИКИ

Рассказ

К. Боголюбов
ПЕРЕБЕЖЧИКИ

Опубликовано в журнале «Вокруг света»(Л)», № 43,
1928 г.

1.

Поставив рюмку на место, Арчаков dokonчил свою фразу:

— А мой дядя по матери — генерал Басалаев. Знаете?

Собеседник склонил свой пробор над тарелкой.

— Слышал. Адъютант Николая Николаевича?

— Да, адъютант. Можете, следовательно, представить, каково мне служить трубачом в Хамовнической пожарной части?

— Н-да, — согласился собеседник, помочив губы в вине, — нелегко. А почему не попробуете за рубеж?

— Пробовал...

Арчаков оттолкнул свою тарелку и принялся выводить на мокром столе какие-то вензеля.

— Вы думаете, что бывшему кавалергарду так легко получить визу?

— Трудновато, конечно. Но почему не попробовать без всяких таких дипломатических ухверток? Рублей полтора ста у вас найдется?

Арчаков сумрачно усмехнулся.

— Накоплено у меня и больше...

— Сколько у вас накоплено, — меня не касается. А за полтора я вывезу вас в Финляндию, в самые Териоки.

— А в Териоках мне погибать с голоду, не зная ни слова по-фински? Здесь, по крайности, сыт и в пороках не ходишь.

Собеседник покачал головой, сожалея о неосмотрительности подобных соображений.

— Во-первых, из Финляндии вы сразу же телеграфируете генералу и подождете от него денег три или четыре дня. Зачем же вам финский язык? А кроме того, Териоки — бывшие дачные окрестности Ленинграда. По-русски там говорят не хуже нас с вами. Ну вот. Обратитесь к некому Мартинену, на хуторе...

Начался конфиденциальный разговор, о котором читателю, не собирающемуся эмигрировать, не для чего и знать. И вскоре после этого разговора Арчаков сел на поезд и поехал до станции Левашево, что под Ленинградом. Здесь его встретил финн в лопоухой шапке, от которого разило то водкой, то луком, а иногда и тем и другим одновременно. Финн усадил Арчакова на таратайку, пегая лошаденка стала прилежно подпрыгивать, и таким способом приехали они на один хутор возле Белоострова, а вечером того же дня двинулись дальше, уже пешком, припадая за каждый куст, извиваясь на животах, как червяки, втянув головы в плечи, словно горбатые.

Но окрестности были пасмурны и безлюдны, и только луна, мелькая в прорывах между облаками, изливала свет неуверенный, тусклый и тревожащий. В конце концов облака сомкнулись. Пошел дождь.

— Дошли. Будем ждать, — сказал финн и, презрительно повернувшись к дождю спиной, закурил трубку. Ему было все равно что делать. Он даже не взглянул ни разу на Арчакова, ему были заплачены деньги за работу, а все остальное совершалось вне его головы, не огорчая и не радуя.

Соседние кусты качались и размахивали косматыми руками, как пьяные. Затем они стали шуметь еще больше, и из тьмы появились люди — такой же проводник и некто Прагер, берлинец, направлявшийся в СССР без паспорта, впервые и с совершенно неизвестными намерениями. Отойдя в сторону, финны застрекотали безразличными голосами, и Арчакову показалось, что они проверяют емкость вместительной бутылки.

Потом они опять взялись за свое дело.

— Пойдем, — сказал Арчакову его проводник, а проводник Прагера крикнул, утопая в кустах:

— Ты, Мартинен, доставь его к Луизе Ивановне.

Так Арчаков вступил на песчаную почву Финляндии, на которой, несмотря на ее кажущееся бесплодие, расцветали свобода, цивилизация, демократия, порядок. Опять потянулись кусты, полянки и снова кусты, вынырнула из облаков луна и осветила бревенчатую стену лесного хутора, где стояла наготове лошадь. Арчаков взобрался на таратайку и мгновенно заснул, охмелев от вольного финского воздуха.

2.

— Слезай! Приехали. Слезай, тебе говорят! Некогда... — расталкивал финн Арчакова.

Был вечер. Вокруг гудел невидимый город, и таратайка стояла у подъезда большого дома. Подъезд зиял, как устье пещеры.

Дом был страшный, но Арчаков улыбался, почуяв Европу. Доносилось даже качанье фокстрота, тягостный вой саксафона, взвизгиванья банджо и шуршанье танцующих ног, похожее на шелест ветра.

Руководимый премудрым финном Арчаков погрузился в дебри огромного дома, пересекая какие-то дворы, карабкаясь по каким-то лестницам, пока не достиг клеенчатой двери, за которой и было логовище Луизы Ивановны, дамы не слишком пристарковатой и даже миловидной для своего юмористического имени. Луиза Ивановна водворила перебежчика в особом чуланчике, который из вежливости был назван спальней, и из окна которого можно было любоваться густым октябрьским туманом. Впрочем, Арчаков пребывал в уединении не слишком долго. Дверная ручка запрыгала, и дверь приоткрылась.

— Можно?— спросил кто-то и, не дожидаясь ответа, просунул в щель бугроватую голову, на которой редкие волосы стояли как жнивье.

За головой пролезло и тело, коротенькое, наспигованное жиром.

— Барл, коммерсант, — представился посетитель.— Луиза Ивановна сообщила, что вы только что прибыли.

Арчаков поклонился, в то же время вслушиваясь в фокстрот, который качался совсем близко, за стенкой.

Барл заметил:

— Это у нас дружеское суаре. Пожалуйста.

Арчаков церемонно отказывался, но ему было так весело, что отказы напоминали мольбу о позволении потанцевать. Поэтому Барл, ухватив его под руку, потащил в соседнюю комнату, успев по дороге шепнуть:

— Кокаин?

— Н-нет, — промычал Арчаков, — я довольствуюсь папиросами.

— Дело не в том. Кокаин привезли?

— Нет. Я, можно сказать, политический.

— О-о, — пропел Барл и, как показалось Арчакову, вздрогнул: — это, знаете ли, много опаснее.

— Почему?

Но, переступив через порог, Арчаков сразу же забыл о своем вопросе. Табачный туман струился по розовым черепам, по мясистым подбородкам, тянулся над женщинами-беж, над женщинами-коти, с дочерна раскрашенными губами и желтыми волосами. Мелькали оголенные дряблые плечи, и глаза женщин удивительно напоминали тараканов на белой стене.

— Иностранец!.. — возгласил Барл, но никто не обратил внимания на вновь прибывшего. Люди сошлись сюда поиграть в тишине и спокойствии в покер, покачаться в фокстроте, съесть по дюжине тортов и выпить по бочке вина. Последнее желание силилась удовлетворить Луиза Ивановна, мелькая там и сям с бутылками, стаканами, рюмками.

„Вот здесь живут“! — подумал Арчаков восхищенно и, вдруг разойдясь, пригласил самую пахучую, самую желтоволосую даму. Потом подскочил Барл, упрашивая выпить с ним на брудершафт и, вероятно, надеясь заключить выгодную сделку с иностранцем.

Арчаков пил, хмелел, уверял Барла в своей признательности и даже рискнул поцеловать его в щеку, напоминавшую тесто. Впрочем, говорил он немного, а упоенно водил глазами из угла в угол. Но когда хмель спал, и в окнах забрезжило белое утро, Арчаков справился со своим восторгом и хлопнул Барла по плечу.

— Славно живете вы здесь, чорт побери!

— Ну-у — усомнился Барл, отодвигаясь от дружеских побоев, — у вас, наверное, нашему брату гораздо лучше.

— Лучше? — Арчаков встал, чтобы высказаться в большим удобством: — у нас нос на улицу нельзя показывать. Вы коммерсант? — Хорошо. Налоги.

— Ваши налоги вздор! — силился перекричать Барл: — У вас революция когда была, в восемнадцатом году? А у нас по сие время тянется. Два года назад у меня была собственная колбасная фабрика, а сейчас я должен служить в исполкоме, если возьмут еще. Задушили совсем, — кругом одни кооперативы.

Тянется революция... должен служить в исполкоме...

«Значит, здесь тоже исполком, зачем?» — с тяжелым недоумением соображал Арчаков.

— Вы приехали из-за границы и ничего не знаете. Конечно тут хорошо, — мебель и все прочее, но мы-то куда денемся? Ведь с часу на час ждем, что Луизу Ивановну арестуют.

— Кто арестует?

— Ге-Пе-У, — выговорил Барл по слогам, поднеся свои рачьи глаза к самому носу Арчакова. — Советская власть. Большевики.

Он обозлился на бестолкового иностранца, но Арчаков чувствовал себя много хуже. Пол под ногами закачался, как болото, и женщины показались размалеванными уродами.

— Разве советская власть...

— А что же вы думали, она погладит нас по головке, если застанет в этой вот комнате?

Арчаков растерянно глянул в окно, и вдруг глаза его округлились, стали острыми, как иголки, а сердце провалилось куда-то вниз — в доме напротив дворник пристраивал над подъездом красный флаг.

— Зна-мя, — пролепетал Арчаков, цепеняя.

Барл ехидничал:

— Знаешь, — пролепетал Арчаков, дрожащее

— Что, в диковинку? Этот еще запоздал. На других домах флаги висят еще с вечера...

В это мгновение Арчаков понял, что игра проиграна. Спасаясь от большевиков, он бежал в Финляндию, но попал сюда как раз в то время, когда здесь произошел коммунистический переворот. Это было ужасное мгновение, — Арчаков понял, что выхода нет. Но именно в эту минуту в его мозгу вырос один замысел.

Очевидно, он попал к контр-революционерам, которые празднуют свое поражение, пируют в последний раз. Барл говорил, что большевики не поглядят их по головке, если застанут в этой комнате. Значит...

Выдав эту компанию, он заслужит не только прощение, но даже похвалу и награду. И Арчаков начал действовать.

Зевнув с видом крайней усталости, он спокойно пошел в свою комнату и там достал из чемоданчика револьвер, захваченный на всякий случай из Москвы. Затем, снова выйдя в танцующим, соображал, как поступать дальше. Оказалось, что между танцевальным залом и выходом из квартиры была маленькая комната, где охлаждались упившиеся гости.

В комнате было окно на улицу, широкую и пустую, и усевшись на подоконник, Арчаков следил, — не появится ли какой-нибудь подходящий пешеход.

И подходящий пешеход появился. Из-за угла выскочил человек в военной форме и, видимо, торопясь, пересекал улицу. Когда он подошел ближе, Арчаков высадил локтем стекла и закричал изо всех сил:

— Сюда! На помощь! Скорее! Зовите людей!

Человек остановился, замахал рукой и кинулся к подъезду. Тогда Арчаков обернулся в гостям, которые суетились и галдели, как стадо гусей.

— Ге-Пе-У, — стонал Барл, прижимая руки к животу. Желтоволосяные дамы сбились в кучу, оправляя юбки, кое-кто попробовал проскочить к выходу, но дуло арчаковского револьвера — такое маленькое — сделалось вдруг таким большим, что легло поперек, как бревно.

— Руки вверх! Стреляю...

Арчаков напряженно следил за каждым движением контр-революционеров.

3.

В ту ночь, когда Арчаков перебрался в Финляндию, Прагер переправился в СССР впервые в жизни без паспорта и с неизвестными целями. И в тот самый час, когда Арчаков спал мертвым сном на финской телеге, Прагер сидел в мрачной комнате, окно которой было

защищено толстой решеткой, и записывал в свой блокнот русские впечатления:

„Итак, я в России и, надо сказать, поражен выше головы. Начну по порядку.

Малоразговорчивый и даже молчаливый финн доставил меня в Ленинград часа в три пополуночи, и свою первую ночь я провел в стенах небольшого деревянного домика, весьма впрочем, опрятного. Утром, т.е. часа три назад, меня разбудил хозяин, человек симпатичный, но к сожалению, оказавшийся немногим разговорчивее моего проводника.

Здесь я имел возможность убедиться в том, что владею русским языком не слишком плохо, хотя один мой берлинский друг русский и подомеивался над моим произношением. Мой хозяин говорит точь-в-точь, как я. Как я сказал, он оказался не слишком болтливым, и на мой вопрос о большевиках — а я полагаю, что мог разговаривать с ним откровенно — ответил:

— В тюрьмах.

И ушел, оставив меня предаваться крайнему недомугу в одиночестве. Большевики в тюрьмах — явление отрадное, но заставляющее призадуматься, если находишься в сердце большевизма.

Кстати сказать, это „сердце“ не произвело на меня особого впечатления. Столь прославляемой Невы я еще не видал, не видал и роскошных дворцов русских вельмож, но, помимо этого, не видал вообще ни одного приличного здания. По обе стороны нашего домика настроены такие же крошечные деревянные коттеджи, окрашенные охрой и обнесенные деревянными заборчиками, за которыми красуются неприхотливые северные цветы. В общем, — германская деревня средней руки, и даже отсутствует уличное движение: два-три пешехода, не больше.

Вначале я было подумал, что это предместье и, желая проверить свое предположение, вызвал хозяина.

— Скажите, это какая-нибудь окранна? — спросил я, но он возразил оскорбленно:

— Нет, это одна из хороших улиц.

Отсюда я полагаю, что величественные красоты Пальмиры Севера — не более, как плод фантазии господ поэтов, которые, как известно, всегда были отъявленными лжецами.

Посидев немного у окна и приняв очередную порцию мальц-экстракта, я вышел на улицу, и вскоре очутился на каком-то перекрестке, где, к величайшему моему удивлению, возвышался саженный полисмен в черной каске и в черной же, присвоенной его званию, одежде. Величественно помахивая руками, он регулировал уличное движение, состоявшее из одной конной повозки, одного грузового автомобиля и двух велосипедистов.

При взгляде на бравого блюстителя общественного порядка у меня возникла мысль — не произошел ли в России в то время, пока я переходил через границу, государственный переворот, но, не доверяясь прихотям своего воображения, я решил ознакомиться с официальными распоряжениями последних дней. Заметив поблизости газетный киоск в мавританском стиле, я направился к нему, стараясь держаться непринужденно и уже не опасаясь своего незнания русского языка.

— При большевиках-то гораздо лучше живется, — сказал я газетчику, весело подмигивая: — большевики это не фашизм какой-нибудь, не Ку-Клукс-Клан, не щюцкор.

Одобрив большевиков и отозвавшись презрительно о фашистских организациях, имена которых случайно пришли мне в голову, я полагал, что отвожу всякие

подозрения о моей неблагонадежности, какие могли возникнуть у газетчика при виде моей, вообще говоря, нерусской фигуры. И действительно, газетчик растрогался и улыбался дружески и даже слащаво.

— Да-а, что и говорить...

Я тоже улыбнулся.

— Ну вот и прекрасно, дружище. Дайте-ка мне „Правду“.

Газетчик ответил, что „Правды“ у него нет и направил меня на следующий перекресток, но едва я сделал несколько шагов, как на мое плечо опустилась тяжелая рука в перчатке.

Обернувшись, я увидел господина с нафабранными усами, который и пригласил меня следовать за ним.

— Как следовать?

— А вы думаете беспрепятственно заниматься коммунистической пропагандой? — спросил он, зловеще пошевеливая своими усами и столь же зловеще опуская руку в карман, где, без сомнения, находилось огнестрельное оружие.

И хотя я всегда утверждал и буду утверждать и впредь, что насилие над личностью — факт вопиющий, но, соображаясь с обстоятельствами и повинуюсь естественному инстинкту самосохранения, я последовал за господином, который отвел меня в эту камеру, где, осаждаемый блохами особой русской породы — величиною с горошину, я и пишу эти строки.

В промежутках между блошиными укусами я умоляю, что коммунистический режим в России свергнут, и у власти стоит честное демократическое правительство, перед которым я, разумеется, сумею оправдаться».

4.

Человек, позванный Арчаковым, оказался весьма энергичным: откуда-то набрал людей, поднял на ноги милицию и явился в квартиру Луизы Ивановны.

Арчаков удовлетворенно опустил револьвер.

Один из вошедших, к которому милиционеры относились с явным почтением, обошел все комнаты, осмотрел каждого гостя, понюхал бутылки, на зеленом сукне нашел белые пылинки кокаина, некоторых женщин назвал прямо по именам и скорчил неопишемую гримасу.

— Однако, притон первостепеннейший. Великолепные экспонаты...

Арчаков улыбнулся самодовольно, как улыбается хозяин зверинца, показывая молодых львов, у которых еще не вытерлась шерсть и не обломаны зубы.

— Замечательная коллекция, в особенности, если...

В толпе вошедших неожиданно мелькнуло лицо товарища Рапича, московского знакомого Арчакова.

— Арчаков, как вы здесь очутились?

Нужно было выпутаться из нового осложнения и оправдать свое пребывание в тихой обители Луизы Ивановны. Придумывая, что ответить, Арчаков спросил сам:

— А сами вы зачем сюда приехали?

— Я здесь на партийной работе. Уже с месяц, как из Москвы.

Услышав, что из Москвы приезжают в Финляндию на партийную работу, Арчаков решил связать свою судьбу с судьбой революции еще теснее.

— С месяц? Вы, значит, ничего не знаете о московских событиях? Как только Коминтерн опубликовал воззвание — „Все на помощь братьям-революционе-

рам“, я бросил свою службу. Знаете, пахнуло порохом. Явился первым. А там мой старый знакомый, бывший полковник генерального штаба, — Вас, — говорит, — Арчаков, назначаю командиром отряда. — Десятка четыре головорезов, маузеры, карабины Кольта, бомбовоз к нашим услугам. Снизилась за городом. Посылаю разведчика к этому... секретарю партии.

— К Кирову? — догадался Рапич, бледнея.

— Ну, да, пишет, что фашисты засели в полицейском управлении. Тогда я говорю: ребята, мы победим! И вот мы врываемся в город, как стая волков, маршируем сомкнутыми рядами, полицию в щепки, резня.

Рапич сощурился.

— И что дальше? — Мои ребята еще сражались у правого флигеля, а я полетел к этому Кирову! Революция спасена! Но дорогой я повстречал этих господ.

Арчаков указал рукой на посетителей Луизы Ивановны.

— Как я понял из подслушанных обрывков фраз, они собирались повеселиться в последний раз на обломках развалившейся буржуазной Финляндии. Я примкнул к ним, и они в руках правосудия. Теперь поспешу к своим львам.

Рапич покусывал губы, раздумывая.

— Так. Болезненно развитое воображение, неумение отличить вымысла от действительности... — подвел он мысленно итог своим впечатлениям. — Картина притона вызвала в его уме представление о контрреволюции, о борьбе за власть. Явная мания...

— Скажите, где мы находимся? — спросил Рапич так неожиданно, что Арчаков дернулся в сторону.

— Как где? В Териоках!

Рапич опустил голову, сожалея о погибшем человеческом разуме.

Описав свои злоключения, Прагер вспомнил о забытом дома портсигаре и, огорченный его отсутствием, готовился уже задремать, как вдруг по полу скользнула какая-то тень.

Прагер поднял голову. К оконному стеклу прильнуло лицо его молчаливого хозяина, который делал какие-то конспиративные знаки. В его появлении не было ничего удивительного. Полицейский участок помещался в низеньком доме, и окна были над землей не выше, чем на фут. Гораздо удивительнее были слова хозяина:

— Вам, наверное, будет плохо, если не докажете, что вы офицер.

— Офицер? — изумился Прагер. — Я никогда в жизни не был офицером. Я жил на проценты.

— Тогда пошлите телеграмму генералу. Составьте сейчас же текст, а я отправлю. Поскорее, пожалуйста. Я и так сбился с ног, разыскивая вас. Еще хорошо, что мой шурин служит в полиции. Ну, пишите. Неужели же вы не могли отделаться от ваших русских привычек?

— Вы смеетесь, наверное. Какому генералу писать, от каких привычек отделяться? Я никогда не был русским.

Хозяин побагровел.

— Что-о? У вас нет дяденьки-генерала, вы не русский?

— Если джентльмен говорит, ему нужно верить, не переспрашивая, — сказал Прагер внушительно.

— Но вы же спасаетесь от преследования, вы...

— Я прибыл сюда не спастись, а собрать данные о военных силах республики.

— Шпион! — простонал хозяин, хватаясь за волосы.

— Шпион! — простонал хозяин, хватаясь за волосы.
— Мы переправили шпиона-большевика!

Прагер оправил пиджак и заложил руки за спину, чтобы в такой позе с большим удобством охранять свое достоинство.

— Милостивый государь, — начал он гневно, — вы осмелились назвать большевиком и шпионом Генриха Прагера, и понесете ответственность за свою дерзость.

Эти слова были великолепны. Они поражали, как молния, но хозяин не испугался, а пришел в какое-то странное состояние: неожиданно вспотел и, видимо, сомневался в своих умственных способностях.

— Прагер?.. Генрих Прагер?.. Его должны были переправить в Россию.

— В Россию?

— Как же вы очутились в Финляндии и у меня, когда я должен был приютить русского офицера Арчакова?

Прагер нахмурился, но вдруг лицо его вновь прояснилось и даже засияло.

— Арчакова переправлял Мартинен?

— Да, Мартинен с хутора.

— Ах, вот что! Ну, обо мне не беспокойтесь.

И, присев на нары, Пратер занес в свой блокнот следующее:

„Вышеописанные заметки вполне справедливы, но везде вместо „Россия“ следует читать „Финляндия“, а вместо „Ленинград“ — „Териоки“. Дело в том, что переправа через границу происходит вдесь следующим образом: один проводник ведет перебежчика с финской стороны, а другой — с русской, и на границе в условленном месте они обмениваются перебежчиками. Но пьяные проводники ночью спутали меня с каким-то Арчаковым и отвезли его вместо меня в Ленинград, а я попал обратно в Финляндию, в Териоки, которых доселе никогда не видел“.

Р. СТАР

ГИДРОКАРБОН

Фантастический рассказ

Р. Стар (Псевдоним?)

ГИДРОКАРБОН

Опубликовано в журнале «Вокруг света(Л)», № 20,
1927 г.

I.

Белая полоска телеграфной ленты, шурша, ползла по столу; аппарат четко выстукивал: «Сто тридцать и пять, сто тридцать и шесть. Спрос повышается. Борнейские — устойчиво». На минуту стук умолк. Служащий взмахнул ножницами, подхватил обрезанный конец ленты и привычным движением наклеил его на картон. По его знаку, стоящий у дверей мальчик бережно взял приготовленную телеграмму и положил ее в герметический сигарообразный приемник пневматической почты. Этот прибор он сунул в отверстие внутренней стены и захлопнул дверцу. Механически включенный аппарат неслышно скользнул двумя этажами ниже, прошел на другой угол огромного здания и зажег контрольную лампочку у места своего прибытия...

Руководитель треста «Америкен Ойл» прервал разговор со своим ближайшим помощником, и не спеша повернул рычаг почты. Вынув телеграмму, он пробежал ее глазами: — «Все в порядке, Кенс! Наши акции — вполне устройчивы. Никакие соглашения в Европе не могут поколебать курса наших бумаг». Его собеседник молча кивнул головой. В самом деле, каждый деловой американский джентльмен мог сказать то

же самое. Могущественный трест «Америкен Ойль», монополизировавший добычу нефти, был несокрушимым колоссом, который мог не бояться биржевых бурь.

— Вы, кажется, хотели сообщить мне еще что-то важное? — продолжал директор.

— Да! — ответил Кенс. — Корреспонденции из Парижа очень неутешительны. Скажу даже более, если известия оправдаются даже на половину, то и тогда «Америкен Ойль» угрожает серьезная опасность.

Директор сделал удивленный жест, но лицо его оставалось по-прежнему бесстрастно.

— Вам хорошо известно, — перебил его возражение Кенс, — что во многих странах все время делаются всевозможные попытки получить искусственным путем жидкое топливо, заменяющее собою нефть. Наше парижское агентство сообщает, что опыты в этой области профессора Легона увенчались полным успехом. Сейчас даже поставлен вопрос о скорейшей постановке заводского производства искусственной нефти.

— Мой дорогой Кенс, — расхохотался директор, — от вас ли я слышу подобные вещи! Вы пользуетесь славой опытного инженера, и работаете в нашей компании изрядное число лет. Вспомните, сколько ежедневно к нам присылают всевозможных проектов, начиная со средств тушить нефтяные пожары и кончая способами превращения гудрона¹⁾ в золото. Если мы с вами станем заниматься всевозможными фантазиями и шантажными предложениями, то придется вдвое увеличить штат служащих.

— Нет, мистер Айсон! — протестующе воскликнул Кенс. — Я инженер, и могу отлично разобраться во всех предложениях, которые нам делались до сих пор. Но сейчас положение иное. Имя профессора Легона хоро-

¹⁾ Отброс нефтяного производства.

шо известно техническим кругам. Он хороший специалист по органической технологии, и в последнее время усиленно работает в области получения жидких углеводородов. Его изобретением заинтересовалось французское правительство, которое озабочено снабжением армии бензином. Комиссия правительственных экспертов дала восторженный отзыв о работах Легона, и в секретном донесении говорится, что стоимость полученного способом Легона бензина в два с половиной раза ниже стоимости обычного нефтяного. Если производство искусственной нефти будет поставлено в большом масштабе, спрос на натуральные продукты упадет, и вам вполне понятно, что станет с акциями «Америкен Ойл».

С минуту длилось молчание. Айсон взволнованно потер гладко выбритую щеку. Дело оказалось уж не таким шуточным, как могло показаться с первого раза. Если даже открытие Легона и не так велико, то все равно газетная шумиха сделает свое дело. Широковещательные анонсы в газетах, реклама, самые невероятные слухи — все это может отразиться на акциях «Америкен Ойл», которая как раз начала глухую, внешне незаметную борьбу с «Компанией Железнодорожных Перевозок Северной Америки». В этой борьбе двух колоссов необходимо сохранить свои нервы крепкими.

— Известно ли печати что-либо об опытах Легона?

— Нет! Сам он ничего не разглашает, а газеты сейчас полны сенсационными сообщениями о фальшивых стофранковых бумажках, и им не до Легона.

— Что же вы предлагаете предпринять?

— Необходимо действовать немедленно! Лучше всего, если я сам выеду в Париж и постараюсь на месте выяснить вопрос.

Директор Айсон одобрительно покачал головой:

— Время — деньги. Постарайтесь уладить дело в возможно короткий срок. Наше агентство представит вам широкие кредиты... Езжайте!

Звонок телефона заставил Айсона взяться за трубку. Кенс поклонился и вышел из кабинета директора.

Два часа спустя Нью — Йоркскую гавань покидал один из лучших трансатлантических пароходов. Старший стюард продиктовал хорошенькой конторщице фамилию пассажира, взятого на борт уже в момент отхода:

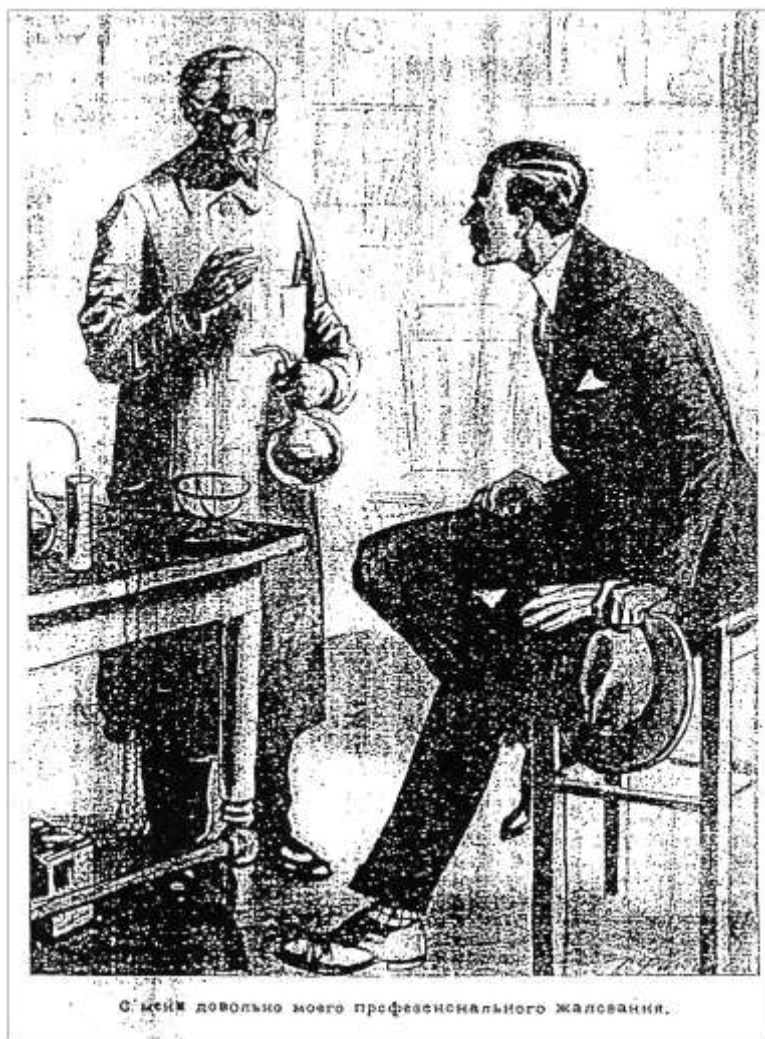
«Мистер Кенс. Турист. 1-й класс, литера А, каюта 106 bis».

II.

Небольшая лаборатория профессора Легона была загромождена машинами и приборами. Вдоль одной стены тянулся ряд высоких стальных баллонов, где под сильным давлением были сжаты и превращены в жидкость различные газы. Сияя медными частями, посредине стоял автоклав, — герметически закрывающийся прибор для достижения большого давления. От распределительной доски тянулась к нему паутина электрических проводов. Весь стол был занят хрупкими стеклянными приборами, которые непосвященному глазу казались какими-то прозрачными пауками, протянувшими свои шупальцы во все стороны. Невысокая дверь вела в кабинет Легона.

— Да, моя работа уже подходит к концу, уважаемый коллега! — говорил невысокого роста подвижной человек, одетый в длинный белый халат. — Все видные работники науки, которые почтили меня своим вниманием, соглашаются с моими выводами. Еще месяц-

другой работы, и я опубликую для всего мира свои результаты. Вы, ведь, согласны со мной, мсье Кенс.

Кенс, сидевший на высоком лабораторном табурете против профессора, ответил:

— Надеюсь, что вы, профессор, обдумав наш вчерашний разговор, пришли к правильному выводу. Ведь вы принимаете предложение «Америкен Ойль»? Подумайте, в ваше распоряжение будут предоставлены все лаборатории Америки; мы их снабдим таким оборудованием, которое никогда и не снилось здесь, — и Кенс сделал пренебрежительный знак рукой к лаборатории. — А после окончания работ вы получите пять миллионов долларов и становитесь пайщиком компании «Америкен Ойль».

Легон запахнул полы своего халата и поднял обе руки кверху.

— Нет, нет, мсье Кенс, не пытайтесь меня уговаривать! С меня довольно моего профессионального жалования. Свое открытие я опубликую для всеобщего сведения. По моим подсчетам, каждая страна свободно может установить производство гидрокарбона; для этого потребуется небольшое давление, атмосфер в шестьдесят, да незначительное количество активных хлоридов. Профессор Габер при своем синтезе аммиака из элементов встретился с более крупными затруднениями, однако, его синтез давно уже осуществлен. Нет, мой друг, ведь я не принял предложения даже французского правительства, которое обещало мне вдобавок к денежному вознаграждению еще кресло бессмертного в Академии Наук и орден Почетного Легиона в петличку. Давайте, лучше продолжим наши исследования.

Спор между Легоном и Кенсом продолжался еще некоторое время, но профессор с энтузиазмом истинного фанатика науки говорил сколько угодно о работах над своим «гидрокарбоном», упорно отклоняя всякую попытку перенести разговор на коммерческую почву.

— В конце-концов, — говорил он, — моя идея чрезвычайно простая. Углерода и водорода в природе сколько угодно; надо только добиться, чтобы реакция соединения между этими двумя элементами проходила при доступных нам физико-химических условиях. Мне этого удалось достигнуть, применяя небольшое сравнительно давление и смесь некоторых катализаторов, которые заставляют реакцию идти в нужном направлении. Эти катализаторы, которые я называю хлоридами, и являются главным секретом моей работы. Их состав я опубликую после окончания моих опытов, для всеобщего сведения...

Через две недели Айсон принимал доклад Кенса о поездке в Европу. Этот доклад был неутешителен. Единственно, в чем успел Кенс, это только в том, что он лично исследовал гидрокарбон и даже привез его образцы к себе в лабораторию. Он должен был констатировать, что гидрокарбон вполне заменяет легкий авиационный бензин, и поэтому, годится для авиационных и автомобильных моторов. Спрос на естественную нефть, конечно, должен был пасть. А вместе с этим и акциям «Америкен Ойль» грозила серьезная опасность.

III.

«Каблограмма Нью-Йорк — Париж. Представительству «Америкен Ойль» во Франции. «Дело Легона поручается Дорринсу. Оказать полное содействие. Жду сообщений ежедневно». Подписано: «Айсон».

Получив это известие, главный парижский агент «Америкен Ойль» задумчиво провел карандашом по своей руке, не замечая, что на коже получают синие пятна от карандаша. — «Дорринс? Дорринс?» — проговорил он. — Кто бы это мог быть? Я знал в нашем деле

только одного Дорринса, но, ведь он, кажется, был расстрелян в Мексике после того, как неудачно инсценировал «народное» восстание против президента.

— Это он и есть! — отозвался старший маклер. — Ему удалось бежать, и недавно я видел его в Риме. Очевидно, он получил из Нью-Йорка подробную инструкцию для своих действий.

Главный агент покачал головой: — Этот субъект справится и без всякой инструкции! Боюсь только, что все дело может кончиться уголовным процессом.

Вскоре в Париж прибыл сам мистер Дорринс и приступил к исполнению своих обязанностей. Вначале все было совершенно спокойно. Профессор Легон так же методически, в восемь часов утра выходил из дверей своего дома и ехал на автобусе к громадному, массивному зданию, правильным многоугольником врезавшемуся в солнечную площадь. Там помещались лаборатории парижского Университета. Так же спокойно профессор Легон принимался за свои работы над хлоридами для гидрокарбона. Ничего не изменилось. Но вот, как-то случайно, в одном из самых популярных во Франции научных журналов промелькнула большая статья. В ней подробно излагалась одна неудачная работа Легона о строении формулы бензола; работа, которую он первый опроверг на основании своих последующих опытов. Выдержки из статьи почему-то были перепечатаны многими газетами. Затем, в одном из докладов для широких масс об успехах науки, лектор мимоходом сказал, что, по слухам, «недавно открытый проф. Легоном гидрокарбон есть ни что иное, как тетралин, приготовляемый Германией во время войны». Эта выдержка из доклада была подхвачена всеми газетами, не исключая и таких, которые специально интересовались только модами и великосветскими сканда-

лами. Германская пресса всех направлений требовала суда над Легоном, обвиняя его в научном плагиате, а националистическая печать заодно подвергла сомнению вообще существование всей французской науки. Крупным шрифтом печатались сообщения о том, что студенты освистали профессора Легона на последней лекций.

Опровержения Легона не печатались, и его самого не принимали в редакциях. Зато маленький и скромный мистер Дорринс всегда радушно принимался, и обычно после своего визита он оставлял у редактора клочок плотной бумаги, адресованный во французский банк. С удовлетворением пресса приняла постановление совета профессоров Парижского Университета об удалении Легона из Университета. Затем о Легоне забыли. Писали о карательной экспедиции в Марокко, захлебываясь, говорили о ножках балерины Ирэн и о биржевых бумагах. Станным образом это затишье совпало с визитом мистера Дорринса на квартиру экспрофессора. Зато какая буря поднялась, когда узнали, что правительство СССР предложило Легону приехать в Ленинград и продолжать в русских лабораториях свои опыты.

— Советский шпион, жалкий мошенник, авантюрист! — сыпалось на голову Легона. Под давлением «общественного мнения» Легон был выселен из квартиры в мансарду дома в предместье. Видный профессор психиатр в интервью заявил, что Легон является, очевидно, резко выраженным дегенеративным типом, и что необходимо освидетельствовать его умственные способности. Легону стало грозить заключение в психиатрическую больницу.

Сгорбленная фигура Легона редко появлялась на улицах. Он все время сидел в своей полутемной конуре

и лихорадочно заканчивал опыты над хлоридами. Отсутствие хорошей лаборатории давало себя знать. Время шло, а работа подвигалась плохо. Иногда он выезжал в профектуру узнать о выдаче заграничного паспорта, и когда возвращался, то выражение его лица было еще безнадежнее, чем раньше. Лечивший его старик доктор только качал головой, когда видел фигуру, тихо плетущуюся к себе на квартиру.

Выдержка из «Пти Паризьен»: «Вчера ночью умер бывший профессор Легон. Лечивший его доктор сообщает, что покойный страдал серьезной болезнью сердца. Интересно отметить, что Легон не оставил после себя описания состава контактного вещества хлоридов, которые необходимы для приготовления «гидрокарбона».

Шифрованная каблограмма главному агенту «Амернкен Ойль» в Париже. Лично.

«Выдать Дорринсу гонорар четыреста тысяч франков. Считать его полномочия исчерпанными. Дело Легона ликвидировать». Подписано: «Айсон».

Б.Т. ГОРОЩЕНКО

ЛЕТАЮЩЕЕ КРЫЛО

Фантастический очерк

Б.Т. Горощенко
ЛЕТАЮЩЕЕ КРЫЛО

Опубликовано в журнале «Техника-молодежи» №2/3,
1936 г

ИНЖ. Б. Т. ГОРОЩЕНКО

194... год.

Вернувшись домой, я нашел на столе радиограмму, приглашающую меня в Нью-Йорк для участия в срочном совещании. Назначалось оно в 7 часов вечера следующего дня.

На вечерний самолет воздушной линии Москва—Нью-Йорк я уже опоздал. Придется воспользоваться самолетом, вылетающим в 8 часов утра.

К счастью, линия получила недавно новые скоростные пассажирские самолеты последнего типа, покрывающие расстояние в 8250 километров, отделяющее Москву от Нью-Йорка, в десять с половиной часов. Таким образом, я смогу поспеть на совещание в назначенное время.

Проснувшись за час до отлета и наскоро позавтракав, я поспешил на аэродром.

Самолет стоял у аэровокзала. Это было сравнительно небольшое летающее крыло с чрезвычайно краси-

выми законченными формами. На его передней, прямой части были расположены два больших четырехлопастных винта. Задняя кромка крыла сходилась под тупым углом у несколько утолщенной средней части, внутри которой была расположена кабина, вмещающая 25 комфортабельных кресел для пассажиров.

На самолете не было видно выделяющихся органов управления, и переход к стабилизатору и рулю высоты можно было заметить, лишь внимательно взглядевшись. Поражала изумительно выполненная полировка всей поверхности самолета. Крыло представляло собой в буквальном смысле слова зеркало, которым можно было бы пользоваться, если бы кривые поверхности не искажали отражающихся в них изображений. Оба мотора не были видны. Они помещались внутри крыла. Каждый из них мог развивать свыше 1000 лошадиных сил на высоте 12 тысяч метров.

За 5 минут до отлета нас пригласили занять места и предупредили о том, что во время взлета следует удобнее усесться в кресло, так как благодаря большому ускорению в этот момент пассажиры со значительной силой прижимаются к спинке сиденья.

Самолет легко тронулся. Спустя несколько секунд все ускоряющегося бега вдруг раздался резкий звук, аппарат задрожал, и меня сильно прижало к мягкой спинке кресла. Это были пущены в действие ракеты, ускоряющие взлет и сводящие время его к 4—5 секундам.

В одном из окон, которое было расположено в полу у моих ног, я отчетливо видел часть шасси с колесом. Вдруг оно начало подниматься вверх и через несколько секунд оказалось втянутым внутрь крыла.

После взлета прошло не больше 5—6 минут, но альтиметр, расположенный на изящной приборной доске

внутри пассажирской кабины, показывал уже высоту около 8 тыс. метров. Всякое сообщение нашей кабины с окружающей разреженной атмосферой было прекращено. Мы дышали уже искусственным воздухом, который вырабатывали специальные приборы.

Подъем продолжался — самолет должен был пройти весь путь от Москвы до Нью-Йорка на высоте 12 тысяч метров.

Наконец альтиметр достиг этой цифры, и я, приподнявшись, стал наблюдать за крылом через наклонное окно, расположенное в потолке кабины. После подъема, когда самолет перешел на крейсерскую скорость, большая площадь его крыла, равная 120 кв. метрам, становилась уже ненужной — она уменьшала скорость. К ровному жужжанию моторов примешался какой-то посторонний звук, и я увидел, как конец крыла стал медленно вытягиваться в среднюю, более толстую часть. Одновременно задний участок средней части крыла вытягивался вперед, двигаясь не только поступательно, но и с некоторым вращением. Через 2—3 минуты все крыло как бы сжалось, не изменяя в основном своей геометрической формы, и оказалось уже несравненно меньшим по размерам. Площадь самолета при этом уменьшилась со 120 кв. метров до 80. Указатель скорости полета показывал 700 километров в час.

Вновь шум моторов чуть заметно изменился. Я опять приподнялся, чтобы посмотреть, не происходит ли новых изменений крыла. Действительно, его передний участок, так называемое ребро атаки, заметно изменило свою форму. Характер этой деформации был очень сложный, но существо ее сводилось к тому, что профиль крыла в своей передней части заострился. Процесс изменения профиля закончился очень быст-

ро.. Скорость полета увеличилась, и стрелка альтиметра, точно показывала нашу крейсерскую скорость — 800 километров в час.

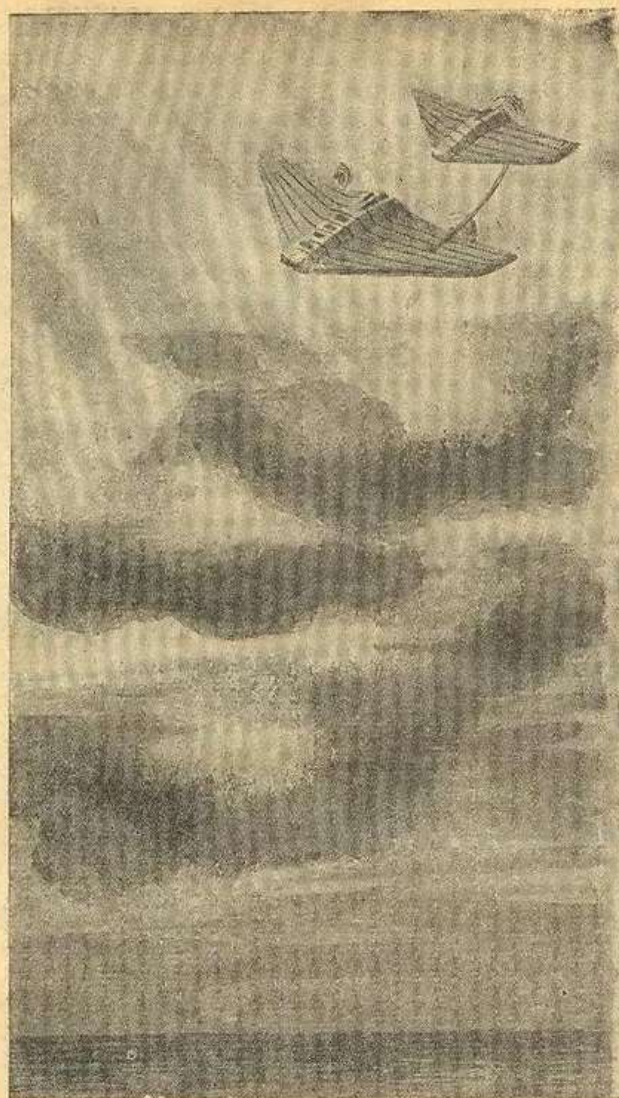
Нельзя сказать, чтобы местность, над которой мы должны были лететь, представляла большой интерес. Совершенно естественно, что воздушная линия проходила по кратчайшему расстоянию между точками взлета и посадки. Вылетев из Москвы, мы пересекали Балтийское море и достигали Швеции несколько севернее Стокгольма. После Стокгольма весь дальнейший путь до Америки лежал над Атлантическим океаном. Англия оставалась значительно южнее. Но на долготе Ирландии мы должны были пролетать над небольшой группой Фаррерских островов. Далее лежал большой участок чистого океана.

Во второй половине дня самолет достигал узкого пролива, отделяющего остров Нью-Фаундленд от сурового и пустынного полуострова Лабрадор. Дальше полет проходил почти все время над океанским побережьем Америки до самого Нью-Йорка.

Прошло немного больше часа, и я заметил в нижнее окно, что серовато-зеленоватый пятнистый фон земли, прорезанный в некоторых местах тонкими нитями рек, сменился стальным фоном моря. Это Балтика. Хотя мы пересекали Балтийское море в довольно широкой его части, однако перелет над ним отнял всего лишь около 20 минут.

Не могу сказать, чтобы с высоты 12 тысяч метров вид Стокгольма меня сколько-нибудь поразил. Несомненно, земной пейзаж, открывающийся с 500 метров, значительно интереснее пейзажа с высоты 12 тысяч.

Опять под самолетом земля. Мы пролетаем горизонтую Швецию и Норвегию.

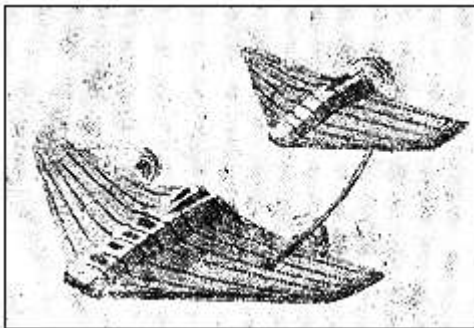
Бензиновоз летел выше нас метров на 30 и чуть впереди. Вдруг в нижней части его открылся люк, из которого опустился толстый шланг.

Океан — стальная поверхность, сливающаяся в дымке с горизонтом. Ощущение бесконечного пространства.

На поверхности океана показались едва заметные очертания земли. Это были Фаррерские острова.

Пилот открыл стеклянную дверь и предупредил нас о том, что сейчас будет происходить интересный процесс пополнения горючего в воздухе. Жужжание моторов приняло иной оттенок. Скорость понизилась до 600 километров в час. Вскоре я увидел в верхнем окне вначале тень, а затем и самый самолет-бензиновоз, от которого мы должны были получить больше 2000 килограммов горючего для дальнейшего пути. Это было тоже «летающее крыло» размером несколько меньше нашего.

Бензиновоз летел выше нас метров на 30 и чуть впереди. Вдруг в нижней части его открылся люк, из которого спустился толстый шланг. Расстояние по высоте между самолетами немного уменьши-

лось, и в тот момент, когда конец резинового шланга поравнялся с нашим крылом, из него был выпущен специальный ухват, автоматически соединивший шланг с горловиной, утопленной в крыле. Процесс переливки горючего продолжался очень недолго. На этой огромной высоте, благодаря отсутствию восходящих и нисходящих воздушных течений, он осуществлялся даже проще, чем при полете вблизи поверхности земли.

От Фаррерских островов до берегов Америки мы должны были лететь свыше 3000 километров над океаном. Через нашу кабину прошел пилот, по-видимому, к радиоаппаратуре, расположенной в задней ее части. На месте летчика никого не было. Десять лет назад это было бы невозможно. Но техника управления самолетами сделала огромный скачок. Теперь пилот, по существу говоря, только изредка на короткое время вмешивался в управление. Оно целиком осуществлялось автоматическими приборами, так называемым автопилотом. Основной задачей летчика было наблюдение за приборами и некоторая их регулировка. Зато каждый ретчик должен был в совершенстве знать ту сложную аппаратуру, которая осуществляла управление рулями, механизмами крыла, и регулировала работу моторов.

Возвращаясь на свое место, пилот сообщил, что через 5 минут под нами должен будет пролететь встречный самолет, идущий из Нью-Йорка в Москву.

После короткого звонка, предупреждающего о приближении встречного самолета, я стал внимательно вглядываться в окно. Действительно, впереди показалась точка, которая мгновенно увеличилась до больших размеров и через 1—2 секунды исчезла.

Только при этой встрече действительно ощутилась та колоссальная скорость, с которой мы летели. 800 километров в час! Это 220 метров в секунду! Прибавим такую же скорость встречного самолета, — тогда относительная скорость обоих самолетов достигнет 440 метров в секунду. Она лишь наполовину меньше скорости снаряда.

Каким же путем исключается возможность столкновения между самолетами, идущими с такими невероятными скоростями? Оказывается, что каждый са-

молет еще при вылете получает строго определенную высоту и зону полета. Он должен лететь как бы в коридоре шириной около 500 и высотой около 300 метров. Высота полета, а также точное направление регулируются автоматическими приборами и одновременной контрольной радиосвязью самолета с землей.

Было около 2 часов дня. Нам предложили на откидных столиках очень вкусный обед. После обеда я занялся чтением газеты. 4 часа — скоро Америка. Действительно, далеко впереди показалась туманная полоса. Это были берега острова Нью-Фаундленд — слева и полуострова Лабрадор — справа. Была произведена новая заправка горючего. Она прошла так же точно и безукоризненно, как и предыдущая.

Теперь наш путь лежал у берегов Америки.

Метеорологические условия полета резко изменились. Ни земли, ни воды не стало видно. Их закрыли от нас колоссальные облачные массы. Мы летели в нескольких километрах над ними. Скоро Нью-Йорк. Посадка должна произойти вслепую, вне видимости земли. Самолет должен пройти через громадную толщу облаков и, не видя земли, во время тумана точно найти небольшой аэродром.

Полет заканчивался. Через четверть часа посадка. Я опять прильнул к верхнему стеклу и стал наблюдать за обратными превращениями нашего самолета. Заостренная передняя часть крыла на моих глазах превратилась в более закругленную. Крыло стало расти и приняло те размеры, которые оно имело при взлете. После этого высота, показываемая альтиметром, стала быстро уменьшаться. Если бы такой быстрый спуск происходил без герметической кабины, мы, вероятно, испытали бы целый ряд неприятных физиологических ощущений. Но в нашей кабине их не было.

На высоте трех тысяч метров в кабине зажегся свет. Мы вступили в чрезвычайно густые облака, и впервые за все время полета почувствовали, как самолет слегка подбрасывает и покачивает в резких восходящих и нисходящих течениях воздуха.

Пилот внимательно следил за своими приборами. При слепой посадке совершенно особая и крайне ответственная роль ложится на радиоаппаратуру. Мы должны были войти в радиолуч нью-йоркского аэродрома и, руководствуясь им, точно сделать посадку.

По-видимому, облачность была сплошной, и переходила у поверхности земли в туман, так как, несмотря на то, что альтиметр, показывал всего лишь 300 метров, земли не было видно. В тот момент, когда альтиметр показал высоту 20 метров, прекратившееся жуж-

жание моторов опять возобновилось, но с каким-то совершенно иным, шипящим оттенком. Теперь моторы вращали не воздушные винты, а специальные вентиляторы, которые в едва заметные отверстия на задней части крыла нагнетали с большой силой воздух, — в результате этого самолет мог совершить посадку с чрезвычайно малой скоростью. В нижнем окне я смутно различил выпущенные шасси и через минуту почувствовал мягкий толчок. Несколько минут пробега, и самолет стал плавно рулить по аэродрому. Границ его не было видно. Стоял сплошной туман.

6 ч. 30 мин. — Нью-Йорк.

...Читатель может предъявить претензии автору за то, что он, рисуя будущий перелет из Москвы в Нью-Йорк, заставляет самолет лететь почти полсуток. Для людей с пылкой фантазией, естественно, было бы приятнее достигнуть Нью-Йорка в 2—3 часа. Однако автор не хотел вдаваться в область сплошной фантазии. Его задачей было описание самолета будущего, который в зародыше, в отдельных своих элементах существует уже сейчас...

Б. БЕЛЬТЕНЕВ

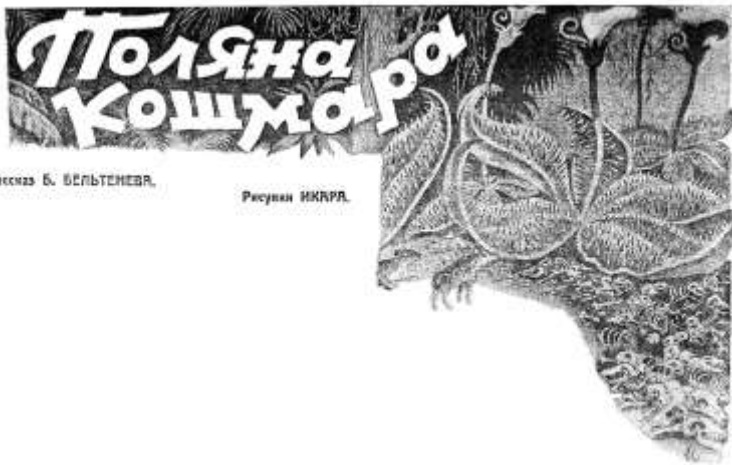
ПОЛЯНА КОШМАРА

Фантастический рассказ

Б. Бельтенов

ПОЛЯНА КОШМАРА

Опубликовано в журнале «Вокруг света(Л)», № 16,
1928 г.

Редакция умышленно не назвала данного рассказа „фантастическим“, ибо основная тема его взята из подлинной жизни растений. Не далее как в прошлом году в лесах Мадагаскара действительно найдено было чудовищное дерево, которое захватывало своими длинными, стелющимися листьями разнообразных животных, переваривало их в себе в течение нескольких дней и затем выбрасывало уже одни чистые кости.

Экспедиция академика Клина устраивалась на прирале: разбивались палатки, зажигались костры. Измеренная человеческим шагом, лежала позади в золотистых сумерках пустыня, а перед глазами уходили вдаль отроги гор Куень-Люня. Пущенные на отдых верблюды пережевывали сочную траву, и переливчатый шум шел от обильно наполнявшихся желудков.

Около академика собирались участники экспедиции. Энтомолог Пришвин, страстный охотник на геликонид-бабочек, наделенных отвратительным запахом, и Кодин, остеолог, ученик проф. Вейсмона из Фрейбурга, внимательно слушали Клина. Разговор вертелся

около небольшой косточки из запястья позвоночных высшей формации — *os centrala*. В погоне за этим звеном между человеком и другими млекопитающими и примкнул к экспедиции, получившей уже заслуженное имя в научных кругах, Козин.

— Удивительный вечер! — заметил академик. — Жара в 70° резко сменяется прохладой. Юг и север сходятся здесь на протяжении одного дня. После последнего перевала у меня развился превосходный аппетит. Передайте-ка мне баночку с консервами, Федор Васильевич! — обратился он к Пришвину.

— А, в самом деле! — подтвердил Козин. — Что это у всех нас сегодня замашки троглодитов, словно панкреатическая железа выделяет вдвое больше сока. При таком нажиге мы быстро гильотинируем наши запасы...

Пришвин, приняв от Клина обратно наполовину опорожненную банку, вмешался в разговор.

— Беда невелика! Здесь легко пополнить мясные запасы превкусной жирной антилопой или упитанным пекари. Неисчислимо богатство таится кругом. Стоит только заглянуть вон в тот лес...

— В самом деле, почему бы нам с вами не отделиться от нашего каравана? — перебил его Козин. — Захватим с собой пару проводников и углубимся в нутро этой роскошной флоры. Быть может, нам посчастливится пополнить коллекции любопытными экземплярами. Профессор даст нам свое согласие, ведь так, Оскар Павлович? — спросил он академика.

Тот, не отрываясь от еды, утвердительно мотнул головой. Пришвин посмотрел в сторону леса. Он лежал завалуенный фиолетовой дымкой дали — таинственный, манящий. И непонятное влечение заставило энтомолога встать и обернуть к лесу свое лицо.

Предрассветные сумерки уже начали разбегаться, когда Пришвин и Кодин на следующее утро уверенным шагом направлялись к лесу. Сзади два монгола-проводника едва поспевали, таща на себе ящики для сбора коллекций и необходимый провиант. Из-за изломанных контуров гор поднималось солнце. Путешественники прибавили шагу, чтобы вовремя укрыться в прохладе леса. Подойдя ближе к опушке, оба натуралиста остановились в полном изумлении. Дорогу загородили им тропические пальмы, раскидистые баобабы и причудливо обмохначенные эвкалипты. Стволы гигантов, перевитые лианами и каким-то желтеющим плющом, казалось, сливались в непроходимую стену. Всюду тишина, перебиваемая стрекотом насекомых. Кодин впился глазами в заросли и неожиданно вскрикнул. Подбежав к лианам, он стал срывать какие-то желтые кувшинообразные цветы.

— Ведь это непентесы, Федор Васильевич, да какие крупные! Я встречал их только на острове Борнео. Взгляните на эти насекомоядные растения. — И, перебирая в руке лепестки, он продолжал: — вот здесь край цветка, гладкий, как стекло. Никакое насекомое здесь не удержится; оно скользит и падает на дно хищника, а выбраться обратно не дают эти иглы, направленные внутрь острием. Ткань стенок выделяет настоящий пепсин. Жертва целиком растворяется и всасывается клетками цветка...

Пришвин с легким испугом осматривал редкие экземпляры насекомоядного, пока его товарищ осторожно прятал их в жестяной ящик для ботанических коллекций. Забрав непентесы, маленькая горсточка людей решительно двинулась в глубину леса. Величественное молчание столетних деревьев не нарушалось ничем.

Не было слышно ни голоса птиц, ни шума животных: нутро леса было беззвучно, как пустыня.

С большим трудом пробирались наши исследователи в этой лаще, разрезая лианы, перелезая через упавшие деревья, скользя ногами по их тлеющим телам. Наконец, лес начал заметно редеть. Неожиланно тишина разрезалась шумом горного ручья с гор. Прошли еще несколько километров, но кругом все было так же безнадежно и молчаливо, как и пройденный лес. Пришвин обратился к проводнику:

— Скажите-ка, Тао-Ли, почему здесь так тихо? Природа кажется вымершей; мы не встретили ни птиц, ни зверья. Даже у ручья нет следов на водопой. Что это?

Монгол медленно остановил глаза на собеседнике. Коричневая маска лица была непроницаемой, лишь в углах раскосых глаз почудился энтомологу загнанный суеверием страх.

— Эта область — царство Кори, духа смерти. Здесь нет жизни: все пожирает ненасытное чрево бога...

Кодин усмехнулся, но чтобы не обидеть старика, вставил:

— Вот мы и выгоним отсюда всех духов. Недурное место для своей резиденции выбрал ваш Кори. Ведь не правда ли, Тао-Ли, — продолжал он, — если бы на этих пастбищах паслись твои стада, раскинулись твои шатры, заливчато лаяли собаки, ты был бы счастлив?

— Нет! — невозмутимо ответил монгол. — У Тао-Ли было бы только горе. Кори пожрет все...

Заинтересованный странной обстановкой, Пришвин уговорил своих спутников продолжать путь вдоль ручья, чтобы встретить, наконец, добычу. Недоумение и легкий испуг тишины сменился нетерпеливым ожиданием. Шли молча, настороженно, прощупывая глазами окрестность. Вдруг Пришвин дал знак ру-

кой остановиться. Вскинув ружье, он осторожно прицелился в колыхавшийся камыш. Следом за выстрелом раздался жалобно пискнувший выкрик смерти. Все четверо бросились вперед. Высунувшись из зарослей, вздрагивал тельцем детеныш кабана. Желтоватые полосы шкурки покрылись кровью. После быстрой агонии, свернувшись в комочек, он валялся худенький и несчастный. Голодные ребрышки еще судорожно бились. Пришвину стало не по себе. Указывая Кожину, он как-то неловко, словно оправдываясь, заметил:

— Юрий Александрович, говорил же я вам, что должна здесь быть дичь!

Кожин взглянул на мертвого детеныша и ничего не ответил. Тао-Ли захватил добычу, и в таком же порядке коротенькая веревочка людей потянулась дальше. Перед сумерками в вечеряющей прохладе почудился путникам налетевший откуда-то позыв к еде. Казалось, ощущение струилось извне, постепенно становилось неотвязным, словно воздух сам излучал повышенный аппетит и приводил мозг в состояние легкого дурмана. Острый голод заставил экскурсию остановиться. Разведенный огонь жадно облизывал шипевшее мясо кобаненка. Искусной рукой монголов, оно было подвешено над костром. Утоляя голод, который становился бесконечным, каждый из участников трапезы в душе удивлялся аппетиту своих соседей. Наконец, все улеглись, и сторожить остался Пришвин. На душе у него было беспокойно. Он старался объяснить странную обстановку. В чем таилась причина отсутствия животных при этой богатой флоре? Время от времени плеск воды наводил на мысль, что кто-то переплывает на противоположный берег. Вот из черноты леса донесся шум стремительного бега. Какое-то животное вынырнуло на поляну, промелькнуло тенью в отблесках костра,

бросилось в воду и, порывисто дыша, зафыркало в брызгах. Вслед за этим шорохи повторились...

— Что это? — подумал Пришвин. — словно таинственный полуночный сбор. Звери бегут и все в одном направлении. Торопятся.

Он разбудил Тао-Ли. Тот молча выслушал рассказ, боязливо оглянулся по сторонам, отбросил:

— Это к духу Кори бежит зверье... Тао-Ли слышал об этом от стариков. К нему же ушла и самка кабана... Бросила даже своего родного детеныша... И ты его убил...

Кодин, лежавший около костра, вдруг завозился и задержался во сне. Вскочил.

— Куда вы, Юрий Александрович? — забеспокоился Пришвин.

Не отвечая, Кодин стал разыскивать остатки консервов, лихорадочно вскрывать и жадно поедать. Куски мяса проглатывались залпом. Пришвин подбежал и вырвал у него банку.

— Что с вами?

— Хочу есть, зверски! Голова кружится от голода! — выкрикивал Кодин в состоянии какого-то сомнамбулизма. Пришвин выругался, отдал банку и безнадежно махнул рукой. У него самого от голода ныло и сосало...

На утро после обильной еды у всех было состояние отяжеленности. Апатия и безразличие после излишества придавили мысль; она стала тупой и сонной. Пресыщение и сытость до отвала, отдавали во рту отвратительной горечью. Пришвин подвел остеолога к опустошенным запасам. Тот смотрел в недоумении, не понимая сам, как это могло случиться. Ночное происшествие казалось Пришвину наваждением. Чтобы проверить себя, он пошел туда, где чудилась промелькнувшая тень. На земле были разбросаны ясно свежие от-

печатки ног парнокопытного. Двинулись дальше, и все непроницаемой казалась таинственность тишины дня и звуков ночи. Инстинкт желудка заставил их идти по следам, в надежде догнать добычу. Пришвин взглянул на компас. Магнитные стрелки показывали, что путь следов вел на северо-запад, хотя экспедиция Клина сейчас должна быть на юге-востоке. Какая-то посторонняя сила сбивала их путь и становилась их вкрадчивым кормчим. Стало жутко. Воровски он спрятал компас в карман. Никому ничего не сказал. Один только Тао-Ли подметил что-то неладное и понял.

Когда вечер снова дохнул отравленным воздухом, Пришвин почувствовал легкое головокружение и физическую боль где-то в мозгу. Казалось, здесь собрались все ощущения голода. Он чутьем понял, что и его спутники испытывают то же.

Так прошел еще один вечер безумной тоски по пище, а ночью оба ученых обнаружили исчезновение своих проводников, которые повернули обратно к лесу и скрылись. Теперь они оба брошены на произвол случая в этом заколдованном месте, где неотвязный, нарастающий позыв голода раздирал нестерпимой болью мозг. Обхватывая ствол дерева руками, Козин как-то странно, словно дятел, мотал головой. Опомнив- нись, Пришвин крикнул:

— Юрий Александрович!?

В ответ донесся только скрип челюстей. Подойдя вплотную, энтомолог различил в темноте, что его товарищ, забыв все на свете, неистово грыз и долбил зубами кору дерева. Нестерпимый позыв к еде сочился из воздуха.

Широко раздувая ноздри, Пришвин впитывал в себя яд и физически мучился. Только дисциплинированный долгой наукой мозг еще мог выдержать это испы-

тание, но все же руки сжимались, корча и растопыривая пальцы, как когти хищника.

Когда наутро всходило солнце, и с лесных полян потянуло медвяно-приторным дыханием орхидейных и ирисов, изголодавшиеся за ночь и перемучившиеся исследователи пришли в себя. Как и накануне, они не чувствовали голода. Сон бросил их у потухшего костра, неподвижных и успокоенных.

— Что с нами происходит? — спрашивал Кодин товарища...

— А сам не могу понять, в чем тут загвоздка. Мучительно жуткий аромат, вызывающий голод... Отсутствие животной жизни... Молчание дня и суета ночи. Наконец, сами мы с вами, Юрий Александрович, потерявшие власть над собой. Теряюсь в догадках... Неужели сбежавший Тао-Ли прав? Какая-то-дьявольская могучая сила подчинила нашу волю, лишь только мы вступили в этот чертовский угол. Но еще сильнее нет найти ключ к этой таинственной истории...

— Да! — подтвердил Кодин. — Распроклятый запах разжигает голод, делает меня зверем... Я чувствую, как теряю сознание, становлюсь низшим существом, над которым безраздельно царит власть желудка, сатанею, тотковым перегрызть горло даже человеку... Страшно! Какой я ничтожный!

— Но, ведь, Юрий Александрович, — перебил Пришвин, — мы с вами естественники, не верующие даже в виталистические теории... Мы же знаем, что ничего волшебного нет. Время чародеев исчезло. Объяснение найдем, должны найти!

— Мы ищем и не находим, Федор Васильевич, когда у нас сознание ясно. — В задрожавшем голосе остеолога послышались нотки отчаяния. — Самое непонятное во всем нашем приключении то, что я теряю по вече-

рам свой облик человека. Бесцельно уничтожая запасы, грызу деревья. Если «это» повторится и сегодня вечером, Федор Васильевич, застрелите меня. Убейте — или... бегите, спрячьтесь от меня. Я за себя не ручаюсь...

Голос звучал глухо, с большим надрывом. Чувствовалось, что он говорит, то, чего страшится.

— Заметьте, — указал Пришвин, пропуская мимо ушей последние слова товарища, — луг начинает меняться. Нам стали попадаться кислые травы. Вот — нагнувшись, он сорвал красноватую траву с ланцетобразными листьями — это «щучка». Вид похож на наши, но крупнее и оттенок ярче. А где же наши коллекции?

Только тут оба заметили, что ящики забыты у костра. Досадная рассеянность! Возвращаться не было никакого смысла, и пришлось с болью вычеркнуть из памяти дорогую потерю.

— Судя по тому, что флора сменилась и рельеф другой, видимо, мы попадаем в какую-то гать, заболоченную низину! — продолжал свои наблюдения Пришвин.

Действительно, спустя час ходьбы, натуралисты вышли на открытый участок леса.

— Совершенно непонятное зрелище! Что там впереди? Юрий Александрович, Юрий Александрович!

Пришвин почти бежал и вдруг, как вкопанный, остановился в недоумении. На вязкой, черноватой почве, утоптанной звериной ногой, низко раскинувшись по земле широчайшими листьями, росли группами невидимые доселе странные растения. Они выпячивались из почвы пятилистной расцветкой. Лист доходил шириною до $2\frac{1}{2}$ метров, а длиной, по крайней мере, в 6—7 метров. Вся поверхность была усеяна мощ-

ными ресничками, на концах которых поблескивала слизистая жидкость. Среди них возвышались острые известковые шипы, отточенные стилеты не менее 1\4 метра в длину. На длинном могучем стебле возвышался из центра цветов. Он походил на исполинский сапожок; белый, с причудливой завитой шпорой позади. И у каждого из растений-великанов цветок был один. Крепко зажатый зелеными чашелистиками, он имел вид цветка, распускавшегося только с наступлением вечера.

Момент оцепенения прошел. Все, что могло вырваться из пересохшего горла Пришвина, — это глухое, идущее изнутри «А-а!». Козин, вцепившись в его руку, все еще стоял, подавленный видом чудовищных растений и какой-то связанной зловещей тайной.

— Что это? — наконец, глухо выдавил он. Любознательность взяла верх над страхом. Отважный естествоиспытатель, желающий знать то, что видит перед собой, победил в них суеверного, запуганного человека. Инстинктивно взяв друг друга крепко за руки, оба натуралиста стали подвигаться к непонятно диковинным формам. Подошли ближе. То, что издали казалось белевшими около растений предметами, оказалось костями различных животных.

Боясь подойти вплотную, Козин со стороны осматривал, прикидывал, уяснял. Как ни был он потрясен развернувшейся перед ним картиной, он поступал, как исследователь... Что-то знакомое замелькало отдаленно в этих уродливо расплывшихся, ожиревших формах.

— Форма этих ресничек на листьях, — говорил он про себя, — слегка напоминает знакомых обитателей болот севера — жирянку и росянку. Эти же чудовища напоминают не огромных насекомоядных, а скорее

животоядных. Не сородичи ли это мегалозавров, плезиозавров и птеродактилий, остатки страшилищ, наполнявших когда-то нашу планету? Но... — оборвал и смущенно посмотрел на Пришвина. — Федор Васильевич! Я опять начинаю втягивать этот запах, мучивший нас столько дней. Он где-то близко, этот источник, испускающий чудовищный яд. Прочь отсюда! Уйдемте! У меня начинает кружиться голова...

— Нет! — твердо заявил Пришвин, — мы не уйдем. Разгадка здесь. Я не даром замечал дорогу. Перед всей экспедицией мы продемонстрируем этих ископаемых.

— Так-то так, — согласился Козин, — но я за себя не ручаюсь...

— Нет, нет! Только не бежать! — с жаром говорил Пришвин. — Мы должны, мы обязаны перед всем миром науки пробыть здесь и разгадать, наконец, жизнь этих чудовищных растений,

— Хорошо, Федор Васильевич! В поисках правды нужен подвиг... Я согласен... Но если окажусь слабее, чем требует долг ученого, не осудите. Насилие над собою я заранее разрешаю. Хоть свяжите, хоть придавите...

День начал сменяться вечером. Над поляной неотвязно повис роковой дурман. Опять тоскливо заняло нутро, требуя пищи. Нарастающая потребность жевать, грызть, кусать, рвать, впиваться зубами вступала в свои права.

— Юрий Александрович! Следите за собой и цветом. Улавливайте связь. Вот он раскрывается. Полилась отравы, преломляющаяся в нас ощущением голода. Он расцвел, манит, зовет, тянет. Кричит своим ароматом на сотни километров. Поджидает жертву. И она бежит через долины, поля, горы на этот призыв. Стремится заглушить крик брюха и падает в объятия

листа-вампира. Тайна ночи разгадана. Смотрите на них — всех призывающих, всех пожирающих. Ненасытное чрево без головы, брюхо без руки ног. Проклятые утробы вечно без конца.

— Тише — Пришвин остановился и стал прислушиваться... — Мне кажется, я улавливаю отдаленный шум и треск ломающихся веток... Скорей на край поляны, ближе к деревьям. Оттуда, как на ладони...

На поляну выбежал молодой марал с судорожно-передвигавшимися ребрами от быстрого хода. Из раскрытого рта сгустками свисала пена. Раздувшиеся ноздри слегка прозрачные, с налитыми жилками, жадно втягивают запах. Животное безвольно двигалось к роковому растению. Усталые ноги дрожали; струйки пота и грязи текли по сухожилиям. Придвинувшись к листьям розетки, марал напряг остатки сил. Неуклюжим прыжком он пытался схватить цветок. Но достаточно было одного неосторожного прикосновения к ресничкам, как все они ожили, зашевелились, змеями подползая к жертве. Облепили, присосались, обволокли, лишив возможности самостоятельных движений.словно по безмолвной команде управляющего центра, реснички начали сокращаться в своем росте. Непреоборимая сила начала валить животное на замирающий лист. Марал пошатнулся и упал. Мгновенно в тело его воткнулись сотни шипов. Кровь из всех ран брызнула, полилась, застывая поверхность листа терпкой красной лавой. А сам он бесшумно начал складываться в продольном направлении. Бьющаяся жертва оказалась захлопнутой в неумолимой западне. Края сходились, стиснутое тело раздиралось на части двигавшимися шипами. Оттуда неся хрип, шум, вздох... Кошмарный лист замер в сложенном положении.

Ковалев его не-о-о-о, свистел ласково по рукам и ногам

Марал пожирался быстро... Натуралисты дрожали от ужаса. Холод страха покрывал трясущуюся кожу нервной сыпью. А вся поляна оживала, и в разных уголках происходили ночные жертвоприношения.

— Я не вытерплю! Я задыхаюсь!.. — мотался Ковалев. — Это — лаборатория чорта, дьявола. Я сам готов броситься, пусть жрет и меня это брюхо!

Пришвина была лихорадка и озноб. Оа сам чувствовал, как кричал от щемящей боли каждый обнажившийся нерв. Вдруг почувствовал, что руки товарища как-то особенно его схватили. В прикосновении передалось безумное желание Кодина. Инстинктом зверя тот ощупывал жертву...

— Опомнитесь, Юрий Александрович! Соберите крохи сознания. Ведь я — человек, и вы так же. Страшного не должно случиться. Слышите, не должно быть....

С этими словами он бросился на Кодина и повалил его наземь, связав лианами по рукам и ногам. Но энтомолог и сам не рассчитал своих сил. Разгоряченный схваткой, он недооценил власти губительного аромата. Только часа два спустя, он стал замечать, что его покидает сознание. Нестерпимо ныл мозг и судороги голода дергали тело. Из прокушенной губы текла кровь. Он жадно сосал соленовато-терпкую струйку, но этой пищи было мало. Желудок уже не требовал, а как полноправный хозяин начал командовать своим рабом. И рассудок не выдержал. Накатилось и заплясало безумие. Со всей поляны хлынула на него кровь. Он чувствовал ее запах, она наполняла рот; лезла в уши, текла по телу.

Это случилось на рассвете. Наклонившись над связанным Кодиным, обжигая его медью горящих глаз, дергаясь, как эпилептик, Пришвин говорил:

— Материя, форма энергии, превращение видов, распад атома... Для локомобиля — вода и пар, для человека — пища и мысль. Я хочу иметь пар без топлива, мысль без крови. И я узнал, где во всем мире таятся корни. Здесь! — Он указал на поляну. — Вот стоят они, всепоглощающие желудки без ног. Здесь живопырня дьявола, здесь центр. Они сосут кровь, пожирают чу-

жую жизнь. Пришел я и разрежу желудок мира. Мир будет жить. Я людей освобождаю от живота.

Пришвин размахивал ножом, подмигивая кому-то, не то небу, не то земле. Кодин видел, как он, крадучись, стал подбираться к гигантским растениям. Сознание неизбежности рокового заставило его побороть мучивший инстинкт голода. Тут только ему стал ясен смысл всей болтовни безумца.

Шены врезались в тело, хлывула крепко
человека

— Федор Васильевич! Назад! Осторожнее! — кричал он до хрипоты. Бился беспомощно на земле, корчился. Лианы врезались в тело и крепко держали его как в

проволоке. Пытаясь как-нибудь предотвратить беду, Кодин бревном подкатился по земле на помощь Пришвину.

— Развяжите, разрешите мне путы, помогите! — вопил он товарищу. Но Пришвин не обращал внимания на конвульсии остеолога, весь как маньяк, ушедший в исполнение своего плана. Удачно пролавировав около края листьев, он яростно, брызжа слюной и ворча, с возрастающей злобой надрезывал их около самой земли. Рубил, рвал. Наконец, один лист упал.

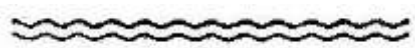
— Ага! — иступленно, ликуя победу, выл маньяк. — Вот так и другие.

Он хохотал, приплясывал, угрожал. Но когда началась схватка между Пришвиным и остальными листьями, безумец не учел опасности. Успех первой победы — настроил его легкомысленно. Он слишком близко нагнулся к краю. Одна из липких ворсинок-ресничек сумела зацепиться за одежду натуралиста. И этого было достаточно. Как волосы Горгоны, зашевелились остальные, задвигались, потянулись, обетели. Сокращение их пошло с такой быстротой, что Пришвин не успел даже крикнуть. Взмахнув в воздухе телом, описав небольшую дугу, натуралист грохнулся на середину кровопийцы-листа. Шипы вонзились в тело, хлынула кровь человека. Неумолимо лист начал складываться, раздирая жертву на части. Кодин видел, как смерть безумца наступала мгновенно. Один из шипов угодил прямо в сердце Пришвина.

Спустя несколько дней, экспедиция подобрала в лесу Кодина. Остеолога нашли сидящим на пне. В руках он держал небольшую белую, словно отполированную косточку. Весь израненный, в лохмотьях, он был страшен. На теле виднелись красноватыми рубцами следы веревок. Когда-то черные волосы представляли из себя

седые клочья, сбившиеся, скатанные. На все задаваемые ему вопросы, он отвечал презрительным молчанием.

Потребовалось полгода лечения в клинике для душевно-больных, чтобы снова вернуть Кодина к работе. Но память у него ослабла. Разыскать вновь поляну кошмара с мясоядными растениями не удалось. Отметка по пути к ней была забыта остологом. Для науки эти чудовищные растения остались не открытыми.

К. ПАУСТОВСКИЙ

ДОБЛЕСТЬ

Фантастический рассказ

Рисунки П. Алякринского

К. Паустовский
ДОБЛЕСТЬ

Опубликовано в журнале «Знание-сила», № 5, 1935 г.

МАЛЕНЬКИЙ мальчик рисовал цветными карандашами пароход. Он был очень озабочен и о чем-то напряженно думал. Потом он поднял голову, посмотрел на меня, и из глаз его неожиданно полились слезы. Они ползли по щекам, капали на его измазанные карандашами пальцы, и от слез мальчику было трудно дышать.

— Па, — шепотом спросил он, — почему люди не придумали лекарства, чтобы не умирать?

Тогда мне пришлось рассказать ему эту историю.

Летчик Шебалин заблудился в туманах.

Морские метеорологические станции вывесили объявление о том, что на Европу двигаются мощные массы тропического воздуха.

Стояла зима. Снега не было, но треск сухих листьев под ногами напоминал жителям приморского города хрупкий треск льда. Этот звук был свойственен только зиме.

Знатоки морских туманов и дымной мглы — англичанин Тэйлор и немец Георги — дали точное определение этого тумана: «Теплый тропический воздух, если его зимой приносит в Европу, превращается сначала в голубоватую мглу, затягивающую материк на сотни миль, а затем эта мгла перереходит в морозящие дожди. Туман этот очень устойчив».

Летчик Шебалин знал это. Внизу были пропасти и вершины Карадага, покрытые лишаями и ржавчиной тысячелетий. Туман закрывал вершины. Он ударялся с размаху в гранитную стену горы и взмывал к небу могучей белой рекой. Вокруг туманного столба — единственного ориентира — Шебалин упорно водил по широким кругам стремительную машину.

В кабине самолета лежал в жару маленький мальчик. Мать сидела около него, и каждый раз, когда Шебалин оборачивался, он видел глубокие, почти мужские морщины около ее губ. Мальчик умирал. Шебалин летал за мальчиком в степь и должен был доставить его в больницу, в приморский город. Три часа назад, когда мальчика вносили в кабину, сухое небо было безоблачно, и на чертополохе блестела паутина, — казалось, ничто не предвещало тумана.

Шебалин знал, что даже если удастся через два-три часа сесть на землю, все равно будет поздно: мальчика уже не спасти.

Машина с торжественным ревом рвала в клочья сырой и душный дым. Мальчик метался и бредил.

Внезапно Шебалин увидел в тумане черный сгусток, исполинскую тень, мчавшуюся навстречу. Он резко взял вниз, и тотчас же над его головой промахнулся крылом серебристый и мокрый от росы биплан. Шебалин узнал машину Ставриди.

«Конденсация! — написал на листке из блокнота бортмеханик. — Услышали нас, черти, вылетели навстречу».

Шебалин кивнул.

Ставриди шел в тумане и рассеивал за собой широкими дорогами наэлектризованную пыль. Пыль притягивала частицы тумана, пыль превращала туман в крупный дождь. Его первые капли уже били наискось в стекла кабины.

Туман оседал глубокими пропастями, уже блестели под слюдяным солнцем мокрые ребра Карадага, и Шебалин увидел внизу землю, омытую дождем. Она переливалась и слепила глаза.

Шебалин уверенно пошел на посадку.

С аэродрома мальчика увезли в больницу. Шебалин медленно вылез из машины. Его не удивило, что аэродром был полон летчиков, не удивил вылет Ставриди. Он знал, что рассеивание тумана было сложным и дорогим делом, но не удивился и этому, — жизнь мальчика была дороже.

Вечером экстренные выпуски газет сообщили, что летчик Шебалин доставил в город мальчика семи лет, получившего сотрясение мозга. Врачи признали состояние мальчика почти безнадежным; они допускали, что благоприятный исход возможен лишь при условии абсолютной тишины и покоя.

Через час после выхода газет на улицах было наклеено постановление городского совета, предлагавшего всем гражданам города соблюдать глубочайшую тишину.

Но эти меры были излишни. Без всякого приказа город затаил дыхание.

Автомобили шли, крадучись, по окраинам. Шоферы, привыкшие газовать и рывкать сиренами, без-

молвно сидели в темноте своих кабин.

Газетчики перестали кричать. Громкоговорители были выключены. Пионеры образовали отряды по поддержанию тишины, но у этих отрядов не было работы.

Нарушений тишины не было, если не считать незначительного случая с портовым фонарщиком. Это был старый и веселый человек. Он шел и горланил песню, потому что приморский город привык петь и смеяться. Песни он выдумывал сам.

*Фонарь горит, и звезд не надо,
И звезд не надо на небесах.
И все мы рады, да, очень рады,
Что нам не надо бродить впотьмах!*

Пионеры остановили старика. Тихий разговор длился недолго. После него фонарщик сел на мостовую, стащил, кряхтя, ботинки и пошел на цыпочках к своему дому на окраине. У себя в каморке он запер кошку в чулан, чтобы она не мяукала, вытащил из кармана старинные часы — толстую луковицу, послушал их громкий стук, положил часы на стол, прикрыл сверху подушкой и погрозил им кулаком.

Второй случай произошел в порту и потом долго обсуждался по всему побережью.

Надо сказать, что от стародавних времен на морях еще сохранились заслуженные грузовые пароходы. Скрипя и тяжело переваливаясь на волнах, они проплывали около нарядных теплоходов и недружелюбно косились на них.

Один из таких пароходов, «Труженик моря», подходил с грузом кровельного железа к городу, где лежал в больнице мальчик. В десяти милях от берега пароход получил от начальника порта радиограмму. Начальник порта предупреждал, что в виду чрезвычайных обстоятельств выгрузка железа в порту запрещается на неопределенное время.

В двух милях от порта пароход получил вторую радиограмму. Она приказывала при подходе к порту ни в коем случае не давать гудка: визгливый гудок «Труженика моря» был хорошо известен.

Команда «Труженика моря», склонная к зубоскальству в той же мере, как и все моряки, изощрялась в догадках. Но, несмотря на смешливое настроение, людей

не оставляла тревога: неуловимая связь между двумя приказами говорила о каких-то значительных событиях, происшедших в приморском городе.

При входе в порт к «Труженику моря» подошел моторный катер. Начальник порта поднялся на палубу и прошел в каюту капитана. Когда начальник порта выходил из каюты, матросы слышали отрывок загадочной фразы:

— Больница у нас на самом берегу моря...

Капитан «Труженика моря» поднялся на мостик и коротко приказал выходить на рейд и становиться на якорь. Никаких разговоров! Разгрузки не будет.

Команда роптала. Тогда капитан созвал ее на баке и прочел вслух сообщение газет о мальчике.

— Сами понимаете, — сказал капитан, — что в городе не должно быть шуму. С нашим грузом нечего сейчас и соваться.

Но ожидание на «Труженике моря» не было похоже на обычное, полное скуки стояние на рейде. Никто не знал мальчика, но о нем упоминали с грубой нежностью.

Ожидание это было полно рассказов и размышлений, наивных и печальных. Газету с берега вырывали друг у друга из рук. Несмотря на скрытую тревогу за судьбу незнакомого мальчика, ту тревогу, что двадцать лет назад показалась бы матросам попросту непонятной, каждый скрывал в себе еще и чувство громадной гордости. Была ли это гордость собой или начальником порта — моряки не могли разгадать. Но при встрече с начальником порта они срывали кепки и долго смотрели вслед на его синий китель.

На третий день болезни мальчика город пережил новое испытание. На мачте в порту взвился штормовой сигнал. С моря шел шторм, гремющий, как сотни ско-

рых поездов, широкий шторм, который всегда срывается при безоблачном небе. И, как предвестник шторма, небо уже синело с нестерпимой ледяной яркостью.

Было выпущено второе экстренное обращение городского совета к населению. В нем говорилось, что приняты меры, чтобы устранить шум, возникающий помимо воли человека, шум стихии. Под наблюдением изобретателя Эрнста в больнице заканчивается монтаж электрической установки, наглухо выключающей внешние шумы.

Шторм ожидается к полночи. И к тому же времени должна быть включена установка, названная «завесой тишины».

В больнице быстро и ловко работали монтеры.

Времени осталось мало. Ветер уже проносил над городом полосы высоких и прозрачных облаков. Шторм приближался.

К ночи у мальчика ждали кризиса, и к ночи обрушился шторм. Он шел на, берега сокрушительным ударом — в пене, в хриплых раскатах, в визге обессиленных чаек. Земля дрогнула, и дым из труб пароходов помчался вдоль улицы.

За несколько минут до первого удара шторма Эрнст включил «завесу тишины». Он создал вокруг больницы широкую воздушную зону, отбрасывающую все внешние звуки. Они отлетали от этой воздушной стены подобно тому, как птицы отлетают от радиоволн, не в силах побороть их невидимые токи.

Оглушенный от неистовства бури Эрнст медленно подымался по лестнице больницы. Тишина была настолько совершенной, что Эрнст ясно слышал шуршание воздуха в своих легких. Он вошел в палату, в безмолвие, залитое матовым пламенем ламп. О шторме можно было догадаться только по дрожи полов, со-

трясаемых близким прибоем.

Но Эрнст не замечал этого. Он смотрел на мальчика. Мальчик лежал, приоткрыв рот, и улыбался во сне. Эрнст слышал его ровное и легкое дыхание. Он забыл о «завесе тишины», о шторме, он не замечал врача и молодой женщины в белом халате. Она сидела у постели мальчика, и Эрнст потом вспоминал, как его, да и то на одно мгновение, поразили слезы на ее глазах, слезы, медленно падавшие на колени.

Женщина подняла голову, и Эрнст понял, что это мать. Она встала и подошла к Эрнсту.

— Он будет жив, — сказала она и вдруг улыбнулась, глядя куда-то очень далеко, за спину Эрнста. Эрнст оглянулся. Позади никого не было.

— Вы великий человек, — сказала она. — Как я вам благодарна!

— Нет, — ответил, смешавшись, Эрнст, — мы живем в великое время, и я так же велик, как и любой трудящийся нашей страны. Не больше. Вы счастливы?

— Да!

— Вот видите, — сказал Эрнст, — создавать счастье — это самый высокий труд. Его осуществляет вся наша страна. Благодарить меня не за что.

Через полчаса город узнал о выздоровлении мальчика. Радио, борясь со штормом, бросало эту вест в ночь, в океаны, во все углы страны.

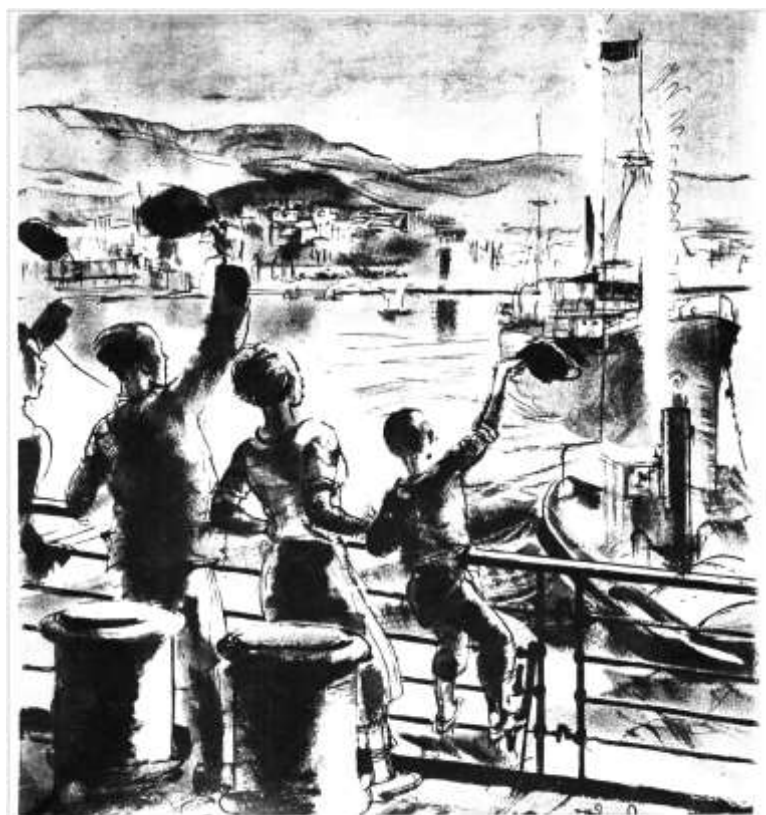
Приказ о тишине был снят.

В кипение изнемогавшей бури врезались приветственные гудки пароходов, крики автомобильных сирен, хлопанье флагов, поднятых над домами, звон роялей.

В городе был устроен праздник. Шторм, как всегда, сменился неизмеримым штилем. Он уходил куда-то за край морей, плескался у пляжей на сотни миль, пере-

ливал у камней прозрачную воду и качал в ней красные листья кленов и теплое низкое солнце.

Матросы с «Труженика моря» впервые услышали, как над спокойной водой поплыла симфония Бетховена. Казалось, звуки поднимают пароход высокой и плавной волной, и потому вполне понятен был поступок боцмана — он побежал на бак проверить, не сорвало ли пароход с якорей.

„Двадцатое и тысячу раз взглянув на море, немцы там же прощались родку...“

Вечером в порт вошел английский пароход «Песнь Оссиана». Экипаж его, удивленный видом праздничного города, — город казался огненным каскадом, льющимся с гор в бесшумное море, — вежливо запросил начальника порта, что происходит. Начальник порта ответил ясно и коротко.

В это время летчик Шебалин вышел из своего дома.

В саду он встретил женщину. Это была мать мальчика. Она шла к летчику, чтобы поблагодарить его за спасение сына.

В свете фонарей и сумраке ночи лицо ее поразило Шебалина бледностью и радостной красотой. Она обняла летчика за шею, поцеловала, и Шебалин ощутил острую свежесть, как будто иней испарялся у него на губах.

Они спустились в город, держась за руки, как дети, и увидели мигающий свет электрических огней на мачте английского парохода. Шебалин остановился. Он узнал азбуку Морзе и громко прочел сигнал «англичанина»:

«Командам советских кораблей. Поздравляем и тысячу раз завидуем морякам, имеющим такую прекрасную родину».

Маленький мальчик перестал рисовать цветными карандашами. Слезы высохли на его лице, и только ресницы были еще мокрые. Он засмеялся и спросил:

— А чей это был мальчик? Общий?

— Да, конечно, общий, — ответил я, застигнутый врасплох этим вопросом.

Г. КЛЮЧЕВ

ГИПЕРБОЛИЧЕСКИЙ КОРАБЛЬ

Фантастический рассказ

Рисунки А. Кроткова

Г. Ключев

ГИПЕРБОЛИЧЕСКИЙ КОРАБЛЬ

Опубликовано в журнале «Знание-сила», № 4, 1936 г.

Ф. КНОХЕР

Рис. А. Ионовича

Город погружался в сумерки.

Вовка задумчиво смотрел в окно. Его сейчас не интересовала ни яркая игра красок на потускневшем небе, ни город, ни прохожие. И задача, которую он решал, казалась ему такой важной, что все остальное в сравнении с ней было пустой мелочью. Он был твердо убежден, что в этой технической станции еще никогда не решались такие важные вопросы.

В большой мастерской еще не успели убрать стружки и опилки — следы дневной работы. Кроме Вовки, никого не было. Тишину нарушал только шум, доносившийся через стенку. Там была столярная мастерская, где работа еще не окончилась.

Прямоугольник окна стал уже совсем черным. Шум за стеной увеличивался, и в общем гаме особенно ясно слышался чей-то голос, радостно выкрикивающий какое-то слово. Этот голос, наконец, отвлек внимание Вовки.

— Чего она кричит? — спросил он себя и сел на подоконник. Кажется, Ленка. Интересно знать, что они строят, — крику-то уж слишком много.

Он знал, что и там девочки вместе с инструктором Николаем Семеновичем готовят что-то в подарок X съезду комсомола.

— Вот хорошо! Вот чудесно! — услышал он опять голос Ленки. За стенкой кто-то смеялся, подпрыгивал и хлопал в ладоши.

Внезапно дверь в мастерскую открылась, и Вовка вздрогнул от неожиданности. В просвете открытой двери увидел он высокую фигуру и услышал:

— Эй, есть тут кто?

Вовка узнал сторожа.

— Я, дедушка.

— Что ты в потемках делаешь?

Вовка не ответил. Сторож зажег свет и оглядел мастерскую. Длинный ряд станков блестел сталью. В углу высился огромный шкаф с моделями, а наверху расправил крылья большой самолет. На столе сторож увидел красивую модель корабля. Корпус его был выполнен замечательно, и каждая деталь судна поражала удивительной красотой и точностью.

— Сам сделал? — спросил сторож, рассматривая нос модели с золотыми буквами «КИМ».

Вовка кивнул. Сторож осмотрел с понимающим видом оснастку судна, смахнул осторожно стружку с палубы и спросил:

— Это в подарок комсомолу?

— Да. Десятому съезду.

— Дельно. И ты все сделал сам?

— Сам. Только готовый он мне совсем не нравится. Съезду надо подарить что-то большое, особенное. А эта модель даже не двигается.

— Так в чем же дело?

— Я теперь думаю, какой двигатель для него можно сделать. Главное — времени мало, а работа сложная.

Сторож ничего не сказал и, немного постояв, вышел. Усталый от работы и мыслей, Вовка сел и сжал руками голову.

Чем двигать корабль?

За перегородкой давно все смолкло. Огромная мастерская замерла, и по углам ее прятался дрожащий сумрак.

Откуда-то снизу донеслись шаги, хлопнула дверь, и опять все стихло...

Чем двигать корабль?

Слышно было, как кружился диск электрического счетчика, и казалось, будто это большой жук ползает по бумаге.

... Сумрак не прятался больше по углам, а наступал со всех сторон и давил невидимой тяжестью. Предметы теряли свои очертания, и казалось, будто они плавали в сумеречном океане тишины.

Как и откуда появилась Ленка, Вовка не знает. Он даже не удивился, — ему показалось, что она должна была придти непременно.

— Пойдем, — сказала она. Он встал и направился за ней. И странно: с первого же шага его поразила необыкновенная легкость своих движений. И это чувство не покидало его на протяжении всего этого замечательного события.

Они проскользнули мимо большой металлической арки, которую Вовка где-то раньше видел, но где именно — не мог вспомнить. Потом дорога уходила вниз узким темным коридором. Вскоре катакомбы заменились огромной деревянной площадкой, скудно освещенной фонарями. К удивлению своему, Вовка увидел между толстыми досками площадки синеватую черную воду.

Ленка остановилась.

— Видишь? — спросила она, указывая на большой причудливый корпус какого-то сооружения. Они подошли ближе. Деревянная площадка обрывалась в двух шагах от них, и было видно, как плескалась вниз вода.

У площадки покачивалось огромное металлическое чудовище. Сооружение имело в длину около шести метров, и на три метра возвышалось над водой. Нос судна был слегка приплюснутой формы и блестел большими зеркальными стеклами. Круглые иллюминаторы тянулись через весь борт и придавали кораблю несколько фантастический вид.

Корма судна раздваивалась и выделялась большими выступами легкообтекаемой формы. Каркас корабля от носа до кормы напоминал огромный металлический цилиндр.

«КИМ» — разобрал Вовка золотые буквы на скате кормы и вдруг вздрогнул от неожиданности: чья-то тяжелая рука опустилась на его плечо. Он быстро обернулся. Перед ним, улыбаясь, стоял инструктор техстанции Николай Семенович. Лицо его светилось радостью, словно он очень доволен, что попал с ребятами в такую обстановку.

— Вы давно меня ждете? — спросил он.

Ленка отрицательно махнула кудрями.

— В поход! — коротко приказал Николай Семенович, и первым поднялся на верх судна по вделанной в борт лесенке. За ним последовала Ленка, ловко карабкаясь по ступеньками, точно для нее эта посадка была не новостью.

«Теперь я понимаю их секрет! — подумал Вовка. — Однако, чем двигается этот диковинный корабль?»

Первое помещение, которое увидел Вовка, пересту-

пив металлические створки, поразило его обилием света. Это была палуба, занимающая верхний этаж корабля и предназначенная для отдыха экипажа и пассажиров. Николай Семенович, не задерживаясь, спустился вниз по лестнице, и Вовка, минуя вторые никелированные створки, очутился в большой кабине. По множеству приборов нетрудно было догадаться, что это главный центр управления всем кораблем.

Пока Николай Семенович разглядывал какую-то пластинку с делениями, Вовка смотрел в огромные окна кабины. Во мраке едва дрожал где-то одинокий огонек, то вспыхивая, то потухая. Направо можно было различить сваи пристани, мокрые и усеянные ракушками.

В этот момент внизу загудело что-то, приглушенно и ритмично. Стрелка на самом большом циферблате поползла вверх.

Сваи отодвинулись в сторону и исчезли во мраке. Только огонек продолжал еще мигать, будто подзывая к себе.

— Ты хочешь знать, чем двигается этот корабль? — спросил неожиданно Николай Семенович.

Вовка кивнул головой.

— Ты слышишь шум? Что он тебе напоминает?

— Мне кажется, это электромоторы.

— Ты прав. Мы идем электричеством.

— Разве? — недоверчиво воскликнул Вовка. — Но откуда берется ток?

Инструктор ответил не сразу.

Корпус ритмично вздрагивал, и слышно было, как кружился диск счетчика, будто большой жук ползал по бумаге.

— Откуда ток, Николай Семенович?

Инструктор вертел какой-то до блеска начищенный

рычажок. Стрелка на большом циферблате показывала 37. Вовка разобрал на нем деления на километры и морские мили.

— Сейчас электромоторы питаются током от больших аккумуляторов, — объяснил Николай Семенович, — но запас энергин в них уже на исходе. Я сейчас пущу воду.

Выражение «пустить воду» показалось Вовке странным. Он хотел попросить объяснения, но в этот момент Николай Семенович повернул кран, над которым можно было разобрать: «Турбина».

Корабль вздрогнул, внизу что-то захлюпало, и ритмичный шум сменился могучим гудением, доносившимся из-за стальных перегородок.

— Слышишь? — спросил инструктор. — Это вода.

Вовка слышал, как вода металась где-то под полом, и корабль, содрогаясь, увеличивал ход.

50... 60... 80... — показывала стрелка.

— Это судно использует воду в качестве двигателя, — услышал Вовка голос Николая Семеновича сквозь шум. — Под нами сквозная гидро-динамическая труба, направляющая мощный поток к турбине. Она имеет сетки, и устроена так, что вода, попадая в нее, развивает огромную силу. Остальное тебе ясно: турбина вращает динамо, которая и дает ток. Теперь ты понимаешь, что аккумуляторы нужны были для того, чтобы сообщить кораблю первоначальное движение и придать силу воде, устремляющейся в гидро-динамическую трубу.

Ошеломленный этим открытием, Вовка оглянулся кругом и уже по-иному посмотрел в огромные окна кабины. Яркий луч прожектора их судна пронизывал мрак, освещая черные волны. Потоки воды стекали по окнам. Это собирались брызги, которые жемчугом ле-

тели снизу, где нос корабля разрезал волны. И теперь вода эта показалась Вовке иной: она таила в себе огромную и не изведенную еще силу.

Вдруг сверху открылась дверь, и появилась Ленка. Она сказала Вовке, чтобы он шел отдыхать и что наступила ее очередь на вахте.

Вовка хотел возразить, но в это время необычайный удар чуть не повалил их на пол. Прошло несколько мгновений, прежде чем Вовка пришел в себя от сотрясения. И первое, что он увидел — был Николай Семенович, который, видно ударившись о какой-то металлический предмет, лежал без движения.

Стрелка упала до 40 и продолжала падать.

Николай Семенович с трудом поднялся.

— Вниз! Сломался очиститель, н, кажется... сетки забиты.

Вовка метнулся к двери, которую он раньше успел заметить, и, забыв о лестнице, покатился по ступенькам.

Внизу, оглянувшись, он увидел у небольшой дверцы ярко горевшую красную лампочку и надпись: «Закройте створы!» Он повернул рычаг. Красная лампочка мгновенно потухла, а дверцы сами открылись. Оставалось только отвинтить вторую предохранительную дверь. Ему стало ясно, что створы, герметически закрываясь, прекращали доступ воды к сеткам. Открыв дверцы, он заколебался при виде зияющей ямы. Здесь была расположена система сеток, предохраняющая турбину от засорения. Из трубы пахнуло на него едким соленым запахом. Свет, падающий с лестницы, позволил ему увидеть, что напор воды сорвал вторую сетку и образовал угол с третьей. Кроме того, трубу закупило каким-то огромным предметом.

Преодолевая страх, Вовка шагнул в темную пасть

трубы и попытался закрепить сетку на прежнем уступе. Сетка подалась. Но в это время корабль качнулся, и дверцы сами, своей тяжестью, захлопнулись. Труба погрузилась в душную и, казалось, осязаемую темноту. Вовка метнулся к дверце, но, не рассчитав в темноте движения, упал вниз.

Он кричал, но стальная гробница глушила звуки. Трудно сказать, сколько времени прошло до тех пор, пока не открылась дверца. В трубу ворвался яркий, ласкающий свет, и в отверстии показались испуганные лица Ленки и Николая Семеновича. Вовку извлекли наверх, и долго, пока Николай Семенович исправлял сетку, Ленка помогала ему вытаскивать из рукавов и пазухи множество самых разнообразных морских жителей.

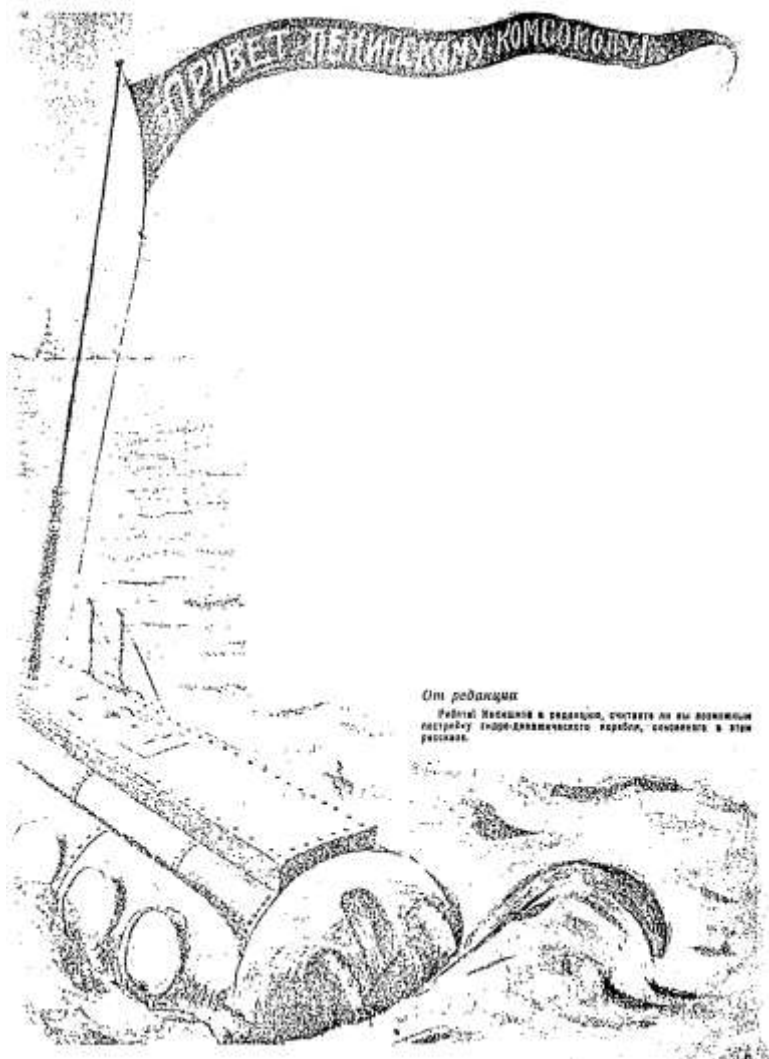
Через несколько часов, когда солнце ослепительным светом осветило кабину, в дали показался город.

— Город, смотрите — город! — кричал Вовка, радостно подпрыгивая. Ленка прижалась к толстому стеклу и не могла оторваться от окна. Она никогда не забудет это прекрасное утро. Ведь в этот день весь комсомол узнает, какой замечательный подарок приготовила ему смена.

— Флаг на мачту — приказал инструктор.

Вовка, не выходя из кабины, потянул шнур единственной на корабле мачты. Он не видел, как развернулось над судном огромное красное полотнище, но догадывался и почти слышал, как трепещет над морским простором тяжелое знамя с вышитыми на нем золотыми буквами: «Привет Ленинскому Комсомолу!»

Вовка теперь знал, что слова эти вышивала Ленка. Очертания города увеличились, контуры становились яснее. Казалось, он наступал на судно, и никакие силы не могли отвратить его приближения.

Николай Семенович закрыл воду. Внутренний приглушенный рев сменился ласковым ритмичным урчанием. Стрелка на циферблате скорости стала заметно падать...

Кабина быстро исчезла, и растаяло, как дым, чудесное видение.

Где-то внизу ясно слышались шаги.

— Нет, я не спал, — сказал себе Вовка. — Мне кажется, что это я думал...

В темноте по-прежнему размеренно шелестел диск электрического счетчика. Вовка осмотрел мастерскую и сказал вслух:

— Вот такой бы подарок комсомолу!

Он снова задумался. «Можно ли в самом деле построить такой гидро-динамический корабль? Над этим нужно подумать... но мне кажется, что он очень напоминает вечный двигатель...

— Ничего, — успокаивал он себя. — Я не стану приспособливать двигатель к моей модели. Я буду работать, учиться, и еще не один замечательный подарок я дам моему комсомолу!

Ю.ГЕКО

ПЛЕННИК
«ВРЕМЕНИ»

Рассказ

Ю.Геко

ПЛЕННИК «ВРЕМЕНИ»

Опубликовано в журнале «Вокруг Света (Л)», № 45,
1929 г.

ПЛЕННИК „ВРЕМЕНИ“

Рассказ Ю. Гекк

Рис. И. Коралева

I.

Дежурный инженер воздушного порта быстро поднялся с кресла и в сопровождении линейного пилота спустился вниз, к приемной базе аэродрома.

Над домами со стороны Невы по направлению к порту на полном газу шел пассажирский самолет. Однако до установленного расписанием момента было еще очень много времени, Линейный пилот взглянул на часы-браслет и крикнул:

— Знаете, что-то случилось! На моих — 19 часов.

Но электрические часы порта, соединенные проводом с обсерваторией, показывали ровно без пяти минут пять. Часы остановились уже давно, но только теперь на это обратили внимание.

— Алло! Алло! Обсерватория?

— Да, кто говорит? — Радно-центр. Отчего задержка в передаче точного времени?

— Нет, передача производится ровно в 7 часов вечера!

И вдруг в обсерватории повесили телефонную трубку. У них на распределительных часах было тоже без пяти минут пять.

На часах телеграфа в Ленинграде висит белый плакат: «Испорчены».

II.

Нужно было выяснить, в чем дело. Но квартира одинокого смотрителя той башни, где хранятся точнейшие часы, соединенные электрическим подземным кабелем через распределительную часовую станцию с часами главных телеграфов Москвы и Ленинграда, оказалась запертой.

На двери висел замок. Старик-астроном исчез.

Тогда люди бросились в зал для звездных наблюдений. Здесь обычно проводил время старик-астроном, уже тридцать пять лет работая над составлением звездного каталога. В продолговатые альбомы он вписывал каллиграфическим почерком результаты новых наблюдений, а на полях отмечал точное время каждого наблюдения.

И люди торопятся, хотят скорее выяснить, когда же сделана последняя запись. Вот наконец найдена нужная страница, где проставлено число и час последних наблюдений.

Это было пять дней назад.

Пять дней назад старика видимо, нигде уже не было. Что-то произошло еще тогда.

Но почему же, в таком случае, часы остановились сегодня? Вероятно, потому, что именно сегодня окончился завод. Нужно немедленно снова завести часы, пока не случилось какого-нибудь несчастья с миллионами людей, потерявших точное время. Нужно восстановить правильный ход времени,

III.

В замочной скважине двери, ведущей в круглый зал, расположенный над подземной башней, щелкнул ключ.

Стопанная каменная лестница вела в мрачный коридор. Электрического освещения здесь не было. Дневной свет слабо проникал в дверные щели. Солнце сюда никогда не заглядывало. Стены снизу доверху были выложены темным кирпичем. Пол — каменный, потолок — бетонный.

В конце этого коридора находилась первая дверь в подземную башню, где хранились точные часы.

Каково же было изумление, когда дверь оказалась открытой. Люди на мгновение остановились, не зная, идти им дальше или подождать. Они включили электрический свет, но лампы не загорелись. Принесли керосиновый фонарь.

Торопливо отодвинув стальные засовы, люди переступили порог «Хранилища точного времени». Они попали в комнату, которая служила своего рода «прихожей». В конце ее опять находилась дверь, и она опять была открыта. Люди свободно прошли в кольцеобразный коридор, охватывающий огромный каменный цилиндр, в котором и было хранилище точных часов. Это была неприступная цитадель Времени.

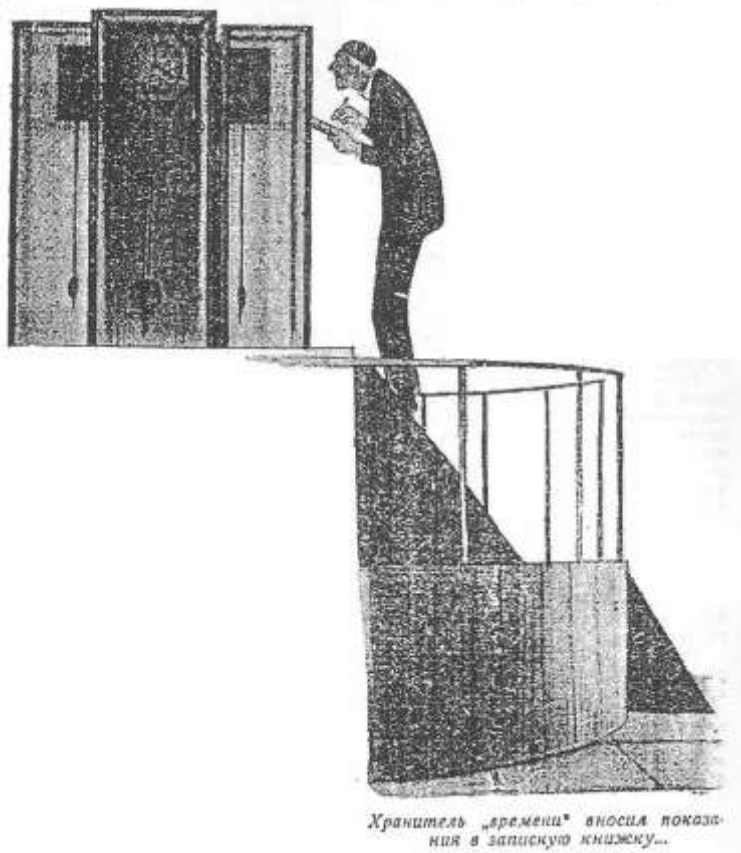
Теперь люди продвигались медленнее, прислушиваясь к малейшим шорохам, и недоумевая. Все двери были открыты, но ключей в них не было.

Люди обошли кольцеобразный коридор и решали, что делать дальше.

Предпоследняя дверь, ведущая к сердцу башни, в отличие от других, была плотно закрыта, и для того, чтобы проникнуть в хранище времени, оставалось одно: — взломать замок.

Наконец, войдя в последний темный коридор, люди с криком изумления отступили от последней двери.

В замочной скзажине снаружи был оставлен ключ!

Хранитель „времени“ вносил показания в записную книжку...

IV.

Итак, несчастье произошло пять дней назад.

Пять дней назад около 4 часов дня в хранилище времени вошел смотритель точных часов. Войдя в просторное, гулкое помещение, он поежился, потер сухие старческие руки и сказал:

— Как здесь холодно сегодня.

Эта громко произнесенная фраза, по всей вероятности, должна была означать приветствие часам. Но часы

продолжали безучастно тикать. Старик внимательно прислушивался к этой своеобразной музыке, и только после того, как ему показалось, что биение его сердца приняло с часами одинаковую фазу колебаний, он приступил к обычным наблюдениям.

На каменном столбе, укрепленном на массивном фундаменте около центра башни, помещались часы, Вокруг столба шел деревянный помост, окруженный деревянными перилами. К часам можно было подняться по узким лестницам.

Работа обычно начиналась с часов «Тидз». Этот старинный механизм с инварным маятником требовал много хлопот. Стекланный колпак, герметически закупоренный со всех сторон, охраняет часы от вредных влияний воздуха. Под колпаком помещался крохотный барометр.

Старик вынул из бокового кармана записную книжку и, посплюнув карандаш, внес показания приборов в соответствующие графы. Затем завернул книжку в газетную бумагу и спрятал в карман. Он, по всей вероятности, и сам не знал, почему именно он так все делал, но в 65 лет простительны курьезные привычки. Почему например, заводя часы, он прежде чем поставить ключ, всегда поплевывал на большой и указательный пальцы? Бояться, что при заводе пальцы сорвутся с ключа, не было никаких оснований.

Почему старик всегда улыбался, заканчивая поверку одних часов и переходя к другим? При этом весьма торопливо спускался и поднимался по лестничкам.

Теперь он делал то же самое, осматривая «Рифлер» № 2, автоматически заводившийся от аккумуляторов. Чего не любил он, так это «Рифлер» № 3.

— Этакое старье! И зачем его держать? Расхождение в сутки на шесть сотых секунды, — разве это точное

время? — Но сегодня эти часы не надо было заводить. Их очередь завтра.

Наблюдения заканчивались главными часами «Рифлер» № 1.

Старик с ними даже не разговаривал. И может быть, прослужив в хранилище времени другой человек столько же лет, он проникся бы тем же уважением к «Рифлер» № 1. Ведь это были самые точные часы страны!

Покидая башню времени, старик инстинктивно кланялся часам, точно желая сказать:

— Не скучайте, я завтра приду!

Затем он снова обвел глазами помещение и направился к двери. Перед уходом постоял, раздумывая, все ли сделано, и вдруг заметил, что у него нет ключа от внутреннего входа.

Он вернулся назад к часам «Тидз» и проверил, не положил ли он ключ в сверток с часовыми ключами. Согнувшись, осмотрел пол и даже пошарил рукой, надеясь, что он уронил ключ на пол. Самое ужасное, что он начал колебаться, забыл или потерял? До сих пор этого ещё никогда не случалось.

— Да, видимо я здорово устал, — сказал старик громко, и часы ответили ему печальным эхо, потерявшимся внутри зубчатых колес.

Теперь он хотел удостовериться, не потеряны ли остальные ключи. Он достал всю связку и внимательно ее перересчитал.

Оказалось — восемь, ровно столько, сколько открыто замков, без одного.

Ключа от стальной двери между ними не было. Он был забыт по ту сторону захлопнувшихся дверей. И самое страшное — не было ни одного отверстия, в кото-

рое можно было бы выйти из башни. Если он будет кричать, его голоса никто не услышит.

Он будет здесь сидеть пока не умрет от голода. По одинокому старику не скоро спохватятся. Долго никто не заметит отсутствия его, так как работа, над которой смотритель состарился, всегда проходила изолированно от всех остальных работ в обсерватории.

Значит, смерть рядом с часами...

Впрочем, он будет сопротивляться. Он прежде всего выключит свет и попробует вздремнуть. Так пройдет некоторое время. Потом он будет ходить вокруг часов, пока не утомится и не заснет снова. Он сделает все, чтобы убить время.

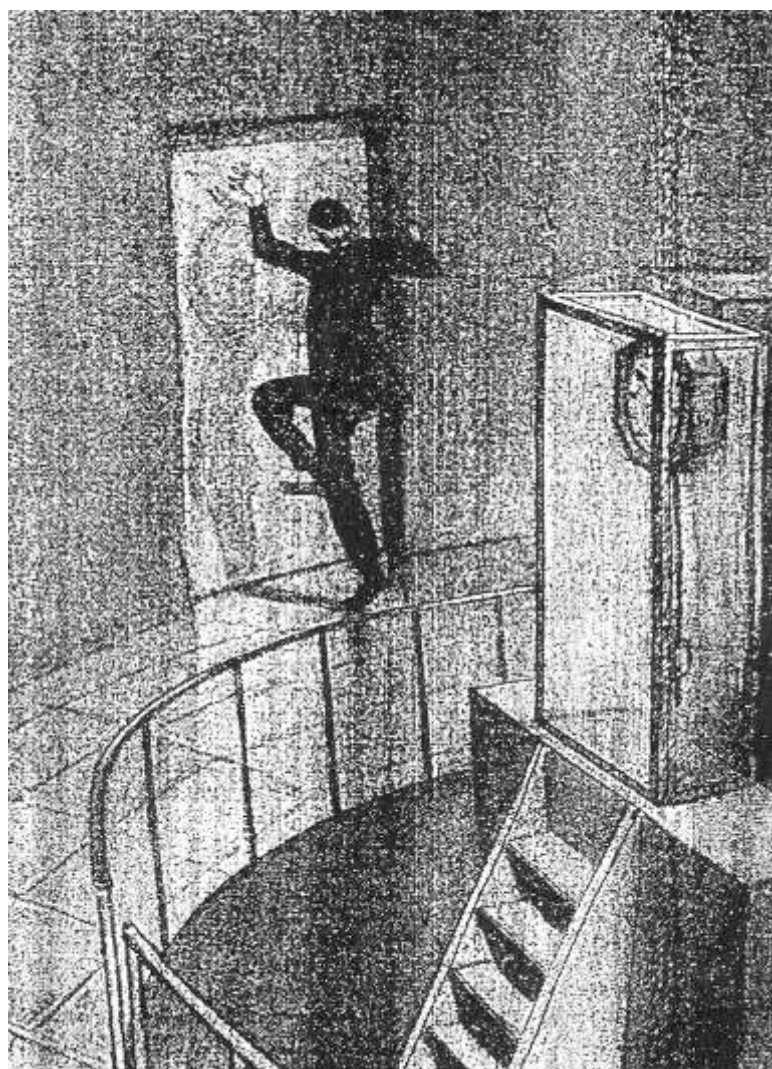
Когда начнет мучить голод, он ляжет на деревянные помосты около часов и постарается не двигаться. Это сохранит его силы. А тем временем его начнут искать. Он будет спасен.

Но проходили часы, монотонно тикали точные часы и никто не появлялся. Сколько раз в это время старик вспоминал свои альбомы, где в звездных показаниях, так аккуратно подобранных за 35 лет, останется пропущенным время сидения в башне.

— Какая рассеянность! Какой позор! Это прости-тельно только юнцу.

И снова он перебирал все способы освободиться.

Вскоре он почувствовал боль в левой части груди. Это было первым предзнаменованием гибели сердца. Он вскарабкался на каменный столб, где стояли часы, и постучал изо всех сил в потолок. Слезая, ссадил себе руку. Скорчившись от боли, сел возле главных часов и изо всех сил старался заснуть. Сняв теплую фуфайку, разорвал её на две части, окутал ею ноги и, подобравши под живот колени, быстро считал вслух, стараясь отвлечься от мысли о смерти.

Старик старался открыть дверь, напрягая последние силы...

Он просчитал до тысячи, потом завел карманные часы и удивился, зачем он это делает.

Потом он захотел есть и неожиданно для себя заметил, что его уже давно мучит жажда.

Когда он вернется домой, он много съест мяса и станет запивать его хлебным квасом с солеными гренками. Потом он будет есть яичницу, пирог с треской и выпьет три-четыре стакана чая с мягкой булкой.

— Надо выбираться! Необходимо во что бы то ни стало уйти отсюда.

Старик собрал последние силы и ударил плечом о дверь. Она даже не пошевелинулась. Тогда он отошел к тумбе, на которой стояли часы, и ударил в дверь с разбега. Потом начал бить по двери каблуками.

После нескольких ударов подметка на одном из сапог оторвалась и неуклюже болталась во все стороны. Она мешала действовать. Теперь старик мог работать только одной ногой и, задыхаясь, опустил на пол.

Прошел еще один день, снова наступила ночь. Впрочем старик не замечал времени и не разу не взглянул на часы.

Утром он проснулся с головной болью и сердцебиением. Его охватил нестерпимый страх смерти. Ему казалось, что не хватает воздуха.

Он схватился за грудь и почувствовал, как неровно поднимается грудная клетка. Попробовал встать — сердце перестало биться. Старик широко раскрыл рот, глотая воздух. Наконец, медленно приподнялся с пола. Его движения были очень вялы. Он был недалеко от обморока. Стоило ему пошевелиться, как тотчас же появлялось головокружение. Он отвернулся от стены, напоминавшей склеп, и всем телом прижался к спокойно тикавшим часам.

Кровь прилиwała к голове. Иногда перед глазами проплывали красные пятна, мелькали перламутровые блески. Он узнавал в них звезды, над которыми проработал 35 лет. Они выглядели теперь чрезвычайно торжественно. Старик закрыл руками лицо. Сознание его покидало.

.....

Когда люди ворвались внутрь каменной башни, они нашли смотрителя на помосте около главных часов. «Рифлер» №1 продолжал идти... Но под ним желтой медью блеснул перегрызенный провод, соединяющий часы с распределительным пунктом. В последнюю минуту старик понял, что единственный способ спастись — это остановить во всей стране часы, связанные с обсерваторией. Тогда люди придут исправлять ход времени и найдут его хранителя.

В.А. МАЗУРКЕВИЧ

ПОСЛЕДНЯЯ ПАРТИЯ

Фантастический рассказ

В.А. Мазуркевич

ПОСЛЕДНЯЯ ПАРТИЯ

Опубликовано в журнале «Мир приключений», № 3,
1928 г.

Рассказ В. А. МАЗУРКЕВИЧА

Иллюстрации П. ЖИЛИНА

I.

Фасад грандиозного здания «Дворца шахмат» был залит электрическим светом. Разноцветные лампочки, то вспыхивая, то погасая, рисовали на фронтоне узорчатую надпись «Сегодня предпоследний день всемирного шахматного турнира».

Этой-то надписью и объяснялось громадное стечение народа, пестрою волной вливавшегося в настежь распахнутые двери «Дворца шахмат». Запряжки, автомобили и автобусы подкатывали к широкой лестнице здания, извергая из своего нутра все новых и новых шахматистов, жаждавших присутствовать на турнире.

Удивительного в этом ничего не было. Шахматы стали любимой, почти народной игрой в СССР. Фабрики, заводы, различные учреждения, клубы, «красные уголки» организовывали шахматные кружки, устраивали турниры и вырабатывали из своих членов масте-

ров игры, с успехом боровшихся с признанными западными чемпионами. Поэтому и понятно, что всемирный турнир, устроенный «Всесоюзной шахматной ассоциацией» в Ленинграде, должен был привлечь внимание всех интересующихся шахматами.

Все страны всех частей света прислали своих представителей сразиться с русскими шахматистами. Последним приходилось держать ухо востро: в списке приезжих значились такие светила, как Казальта из Италии, Войцех Плачек из Чехо-Словакии, профессор Юст Шлиппе из Германии, Жамбон из Франции, Терикбей из Ангоры, Ассанга из Либерии, Перси-Пиро из Англии, Хатма Гатор из Бомбея и много, много других, неоднократно увенчанных победными лаврами на шахматных состязаниях.

СССР, в свою очередь, выдвинул своих лучших игроков, и между ними молодого вузовца Пегра Колоколова, восходящую звезду и надежду советских шахматистов. До сих пор Колоколов эти надежды оправдывал: за все время турнира у него не было ни одной проигранной партии, но... и это «но» было весьма существенно... против него еще не выступал бразилец Бартоломео Диац, за которым тоже не числилось ни одного проигрыша.

Таким образом, победитель турнира, в сущности, уже определен: или представитель СССР — Петр Колоколов, или представитель Бразилии — Бартоломео Диац. Только последний день, день встречи двух соперников, мог сказать свое решающее слово.

Откуда, однако, появилось на шахматном горизонте это новое бразильское светило? Еще недавно никто даже не подозревал о его существовании.

Два года назад на турнир, устроенный городским шахматным клубом в Рио-де-Жанейро, скромно явился

немолодой уже Бартоломео Диац. Его знали в городе как инженера-механика, служившего на каком-то заводе, но никто не подозревал в нем шахматных талантов. И вдруг случилось нечто невероятное. Никому не ведомый игрок разбил на голову всех городских чемпионов. Совсем, как Цезарь: пришел, увидел... и победил.

Вполне естественно, что когда организовали турнир на звание чемпиона Америки, клуб командировал на этот турнир Бартоломео Диаца, и поручил ему поддерживать добрую славу шахматистов Бразилии. Он выполнил это поручение с честью. А далее и пошло. Со ступеньки на ступеньку Бартоломео Диац добрался, наконец, и до Ленинградского турнира на звание чемпиона мира.

Вот с каким противником предстояло встретиться молодому вузовцу.

II.

За столом в своей комнате сидел Петр Колоколов.

Против него на табуретке примостилась молодая девушка лет девятнадцати. Стриженные по-модному волосы, прямой нос, сжатые губы и резко очерченный подбородок придавали всему ее облику характер энергии и решительности. Это была Оля лашкова, приятельница Колоколова, — тоже вузовка, — его однокурсница. Между приятелями на столе лежала картонная шахматная доска с расставленными шахматами.

Оба сосредоточенно глядели на доску и разыгрывали какую-то партию: это Колоколов по своей привычке проверял и анализировал сыгранную им накануне партию с немцем Шлиппе.

— А ведь ты, Петька, маху дал, — глубокомысленно наморщив лоб, заявила Оля.

— Еще чего!!! Где это? — недовольно буркнул Колоколов.

— А вот смотри. — ответила Лашкова, — ты что сделал? Пошел конем с f3 на g5. Что же получилось? Шлиппе пошел так — и Оля переставила свою фигуру — и ты выиграл... Ну, а если б он двинул слона вот сюда — и Оля сделала другой ход... Теперь прошу вас, ходите дальше.

Играющие сделали по несколько ходов.

Вдруг Колоколов вскочил.

— Чорт! А, ведь верно!.. Тут мне и крышка. Не понимаю, как это вышло...

— Очень просто, немец прозевал... Но тебе вперед наука... Не играй спустя рукава, — с легкой язвинкой объяснила Ольга.

— Знаете, товарищ Лашкова, — полушутливо, полу-сердито оборвал ее Колоколов, — я только одному удивляюсь, почему вы сами не запишетесь на турнир. Вот и дивили бы искусством свет. А то вас хватает только на то, чтоб других критиковать.

— Ну и дурак, — безапелляционно решила девушка, — не записываюсь я на турнир потому, что выдержки у меня настоящей нет, — волнуюсь, когда играю публично, а это уж верный проигрыш; достаточно и того, что я твои партии корректирую, — шутливо добавила она.

— Жазь, очень жаль; откровенно говоря, ты не плохо играешь, — окончательно успокоившись, сознался Колоколов.

— Однако, товарищ Колоколов, — не угодно ли вам собираться; скоро семь, вы, ведь, сегодня играете с Жамбоном, к восьми надо быть на месте, а путь не близкий.

Взявшись под руки, молодые люди бодро зашагали с Васильевского острова на другой конец города, где помещался «Дворец шах-мат». Воспользоваться трамваем было не по карману, ибо у обоих пешеходов, вместе взятых, имелся единственный полтинник, на который предполагалось купить к ужину чайной колбасы и хлеба.

III.

Большой, так называемый «боевой», Зал «Дворца шахмат» был специально приспособлен для турниров. Параллельно продольным стенам залы тянулись два ряда шахматных столиков на значительном расстоя-

нии друг от друга. Столики, как водится, были снабжены контрольными часами. В каждом ряду насчитывалось двадцать пять столиков. Таким образом, одновременно можно было разыгрывать пятьдесят партий.

Около каждого столика, на высоте, доступной всеобщему обозрению, была укреплена стоймя стеклянная шахматная доска, над которой красовались фамилии участников данной партии. Путем нажатия электрической кнопки на этой доске отмечался каждый сделанный ход. Провода соединяли эти доски с подобными же досками, укрепленными на внешнем фасаде дворца. Благодаря этим приспособлениям все течение любой шахматной партии наглядно воспроизводилось перед глазами не только тех, кто находился внутри, в боевом зале, но и всей массы шахматистов, толпившихся перед дворцом.

За рядами шахматных столов амфитеатром возвышались места для зрителей.

За амфитеатром, обрамляя весь зал, шли широкие кулуары, с нишами в числе ста — по числу игроков, — где в промежутках между двумя ходами игроки могли покурить или обдумать свой следующий ход. В нишах стояли мягкие кресла и столики с папиросами и прохладительными напитками. Доступ в кулуары был строго ограничен: кроме участников турнира, туда допускались только члены «Дворца шахмат».

Когда Колоколов с Ольгой вошли в зал, часы показывали без четверти восемь. Задребезжал звонок, приглашавший зрителей занять свои места, так как с момента начала турнира никто уже туда не допускался, и густая толпа хлынула к амфитеатру. Молодые люди наскоро распрощались. Лашкова стала пробираться к своему месту, а Колоколов направился в общую комнату участников турнира. Ольге было дано определен-

ное задание — записывать все партии Диаца. Дома эти партии подробно разбирались, анализировались и проверялись. Этим способом Колоколов знакомился с манерой и приемами игры бразильца, и подготавливал себя к встрече с опасным противником.

Через пять минут после звонка все места амфитеатра оказались занятыми.

— А, профессор! — приветствовала Лашкова своего соседа, — как это вы сегодня здесь? Ведь вы обыкновенно следите за игрой Колоколова.

— На сей раз я изменил своему обыкновению, — с узыбкой отвечал спрошенный. — У Колоколова сегодня противник слабый, и партия не обещает ничего интересного. Я и предпочел посмотреть на игру Диаца.

Тот, кого Лашкова назвала профессором, был стройным высоким человеком, сохранившим в движениях, несмотря на свои пятьдесят лет, живость и гибкость юноши. Острые, пронизывающие глаза говорили о наблюдательности и уме их обладателя. И глаза не обманывали.

Профессор Сергей Алексеевич Кречетов считался одним из наиболее выдающихся математиков, труды которого ценились и цитировались учеными всего мира; присутствие его на турнире объяснялось очень просто: Кречетов был страстным шахматистом, но не столько шахматистом игроком, сколько шахматистом-теоретиком, интересовавшимся игрою, как замысловатой математической задачей. Профессор встретил Колоколова в шахматном кружке при вузе, где первый читал лекции, а второй их слушал. Профессор обратил внимание на талантливого начинающего шахматиста, заинтересовался им и стал вырабатывать из него серьезного и сильного игрока. Старания профессора увенчались успехом. С нескрываемой радостью следил учи-

тель за победами своего ученика и, пожалуй, не меньше его волновался в ожидании последней решительной схватки Колоколова с Диацом.

Пробизло восемь часов. Вместе с оглушительным электрическим звонком автоматически захлопнулись двери боевого зала; на арену боя вступили участники турнира и заняли свои столики.

Шахматное священнодействие началось. В зале наступила мертвая, почти благоговейная, тишина, лишь изредка нарушаемая шелестом бумаги и скрипом карандаша. Это особенно яркие шахматисты записывали течение партий, отмечаемое на светящихся досках.

IV.

Два часа неподвижного, напряженного сидения... Ноги затекали... Надо пройтись, промяться. Лашкова взглянула на светящуюся доску. Диац играл с Сан-Фу-Чи, чемпионом Северного Китая. Противники сделали восемь ходов. Девятый был за бразильцем.

Он встал, потянулся и пошел в свою кулуарную нишу, обдумать ход и, может быть, выкурить папиросу, так как по правилам турнира курить за шахматными столиками было запрещено.

— Странно, — подумала Лашкова, — почему этот Диац выходит так регулярно? Обязательно после каждого хода противника... Все выходят... но с такой регулярностью?.. Непонятно! Пойти посмотреть, что он там делает...

И Ольга направилась к нише Диаца. К ее удивлению, в нише было темно. Лампочка, обычно горевшая на плафоне каждой ниши, была потушена, но все-таки в полутьме углубления можно было различить фигуру

бразильского игрока, державшего в руке какой-то предмет и производившего с ним странные манипуляции.

Диац играл с чемпионом Китая...

— Подозрительно,— подумала молодая девушка и, скользнув за одну из колонн кулуара, впилась глазами в тьму ниши. Скоро ее глаза привыкли к темноте и стали совершенно ясно различать все, что делалось.

Предмет в руках Диаца оказался квадратным ящичком, не больше папиросной коробки из-под двадцати пяти штук «Сафо». Шахматист поворачивал его, нажимая его ребра, и вдруг ящичек засветился ровным электрическим светом.

При этом довольно слабом свете молодая девушка увидела, что верхняя крышка ящичка представляла собою начерченную на стекле шахматную доску, освещающуюся изнутри; сквозь эту доску просвечивали

плоские контуры шахматных фигур, которые, при нажатии Диацем той или иной кнопки с боков ящичка, двигались по шахматным полям.

Бразилец держал какой-то предмет и производил с ним странные манипуляции.

Суть всей этой хитрой механики Лашкова уяснить себе не могла, но для нее было очевидно одно: на лицо имелось какое-то жульничество; Диац, видимо, прибегал к каким-то шулерским, недозволенным приемам, чтобы обеспечить себе выигрыш. Событие, небывалое еще в анналах шахматной игры!

Первою мыслью Ольги было броситься к Диацу, схватить его за руку и накрыть с поличным на месте преступления. Но она сейчас же отказалась от этого плана. Очевидно, произойдет скандал... Крик, все сбегутся... А вдруг не то... Ошибка... В каком положении

окажется тогда она?! Нет, лучше действовать хладнокровно и обдуманно. Прежде всего, посоветоваться с профессором... Как, однако, его извлечь из амфитеатра? Но тут на помощь Ольге пришла удача.

Профессор был страстным курильщиком, и просидеть полчаса без того, чтобы не сделать двух-трех затяжек, было для него невыносимой мукой. Роковое время как раз уже приближалось, и Кречетов начинал ощущать приступ табачного голода. Он встал, и осторожно, стараясь не шуметь, пробрался в кулуар, как раз в тот момент, когда Диац вышел из ниши и направился в зал продолжать партию. Кулуары были почти безлюдны. Лишь кое-где вдали виднелись одинокие фигуры шахматистов, расхаживавших по кулуару или отдыхавших в своих нишах.

В кратких словах Ольга быстро изложила Кречетову свои наблюдения.

— Прежде всего, надо, по моему, предупредить Петю, — взволнованно заключила она, — чтоб он знал, с каким противником имеет дело.

— Прежде всего надо молчать, — резко оборвал ее профессор: — спокойствие и хладнокровие — необходимые условия игры. Ваше сообщение, несомненно, взволнует Колоколова, и он может наделать ошибок, которых в спокойном состоянии духа никогда бы не сделал. Да, кроме того, что вы ему сообщите? Что вы знаете? Пока мы витаем в области догадок... Шулерство... Абсурд! Какое может быть шулерство в шахматах?! Единственное допустимое предположение — это то, что Диац носит с собой карманную шахматную доску, при помощи которой восстанавливает в памяти положение партии и может наглядно прикидывать, какой из ходов ему выгоднее сделать. Конечно, с одной стороны, у него как будто преимущество перед теми

игроками, которые, отдыхая в кулуарах, воспроизводят в памяти *à l'a-veugle* весь вид шахматной доски, но, с другой стороны, те игроки, которые обдумывают следующий ход и не уходят, а сидят за столиком, находят с ним в одинаковых условиях.

— Не совсем, — горячо возразила Лашкова: — ведь в игре запрещается даже прикасаться к какой-нибудь фигуре, а тут Диац может любые фигуры двигать как ему угодно, наглядно видеть выгоду того или иного хода, словом — находится в более выгодных условиях, чем другие... Уже в одном этом есть какое-то жульничество.

— Может, вы и правы... — задумчиво сказал Кречетов, — но, во всяком случае, торопиться не надо, дадим ему сыграть партию, а перед последним ходом накроем его. Встанем здесь, — продолжал профессор, указывая на колонны кулуара. — В нужный момент мы появимся, как из-под земли. Необходимо только принять меры, чтоб Колоколов не помешал нам. Черкните ему записку, что вы уехали домой... мотивы уж придумайте сами. Пусть эту записку передадут ему по окончании партии.

Лашкова быстро набросала записку и вручила ее дежурному члену «Дворца шахмат» для передачи Колоколову. После этого молодая девушка и профессор заняли свои наблюдательные посты за колоннами близ ниши Диаца.

Время тянулось убийственно медленно. Уже многие столики опустели. Ушел и Колоколов, устроив блестящий мат французу Жамбону, а бразилец с китайцем все еще продолжали сражаться. После каждого хода своего противника Диац регулярно выходил в кулуар, ныряя в темноту ниши, и производил какие-то таинственные манипуляции со своим ящичком.

— Что вы здесь делаете?

— Ага, наконец-то! Через два-три хода черные делают мат белым, — шепнул профессор молодой девушке, — теперь, это очевидно, белым спасения нет. Надо держать ухо востро.

— Значит, Диац опять победил.

Кречетов утвердительно кивнул головой.

— Вероятно, он выйдет еще раз, тут мы его и поймем.

Случилось так, как ожидал профессор, но как совсем не ожидал Диац. Бразильский игрок прошел к себе в нишу... Внезапно лампочка на плафоне вспыхнула, и чья-то крепкая рука сжала руку бразильца.

— Что вы здесь делаете?

Диац в испуге поднял глаза и встретился с глазами Кречетова. С металлическим звуком ударился об пол выроненный бразильцем ящичек. Кречетов быстро нагнулся, поднял его и, продолжая сжимать руку Диаца, опустил ящичек в карман.

— Позвольте... по какому праву... — начал было пришедший в себя бразилец.

— О праве мы будем говорить потом... А теперь не угодно ли вам следовать за мной, — сухо оборвал профессор.

— Это насилие! Я буду кричать, — возмущению повысил голос овладевший собой Диац.

— Кричите, — спокойно пожал плечами Кречетов, — я хотел избежать скандала, но если вам так хочется...

Бразилец молча опустил голову.

— Что вам надо? — после некоторого молчания спросил он.

— Переговорить с вами наедине.

— Но я играю...

— Идите доигрывать партию... Мы вас подождем. Но не пытайтесь скрыться. Помните, что у меня в кар-

мане ваш ящичек.

Диац, ни слова не говоря, повернулся и пошел к своему столику. Китайцу был сделан мат, и бразилец вернулся к Кречетову и Лашковой.

— Потрудитесь объяснить ваше поведение, — уже высокомерно обратился он к профессору, — и, прежде всего, кто вы такой?

— Профессор математики Сергей Алексеевич Кречетов.

Бразилец поклонился.

— Ваше имя мне знакомо, профессор. Я неоднократно пользовался вашими трудами. Пожалуйста, объясните, что произошло. Видимо, здесь какое-то плачевное недоразумение.

— Об этом мы будем судить по результатам нашей беседы. Сейчас мы отправимся ко мне.

— Сейчас? Но подумайте, как поздно. Нельзя ли отложить наш разговор до послезавтра. Завтра последний день турнира, и я играю с очень сильным игроком.

— Именно потому-то и необходимо поговорить сегодня.

— Разве наш разговор имеет отношение к турниру?

— Непосредственное, — сухо отрезал Кречетов.

В глазах бразильца забегали беспокойные огоньки.

— А если я откажусь? — вызывающим тоном спросил он.

Кречетов молча пожал плечами и выразительно хлопнул себя по карману, откуда раздалось металлическое дребезжание.

Диац вздрогнул.

— Пойдемте, — коротко сказал он.

Все трое вышли из «Дворца шахмат». Было уже около двух часов ночи.

V.

— Итак, поговорим, — начал профессор, усаживаясь в кресло и предлагая занять места Диацу и Лашковой.

— Мы, т.е. я и, вот, Ольга Дмитриевна Лашкова, студентка инженерного вуза, заинтересованы в том, чтобы ваш завтрашний противник Колоколов был поставлен в равные условия с вами; между тем, вот эта штучка, — и Кречетов вынул из кармана ящичек, — заставляет меня подозревать, что вы будете пользоваться значительными преимуществами во время игры. Я еще не успел подробно рассмотреть этот ящичек, но уже одно то, что он дает вам возможность за глазами противника комбинировать те или иные ходы, вносит в вашу игру элемент некоторого... некоторого..., — и профессор остановился, подыскивая подходящее слово.

— Некоторого мошенничества... — спокойно закончил Диац, — ну, это как смотреть. Этот механизм изобретен лично мной, он является плодом моего труда, знания, наконец, находчивости, и я считаю себя вполне правым, пользуясь им во вред моим противникам. Ведь это все тот же мой собственный мозг, который я напрягаю во время игры, но только сконцентрированный и заключенный в металлическую коробку.

Профессор внимательно рассматривал ящичек и нажал какую-то кнопку. Задняя крышка ящичка отскочила и обнаружила сложную систему разных зубчатых колесиков, пружин, рычажков и планшток.

— Н-да... насколько я понимаю, это нечто среднее между счетной машиной Однера и машиной логики Дживонса-Щукарева. Но мне решительно непонятен способ ее применения к шахматной игре.

Профессор внимательно рассматривал ящичек...

По лицу бразильца скользнула торжествующая улыбка.

— Не ломайте себе головы, профессор. Все равно я теперь поставлен в такое положение, что скрывать что-нибудь бессмысленно. Но, чтобы вы поняли меня, я расскажу вам свою биографию. Я считаюсь одним из лучших шахматистов мира.

— Даже прямо лучшим, без оговорок, — любезно поправил говорившего Кречетов.

Диац поклонился и продолжал:

— Своей репутацией я обязан только этому ящичку. Бедный, неизвестный инженер, я задался целью составить себе состояние. Я любил шахматы, но еще больше

любил деньги. И вот я решил шахматами добыть деньги. Но для этого нужно было обеспечить себе постоянный выигрыш. Я рассуждал так: математика — это логика величин; логика — это математика мыслей. Шахматы — это логика и математика шахматных ходов. Стало быть, под любую шахматную партию можно подвести логическую и математическую базу — иначе сказать: механизировать процесс течения каждой партии. Изобретение машины мышления Дживонсом-Щукаревым значительно облегчило мою задачу. Обратите внимание на заднюю крышку моего механизма. Там, как и у Дживонса, шестнадцать отверстий — окошечек, но они расположены в два ряда. Верхний — соответствует восьми буквам от **a** до **h**, нижний — восьми цифрам, от 1 до 8, т. е. обозначениям вертикальных и горизонтальных полей шахматной доски. Обратная сторона ящика представляет прозрачную стеклянную шахматную доску, освещаемую изнутри электрической лампочкой. Каждый, сделанный мною или противником ход, я воспроизвожу нажатием на кнопку в соответствующих окошечках. Одновременно по доске движутся плоские контуры шахматных фигур и становятся на соответствующие места, указанные в окошечках. Но самое главное — дальше. Логика механизма начинает действовать после третьего хода.

— Почему после третьего? — поинтересовался не прерывавший Дияца Кречетов.

— А закон силлогизмов? Две посылки, — а тогда лишь возможно заключение. Силлогизм получается в таком виде: белые пошли сюда, черные пошли туда: заключение — стало быть, теперь надо сделать такой-то ход, и обозначение этого хода появляется вон в том слуховом окошечке, которое вырезано в левом углу задней крышки.

— Появляется... автоматически? — спросил Кречетов.

Диац замялся...

— Вот в этом пункте как раз слабая сторона моего механизма... Не совсем автоматически... Мне приходится самому подвертывать ролик, бесконечная лента которого с алфавитным обозначением шахматных полей тянется мимо слухового окошечка, но на нужном ходе ролик останавливается.

— Та-а-к... — задумчиво произнес профессор, внимательно глядя на своего собеседника. Лашкова притаила дыхание, боясь пропустить хоть одно слово...

— Та-а-к... — повторил Кречетов. — Вам, конечно, известно, дон Бартоломео, что попытки подводить математическую базу под теорию шахматной игры делались неоднократно, но всегда неудачно. Не потому, чтоб это было недопустимо теоретически, а потому, что это неосуществимо на практике. Ведь, для создания математической теории шахмат необходимо внести в рамки нашего понимания все, понимаете ли, все возможные при том или ином положении ходы. А это выше сил человеческих. Не надо забывать, что при любых двух ходах, правильных или ошибочных (по одному со стороны каждого игрока), число всех возможных положений доходит до 70 000. И прав был поэтому Артур Шопенгауэр, сравнивший математика, который вздумал бы заняться неблагодарным делом математического теоретизирования шахмат, с человеком, которому отрезали обе здоровые ноги, и вместо них приставили две деревянные палки. Нет, ваш механизм — очень остроумная по замыслу игрушка, но на практике.. — тут Кречетов резко оборвал себя, и с испугом обратился к бразильцу. — Дон Бартоломео, что с вами?

Бразилец не отвечал: он был в обмороке.

Лашкова вскочила и побежала за водой. Профессор вытащил из своей аптечки нашатырный спирт, и оба начали приводить бразильца в чувство. Наконец, он пришел в себя и открыл глаза.

— Простите за хлопоты, — произнес он слабым голосом, — но если б вы знали, какой удар вы мне нанесли. Ведь над этой «игрушкой» я работал пятнадцать лет, на нее возложены все мои надежды, свои удачи я приписывал ей... Конечно, я не мог ни с кем советоваться, — я боялся, что у меня украдут мою мысль... И вдруг, вот теперь, вы, великий математик, авторитет науки, объявляете... Да, нет! Врете вы все! — дико закричал Диац и вскочил с кресла, — знаю я вас, ученых! Зависть, зависть говорит в вас! Будьте вы прокляты, — и, схватив со стола свой ящичек, бразилец, как был, без пальто и шляпы, выбежал из квартиры профессора.

— Сумасшедший! — покачала головой Лашкова.

— Не совсем... Точнее маньяк, одержимый одной навязчивой идеей: применить машину Дживонса-Щукарева к шахматной игре.

— А это невозможно? — робко спросила девушка.

— Благодарю вас... разодолжили! — комически развел руками профессор, — да, ведь, это же ясно само собой. Машина Дживонса не способна мыслить: она только механически подводит итоги известным посылкам, не вдаваясь в оценку того, правильны они или неправильны. Даны посылки: «Все люди смертны», «Кай-человек» и машина механически подытоживает: следовательно, Кай смертен. Но с одинаковым успехом вы можете дать ей и такие посылки: «Люди бессмертны», «Кай-человек» и машина спокойно воспроизводит: «следовательно — Кай - бессмертен», несмотря на явную нелепость всего силлогизма. В шахматах каж-

дый ход — есть результат обсуждения целого ряда посылок. Что же здесь может поделывать мертвая машина?

— Да, но, в таком случае, как же объяснить... — начала Ольга, но профессор, подхватив на лету ее мысль, закончил:

— ...постоянные победы Диаца? Вы это хотите спросить? Очень просто: Диац великолепный, первоклассный мастер игры, и не машинка диктует ему нужные ходы, а он диктует их машинке. Голова работает, а руки только исполняют ее приказания, и машинально, так сказать, выражаясь по-обывательски, бессознательно ставят рулетку на нужный ход. Но поглощенный своей маниакальной идеей, Диац этого никогда не замечал, и глубоко уверен, что машинка работает самостоятельно. Это своего рода самогипноз.

— Тогда напрасно вы разрешили ему взять с собой ящичек. Боюсь, что он наклеит Колоколову, — с беспокойством заметила Лашкова.

Профессор усмехнулся.

— Вы слишком мало знаете человеческую натуру, возразил он. — Именно теперь-то он и проиграет. Игрой он без машинки, он сосредоточил бы все свои способности, напряг бы все свои силы, так как знал, что ему приходится полагаться только на себя. Но теперь... когда он, с одной стороны, поколебался в доверии к своему чудодейственному ящичку, но, с другой стороны, все же никак не может примириться с этой мыслью... его мозги будут работать вразброд, — он не сумеет сосредоточиться, и результат выйдет для него самый плачевный...

— Но какая, в сущности говоря, это мерзость!.. — совершенно неожиданно для самого себя вспылил Кречетов.

— Что именно? — не поняла Лашкова.

— Да вот эта идея механизации шахматной игры. Она могла родиться только в голове человека, который не только не любит шахмат, но прямо-таки их презирает. Ме-ха-ни-за-ция! Вы только подумайте! Ведь, это же значит — лишить шахматы их жизненного нерва, уничтожить всякий смысл игры. Вся прелесть шахмат и заключается в поэзии борьбы, в состязании человеческого ума и находчивости, в неожиданности приемов, в наслаждении победой... А тут.. Ме-ха-ни-за-ция! Нет, таких шахматистов, как Бартоломео Диац, нельзя даже на пушечный выстрел подпускать к шахматам. Тем более, что главный стимул их игры — деньги. Возмутительно! — и не на шутку разволнованный профессор зашагал взад и вперед по комнате.

— Кстати, о каком это богатстве говорил Диац? — спросила Ольга, — и каким образом мечтал разбогатеть при помощи шахмат?

— Конечно, не призами и не гастрольными гонорами, — презрительно ответил Кречетов. — Вы забываете, что в Америке не так, как у нас. У нас спорт из любви к спорту, шахматы из любви к шахматам, а в Америке, особенно в Северной, — все **business** — польза. На спорт деловитый янки смотрит, как на любое коммерческое предприятие. Ему все равно, играет ли первоклассный шахматист, бежит ли скаковая кобыла, бьет ли физиономию своему противнику боксер — только бы на этом заработать. А как? Очень просто... Пари... Заклады... на громадные суммы... шальные, нетрудовые деньги... Кто же мешал и Диацу ставить за себя через подставных лиц? Дело верное... однако, — прервал себя профессор, — у восточных мудрецов существует изречение: нет компании, которая не расходуется. Примем это к сведению. Смотрите-ка, уже све-

тает, пора и на отдых, мы сегодня достаточно переволновались.

Ольга встала, распростилась с профессором и отправилась домой, — всю дорогу думая о происшедшем и волнуясь за исход партии, предстоящей на следующий день.

VI.

Через два дня, утром, профессору Кречетову подали очередной номер газеты и письмо, написанное незнакомым почерком.

Письмо гласило: „Уважаемый профессор! Я сыграл свою последнюю партию. Мой противник и сама жизнь объявили мне мат. Звание всемирного чемпиона получил ваш молодой соотечественник Колоколов. Я убедился, что строил свое здание на песке. А в свои личные силы я не верю. Жить без надежды на то, что шахматы дадут мне богатство, я не могу, и ухожу из жизни. Прощайте. Бартоломео Диац.

На первой странице газеты было помещено объявление:

Президиум «Дворца шахмат» с чувством глубокого сожаления сообщает, что 15 декабря 1938 года внезапно скончался член всемирного шахматного турнира, чемпион Америки — Бартоломео Диац.

О дне отправки тела на родину будет объявлено особо.

— Итак, Бартоломео Диац покончил с собой. Ну, что-ж. Он слишком мало любил шахматы и слишком много любил деньги. Мир его праху!

Это было надгробное слово профессора Кречетова чемпиону Америки Бартоломео Диацу.

С. РОМОВ

ОДНА ТРЕТЬ ЖИЗНИ

Фантастический рассказ

С. Ромов

ОДНА ТРЕТЬ ЖИЗНИ

Опубликовано в журнале «Мир приключений» №1,
1928 г.

Фантастический рассказ С. РОМОВА.

Иллюстрации Н. УШИНА.

I.

— ТЕПЕРЬ я перехожу к самой существенной части моего доклада — сказал профессор и, сделав паузу, не спеша, как будто речь шла о самых обычных вещах, наполнил стакан водою и отпил несколько глотков.

Аудитория замерла в напряженном молчании.

Это была не совсем обычная аудитория. Слух об открытии профессора Шмидта какими-то неведомыми путями, какими распространяются все слухи, успел облететь весь ученый мир. И хотя точно никто не знал, в чем заключается открытие, все, получившие приглашение, поспешили собраться в назначенный день и час в помещении одного из старейших университетов Европы, едва достаточном для того, чтобы вместить собравшихся. Наука всего мира была представлена здесь своими наиболее выдающимися адептами. Эта аудитория могла бы по справедливости быть названа — мозгом человечества.

— Я познакомил вас, — продолжал профессор, — со всеми крупнейшими открытиями в области физиоло-

гии сна, начиная с замечательных для своего времени работ Лежандра и Пьерона, впервые установивших токсическую природу сна, я рассказал вам также, каким образом мне удалось выделить, изучить и затем синтезировать антитоксин сонного яда. Как вы убедитесь, синтез этот не настолько сложен, чтобы мы не могли без особенного труда организовать производство антигипнотоксина в мировом масштабе, и путем ежедневного вливания его в кровь избавить человечество от величайшего зла, каким наградила его природа — сна. Но, как вы сейчас убедитесь, эти грандиозные антигипнотоксинные лаборатории нам совершенно не нужны, как не нужен больше и самый синтез, потребовавший, между прочим, шести лет напряженной работы для своего осуществления.

Всем вам, конечно, хорошо известно, что многие реакции, протекающие в нашем организме, имеют каталитический характер. Когда я работал над синтезом антигипнотоксина, желая упростить его и сделать возможным его осуществление в техническом масштабе, мне пришла в голову мысль попытаться найти катализатор и для той реакции. Такой катализатор, ускоряющий течение реакции в тысячи раз и могущий, не расходуя, продуцировать неограниченное количество синтезируемого вещества, мною найден.

Дальнейший ход моей мысли, я думаю, вам ясен. Раз нам известно, что организм в течении нескольких часов сна вырабатывает количество антитела, достаточное, чтобы нейтрализовать весь накопившийся за день гипнотоксин, то естественно предположить, что путем введения в кровь катализатора можно ускорить реакцию в организме точно так же, как мы ускоряем ее в колбе. Опыты, произведенные мною в этом направлении, вполне оправдали сделанное предположение и

по своим результатам превзошли все ожидания. Оказалось достаточным ввести в организм ничтожное количество катализатора, чтобы реакция протекала с такою интенсивностью, какая необходима для нейтрализации всего сонного яда в момент его образования. Далее, мною было установлено, что катализатор не выносится из организма вместе с выделениями, находясь, по-видимому, в какой-то особой, ближе пока не установленной, связи с органическими составными элементами крови. Вещество, служащее катализатором, не отличается сложностью состава, и представляет собою соединение одного из весьма распространенных на земной поверхности элементов.

Вот его формула...

Когда формула засияла на экране, такая простая и понятная, гробовое молчание аудитории прорвалось неясным гулом, как бы глубоким вздохом, одновременно вырвавшимся из тысячи грудей. В этом вылилось глубокое волнение слушателей, постепенно и непрерывно нараставшее в теченье всего доклада. Напряженное внимание сменилось всеобщим возбуждением. Каждый испытывал непреодолимую потребность высказаться, поделиться охватившим его чувством.

И однако, когда профессор Шмидт снова заговорил, аудитория мгновенно опять погрузилась в молчание. Мозг человечества был хорошо дисциплинирован.

— Мне осталось сказать немного, — произнес докладчик. — При всем моем нежелании придавать слишком большое значение моей работе, я все же не могу недооценивать значения факта, который я вам только что сообщил.

Итак, сон побежден!

Отныне человечество получает в свое распоряжение одну треть жизни, отнятую у него природой, что составляет, считая лишь работоспособное население, около шести миллиардов рабочих часов в сутки.

При последних словах оратора по аудитории опять пронесся гул заглушенных восклицаний, выдавший волнение слушателей. Слишком велико было значение открытия, чтобы его легко было осознать, как реальный факт, даже для таких умов. Оно подавляло своей граидиозностью.

— Не подлежит сомнению, — продолжал оратор, — что победа над сном сулит человечеству неисчислимые блага. Однако, было бы величайшим легкомыслием, больше того, преступлением, начать немедленно всеобщие противосонные прививки. Будем помнить, что всякое великое начинание таит в себе и величайшие опасности. Какого рода могут быть эти опасности, — ни я, ни кто-либо другой не в состоянии сейчас предвидеть, но скрывать от себя их возможность мы не имеем права. Наша ближайшая и неотложная задача — исследовать всесторонне физиологическое действие противогипнотоксинной прививки во всем его объеме, для чего, вероятно, потребуется не один год работы. Мною и моими сотрудниками работа в этом направлении уже начата, но находится еще в начальной стадии и пока очень далека от своего завершения. Между прочим, считаю нужным довести до вашего сведения, что я сделал себе прививку несколько месяцев тому назад,

и с тех пор не спал ни одной минуты. Никаких побочных физиологических явлений я на себе пока не обнаружил, несмотря на непрерывный и самый тщательный контроль над всеми функциями организма. Но, конечно, этот единичный и слишком кратковременный опыт не имеет никакой доказательной силы. Теперь мне остается сообщить вам, почему я, сознавая всю опасность преждевременного проникновения в массы моего открытия, тем не менее решился обнародовать сегодня результаты моей незаконченной работы. Я сделал это потому, что две недели тому назад секрет моего открытия, известный до этого лишь мне одному, был у меня украден.

Здесь опять слушатели не могли сдержать своего удивления, вызванного столь неожиданным заявлением докладчика.

Когда аудитория снова смокла, профессор продолжал:

— Не желая сделать научное открытие такой большой важности в первую очередь достоянием преступников, я на другой же день принял все меры к его скорейшему опубликованию, ибо это было единственное, что я мог сделать. Теперь я обращаюсь к вам с призывом. Я призываю вас употребить все усилия, все доступные вам средства, чтобы предостеречь людей от преждевременного использования моего открытия до того времени, когда работа, которая теперь станет, — надеюсь, нашей общей работой, будет закончена в полном объеме. Я думаю, что это — наш долг перед человечеством. Я кончил.

II.

Признаки надвигающейся опасности появились не сразу. Прошло несколько месяцев прежде, чем что-либо стало известно. Профессор Шмидт принял все меры к тому, чтобы содержание его доклада не проникло в широкую публику. Представители прессы на заседание допущены не были. Вместо этого все крупнейшие газеты получили информационное сообщение, в котором говорилось, что профессором Ш. открыт способ оказывать более или менее длительное противодействие потребности в сне, но что способ этот еще не разработан в достаточной мере, и поэтому в настоящее время ни в коем случае не может быть введен во всеобщее употребление. Разработка его, говорилось далее, будет немедленно начата одновременно в нескольких лабораториях, и о результатах ее будет сообщаться по мере хода работ.

Таким образом, интерес к новому открытию в обществе был весьма искусно потушен. Без газетного шума дело, конечно, не обошлось, но размеры его не превышали пределов очередной «сенсации», которая создается ежедневной прессой по всякому, заслуживающему и незаслуживающему внимания поводу. К тому же, описываемая эпоха была необыкновенно богата крупными достижениями в различных отраслях науки, и среди них особенный интерес вызывали работы по разложению и синтезу элементов, сулившие близкий переворот во многих областях техники, и обещавшие в недалеком будущем полное переустройство многих сторон повседневной жизни. Поэтому, внимание широких слоев населения было скоро отвлечено от открытия профессора Шмидта, и о нем почти перестали вспоминать.

По настоянию ученых, присутствовавших на заседании, в скором времени почти во всех странах, в кодексах законов, регулирующих употребление и распространение различных ядовитых и сильнодействующих на организм веществ, был прибавлен еще один пункт. Этим пунктом воспрещалось не только частным лицам, но и всем, без исключения, врачам пользование с какими бы то ни было целями препаратами, уничтожавшими или якобы уничтожавшими нормальный сон, равно как их изготовление и распространение. На это также никто не обратил особого внимания.

Первой заговорила статистика. Она отметила необыкновенно быстро прогрессирующий рост самоубийств, почти одновременно начавшийся во всех крупных городах мира. Число самоубийств в один месяц, сделав колоссальный скачок, достигло цифры, характеризующей двадцатые годы XX столетия; в следующий месяц уже превышало эту цифру в несколько раз и продолжало расти с поразительной быстротой. Это странное явление не поддавалось решительно никакому объяснению.

Вслед затем подала голос медицинская научная пресса. Она, в свою очередь, отметила чрезвычайный рост заболеваний нервной системы во всевозможных формах и проявлениях. Эта своеобразная эпидемия также быстро и неуклонно росла.

В это время, несомненно, уже многие знали и очень многие догадывались о причинах странных явлений. Но те, которые знали наверное, будучи непосредственно замешаны во всем происходящем, молчали, по вполне понятным причинам. Те же, которые только подозревали истину, и прежде всего, ученые и врачи, молчали просто потому, что никто не решался первый открыто выступить с разъяснениями. Ведь это значило

бы привлечь к открытию профессора Шмидта всеобщее внимание, и тем самым, еще более ухудшить дело.

Конец этому неестественному положению вещей положила полиция одного из крупнейших городов Америки. Она первая довела до всеобщего сведения, что ею за последнее время арестован и предан суду целый ряд лиц и тайных организаций, производивших за очень высокую плату противосонные прививки.

Тут уже заговорили все сразу, ибо больше не было ни возможности, ни смысла молчать.

Необыкновенное известие, быстро облетев мир, захватило и взволновало буквально все человечество. От последнего нищего до правителя государства — все говорили и думали об одном. Везде, вплоть до самых глухих уголков земного шара, мысли всех были устремлены к одной и той же проблеме, — проблеме победы над сном.

III.

ПРОФЕССОР Шмидт сидел в своем рабочем кабинете, погруженный в мрачные думы. Его, конечно, более чем кого бы то ни было волновали разворачивающиеся события. Ведь он один был виновником всего происшедшего и, следовательно, он один должен был чувствовать себя ответственным за все.

В дверь постучали, и вошел старший ассистент профессора Браун, его неизменный товарищ по работе в течении многих лет. Взглянув внимательно в лицо вошедшего, профессор только теперь заметил, какая ужасная перемена произошла с его ассистентом за последнее время. Браун был страшно бледен и худ; глаза его провалились, взгляд потускнел. Его лицо и весь вид отражали глубочайшее страдание.

— Я никому ничего не говорил,—отвечал ассистент.

— Как! Значит я, я сам первый оповестил мир?!

— Я не могу больше, — сразу заговорил ассистент, тяжело опускаясь в кресло. Голос его звучал глухо и надтреснуто. — Делайте со мной, что хотите. Лучше всего, дайте мне яду или убейте меня каким хотите способом. У меня не хватает силы воли самому оборвать эти ужасные муки.

— Что с вами? — с участием спросил профессор. — Говорите.

— Ваш катализатор. Я не спал с самой той ночи, как украл ваши тетради и сделал себе прививку. Я не могу больше этого вынести.

Профессор, потрясенный до глубины души, некоторое время не мог выговорить ни слова, и глядел на своего ассистента широко раскрытыми глазами.

— Так это вы, — вымолвил он наконец, с трудом овладевая собой.— Вы, которому я доверял больше, чем кому бы то ни было! Вы украли мои тетради. Вы брали за это деньги!

— Я ничего никому не говорил. — отвечал ассистент, казалось, не замечая волнения профессора, — и ничего не собирался делать. Я только хотел испытывать это на себе.

— Как! Значит я, я сам первый оповестил мир?!

Профессор опустил голову и закрыл лицо руками, как бы желая защититься от падавших на него ударов судьбы. Когда же после долгого молчания он снова выпрямился, взглял его был тверд и спокоен.

— Работать, работать и работать — произнес он.—То, что мы сделали, мы же и должны исправить. Надо найти способ уничтожать действие противогипнотической прививки. Мы этого достигнем. Вы будете мне помогать, как помогали до сих пор. Вы слышите, Брун? Я вам приказываю!

IV.

Таким образом, человечество внезапно, без всякой подготовки, было поставлено перед дилеммой: — спать или не спать. И оно разрешило эту дилемму вполне единодушно и без малейшего колебания.

Не спать!

Не спать, это значило для одних — целые сутки трудиться, для других — целые сутки наслаждаться, для некоторых — грабить, для иных — творить, для иных — играть.

Но для всех одинаково это значило — жить в полтора раза дольше. По меньшей мере, двадцать пять лет жизни! Перед такой перспективой, конечно, не могло быть никаких сомнений. Не спать! — гласил единодушный ответ.

С лихорадочной, почти безумной поспешностью человечество вступало в новую эру своего существования. Тысячи лабораторий работали непрерывно, изготавливая противогипнотоксинный препарат профессора Шмидта, и в сотнях тысяч прививочных пунктах также непрерывно он вливался в кровь миллионов людей, жаждавших избавления от сна. На тех, кто не сделал себе прививки, смотрели, как на отверженцев, как на жалких дикарей, находящихся на низшей ступени культуры. Никому не пришло даже в голову позаботиться об отмене запретительных законов, — о них просто забыли.

Переустройство жизни началось немедленно и, прежде всего, конечно, в крупных городах.

День и ночь потеряли свой смысл. Жизнь была ключом все двадцать четыре часа в сутки, ни на минуту не ослабляя своего бешеного темпа. Круглые сутки неслись автомобили и трамваи, стучали и гремели бесчисленные машины, а непрерывный людской поток катился и катился через улицы и дома.

Техника повседневной жизни быстро приспособлялась к новому строю, подгоняемая все ускоряющимся темпом событий. Увеличивалась в несколько раз мощность электрических станций, усиливалось соответственно движение поездов, трамваев и автобусов, спешно переделывались водопроводные и канализационные системы, перестраивались вокзалы и порты, расширялись фермы, бойни, мельницы, пекарни, росли фабрики, заводы, магазины и рестораны.

Городам не хватало к р о в и — энергии во всевозможных видах, начиная от хлеба и кончая — радио-

волнами. Сельским местностям не хватало м у с к у - л о в — живой силы людей и животных.

О безработице забыли и думать: недостаток рабочих рук с каждым днем все сильнее давал себя чувствовать. На сцену выступил новый фактор — увеличение рабочего дня.

Всем хотелось не только жить, но и как можно лучше использовать новую, так неожиданно обретенную, часть жизни. Новая жизнь требовала и новых расходов, а, значит, нужны были деньги, их нужно было заработать. Очень скоро, почти одновременно во всех странах, рабочий день был увеличен до восьми часов. Этого, конечно, оказалось мало, и вскоре затем последовало увеличение рабочего дня до десяти, затем до двенадцати и четырнадцати часов.

Наконец, в целом ряде отдельных случаев, дело дошло до пятнадцати и шестнадцати - часового рабочего дня.

В то время борьба с кинотоксинами, ядами мускульной усталости, путем введения в кровь ретардинов, открытых и изученных еще со времени Вейхарта, была широко и планомерно организована повсюду. Это давало возможность работать, не испытывая утомления неограниченно долго, и позволило ко времени, предшествовавшему открытию профессора Шмидта, свести рабочий день к минимуму, усилив в несколько раз производительность труда. Правда, при шестнадцатичасовом рабочем дне человеку оставались для всей его личной и общественной жизни те же восемь часов, которыми он когда-то пользовался при восьми часах работы, употребляя восемь часов на сон, но зато общий заработок увеличился почти втрое.

V.

НОВАЯ эра наступила. Начался небывалый в истории человечества культурный подъем. Рост промышленности был поистине сказочным. Предприятия возникали ежедневно в таком числе, что вскоре даже в наименее культурных странах стал ощущаться недостаток места. На земле становилось тесно. Миллиарды рабочих часов, подаренные человечеству профессором Шмидтом, продолжали искать себе применения. В источниках же энергии недостатка не было; использовалась, главным образом, энергия атмосферного электричества, воздушных течений и морских приливов, а в тропических странах, кроме того — непосредственно энергия солнца. Но не одна лишь техника переживала период расцвета. Не менее, если не более интенсивно

использовали свои добавочные часы и работники умственного труда. Крупнейшие научные открытия и изобретения следовали одно за другим. Никогда еще не печаталось столько книг, не издавалось столько научных журналов. Главную роль в развитии наук и искусств сыграла возможность непрерывной работы в течении неограниченно долгого времени, возможность, имеющая первенствующее значение при всякой творческой работе. Вся жизнь приняла новую своеобразную форму. Работа всевозможных предприятий и учреждений была постепенно целиком перенесена на ночные часы. При существовавшей тогда скученности населения едва ли не большая часть помещений все равно никогда не видала не только прямого солнечного света, но даже и рассеянного дневного. Зато днем, в часы отдыха, люди имели возможность использовать живительный солнечный свет и тепло. Те, кто во всю свою жизнь видел солнце лишь в редкие праздничные дни, получил теперь право наслаждаться его благотворным воздействием. Но, конечно, целый ряд предприятий, обслуживающих наиболее жизненные потребности, прежде всего, магазины и рестораны, работали почти круглые сутки, что, впрочем, широко практиковалось и раньше в «сонное» время. Перерыв в работе почти везде приурочивался к полуденным часам, получившим название «часов солнца», и в это время население городов стремилось прочь от шумных улиц, в тщательно охраняемые уголки природы, чтобы хоть немного отдохнуть от невероятно нервной, напряженной жизни города. Что касается всевозможных увеселительных заведений, то они также расширили свою деятельность до максимума. Театры давали в сутки по несколько спектаклей; кино-театры, клубы, площадки для игр и т. п. функционировали круглые сутки.

Везде и всюду кипела жизнь.

Это была сказочная пора в истории мира. Возможности, открывшиеся перед человечеством с приобретением новой части жизни, превосходили, казалось, самое пылкое воображение.

VI.

А МЕЖДУ тем, катастрофа приближалась, ужасная, быстрая, неотвратимая.

В пылу первого увлечения новой жизнью никто не обращал внимания на страшные симптомы. События же надвигались с невероятной быстротой. Тучи на жизненном небосклоне быстро сгущались, и скоро грянули первые раскаты грома.

Количество смертей увеличивалось изо дня в день с поразительной скоростью, и кривая смертности неуклонно ползла вверх, загибаясь все круче и круче. Крематории не успевали испепелять тела погибших, несмотря на то, что число крематориев за последнее время значительно возросло. Увеличение смертности происходило сначала главным образом за счет роста самоубийств, но потом, с развитием техники, в той же прогрессии, и даже еще сильнее, начало возрастать число смертей от несчастных случаев. Крушения поездов, аварии пароходов, падения аэропланов, пожары, взрывы и обвалы следовали друг за другом, унося сотни тысяч жертв. Все это было следствием одной и той же причины — небывалого роста психических и нервных заболеваний. Эта ужасная эпидемия, далеко превзошедшая по размерам истеро-эпилептические эпидемии в Европе IX— XI веков; эпидемия, более разрушительная по своим последствиям, чем самые сильные эпидемии чумы и холеры, какие только знала история,

чем могучие некогда враги человечества — туберкулез и сифилис, — охватила весь мир и грозила задушить его в своих цепких лапах. Больницы были переполнены, медицинского персонала не хватало.

Нервная система человека оказалась не приспособленной к жизни без сна. Мышцы, снабженные ретардинами, быстро восстанавливали свою работоспособность; внутренние органы не нуждались в отдыхе, равно как иннервирующие их нервы и управляющие этими нервами мозговые центры. Но небольшой участок лобной доли коры головного мозга, центр высшей психической деятельности, — этот кусочек так называемого серого вещества не мог выдержать непрерывной работы.

Сон, благодетельный целитель всех страданий, физических и нравственных, покинул человечество. Наркотический сон, тяжелый, полный кошмаров, конечно, не мог принести желанного облегчения. Вместе со сном человек потерял и дар забвения. Его мысли и чувства были всегда с ним, и страдание, раз завладев сознанием человека, преследовало его неотступно. Усиливаясь с течением времени, оно неизбежно приводило к тяжелому психическому заболеванию, и очень часто — к самоубийству.

Скоро стало уже не хватать рабочих рук. Фабрики начали останавливаться, предприятия — закрываться. Тут вспомнили о людях, не зараженных «бессонным ядом», как теперь все называли препарат профессора Шмидта. Те, кого так недавно презирали и называли дикарями, сразу заняли привилегированное положение, сделавшись высшими людьми. Их назначали на самые ответственные должности, им платили огромные оклады, специальные агенты разыскивали их по всем уголкам земного шара.

Но нормальных людей было мало, страшно мало. Многие пытались выдать себя за неподвергавшихся прививке, и сначала это нередко удавалось. Однако в скором времени один врач открыл способ легко и безошибочно отличать «сонных» от «без-сонных». Испытуемому направляли в глаз пучок света и следили за реакцией зрачка; реакция у получивших прививку резко отличалась от реакции у нормальных. Это устранило всякую возможность симуляции.

Опять начали издаваться законы, воспрецавшие под страхом строжайшей ответственности делать противосонные прививки, в особенности детям. Но было уже поздно. Мир быстрыми шагами шел к гибели, предотвратить которую, казалось, ничто не в состоянии.

VII.

— НАКОНЕЦ-ТО, дорогой Браун, наконец-то мы у цели наших долгих исканий! — воскликнул проф. Шмидт в радостном возбуждении, которое он, едва ли не впервые в жизни, не пытался скрыть.

— Надо-таки признаться, что мы поспели как нельзя более вовремя. Еще немного, — и никакие человеческие силы не могли бы остановить разрушение мира. Желая облагодетельствовать человечество, я причинил ему неисчислимые бедствия. Но теперь я, кажется, смогу, если не искупить, то хотя отчасти загладить свою ужасную вину. Смотрите, сон вполне нормальный; все органы функционируют совершенно правильно.

Профессор стоял посреди своей физиологической лаборатории, держа в руках обезьянку, которую он только что исследовал. На столах лежало несколько кроликов и морских свинок, также погруженных в сон.

Ассистент Браун сидел в кресле, устремив взгляд в пространство, и, казалось, ничего не слышал.

С того самого времени, как он признался профессору в похищении тетрадей, Браун находился в состоянии, близком к сомнамбулизму. Он работал, ел, пил, двигался, как автомат, почти не сознавая, что делает. И тем не менее, он производил опыты, делал вычисления, одним словом исполнял всю работу, которую поручал ему профессор, и исполнял хорошо.

Так работали они в течение всего описанного времени, столь богатого событиями, работали в период расцвета, равно как и в период упадка, работали тогда, когда имя профессора Шмидта с благоговением произносилось сотнями миллионов уст, и тогда, когда оно произносилось с проклятием. Несколько десятков крупных лабораторий были заняты той же работой, но до последнего времени сколько-нибудь значительных результатов достигнуто не было.

И вот теперь, наконец, реактив, уничтожающий действие противогипнотоксинной прививки, был найден. Профессору Шмидту удалось перевести катализатор антигипнотоксинной реакции в комплексное соединение, и таким образом, уничтожить его активный ион, заменив его новым, комплексным ионом. Превращение совершалось внутри организма при впрыскивании нового реактива в кровь. Задача избавления от «бессонного яда» была разрешена блестяще. Техника получения препарата была не сложна и доступна даже очень скромно оборудованным лабораториям; исходные продукты принадлежали к числу распространенных веществ и были дешевы.

— Теперь остается произвести последний и решающий эксперимент, — весело сказал профессор. — Объектом опыта, как и в тот раз, буду я сам. Я, признаюсь,

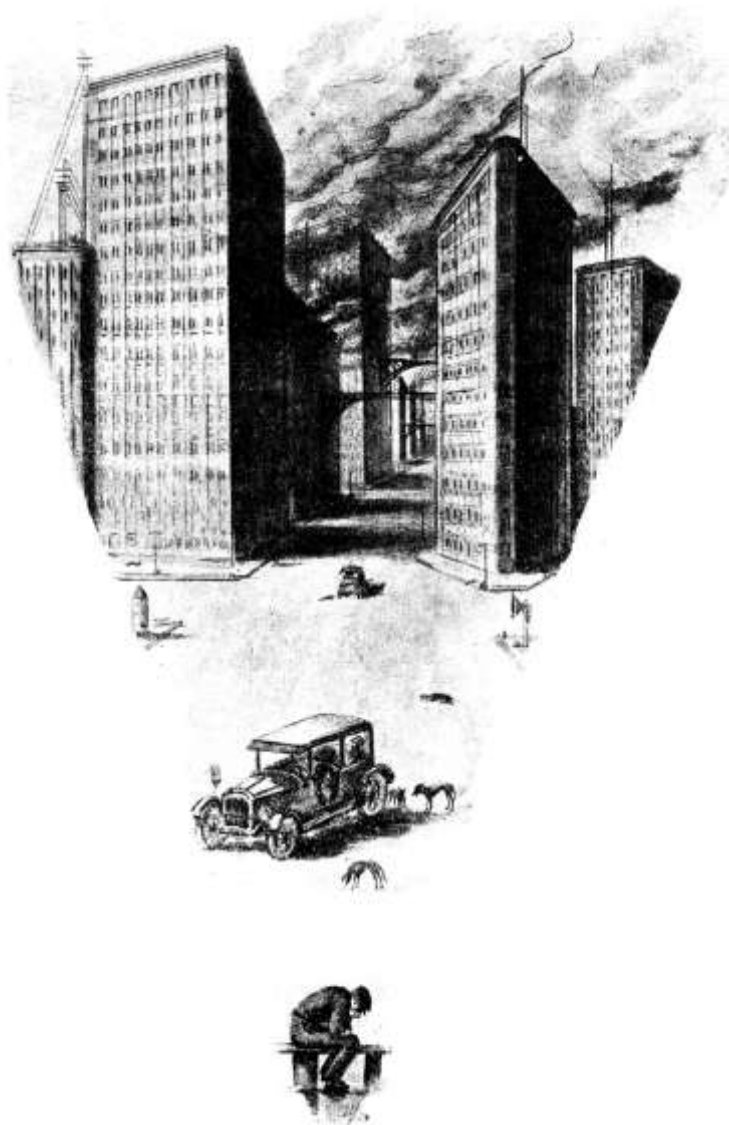
давно уже был бы не прочь немного поспать. А вы, дорогой Браун, пока я буду в объятиях Морфея, не теряя времени, оповестите весь мир о нашем открытии. Я уверен, что вам на это не придется потратить слишком много труда. Я прилягу здесь, в лаборатории, а если слишком засплюсь, то вы разбудите меня завтра, как можно раньше. У меня еще много дела.

С этими словами профессор погрузил иглу шприца в свою левую руку и впустил под кожу несколько капель золотистой жидкости. Затем он расположился поудобней на небольшом кожаном диване и почти мгновенно погрузился в сон.

VIII.

ПРОФЕССОР не ошибся в своем предположении. Известие о новом открытии, переданное крупнейшими радиостанциями мира, быстро облетело земной шар. Сообщение об избавлении от «бессонного яда» вызвало неописуемое возбуждение. Еще так недавно человечество было взволновано открытием антигипнотоксинного катализатора, и с великими надеждами и верой в светлое будущее устремлялось к новой жизни. И вот, спустя немного времени, пережив крушение всех надежд и поняв свою страшную ошибку, оно с еще большим волнением встречало новую весть, ища в ней спасения от гибели.

История, казалось, начала повторяться. Опять заработали с лихорадочной поспешностью наскоро организованные лаборатории и прививочные пункты, и опять миллионы людей толпились в приемных, ожидая своей очереди на прививку. Стремление избавиться от сна сменилось еще более горячим желанием возврата к старому, возврата к прежней жизни.

Опустевшие, словно вымершие, улицы представляли жуткую картину. Все спало. Тишина нарушалась лишь воем голодных собак, искавших пищи. Тьма прорезалась лишь заревом пожаров...

IX.

ТЕ, кто полагал, что человечество счастливо избавилось от последствий небывалого в истории эксперимента, едва не кончившегося катастрофой, жестоко ошибались. События, происшедшие вслед за этим, по своей невероятности далеко превосходили все случившееся ранее и были настолько неожиданны, что буквально ошеломили всех. Прежде, чем кто-либо успел осознать положение, мир уже стоял перед лицом новой катастрофы. Организация прививок была поставлена настолько удачно, что не прошло и недели со времени их начала, как большая часть человечества была погружена в сон.

А, между тем, спящие не просыпались.

Сначала это явление казалось естественной реакцией организма после периода продолжительного бодрствования и, хотя производило задержку в обычном темпе жизни, не вызывало ни в ком опасения. Прививки продолжались по-прежнему, так как все понимали, что медлить нельзя ни минуты. Работники лабораторий и прививочных пунктов, сознавая всю ответственность своей роли, себе прививок не делали.

Того, что случилось далее, никто предвидеть не мог.

Почти внезапно жизнь остановилась. Как в волшебной сказке о заколдованном царстве, по мановению жезла злой колдуньи мир погрузился в сон. В несколько дней стало все — фабрики и заводы, железные

дороги, трамваи и, наконец, водопроводные и электрические станции. Бездействовали телефон, телеграф и радио. Всякое снабжение прекратилось. Перед населением городов сразу вырос кошмарный призрак голодной смерти. От употребления речной воды и недоброкачественных продуктов начались массовые заболевания.

Опустевшие, словно вымершие, улицы городов представляли жуткую картину. Тишина нарушалась лишь воем голодных собак, бродивших в поисках пищи. С наступлением ночи все погружалось в непроглядную тьму, прорезаемую местами лишь заревом пожаров, которые некому было тушить. Не менее ужасный вид представляли и сельские местности, где запертые в хлевах голодные животные наполняли окрестности ревом и блеянием на тысячи голосов.

Х.

ОЦЕПЕНЕНИЕ, охватившее в первые дни катастрофы всех оставшихся в бодрственном состоянии, продолжалось недолго. Пред лицом гибели человечество воспрянуло в одном мощном порыве. По первому призыву все, кто только был в состоянии, вышли на великую борьбу с разрушительной стихией. Все поняли, что настал момент, когда должна решиться судьба мира. Всякое промедление могло повлечь за собой миллионы жертв, человечество должно было отстоять свое право на существование.

Никто не знал, как и откуда был брошен этот великий призыв. Он прозвучал, как легендарная труба архангела, возвещающая воскресение мертвых, и все повиновались ему, не колеблясь ни минуты.

Призыв исходил, по-видимому, откуда-то из восточной Европы и передавался радиостанцией большой мощности. Первый приказ был — установить связь, во что бы то ни стало пустить в ход радиостанции. И радиостанции были пущены. Согласно следующим приказам, немедленно были организованы повсеместно «комитеты спасения», которые тотчас приступили к формированию «дружин спасения». Все действовали по одному общему плану, как солдаты одной армии, хотя никто не знал, кем этот план выработывался и где находился главный штаб великой армии спасения. Города были разбиты на участки, сельские местности — на районы, и в каждом участке, в каждом районе работала своя дружина. Все запасы продовольствия и топлива были распределены равномерно, и снабжение налажено с помощью авиатранспорта. Водопровод и освещение также удалось восстановить сравнительно легко. Но организовать в сколько-нибудь значительных размерах производство хотя бы продуктов питания — нечего было и думать, слишком ничтожны были силы. Главной и основной задачей дружин была забота о спящих, и с этой задачей едва под силу было справиться. Правда, расходуя мало энергии, спящие потребляли сравнительно мало пищи, но зато самый процесс приготовления пищи и кормления требовал много труда и времени.

Сон протекал различно в зависимости от индивидуальных особенностей спящих. Одни были совершенно недвижимы и нуждались в искусственном введении пищи; другие находились в состоянии, подобном гипнотическому сну: их можно было заставить бессознательно подниматься, двигаться и принимать пищу. Но общей особенностью всех спящих было то, что их кожа

приняла особый, золотистый оттенок, что дало повод назвать это необыкновенное явление «золотым сном».

XI.

Как случилось, что ассистент Браун остался в бодрственном состоянии, он сам этого не знал. Он продолжал пребывать в глубокой прострации, и все было ему безразлично. Кроме того, находясь всецело под влиянием профессора Шмидта, человека необыкновенно сильной воли, он привык подчиняться ему во всем, и без приказания профессора ни за что не решился бы сделать себе прививку.

Когда все попытки разбудить профессора в назначенное им время оказались бесплодными, Браун не придавал этому особого значения. Он знал, что самое главное сделано, и считал свою роль оконченной. Целый день он бесцельно бродил по лаборатории или сидел неподвижно в кресле, глядя в одну точку. Безделье нисколько не тяготило его. То же повторилось на второй и на третий день. Никто из младшего персонала и служащих лаборатории не показывался. Ассистент вспомнил, что надо накормить лабораторных животных. Когда он занимался кормежкой кроликов и свинок, ему пришла в голову мысль, что спящий профессор тоже ничего не ел уже третий день. Он хотел позвонить по телефону, чтобы прислали перенести профессора к нему на квартиру. Но телефон не работал. Разыскав кое-какую провизию и вернувшись в лабораторию, Браун не без труда заставил профессора проглотить несколько кусков и выпить немного воды.

Сидя перед неподвижным телом своего учителя, Браун погрузился в глубокое раздумье. Внезапно он вскочил, как от сильного толчка. Все стало ему ясно.

Профессор не проснется никогда, как не проснутся и все остальные, получившие прививку. Было очевидно, что новое комплексное соединение, образовавшееся в результате реакции в организме, действовало особым образом на клетки лобной доли, в результате чего антигипнотоксии совершенно не вырабатывался. Чтобы вернуть сознание спящим, необходимо было удалить парализующее вещество из организма или перевести его в другое соединение, не обладающее токсическими свойствами. Второй путь был более надежен. Возможность производить желаемые реакции внутри организма была еще раз подтверждена прививкой «золотого сна», и, следовательно, оставалось лишь найти соответствующее соединение, которое вероятнее всего должно было быть нерастворимой солью. Не теряя ни минуты, Браун и принялся за работу. От его прежней апатии не осталось и следа. Сознание огромной ответственности, выпавшей на его долю, сразу вернуло ему утраченные силы, и он почувствовал прилив энергии, какого не испытывал со времени начала своей ученой карьеры.

XII.

ПОЛОЖЕНИЕ медленно, но неуклонно ухудшалось, Запасы продовольствия подходили к концу, а наладить в сколько-нибудь значительном масштабе производство продуктов питания по-прежнему не представлялось возможным. Еще хуже обстояло дело с добычей топлива и получением необходимой энергии. Поломки на станциях зачастую приводили к остановке их в силу бездействия механических мастерских и машиностроительных заводов, делавшего невозможным иногда даже самую незначительную починку.

Дружины спасения выбивались из сил. Среди «бессонных» было много почти совершенно неспособных, и число их с каждым днем увеличивалось. Все держались исключительной энергией и самоотвержением ничтожной кучки нормальных, «сонных» людей. Но и эти люди начинали уже терять последнюю надежду на спасение.

В третий раз радостная весть, весть о спасении облетела мир.

Но на этот раз она не вызвала никакого энтузиазма. Человечество, наученное горьким опытом, потеряло веру в великие открытия. Все ждали худшего, и к новому известию отнеслись с недоверием и даже враждебностью, тем более, что оно исходило из той же лаборатории.

А между тем, это была действительно весть о спасении.

Ассистент Браун открыл соединение, вступавшее в реакцию с комплексной солью «золотого сна» и дававшее с ним нерастворимый осадок. При введении реактива в кровь образовавшийся осадок инкрустировал стенки кровеносных сосудов, избыток же реактива удалялся вместе с выделениями. Таким образом, организм освобождался от всякого воздействия введенных ранее соединений и возвращался к своему первоначальному, нормальному состоянию.

Путь к спасению был не легкий. Только исключительная энергия и настойчивость ассистента Брауна, соединенная с глубиной научной мысли, привели его опыты к положительному результату. Реактив Брауна требовал очень сложного синтеза и содержал в качестве главной составной части один из очень редких и дорогих элементов.

Когда первые опыты пробуждения спящих дали

блестящий результат, всякое сомнение быстро исчезло. Были немедленно снаряжены экспедиции во все места известных месторождений редкого элемента, и организована его добыча и обработка. Снова заработали лаборатории, изготавливая спасительный реактив, с помощью которого специальные отряды, переходя из дома в дом, вносили в запустелые жилища новую жизнь. Чары злой колдуньи были разбиты, и спящее царство начало медленно оживать.

ХІІІ.

— Все идет прекрасно, дорогой Браун, — говорил профессор Шмидт, входя в лабораторию вскоре после своего пробуждения. — Разрушения, правда, весьма велики, как велико, к сожалению, и число жертв, но мир быстрым темпом залечивает полученные раны. Наше дело окончено. Дорогой Браун, вы искупили свою вину перед человечеством. Позвольте пожать вашу честную руку и сказать, что я горжусь вами, горжусь тем, что вы были когда-то моим учеником.

— От всей души благодарю вас, дорогой учитель. Я только исполнил свой долг. А теперь прошу вас не отказать в моей просьбе.

Ассистент взял шприц, наполненный золотистой жидкостью.

— Я прошу вас, — продолжал он, делая укол, — не будите меня. Я хочу спать долго, много лет, спать до тех пор, пока последнее воспоминание об ужасных событиях не изгладится из памяти людей.

ЧТО ТАКОЕ СОН?

ЕГО ПРОИСХОЖДЕНИЕ.—ЕГО ЯВЛЕНИЯ.—ТОКСИЧЕСКАЯ ГИПОТЕЗА.—МОЖНО ЛИ БЕЗНАКАЗАННО УПРАЗДНИТЬ СОН?—ЗАКОН РИТМА В ЖИЗНИ.

Статья проф. В. М. НАРБУТ—научное послесловие к рассказу «ОДНА ТРЕТЬ ЖИЗНИ».

Сон занимает средним числом третью часть человеческой жизни.

От Гераклита и Демокрита, Платона и Сократа до Лейбница и Локка, Гегеля и Канта — мы встречаем бесконечный ряд более или менее остроумных гипотез, но не видим ни одного сколько-нибудь достоверного объяснения. Что касается важности сна, то еще Кант сказал: «Отнимите у человека надежду и сон, и он будет несчастнейшим существом на земле». Для понимания значения сна необходимо понять условия, благоприятствующие наступлению сна. Таким условием, прежде всего, является — у т о м л е н и е. Это утомление может быть результатом двух факторов — физического и умственного труда.

Физическое утомление наступает, как следствие мышечной работы: во время ее деятельности вещества мышечной ткани потребляются, вследствие чего необходимо их возобновление. Чем усиленнее работа, — усиленнее расход, — тем оживленнее должен быть реституционный процесс.

Процесс утомления мышечного аппарата заключается в потере способности его сокращаемости.

С биохимической точки зрения явления утомления обуславливаются накоплением в мышце мясомолочной кислоты.

То же самое происходит и при умственной работе в нервном веществе, т.е. в центральной нервной системе.

И здесь мы видим, как это доказано было впервые Шлейденом, что головной и спинной мозг после усиленной деятельности заключают в себе определенную кислоту. Необходимо указать также, что еще Раух в 1860 г. производил опыты над действием молочной кислоты, как обуславливающей явления значительно утомления и сна. В 1875 г. Прейер обратил внимание ученых на открытое им снотворное действие молочной кислоты и молочнокислого натра.

Эти явления метаболизма, выражающиеся в субъективных ощущениях утомления, вынуждают во что бы то ни стало сон; и никакие раздражения не в состоянии освободить организм от потребности заснуть.

Задача сна заключается не только в возобновлении потраченного материала, но и в удалении вредных продуктов, явившихся следствием работы организма.

Нами наблюдаем был случай, где, после перенесенного брюшного тифа, в течение двух месяцев у больного было абсолютное отсутствие сна. Несомненно, это надо отнести насчет тех токсинов, которые развились, как следствие брюшнотифозной инфекции.

Известно также, что многие душевные заболевания, обусловленные аутоинтоксикацией организма, в начальной стадии своего развития сопровождаются упорной бессонницей.

Автор помещенного выше рассказа принял именно эту токсическую гипотезу происхождения сна, и на ней построил фантастическое предположение об изобретении такого антитоксина, который препятствовал бы появлению утомления, *eo ipso* — сна. Несомненно, это привело бы к быстрому изнашиванию всех тканей организма, и в частности — нервно-мышечной системы. Но, кроме утомления, существует еще много других условий, благоприятствующих наступлению сна.

К числу их относится отсутствие внешних и внутренних раздражений организма.

Так, известно наблюдение выдающегося невропатолога, проф. Штрюмпеля в Лейпцигской клинике, где имелся больной, который только при посредстве правого глаза и левого уха находился в общении с внешним миром; остальные органы чувств и мышечные ощущения были у этого человека потеряны. Если сказанному больному закрывали действовавшие глаз и ухо, то он весьма быстро засыпал, и ни толканием, ни уколами его нельзя было разбудить; последнее достигалось, если ему кричали в левое ухо или направляли сильный свет на правый глаз.

Наступлению сна способствует также м о н о т о н н о е возбуждение органов чувств.

С этим моментом хорошо знакомы врачи, занимающиеся лечением г и п н о з о м. Здесь нам нет возможности входить в рассмотрение теории гипнотических состояний, т-е. вызывания искусственного сна. Целый ряд крупнейших ученых, как Гайденгайн, Бенедикт, Эйленбург, Бернгейм, Шарко, Бехтерев и др. стремились дать объяснения этим состояниям, — и мы однако не можем признать ни одно из них исчерпывающим.

П р и в ы ч к а играет видную роль в числе условий, благоприятствующих появлению сна. Большинство людей ложатся в определенный час спать без особенно ясно выраженной потребности сна, единственно в сознании необходимости проспать определенное время. Здоровому человеку, при благоприятных условиях, достаточно ж е л а т ь уснуть, чтобы достигнуть желаемого. Из жизнеописания Канта известно, что он вследствие одного только волевого усилия был в состоянии вызвать у себя сон.

Следует еще упомянуть и о влиянии на организм человека окружающей температуры. Жара действует, как известно, расслабляюще и усыпляет. Прейер объясняет действие жары тем, что она благоприятствует отвлечению кислорода от субстрата сенсорных и моторных функций мозга и обращению его на окисление всегда циркулирующих в организме «утомляющих веществ» (Ermüdungs Stoffe).

Нельзя не упомянуть еще об одном состоянии, благоприятствующем наступлению сна — удовольствии и половому влечению. Знаменитый Галлер говорит по этому поводу: «похотливость делает животное сначала живым и веселым; удовлетворение производит подавленное настроение и влечение ко сну».

Распространившееся за последние годы заболевание так называемой сонной болезнью (Encephalitis lethargica) выдвинуло новую теорию в происхождении сна — это значение так называемых стриальных ганглиев и центров, расположенных на основании мозга.

Таким образом, мы видим, как сложны явления происхождения сна.

Рассматривая различные отправления спящего организма, мы наблюдаем всюду понижение и уменьшение их деятельности.

Перистальтические движения ослабляются, движения желудка останавливаются совсем. Все выделения уменьшены. Выделяемая ночью моча имеет больший удельный вес, концентрированнее и более кислой реакции. Понижение деятельности всех органов во время сна распространяется, в частности, и на мозг.

Что касается состояния центральной нервной системы во время сна, то Блюменбах первый объяснил

причину сна — а н э м и е й м о з г а. Наряду с этим было высказано предположение (Лендер), что накапливающаяся в организме углекислота действует наркотически на мозг и возбуждает сон.

В противоположность этому, крупнейшим физиологом Пфлюгером было высказано предположение, что в организме во время сна происходит накопление кислорода, а не углекислоты.

По мере уменьшения запаса кислорода слабеет сила окислительных процессов в нервной системе, вследствие чего наступает сон, во время которого происходит накопление кислорода. Таким образом, избытком кислорода в организме обуславливается бодрствование, недостатком его — сон организма.

Необходимо еще упомянуть об явлениях сна, как следствии общего ритмического процесса в природе.

И д е я р и т м а была высказана впервые Бурдахом, который прямо определяет с о н и б о д р с т в о в а н и е, как ф о р м у р и т м а. Фирорд поддерживает эту же точку зрения. Фирорд говорит: периодичность представляется вообще основным явлением всей природы; она встречается во всех организмах.

Делались наблюдения над предотвращением наступления сна, но все они ограничивались кратковременными испытаниями.

Возможность такого ангитоксина не исключена, но результаты его длительного влияния на организм должны быть весьма печальны.

Автор и развил эту мысль в своем рассказе.

В жизни, несомненно, господствует ритм: сон сменяется бодрствованием, и бодрствование сном — это закон жизни, и содействовать нарушению ритма — это идти против законов природы.

П
Е
Р
В

В
А
Л

СБОРНИК IV

В. ВЕТРОВ. — Ватрушка. □ Б. ГУБЕР. —
Полосы и Жеробца. □ М. БАРСУКОВ.

Иллюстрированные рассказы. □ А. СМИР-
НОВ. — Гуси. □ П. ЖЕРЕБЦОВ. —

Боксер Мороз. □ СТИХИ. □ ПУТЕ-
ШЕСТВЕННИК. — Безымянные земли.

□ Р. АНУЛЬШИН. — Родники деревен-
ского. □ И. ЗАРУДИН. Музей дико-

ных фигур. □ А. ВОРОНСКИЙ. Про-
казы и подвизы. □ Б. ГУБЕР. —

О быте и нравах советского Че-
репанова. □ В. НАСЕДНИН. —

К двухлестню „Перевоза“ □
А. АРХАНГЕЛЬСКИЙ. — Пароходы.

КРУГ

П. ЖЕРЕБЦОВ

БОКСЕР МОРИНЭ

Рассказ

П. Жеребцов
БОКСЕР МОРИНЭ

Опубликовано в: «Ровесники»: сборник содружества
писателей революции «Перевал». М.:Круг, 1926 г.
Книга четвертая

I

Моринэ лежал на берегу небольшого ручья, стараясь уйти от палящих лучей африканского солнца.

Солнцем было напитано и накалено все. И все живое искало защиты в тени, где раскинувшись можно было дышать легче и свободней.

Мысли далеко унесли Моринэ. Утлый челн не раз заносил его по Конго, за пределы его племени; но сегодня его мысль шла дальше того, что он видел и знал. Лежа на животе без малейшего движения, Моринэ задавал себе ряд вопросов.

— Куда бежит Конго?

— В Большое море! — ответил сам себе негр.

— Что там за морем?

Моринэ слышал, что за этим морем есть еще земли, откуда приходят жадные «франки» и «англизы».

Некоторым старикам из его племени посчастливилось провожать этих белых пришельцев на охоту. Старики со слов пришельцев рассказывали, что у белых людей есть чудные города с множеством людей. В этих городах творились чудеса.

Моринэ не знал, можно ли было верить рассказчикам, или нет, но, по их словам, в городах белых людей были огромные боевые колесницы, издающие гром и убивающие сразу сотни людей; кроме того, были колесницы, которые мчали людей быстрее антилопы и страуса. Моринэ слышал, что белые люди могут летать на чудесных машинах под облаками, как птицы.

Моринэ глубоко вздохнул: как много в мире прекрасных сказок!

Эти сказки так хороши, что некоторым из них следовало бы и поверить! Но зато другие — сущая выдумка: ну, как человек может летать без крыльев? Кондор

закрывает собою солнце, — он велик и могуч. А человек...

Моринэ видел однажды белых, ехавших на странных машинах. Они болтали ногами и колеса слушались их и везли. Это было великое чудо; но они ехали по земле.

Моринэ видел еще, как белые вынимали бумагу и внимательно смотрели на нее. Тогда негр приходил в ужас: они беседовали с этой мертвой бумагой! Когда ему попался в руки клочек такой бумаги, он долго вертел этот клочек в руках. На нем были черные знаки. Моринэ понюхал бумагу, но она ничего не сказала ему.

Сколько чудных вещей имелось у белых людей! Если бы побыть подольше среди них и присмотреться к их жизни!

В глазах Моринэ бедная негритянская деревня становилась еще бедней и меньше.

Моринэ вздохнул еще раз.

— Может ли черный быть таким же, как белый? — задал он себе вопрос.

— Может! — тикнула колибри, и Моринэ улыбнулся.

День кончался. Веки мечтательного Моринэ дрогнули, и через минуту негр уснул.

Спит бедняга негр под склоненным кактусом и видит дивный сон. И пыльная пальма, стоящая рядом, шепчет ему сказки о царстве белых людей.

II

Мистеры Скаррон и Берлэй с помощью слуг сбросили свои тюки и через переводчиков об'яснились с начальником негритосского племени.

Белые привезли с собою порох, дробь, мыло, ножи и, главное, огненную воду. Тут же были бусы, блестя-

щие пуговицы и тысячи других безделушек, с которых дикари не сводили жадных глаз.

В обмен за эти сокровища, купцы требовали слоновую кость и желтое железо. За свои товары пришельцы брали также шкуры убитых зверей. Меж начальниками племени и белыми шли жаркие торги и мена, и к вечеру вся деревня была пьяна.

Мистер Берлэй весело потирал руки.

— Ну-с, дружище Скаррон, — мы кажется хорошо успели!

— Досадно, что мало оказалось спирта! — отозвался Скаррон. — Не разбей мы в пути большую посуду, мы бы имели остаток слоновой кости.

— Нечего плакаться, Скаррон! Скажите спасибо и за то, что имеем. Лишь бы удачно довезти все это. Мы и так перегружены всем этим добром. Придется нанять лишних мулов.

— Как хотите, а остаток слоновой кости должен быть нашим, — ответил Скаррон.

Купцы расположились поудобней и готовили себе кушанья.

— Смотрите, Берлэй. Что это за молодец такой? Он стоит уже часа три подряд и рассматривает нас с величайшим вниманием.

— Интереснее всего то, что он один не пьян из всего села.

— Он не сводит с нас глаз.

— Быть может, это их часовой?

— Но молодец-то какой! Давайте подзовем его к себе и поднесем ему стаканчик.

Скаррон знаками подозвал к себе Моринэ.

— Эй! Подойди-ка сюда, молодец!

Негр эластичной походкой подошел к англичанам.

Пока молодой негр стоял вдали, он казался только

стройным. Но когда он подошел к белым вплотную, он поразил их и своей мощью.

Мышцы пластами покрывали его грудь, руки и ноги.

Скаррон и Берлэй переглянулись.

— Но он выше вас, Берлэй! — воскликнул Скаррон. — А в вас без малого шесть футов!

— Гладиатор, чорт возьми! Это кажется и есть то, что ищет мистер Эртс! Нам представляется случай заработать десять тысяч и грешно упускать этот случай, Скаррон.

— Надо расположить этого дикаря к себе.

— Экий ты Геркулес! — воскликнул невольно Скаррон, рассматривая Моринэ с таким же вниманием, с

каким он принимал от дикарей слоновую кость, золотой песок и звериные шкуры.

Хлопая негра по плечу, он подарил ему нож, который Моринэ принял с улыбкой и непонятными словами.

— Понимаю! — воскликнул Берлэй. — Понимаю, друг черномазый, чего ты хочешь! — и Берлэй налил ему полный стакан водки.

Тот отрицательно покачал головой.

Купцы с недоумением переглянулись и спросили негра через переводчика:

— Чего ж ты хочешь?

Переводчик, присев на корточки, быстро начал говорить с Моринэ.

— Он спрашивает, из какой вы земли пришли?

Собеседники рассмеялись.

— Почему он отказывается пить?

Переводчик вновь заговорил с Моринэ.

— Он говорит, масса, что огненная вода причиняет жителям деревни горе.

— О, черт! Это уже слишком! Вы слышали, Берлэй! Рассуждения этого дикаря похожи на воскресную проповедь миссионера из «Армии Спасения».

— Скажи-ка этому Голиафу, — обратился Скаррон к переводчику, — не захочет ли он ехать с нами в Новый Свет? Там он увидит своими глазами то, что его интересует.

Переводчик передал негру слова Скаррона. Белки негра радостно засверкали, и он с оживлением что-то заговорил.

Переводчик объяснил:

— Моринэ согласен. Он согласен ехать с белыми людьми в их землю хоть сейчас.

— Нам положительно сегодня везет! — обратился

Скаррон к Берлэю, — ко всему товару мы имеем еще и живой.

Путешественники вновь начали рассматривать Моринэ.

— Десять тысяч мистера Эртс можно считать своими!

— За этот товар можно взять и дороже!

III

Пароход миновал статую Свободы и высадил в гавань массу людей. Вместе с другими пассажирами высадились Скаррон и Берлэй. Рядом с ними шагал рослый, плечистый негр, с огромным любопытством озирающийся по сторонам.

Волна людей исчезла с пристани, устремляясь в муравейник города. Скаррон и Берлэй подошли к довольно приземистой, блестящей колеснице, сказали

несколько слов человеку, сидящему впереди, и вдруг машина рванула и понесла всех трех приезжих по улицам гиганта города.

Моринэ чувствовал, что его приятно подбрасывает на мягком сиденьи, в то время, как колесница рвалась все вперед и вперед. Скаррон и Берлэй сидели спокойно, откинувшись на спинку сиденья. Видно было, что машина мало занимала путешественников, хотя дьявольская сила, скрытая в колеснице, рычала и пронзительно кричала на прохожих.

Моринэ мельком видел еще много таких машин. Весь ад был, очевидно, в руках у белых людей, — так подумал Моринэ.

Над головой едущих вдруг раздался страшный гул, и Моринэ сделал инстинктивное движение, порываясь соскочить с авто и скрыться.

Скаррон и Берлэй с улыбкой остановили его. Они улыбались в то время, когда Моринэ видел, как сверху над домами по железным палкам несясь, должно быть, самый сильный и страшный дух, увлекаая за собой небольшие разноцветные хижинки. Очевидно, бес этот был зол и утомлен, ибо он грохотал колесами по железу, ревел, страшной бегемота и льва и пускал из своей огромной пасти облака дыма и искр.

И это не удивляло и не пугало спутников Моринэ! Наоборот, выйдя из авто у станции, они вошли в одну из хижин, стоявших спокойно на железных колесах, и через минуту сами неслись над крышами домов, спокойно рассуждая о своих делах и не обращая ни малейшего внимания на грохотававшего дьявола.

Позже Моринэ узнал, что этот злой дух прочно взят белыми в плен и исправно служит им.

Путешественники на станции вышли и опять безлошадная колесница мчит их во весь дух.

На одном углу какой-то воин, очевидно, начальник племени белых, поднял небольшую палочку, и движение колесниц и хижин, едущих на колесах, внезапно прекратилось.

Наконец, Моринэ и его спутники под'ехали к огромному зданию.

Из его дверей выскочили расторопные белые, одетые во все черное, с смешными хвостами сзади. Они низко кланялись приезжим.

Моринэ с удивлением увидел, что люди в черном кланяются также и ему.

Моринэ сообразил:

— Ага! Люди в черном — это пленники белых из другого племени.

И вот, багаж путешественников в руках этих белых рабов, и, в сопровождении их, приезжие входят в гостиницу.

Но что это? Моринэ осторожно замедлил шаг и незаметно остановил Скаррона.

— В чем дело, Моринэ?

Моринэ приложил палец к губам и показал рукой вперед: им всем троим грозила опасность: хитрые люди в черном просто на просто завлекли их сюда в ловушку: они вели путешественников в небольшую, но прочную железную клетку.

Точно такие клетки, только из дерева, Моринэ делал у себя дома для зверей.

— Назад, масса! — с ужасом говорит Моринэ и вынимает нож. — Нас трое, и, пока мы на свободе, мы справимся с этими людьми!

— Что с тобой? — не понимает Скаррон.

Моринэ старается об'яснить своим спутникам опасность, но — странное дело! — Скаррон и Берлэй спокойно и весело улыбаясь входят в страшную клетку и

сидят на скамеечку. Они знаками приглашают Моринэ последовать их примеру.

Негр растерянно смотрит на людей в черном, на их улыбки и решается погибнуть вместе со своими друзьями.

Он так и знал! Дверца захлопнулась, и они в плену! С ними еще один белый, из вражеского лагеря.

Но что это?.. Клетка скользит и поднимается вверх, слегка вздрагивая на железных канатах.

Злой дух, должно быть, и здесь в руках белых людей, но он несет странную службу. Он или пьян, или все перепутал и поднимает души живых людей в Вечную Долину.

Но нет! Он исправляет свою ошибку. Клетка останавливается, ее дверцы открываются, и проводник говорит что-то!

Моринэ входит в жилище белых.

Столы, стулья, кровати, зеркала. Со многими из этих вещей Моринэ познакомился еще в дороге. Он внимательно осматривает себя в зеркало и улыбается своему костюму.

Путешественники меж тем мылись, чистились и плескались в воде. Иногда они прикладывали палец к пуговке у двери, и тотчас люди в черном приносили кушанья, убирали комнаты, говорили о чем-то.

Пуговка заинтересовала Моринэ, и он, пересилив страх, незаметно нажал ее. Тотчас же появился человек в черном, и Моринэ широко раскрыл рот: волшебство белых начинало слушаться и его.

Между тем, Берлэй подошел к столу и, сняв со стола какую-то трубку, начал делать страшные заклинания.

Моринэ не сводил с него глаз, а Берлэй, приложив к уху чудесную трубку, продолжал говорить. После этого

путешественники ушли, приказав Моринэ остаться и никуда не уходить.

Моринэ сделалось скучно. Вдруг ему пришло на мысль: каким путем Берлэй мог делать свои заклинания через эту трубку?

Следуя примеру Берлэя, он снял телефонную трубку и приложил ее к уху. Несколько мгновений он слышал странный шорох. Это были шаги невидимого духа. И вдруг негр с воем вскочил и бросил трубку далеко от себя. Он услышал голос невидимого духа, раздавшийся в этой трубке.

Моринэ оглянулся. В комнате никого не было. Он пытливо заглянул под кровать, за шкаф и убедился, что в комнате он был один.

Походив немного по комнате, Моринэ вспомнил о чудесной кнопке и начал нажимать ее.

Человек в черном вошел и, спросив, что угодно? не дождавшись приказания, ушел. Моринэ захотел испытать действие кнопки еще раз. И опять человек в черном пришел и ушел снова. Это так понравилось Моринэ, что он начал звонить без конца. Человек в черном в отсутствии белых вел себя с Моринэ вызывающе и даже дерзко. Когда он пришел чуть ли не в десятый раз, то стал кричать на негра и даже замахнулся на него рукой.

Моринэ схватил его за ногу и, высунув лакея в окно, продержали беднягу над бездной улицы несколько минут.

Человек в черном вдруг перестал кричать, и когда Моринэ хотел его поставить на пол, он увидел, что тот был похожим на мертвого. Бедняга с испуга лишился чувств.

На крик лакея в комнату вошли новые люди и начали угрожать Моринэ.

Моринэ повыбрасывал их одного за другим, как детей. И тут, на счастье Моринэ, вернулись Скаррон и Берлэй и уладили дело.

Потом они долго об'ясняли Моринэ назначение каждого предмета, и Моринэ начал понимать.

— Завтра же надо сдать этот товар! — сказал недовольный Скаррон.

— Да! Хлопот с ним куча! — согласился Берлэй, и, следуя примеру Скаррона, он вытянулся на своей постели. Путешественники поговорили еще немного и заснули.

Пружинный матрас погнулся под гигантским телом Моринэ. Он несколько раз подбросил его тело, и, возможно, Моринэ долго бы еще качался, наслаждаясь упругостью пружин, но сердитый окрик Скаррона прекратил это интересное занятие. Тогда Моринэ заснул.

IV

На другой день Скаррон и Берлэй опять усадили Моринэ в машину и куда-то повезли. У ворот одного дома они слезли с авто и вошли в под'езд.

Их встретил высокий сухой господин и сразу же острым взором впился в Моринэ.

— Давайте его сюда, мистер Скаррон! — сказал белый, и компания вошла в дом.

В зале, куда все вошли, было полное отсутствие мебели, но посреди зала было особое место, огороженное веревками. По стенам были развешаны перчатки для боксерского боя, тут же висели мешки и нагрудники.

Мистер Эртс еще раз внимательно посмотрел на Моринэ и приказал:

— Разденься!

Скаррон и Берлэй словами и знаками показали Моринэ, что от него требуется.

Моринэ улыбнулся и благодарно посмотрел на Эртса: наконец-то он встретил хоть одного белого, который разрешает сбросить с себя эти проклятые тряпки.

Моринэ быстро разделся. Мистер Эртс отступил на два шага от дикаря и не мог сдержать крика восхищения.

Эртс был страстным спортсменом и ценил, как никто, всякое проявление человеческой силы и красоты. Он закрыл на миг глаза и открыл их опять.

— Благодарю вас, мистер Скаррон, и вас, мистер Берлэй! — с чувством благодарного волнения сказал Эртс и весело потер руки.

— Вот это товар! Это то самое, что я искал! Благодаря вам, ринг получает чудесного боксера!

Эртс вынул чек, вписал туда несколько слов и передал чек Скаррону.

Обе стороны были довольны и расстались.

Уходя Скаррон и Берлэй знаками приказали Моринэ остаться, а сами ушли.

Моринэ и Эртс остались одни.

Эртс дружески хлопал негра по плечу и что-то долго говорил ему. Моринэ вопросительно смотрел на него и, почти ничего не понимая, скалил свои белые, крепкие зубы.

V

Прошел месяц. Моринэ не имел причин жаловаться на новую обстановку. Эртс кормил его, как на убой, обращался с негром ласково и даже дружески.

Но, кроме того, мистер Эртс начал заставлять Моринэ много бегать, прыгать через веревочку и поднимать тяжести.

Сначала Моринэ удивлялся этому, а потом привык и часами бил наполненный опилками мешок и подвешенную к потолку «грушу», стараясь угодить Эртсу.

В глазах негра Эртс был странным человеком. Он вечно выщупывал мышцы негра, как обычно это делал Моринэ у лошади-зебры у себя дома. По вечерам, когда Эртс был особо доволен Моринэ, он брал его в кино или в театр.

Театр, особенно опера, очень понравились Моринэ. Чтобы заслужить музыку, Моринэ до изнеможения бил проклятый мешок.

Слушая пение и музыку, Моринэ блаженно закрывал глаза, влюбленно ловя звуки мелодий: это были голоса добрых духов. Они заставляли Моринэ забывать о пинг-боле.

Однажды мистер Эртс застал Моринэ в глубоком раздумьи. В ответ на вопрос Эртса, Моринэ достал книгу и заявил, что он хотел бы уметь беседовать с ней, как и белые.

Эртс рассмеялся.

— На что тебе это? Брось эти глупости. Скоро у тебя будут более веселые разговоры на ринге. Помни, друг Моринэ: кулаками ты говоришь вообще сильнее, чем языком. Хороший кулак, это такой авторитет, с которым не в силах спорить умнейшая голова!

Мистер Эртс еще раз рассмеялся, а Моринэ опечаленный сидел над книгой.

VI

Вечером того же дня Эртс и Моринэ были в опере. Пели русские гастролеры. Моринэ пришел в неописуемый восторг и начал шумно выражать его так, что Эртс довольно энергично остановил негра.

После театра Эртс прочитал Моринэ целую нотацию, объясняя ему, как некрасив был его поступок.

— Но мистер Смирнов и мисс Нежданова пели так прекрасно, масса!

— Это еще не значит, что ты должен ржать во все горло, как дикая лошадь! В крайности, ты можешь аплодировать. Вот так!

И Эртс показал, как надо аплодировать.

Моринэ был искренно удивлен и обескуражен: неужели нельзя немножко порадоваться и пошуметь?

В негритянской деревне после удачного набега или охоты все племя собиралось обычно у огромного костра и под заунывные звуки «там-там» начинались самые бешеные и воинственные пляски. Моринэ сам десятки раз скакал вокруг костра с такими же оглушительными криками и завываниями, как и все его сородичи. Это было красиво и весело.

Эртс, между тем, продолжал втихомолку «натаскивать» Моринэ. Под руководством Эртса работа ушла далеко вперед.

Однажды сам мистер Эртс надел перчатки и начал учить негра уже настоящему бою.

Моринэ покачал головой.

— Я и так побью кого угодно, масса, без всяких правил.

— Это увидим. А пока, парень, смотри и запоминай как следует удары.

Надев перчатки, Эртс заставлял негра драться с собой. Моринэ был не только удивлен, но и испуган: как он может ударить своего господина?

Однако негр улыбнулся и пустился на военную хитрость. Он позволял Эртсу бить себя, как тому хотелось, но сам же делал только вид, что бьет его.

Эртс сразу заметил это и вышел из себя. Он сердито затопал ногами.

— Негодная собака! Ты начинаешь не слушать меня? И это за мои хорошие отношения к тебе? Хорошо же, чорт возьми!

Моринэ в то время уже кое-как об'яснялся по-английски.

— Я не могу вас бить, масса. Вы такой добрый! Лучше бейте меня!

Эртс неожиданно рассмеялся. Уж слишком искренний и подкупающий тон был у Моринэ.

— **All right!**.. Ты немного глуп, мой милый Моринэ! Ну, хорошо! Я не сержусь на тебя больше, но с одним условием.

— Я все исполню, масса! — радостно воскликнул Моринэ, видя, что Эртс больше не сердится на него.

— Ты должен обещать мне, что ты будешь бить всех тех, кого я тебе прикажу.

Белки негра быстро забегали, и он угрожающе поднял свой кулак.

— О, да! Буду!

— Тогда, Моринэ, мы друзья по-прежнему.

VII

Однажды в сарай, где обычно происходил тренинг Моринэ, вместе с мистером Эртс пришли еще два человека. Один из них был настоящим великаном. Все трое говорили меж собой.

Моринэ, державшийся на почтительном расстоянии от беседующих, слышал, как эти три джентльмена часто произносили его имя, и догадался, что речь идет о нем.

— Попробуем! — громко сказал один из пришедших.
— Слушай, Моринэ! — сказал Эртс. — Прошу тебя, будь другом, поколоти хорошенько вот этого человека. Он должен мне деньги и не хочет их отдавать до тех пор, пока он не признает себя побежденным.

— Хорошо, масса. Я даже могу убить его, если прикажете.

— Нет, нет, Моринэ! Ты должен только поколотить его хорошенько. Но в правильном бою, как я тебя учил.

— Хорошо, масса. Я готов.

— Если ты сумеешь это сделать, то мы будем целый вечер играть вместе на музыкальном ящике.

Принесли «бой»^{*)} и раздали перчатки противникам.

Белый великан угрюмо смерил глазами стройную фигуру Моринэ и процедил:

— Хорош, проклятый!

Эртс скомандовал время, и белый устремился на негра.

В воздухе просвистел страшный удар, который был в состоянии опрокинуть все живое. Великан вложил в удар всю свою силу и, нанеся удар, застыл на выпаде, потом он зарычал от злобы.

Моринэ звериным прыжком ушел от удара и сейчас же ударил сам, заставив боксера припасть на колено. Едва тот поднялся, как Моринэ с такой силой ударил Модеста, — так звали боксера, — что тот упал, раскинувшись навзничь.

Моринэ гордо, как истый победитель, наступил противнику на грудь и издал зловещий боевой клич своего племени. Однако Эртс сердито оттащил его от лежащего великана и закричал:

— Этого нельзя, Моринэ! Этого нельзя! Бой кончен!

^{*)} *Две пары боксерских перчаток*

Теперь ты должен помочь своему противнику подняться. Ты должен помнить о гуманности. Гуманность, Моринэ, это первая вещь, чорт меня передери!

Моринэ стоял разинув рот и, глядя на лежавшего без чувств в луже крови противника, рассеянно слушал белых людей.

Бедный негр был сбит с толку: он не понимал, почему от него требуют милостивого отношения к противнику.

— Простите, масса! — сказал Моринэ. — Я не знал, что не нужно быть злым! Моринэ не будет больше злым и не будет больше бить так сильно белых господ.

— Бить нужно, но не становись ногой на противника, как только тот упадет. Понял?

— Нет! — искренне сознался Моринэ.

Эртс зло сплюнул и сильно выругался.

Наконец, Модеста привели в чувство. Сидя на полу, великан сплюнул кровью и, пожевав губами, потирал рукою разбитую челюсть.

— Посмотрите, будьте добры, мистер Эртс. Кажется, челюсть перебита ко всем чертям этим молодцом! — сказал он.

— Вы правы, Модест! Ваша челюсть перебита как следует и требует долгого ухода. Как вы себя чувствуете?

— Я, как будто, встаю из гроба. Мне кажется, что на меня вдруг обвалилась целая скала в тысячу тонн...

— Чорт возьми! Это дает нам большие надежды!

— Этот негр чистое золото! Вы затратили свои деньги не зря, мистер Эртс! Вы знаете хорошо мой класс и если это говорю я, то...

— Bravo, Моринэ! — воскликнул сияющий Эртс и долго жал пораженному негру руку.

Наконец, с трудом поднялся и Модест и одобрительно похлопал негра по плечу.

— Хорош! Но прошу прощения, джентльмены, я присяду.

— Ну-с, Моринэ! Побей еще второго джентльмена, но не так сильно, как первого, и мы будем музицировать сегодня весь вечер.

— Этот господин тоже вам должен?..

— Сущие пустяки... Но проучить все же немного следует и его.

Моринэ вздохнул и встал в позицию. Эртс дал время. Второй американец, помня страшный урок, данный Модесту на его глазах, осторожно подступал к негру. Моринэ не уходил от ударов. Сам же он, видимо, не решался бить.

— Что ты делаешь! — закричал вновь взбешенный Эртс. — Дерись как следует!

Моринэ с опасением посмотрел на своего тщедушного противника и, боясь «испортить» и его, начал наносить легкие и быстрые удары. Он кружил около американца с быстротой пантеры и с легкостью птицы увертывался от малейших выпадов противника. Кроме школьных ударов, которым Эртс научил его, Моринэ показал массу своих оригинальных.

После круга американец покачал головой.

— Чорт возьми! Это не человек, а пружина! Даже его легкие удары заставляют вас брать себя в руки, чтобы не упасть с ног и продолжать бой.

Эртс довольно улыбнулся.

— Будем продолжать!

— Я думаю бесполезно, — откровенно сознался боксер. — Я не могу причинить ему малейшего урона, но сам чувствую, что у меня ноет все тело от его простых толчков.

Эртс расцвел совершенно.

— Скажи пожалуйста, Моринэ, ты смог бы свалить этого джентльмена одним ударом?

— Да, масса! И еще многих других.

— Хорошо! Докажи же нам это и на сегодня хватит.

Противники стали *en garde*.

Эртс дал время.

Почти следом за временем Эртса, Моринэ прыжком кошки был около Крэвэ и коротким точным ударом опрокинул его наземь.

— Довольно, Моринэ!

— Bravo, Моринэ! Bravo, чорт побери! — кричат в исступлении Эртс и Модест.

— Машина! Настоящая машина! — восторженно говорит Модест, придерживая разбитую челюсть.

— **Yes!** — соглашается бледный Крэвэ.

— К хирургу, мистеру Дод! — говорит Модест и идет с Крэвэ на улицу.

И авто уносит боксеров в бесконечный гул Нью-Йорка.

После ухода боксеров Эртс еще долго ликовал и хлопал негра по плечу.

А Моринэ, прислонясь к стене, размышлял. Его удивляло то, что белые, которых он побил, не только не сердились на него и не выказали никакой вражды, но при прощании подошли к нему и дружески пожали руку.

Моринэ растерянно и долго смотрел вслед уехавшим боксерам.

Что за странные люди эти белые? Неужели у них нет зла?.. Но тогда зачем же они заставляют избивать себя до полусмерти? Ничего не понимает Моринэ и идет с Эртсом к музыкальному ящику. Эртс празднует победу.

VIII

Скоро спортивный мир Нью-Йорка узнал про негра-боксера и заговорил о нем. Вокруг имени Моринэ поднялся газетный бум. Промелькнула заметка о том, что какой-то негр с риском для собственной жизни выхватил ребенка из-под колес мчавшегося автомобиля.

Другая заметка сообщала, что какой-то негр свалил взбесившуюся лошадь ударом кулака и спас седоков и кучера от гибели и, наконец, все узнали, что тот же негр поднял колоссальную чугунную плиту, которую с трудом подняли бы десятки людей, лишь для того, чтобы достать закатившуюся туда мелкую монету плачущего бедняка.

После этих заметок в журналах появился снимок Моринэ. Но особенный шум в газетах поднялся в тот момент, когда был назначен матч Моринэ — Кольберн.

Портреты противников были развешены везде и всюду и предстоящая схватка затмила собой все остальные злобы дня.

До матча оставалось с месяц. За это время прониравшие сторонники Кольберна устроили закрытое пари с Эртсом.

Ход этих джентльменов был прост и ясен: они будут стараться испортить негра до боя с Кольберном. Или в меньшей мере хорошенько присмотрятся к тактике боя негра.

Эртс понял замыслы противника и весело принял предложенное пари.

— Мы смело можем играть в открытую! — сказал сам себе Эртс. — Мы проиграть не можем, ни сейчас, ни после!

В противники Моринэ сторонники Кольберна дали искусного бойца — молодого англичанина Тсодди. Ан-

гличанин был самоуверен и блистал отличной выдержкой. За ним числилось не мало хороших побед и если его и развенчал тот же Кольберн, то это приписывали мелкой случайности: во время боя у Тсодди вдруг свело судорогой ногу. Тогда этим воспользовался Кольберн и дал нок-аут.

Второклассное положение заставляло Тсодди итти на амплуа «щупальцев» классных бойцов или быть их тренером. За хорошую плату приходилось делать и то, и другое. Его собственное имя было испорчено этим дурацким ревматизмом: приступы судорог могли повториться еще раз, и он не находил поэтому охотников ставить за него еще раз.

Тсодди охотно взялся за дело с негром.

Удачный конец поставил бы его имя на хорошее место, и тогда реванш, — он и Кольберн, — неизбежен.

Но это дело будущего.

Сейчас Тсодди стоял *en garde* перед Моринэ и внимательно изучал негра, пока тому завязывали перчатки.

Тсодди был почти одинакового роста и веса с Моринэ. Возможно даже, что негр несколько уступал белому в весе.

— Смотри, Моринэ! — шепнул Эртс, — дай Тсодди поработать круг! Кончи его на втором.

— Хорошо, масса!

И круг начался.

Белый хотел ударить Моринэ в живот, но попал только в пустое пространство. Еще один цвингер с его стороны и результат такой же, как и в первый раз. Англичанин громко выругался, когда почувствовал, что земля ушла из-под его ног и он упал на пол: это Моринэ дал ему резкий короткий «прямой».

Тсодди поднялся и свирепо пошел на Моринэ, лоя его на удар. Но при каждой попытке получал по удару, от которого или летел или сгибался втрое. Ему, наконец, удалось ударить Моринэ в нос, но тотчас же собственный нос Тсодди залил кровью подбородок.

Моринэ бил легко, но так часто, что белый — ошалел. Разбитое и распухшее лицо Тсодди так изменилось, что пришедший к перерыву доктор Хорес с трудом узнал своего друга.

Эртс дал время. Но Тсодди не встал со своего места.

— Прошу прощенья, джентльмены! Но я чувствую, что мы проиграли. В сравнении с негром мои удары удары грудного ребенка.

— Время! Время! — закричали сторонники Кольберна.

— Хорошо, джентльмены! Я честно кончу бой.

И Тсодди пошел на Моринэ.

Тот с печальной улыбкой ударил Тсодди в грудь и англичанин не встал в положенный срок.

Сторонники Кольберна с проклятием покидали зал, а Эртс, сидя за столом, весело гремел деньгами и говорил:

— Спасибо Скаррону и Берлэю! Моринэ озолотит меня за несколько матчей!

И Эртс снова начал считать деньги.

Эти блестящие кружки были в большом почете у белых. Имея эти чудесные амулеты, можно было творить чудеса и чем больше их было в кармане, тем ниже сгибались спины других людей.

Теперь Моринэ понимал кое-что. Его кулак дает деньги Эртсу. И много денег. Он видел их на столе, когда Эртс считал их.

И он, Моринэ, побив Тсодди, давал Эртсу много этих кружков.

Эртс говорит, чем сильнее будет работать его кулак, тем больше будет этих денег.

Моринэ было трудно осилить свою мысль, и он запел тихую песню своей родины.

IX

Накануне боя с Кольберном, Эртс призвал к себе Моринэ и сказал:

— Моринэ! Завтра ты дерешься с Кольберном.

— Это тот самый масса, который нарисован в окнах на бумаге?

— Да. Он самый.

Эртс развернул журнал, и Моринэ долго смотрел на своего будущего противника.

Задача его, Моринэ, была простая и незатейливая: нужно было сокрушить своего противника, и так, чтобы тот долгое время не мог ни сесть, ни лечь, как следует.

Лицо Кольберна ему не особенно понравилось. С фотографии на него глядели надменные, самоуверенные глаза.

Моринэ вздохнул.

— Ты постарайся кончить его сразу, Моринэ.

— Да, масса. Но...

— Что, Моринэ?

— Я не хотел бы драться совсем, масса!

— Это почему? — и Эртс удивленно посмотрел на негра.

Моринэ стоял с опущенной головой и невнятно ответил что-то.

— Ты очень впечатлительный, Моринэ, — сказал Эртс, — ты можешь расстроить все мои планы. У тебя много силы и ловкости. Ты можешь быть непобеди-

мым бойцом. Но у тебя нет этой бойцовской жилки, у тебя нет боксерского сердца, Моринэ!

— Да, масса! — просто ответил Моринэ.

— Посмотрим! Посмотрим еще немного. А пока что, прошу тебя, постарайся кончить Кольберна как можно быстрее. Это даст нам огромные деньги. Встреча с Тсодди оправдала мои расходы на тебя и дала, не скрою, кое-какие проценты. Но это еще не все. Я ожидаю от тебя гораздо большего. Встреча с Кольберном должна состояться во что бы то ни стало!

Х

Вечером того же дня Моринэ и Эртс сидели в театре. Осматривая публику в бинокль, Эртс вдруг толкнул Моринэ.

— Смотри, Моринэ! Вон твой противник!

— Это тот самый джентльмен, что сидит через одну ложу с нами?

— Да, Моринэ! Видишь, с каким любопытством он украдкой рассматривает тебя? Он явно волнуется. Я готов поручиться головой, что у него не все в порядке на душе после твоей встречи с Тсодди!

Моринэ продолжал смотреть на ложу. Рядом с Кольберном сидела прекрасная, белокурая лэди и, оживленно смеясь, что-то говорила Кольберну.

Кольберн плохо слушал ее и смотрел на спокойное лицо негра, на его широкие плечи.

Моринэ, в свою очередь, не мог оторвать глаза с ложи боксера: прекрасная лэди казалась негру неземным существом, спустившимся с высоты Вечных Долин.

Моринэ смотрел на нее, и сердце его громко забилось.

Но кто она? Сестра Кольберна? Его знакомая?

Моринэ даже приподнялся на стуле, рассматривая лэди.

— Что с тобой? — спросил Эртс, видя беспокойство негра.

— Я вижу этого ангела рядом с Кольберном, — сказал Моринэ. — Кто она?

— Это его невеста, мисс Уольтерс. Не правда ли, она красива, Моринэ?

Следующее движение негра показалось Эртсу необычайно комичным.

Моринэ неожиданно с глухим стоном опустился на свое место и закрыл лицо руками.

Эртс пробовал шутить, стараясь успокоить Моринэ, но тот оставался в своей удрученной позе.

Дали занавес. Оркестр заиграл увертюру. Но Моринэ не изменил своей позы, не поднял даже головы.

В антракте Эртс увлек Моринэ в фойе. Там же гулял и Кольберн с невестой.

Эртс и Кольберн раскланялись, как старые друзья.

Мисс Уольтерс с любопытством рассматривала Моринэ.

— Он кажется ручным, этот негр! — с нарочито громким смехом сказала она, и Моринэ улыбнулся ей своей печальной улыбкой.

В фойэ публика устроила боксерам такую бешеную овацию, что они принуждены были потихоньку выбраться из театра и раз'ехаться по домам.

Утром другого дня Моринэ был скучен и вял. Он мало говорил, и то с видимой неохотой.

Эртс озабоченно посмотрел на Моринэ и покачал головой.

— Что с тобой, Моринэ? Ты болен?

— Все в порядке, масса! Не беспокойтесь.

Эртс облегченно вздохнул и отер платком вспотевший лоб.

Моринэ промолчал и, пройдя по комнате раза два, неожиданно спросил:

— А что белые девушки — идут жить в дом черного?

Эртс весело рассмеялся.

— Понимаю, чорт возьми! Теперь мне все ясно. Мисс Уольтерс врезалась тебе в самое сердце! Ха, ха! Вот так штука, Моринэ! Да тебя растерзают судом Линча, если ты вздумаешь предпринять что-либо по отношению к ней. Нет, нет, парень! Я привык к тебе и даже успел полюбить тебя. Я был бы очень огорчен, если бы с тобой случилось что-либо дурное по милости мисс Уольтерс! Выбрось ее из головы!

Моринэ не мог понять.

— Значит я никогда не могу белую девушку сделать своей женой?

Глаза Моринэ сделались грустными.

XI

Специальные поезда были переполнены. Они везли джентльменов на матч Моринэ — Кольберн.

«Страшного» Моринэ ехал смотреть чуть ли не весь Нью-Йорк.

Кино фирмы устроили между собой торги, на которых распределили лучшие места для права зас'емки.

Несмотря на колоссальные цены, билеты были распроданы за несколько недель и котировались на бирже выше других ценных бумаг.

Не было ни одной фирмы, которая не принимала бы билетов на матч в уплату за товар.

В день боя, неудачники высунув языки бегали по всему городу в поисках билетов и не находили их.

За городом был выстроен огромный амфитеатр. Посредине его возвышался ринг.

Публика видела, как бойцов ввели на ринг и представили друг другу.

Моринэ, следуя наставлениям Эртса, дружелюбно подошел к Кольберну и протянул ему руку. Но этот традиционный жест повис в воздухе: Кольберн лишь пожал плечами и пошел на свое место.

Моринэ низко склонил свою голову и пошел на свое место. Вместо злобы и ненависти в сердце черного было только чувство обиды. Пока ему надевали перчатки, он взглянул по сторонам и вдруг широкая улыбка зацвела на лице негра: белая девушка сидела в первых рядах и с беспокойством лорнировала его и Кольберна.

По ее возбужденным нервным движениям Моринэ понял, что она боится за своего жениха.

Раздалась команда: — секунданты — аут — и бойцы остались на ринге одни.

Судья дал время, и Кольберн осторожно, несколько наклонив корпус, приближался к Моринэ.

Моринэ спокойно стоял посреди ринга и с улыбкой наблюдал за прыгающим вокруг его Кольберном.

Круг подходил к концу, а ударов еще не было ни с той, ни с другой стороны.

— Кольберн! Это ринг, а не танц-класс! — крикнула здоровенная глотка доккера Грота.

— Да. Да! — раздались возгласы, — мы пришли на матч, а не на фокс-тrott! Это, наконец, скучно!

Но все же первый круг кончился без одного удара.

В перерыве Моринэ взглянул на мисс Уольтерс. Он ясно увидел страх в ее прекрасных глазах.

— У этих белых сердца зайцев, — прошептал Моринэ и улыбнулся.

Он выработал себе свой собственный план боя.

— Что ты делаешь, Моринэ! — недовольно сказал Эртс. — Неужели ты боишься Кольберна?

— Наоборот, масса! Кольберн уже умирает от страха. Он не подал мне руки и теперь может раскаться.

Эртс махнул рукой и ушел. Он знал, что у негра просыпалось иногда упрямство, которое невозможно было пересилить.

Дали время и начался второй круг.

Кольберн, глухо рыча, с разбега нанес негру страшный удар в челюсть. Моринэ остался стоять все такой же спокойный и улыбающийся.

Публика ахнула и зааплодировала. Негр явно демонстрировал свое превосходство и неуязвимость. При следующем ударе Кольберн мазал воздух, а когда он остановился — Моринэ с тихим смехом сделал небольшой выпад и простым толчком в плечо сбил Кольберна с ног.

Кольберн поднялся и растерянно смотрел на своего железного противника.

Моринэ сделал легкое движение, и Кольберн, вообразив, что Моринэ наносит удар, дал ответный, но так неудачно, что, не встретив никакого сопротивления, полетел на пол.

В публике поднялся гомерический хохот. Некоторые качали головами. Непобедимый и гордый Кольберн был сегодня беспомощным ребенком.

С одним джентльменом, приехавшим из Мексики, сделался удар: джентльмен считал себя разоренным.

Моринэ, видя, что противник упал не от его удара, нагнулся, чтобы помочь Кольберну встать, но тот, взбешенный смехом толпы, сильно ударил Моринэ в нос, так что показалась кровь.

— Первая кровь!

— Подлость и больше ничего!

— Кольберн! Будьте джентльменом!

— Учитесь у негра быть порядочным!

Моринэ, получив нечестный удар, с укоризной поглядел на Кольберна.

Тот с прежней яростью прыгал около Моринэ до тех пор, пока негр дал ему свой излюбленный и страшный по силе короткий «прямой», от которого Кольберн полетел опять. В толпе раздался пронзительный женский крик.

Кончился второй круг.

Моринэ сел и взглянул на мисс Уольтерс.

Она плакала. На прекрасных глазах мисс стояли крупные слезы.

Удар гонга, и Моринэ, гордо выпрямившись, идет на Кольберна, Моринэ видит, что противник избегает его.

«Великий» Кольберн бегал! — Протяжные свистки и шиканье публики не могли остановить его.

Моринэ с презрением посмотрел на своего противника и легким прыжком приблизился к нему. Он загнал Кольберна в угол и страшным полуударом-полутолчком сбил его с ног.

Судья начал считать, а Моринэ отошел на свое место и ждал.

Кольберн быстро вскочил и с храбростью отчаяния бросился на негра.

Новый резкий удар, и Кольберн снова летит с подавленным стоном: хлынувшая струя крови из носа залила его лицо и грудь. Боксер в бешенстве ударил кулаком о пол.

Измученная публика никогда не могла забыть этого круга. Как только Кольберн поднимался, негр простым толчком сбрасывал его на землю вновь.

За четыре круга Кольберн от этих толчков едва не лишился рассудка. В перерыве он лишь бессмысленно смотрел на лица своих друзей и бессвязно отвечал на задаваемые ему вопросы.

Секунданты Кольберна заговорили о «праве губки»^{*)}. Решено было выждать еще один круг и бросить губку. — Кольберн был слишком ничтожен для страшного Моринэ. Это видел каждый из присутствующих.

В начале нового круга Моринэ легким ударом сбил Кольберна с ног и, когда тот медленно поднялся, Моринэ быстро вплотную подошел к Кольберну, и...

Толпа вдруг заревела в тысячу глоток: негр упал.

Многие клялись и уверяли потом, что Кольберн едва ударил его. Другие говорили, что это был даже не удар, а инстинктивное движение боксера для защиты от очередного «толчка» негра:

Это было одно из тех темных и загадочных дел, которые иногда бывают в жизни ринга.

Негр лежал. Поднявшийся Кольберн был сбит с толку и, ничего не понимая, озирался по сторонам.

Под рев толпы Моринэ с застывшей улыбкой лежал секунды три на боку. На пятой секунде негр повернулся на спину и посмотрел на Кольберна таким презрительным взглядом, что тот опустил глаза и тихо сказал:

— Вставайте, чорт возьми, или я ударю вас лежащего!

Негр улыбнулся снова и оставался все в том же положении.

— Девять!.. Десять! — и аут! — отчеканил судья.

^{*)} Когда секунданты боксера убеждаются в непригодности своего бойца, или в слишком большом преимуществе противника — они бросают на ринг губку и снимают с боя своего боксера, признавая его поражение сами.

Тогда Моринэ с необычайной легкостью встал.

— Обман! Обман! — завопили яростные голоса и на ринг полетели камни и стулья.

Взбешенный Кольберн уже без перчаток подошел к Моринэ и дал ему пощечину.

Моринэ схватил его за руки, так что у Кольберна затрещали кости и, поставив его, как ребенка на колени, громко, чтобы слышали все, сказал:

— Мистер Кольберн, вы победили! Этого для вас достаточно! Я бы мог убить вас одним ударом. Но я оставляю вашу жизнь для мисс Уольтерс, которую я люблю. Ее счастье — мое счастье.

Кольберн бледный спустился с ринга. Его карьера была кончена. «Великий» Кольберн был развенчан, и ринг уж никогда не видел его больше.

Усиленный наряд полисменов с трудом сдерживал ярость толпы. Пришлось пустить в ход дубины. Пожарная команда открыла воду. Сильный напор воды освежил горячие головы.

Моринэ быстро вышел из своей уборной. Держась стороной, он искал глазами мисс Уольтерс. После пережитых минут ему хотелось взглянуть на свое божество еще раз. Один лишь взгляд, и все будет хорошо.

И вот Моринэ видит мисс Уольтерс, она идет под руку с Кольберном. Боксера сопровождают его друзья. Сам Кольберн мрачен, как осенняя туча.

Мисс Уольтерс пробует заговорить с ним, шутит, но видит растерянный и смущенный взор и скоро смолкает. Она и вся компания садятся в трамвай.

В несколько прыжков Моринэ был около компании, и, готовясь войти в трамвай, занес ногу на ступеньку.

— Нельзя! Вагон для белых! Для черных идет следующий вагон! — остановил его сердитый голос кондуктора.

Смущенный Моринэ все еще стоит на подножке и не знает как быть?

— Слезь — черная обезьяна! Это относится к тебе! — злобно говорит мисс Уольтерс, приближая зонт к лицу негра.

Моринэ порывисто схватил зонт, не сознавая своего желания, и тут же выпустил его из рук и тихо отошел от трамвая...

ЛЕВ НИКУЛИН

ДОЛГ

(Патент 78925)

Фантастический рассказ

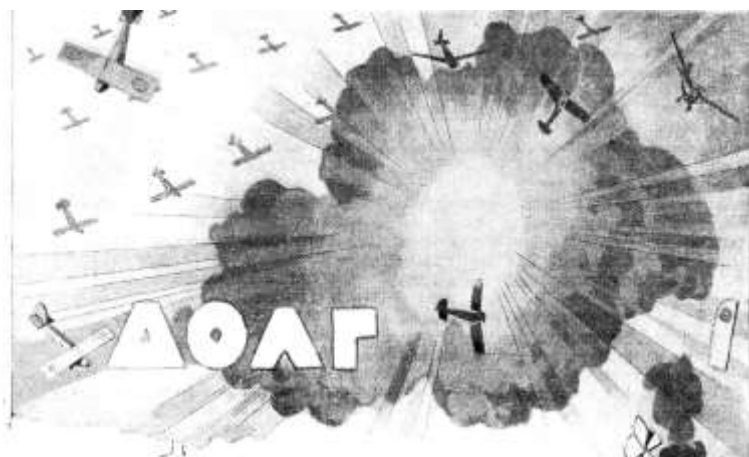
Иллюстрации И. Владимирова

Лев Никулин

ДОЛГ (Патент 78925)

Первые публикации: газета «На смену» (Екатеринбург), 1923 г, август-сентябрь (под названием «Патент 78925»); «Красная нива», 1923, № 25, с. 7, 10-11 (под названием «Патент 78925»). Публикация — «Заря Востока», 1927, 17,18 июля.

Печатается по журнальной публикации: журнал «Вокруг света (Л)», № 21, 1928 г.

Рассказ Л. НИКУЛИНА.

Рисунки Н. КОЧЕРГИНА.

«Добрый путь».

Седой, тяжело контуженный человек подошел вплотную к юноше и сказал:

— Напрасно вы уезжаете, Ганс...

Юноша пожал плечами. Левая бровь юноши слегка обожжена взрывом, потому кажется, что он насмешливо щурится.

— Напрасно вы уезжаете, — повторил старик.

— Это мой долг, — сказал юноша. — Я должен вернуться на родину.

— Ваш долг быть здесь, рядом со мной, в моей лаборатории. Вы принадлежите науке.

— Я никому не принадлежу. Но у меня есть долг. Если хотите, я в долгу у человечества.

— Но знания дал вам я. Слушайте, Ганс.

Старик болезненно морщился и нехотя подбирал слова.

— Вы знаете, что я не с вами. У меня есть свои счета с революцией. Правда. я нейтрален, я работаю. Я даю государству ровно столько, сколько дает средний, недалекий ученый. А вы знаете, или вернее вы догадываетесь, что я могу дать республике?

— Да, — сказал юноша, — я знаю.

— Когда вас прислали ко мне, я дурно думал о вас. Я думал, что вы приставлены ко мне, чтобы выведать тайну. Но вы внимательный и замечательно способный ученик. Я, Андрей Осташко, говорю вам: вы помогли мне во многом. Вы в долгу у вашей партии, а я в долгу у вас.

— Я начинаю понимать.

— Все предварительные работы сделали вы. Но вы не знаете выводов. Напрасно вы уезжаете.

— Я понимаю, — сказал Ганс. — Что же делать. Я еду на родину. Это мой долг. Вы сами сделаете выводы. В сущности, это ваша идея. Я был простым исполнителем.

— Но без вас, без вашего упорства и способностей я не довел бы дело до конца.

— До свидания. Впрочем... на всякий случай... прощайте, — сказал Ганс.

— Добрый путь. Я у вас в долгу.

— Прощайте, учитель.

Совершенные пустяки.

— Регистрируйте... 78922 — механический счетчик для пивных кружек.

— 78923 — эластичный бинт для бюста, 78924 — механические ножницы для проволоки, 78925 — усилитель беспроводного телефона для аэропланов...

— Кажется, отказано...

— Нет. Старый идиот уговорил. Патент выдан.

— Тсс... Он слышит!..

— А хоть бы и слышал! Если бы вы знали, как надоел этот идиот! Дальше...

Идиот, действительно, слышал. Он подходил к канцелярским столам, дергаясь, мучительно кривя губы, стараясь выдавить из цепенеющих губ слова. Правое плечо, локоть и правая сторона лица не повиновались — тяжелая контузия.

— Инженер Осташко?

Рот старика расползся и перекосялся влево.

— Дда... Я...

— Усилитель беспроводного телефона для аэрона. Усовершенствование прибора Кребса. Патент № 78925. Распишитесь.

Контуженный взял правой рукой перо, с трудом переложил в левую и написал в книге: Осташко. Взял из рук регистратора патент и пошел, шаря по полу правой, неsgiбающей ногой, не то улыбаясь, не то держаась в обычных судорогах. Регистратор посмотрел на сгорбленную спину, промакнул подпись, для порядка прочел вслух «патент № 78925 — усилитель беспроволочного телефона...», захлопнул книгу.

Совершенные пустяки...

От восемнадцати до сорока восьми.

В бывшем лейб-гвардейском манеже было удивительно тихо. Восемь тысяч человек умели молчать. На крыше автомобиля, въехавшего в манеж через боковые ворота, стоял человек в непромокаемом пальто и говорил, разделяя слово от слова так, чтобы слышали восемь тысяч делегатов и двадцать тысяч у тридцати дверей манежа.

— Трехцветное правительство требует разоружения. Трехцветные министры дали вам двухдневный срок для того, чтобы вы взяли вашими черными от копти руками нас и выдали им, чтобы вы признали выгнанных вами капиталистов и министров, чтобы вы разорвали наш братский договор с союзом рабочих республик. Вы это сделаете?

Восемь тысяч человек в манеже и двадцать тысяч у дверей сказали:

— Нет...

От этого как бы заколебались стены манежа и дома на площади.

— Вы хотите войны? Войны не на жизнь, а на смерть, голода, разрушения, болезней? Подумайте. Вы можете купить мир. Вернется прошлое. Прошлая

жизнь. Жизнь. Вы будете жить! Или вы хотите войны и смерти?

Двадцать восемь тысяч человек ответили:

— Да.

Опять заколебались стены. Человек на крыше автомобиля задумался.

— Хорошо. Я передам вашу волю. Да здравствует рабочая республика.

— Да здрав-ству-ет..

От этих четырех слогов, как бы вихрем вынесло машину с красным флажком на площадь, и среди черной раздвигающейся толпы, в водовороте криков, восклицаний и приветствий она вылетела на ровную аллею домов главной улицы.

Человек в непромокаемом пальто смотрел по сторонам на свежую зелень бульваров, на разорванные в клочья золотые облака над радиотелеграфными башнями, на стрекочущие в небе аэропланы. Потом он повернулся к седому бритому человеку в зеленоватой форме:

— Что будет через неделю?

Тот не слышал этого вопроса или не хотел слышать. Он видел только стрекочущие черточки машин высоко над городом.

На рассвете женщины клеили на влажные от росы стены многоэтажных домов четырехугольные листки бумаги. Первыми их прочитали ночные смены рабочих, те, кто выходили из обнесенных кирпичной оградой корпусов.

***От командующего войсками рабочей республики.
Все граждане от восемнадцати до сорока восьми
лет призываются в армию. Мобилизационные
пункты...***

То, что было напечатано ниже, трудно разобрать. Сотни голов тесно прижались к стене. Виден был только верх объявлений.

Это, конечно, бред.

Водокачка. Брошенная железнодорожная водокачка на холмах в предместье. Ее полуразрушило огнем бронепоезда прошлой осенью, когда из замкового парка выбивали белую гвардию. Дачи тоже разрушило. Но флигель виллы, которая принадлежала Осташко, сохранился. Теперь там жили двое. Контуженный человек — инженер Осташко и Лиза.

Лиза — это его дочь. Ему пятьдесят семь лет. Он изуродован контузией в прошлую осень. Говорят, — он помешанный. Но он работает. У него лаборатория. У него ученики.

Теперь утро. Он стоит в комнате дочери и смотрит на солнечный луч в золотых волосах на подушке. Курит и смотрит, пока спящая не открывает удивленные глаза, два раза приподнимает и опускает ресницы.

— Ты опять не спал?

Губы дергаются. Инженер Осташко шевелится.

— Последнюю ночь. Я собрал... собрал все части приборов...

Лиза молчит. Подымает над головой мягкие, чуть смуглые руки.

— О войне... Ты, как. Архимед, будешь сидеть над мирными, тихими машинами, а вокруг будет смерть и пламя.

— Мирными машинами? — Осташко смеялся, захлебываясь, будто плакал.

— Это очень хорошо, когда можешь работать. Я бы хотела много работать и не думать...

— О чем, например?

Девушка сидела на постели. Солнце сквозь батист светилося на теплом и нежном теле.

— Я тебя не понимаю, отец.

Он обхватил голову руками, как делал всегда, когда хотел говорить спокойно, не прерывая речи мучительными судорогами лица.

— Я хочу бросить на город смерть и пламя. На город, на страну и на ту страну, которая с ними в союзе. Союз республик, союз рабочих республик. Вы думаете, что я, инженер Осташко, простил вам свое изуродованное тело, свой разоренный кров? Я помогу вашим врагам, когда они придут. Они придут по воздуху, и я помогу им раздавить вас, испепелить, уничтожить...

Судороги осилили его. Он отнял руки от лица и бесильно присел в кресло.

— Что ты говоришь, отец?

Судорожно сведенные плечи вздрагивали.

— Что ты говоришь, отец?... Ты бредишь?...

Инженер Осташко встал. Рука его путалась в ее золотистых волосах, лицо успокоилось. С нежностью, удивительной в этом истерзанном теле:

— Это... конечно, бред.

Начальник двадцать четвертого.

В замковом парке, где год назад гранатами разрушило голландский павильон, — двое. Когда луна пропадает в мохнатых белых облаках — целуются. Шепчутся. Но это не похоже на любовные речи.

— Вам поможет союз?

— Да. Сильные машины перелетят через нейтральную зону.

— Тысячу пятьсот километров без спуска? Он сказал, что союз может вам помочь, если эскадрильи получают право спуска в нейтральной стране.

— Они возьмут силой это право.

— Но вы примете первый удар.

— Мы выдержим.

— Враги бросят на страну тысячу лучших машин. Что вы можете сделать?

— Нас меньше — это правда...

— Вы погибнете?...

— Ты плачешь...

Он поцеловал девушку. Луна не успела спрятаться в тучи. На кожаной фуражке блестело серебряное вышитое крыло. Смотрели вниз, за реку, где светилось дрожащее электрическое зарево.

— Аэродром. Наши летают днем и ночью. Молодые лихорадочно учатся. Может быть, завтра...

Они пошли по высокому пустынному берегу. На низком берегу набережной светился пунктир газовых фонарей. Лиза долго молчала. Пока он не наклонился над прядями волос на лбу. Крепкая, упрямая морщина шла от переносицы вверх, над бровью...

— Надо подумать.

Необыкновенные происшествия в замковом парке.

Незадолго до событий, которые теперь захватили город и всю страну, к начальнику розыскного отдела пришел маленький, юркий человечек, назвал себя Николоасом Христо. Ему принадлежал небольшой гараж «Минерва» в южном предместье.

— Я не отниму у вас много времени, — сказал Николай Христо, — хотя история, которая произошла со мной сегодня, стоит хорошей и длинной беседы. За бутылкой ароматного греческого коньяка мы бы могли...

— Попробуйте так... без коньяку... — остановил Христо начальник, настойчиво придвигая стул.

— Хорошо, — сказал Христо, — хотя, в сущности, следовало бы не придавать официального характера такому пустяку... В сущности говоря... Ну, ладно. Я буду говорить только о фактах. Должен сказать, что я кое-что смыслю и в вашем деле. Я читал Конан-Дойля и записки Шарля Люсьет. Я вижу многое, чего не видят другие. Но это, впрочем, не важно. Факты. Итак... Итак, в прошлое воскресенье я поместил в «Вечернем Молоте» объявление... Оно у меня с собой.

И он положил на стол начальнику розыска вырезку из газеты:

ПРОДАЕТСЯ ВПОЛНЕ ИСПРАВНЫЙ ПЯТИ-
ТОННЫЙ ГРУЗОВИК «МЕРСЕДЕС».
ГАРАЖ «МИНЕРВА»

— На следующий день ко мне пришло два или три человека. Мы почти сошлись с молочной фермой «Здоровье», но в час дня мне позвонил человек, назвавший себя Кукс. Не слишком. Неважное имечко, не правда ли? Словом, Евгений Кукс. «Грузовик на ходу?» — «Разумеется» — «В таком случае, в четверть пятого я буду ждать грузовик на старой замковой дороге у южных ворот». Следовало его пригласить в гараж, не правда ли?... Но он даже не поинтересовался суммой, и

вообще говорил очень убедительно. Словом, чорт знает почему, я сказал Яну — эстонцу шофферу, и он в четверть пятого отправляется на старую замковую дорогу. У южных ворот он остановил машину, и в тридцати шагах видит субъекта, который возится с длинным проводом. Субъект делает ему знак. Ян вылезает из машины и идет к нему. Он делает пятнадцать, двадцать шагов по направлению к этому человеку, и вдруг... Молния, гром, удар, и Ян валится на землю. Взрыв, и в одну секунду от пятитонной исправной машины на ходу, от грузовика «Мерседес» — яичница, и хорошо, что не с ветчиной. Ян раскрывает рот, глядит на обломки машины, затем поворачивается к таинственному субъекту и опять раскрывает рот. Субъект провалился сквозь землю. Точно его и не было. Честное слово, не будь это Ян, а другой парень, я бы не поверил ни одному слову. Но Ян — это гранит, кремьнь, железо... Что вы скажете, начальник?...

— Пока ничего..

— И вы правы. Слушайте дальше. В шесть часов вечера я возвращаюсь из парка. В четверть седьмого звонок. Знакомый голос. Опять Евгений Кукс. Совершенно точно передаю его слова. «Завтра вы получите — четыре тысячи. Ваша старая рухлядь стоила не более трех, и советую вам держать язык за зубами». Вот и все. На месте Николая Христо, другой взял бы четыре тысячи и плюнул бы на это дело. Но я вижу многое, чего не видят другие. Я читал Конан-Дойля. Я кое-что смыслю в вашем деле.. И вот...

— Хорошо, — сказал начальник, — Сейчас девять часов. Позвоните мне завтра в восемь утра и приезжайте сюда. Это все. До свидания.

Маленький юркий человек раскрыл рот. Но начальник розыскного отдела взялся за газету и исчез

за газетным листом. Николай Христо закрыл рот, пожал плечами и вышел.

Ночь была душная и тревожная. Ветер из-за реки принес сухую, тяжелую, скорее похожую на песок, пыль. Толпы стояли перед световыми экранами газет. Жемчужно-серебряным отливом сияли световые экраны, и густой черной тенью ложились на них слова: «Пока без перемен».

В восемь утра начальник розыскного отдела сказал секретарю:

— Приготовьте мотоцикл и позовите Николая Христо.

— Мотоцикл — внизу, — сказал секретарь, — а Николай Христо...

— Что?..

— Несчастный случай. Впрочем, скорее смешной, чем несчастный. У него взорвалась в руках зажигалка. Слегка опалено лицо и руки. Но с ним нервное потрясение.

Начальник розыскного отдела молчал несколько мгновений. Затем он спустился вниз и уехал на мотоцикле по направлению к замковому парку. Он оставил мотоцикл у южных ворот и медленно пошел вдоль ограды парка.

Трудно сказать, о чем думал начальник розыска. Но, может быть, он думал о том, что происходило здесь, у этой ограды, год назад. Пули белой гвардии и пули красных оставили глубокие следы в мягком известняке замковой ограды. А может быть, он думал совсем о другом. Во всяком случае он довольно внимательно посмотрел на красный верх водокачки на холме над оградой парка. Оглушительный взрыв заставил его вздрогнуть и взглянуть вниз.

На дороге лежал опрокинутый взрывом его мото-

цикл. Черное облачко дыма медленно расплывалось в воздухе.

Трудно сказать, что предпринял бы начальник розыскного отдела. В этот же день события развернулись с такой быстротой, что заставили всех забыть о странных происшествиях в замковом парке, о взрыве грузовика Николая Христо и взрыве мотоцикла начальника розыскного отдела.

Разговор в семь утра.

В темной разрушенной водокачке-лаборатории внизу на походной кровати спал Осташко. Вверх вела одна узкая дверь, и кровать стояла так, что загораживала вход наверх. Вокруг кровати деревянные ящики, стружки. Отсюда четыре монтера вынимали сложные блестящие никелированные приборы, части машин, которые сделали по чертежам Осташко в городе и за границей. Но со вчерашнего дня он отпустил монтеров, и оставался один, на холме в водокачке.

Он услышал шаги, и минуту настороженно сидел на постели:

— Кто?.. Ты, Лиза?

Осташко угадывал шаги.

Девушка вошла и в темноте пошла на голос...

— П-п... почему так рано?

— Я хочу с тобой говорить.

Удивился. О чем может говорить ребенок восемнадцати лет?

— Будет война?..

— Будет, — старик торопился ответить.

— Ты на стороне тех?..

Он задрожал. Милая девушка-ребенок. Какой смешной вопрос.

У него отняли все. Его заставили служить. Над ним смеялись.

— Ты сказал, что сможешь тем раздавить наш город, страну и союз.

— Я сказал...

— Ты это можешь?

Хитро захихикал...

— Я могу.

— Ты можешь?.. Отец, но ты можешь и помочь... Если захочешь.

Он задрожал. Пальцы царапали одеяло... Он их спасет. Недурно. Он прятал от них свою идею. Патент 78925... Совершенно пустяки. «Ничтожное усовершенствование Кребса». Как он великолепно спрятал от них секрет. Теперь он отдаст его даром трехцветным. Даром! Пусть они уничтожат союз рабочих республик. Его руками они раздавят союз.

Он прижал ее голову к маленькому узкому окошку. Внизу — стальная полоса, реки. За рекой — город.

Ненасытная месть.

Ей стало страшно. Из плесени и сырости, из каменного свода на воздух, в зелень. Пробежала по шуршащему гравию во флигель и упала на подушки. Неприятное, прохладное полотно, мягкие подушки. Слезы, усталость и сон. Сон до вечера.

Вечером проснулась. Отец стоял у окна и, не отрываясь, смотрел в цейс.

— Что там?..

Вскочила, взяла из дрожащих рук бинокль.

— Что там?..

В круглых стеклах близко мелькнули огоньки линии фонарей, электрическое зарево над аэропланом. И над ратушей огромный световой плакат:

**МОБИЛИЗАЦИЯ. РАЗРЫВ С ТРЕХЦВЕТНЫМ
ПРАВИТЕЛЬСТВОМ. ВОЙНА ОБЪЯВЛЕНА.**

Осташко засмеялся, захлебываясь и содрогаюсь.

Скорпион в щели.

Толстый канат электрических проводов, как змея, полз в слуховое окно башни. Там, во втором этаже, пока спали вычищенные, как зеркало, моторы, точные приборы в зеркальных стеклянных ящиках, паутина медных цветных проводов, и все это, переплетаясь, соединяясь спиралями, уходило вверх на крышу башни в тонкую мачту, которая когда-то была флагом. Осташко неохотно пустил дочь. Привел ее за руку к окну мимо проволок и спиралей, и остановился мигающими глазами на белых чулках и туфельках возле металлической дощечки над скрещенными проводами «смертельно — токи высокого напряжения».

Но Лиза знала, что он видит ее лицо и следит за ним.

— Что ты делаешь?

— Я жду.

Левая рука Осташко гладила черную каучуковую ручку грибора. Наклонившись над рукояткой, теперь он видел только деления внутри круга и рубильник на мраморной доске.

— Правда ли, что ты можешь остановить врагов?

— Ты... хочешь сказать... друзей.

— Ты можешь спасти город? Ты можешь остановить врагов?

— Я могу. На земле, на воде и в воздухе. Я могу.

— И ты этого не сделаешь?

Оставил рукоятку, левой рукой схватил ее за руку и осторожно и настойчиво повел ее к двери. Но у самых дверей с нежностью провел по ее волосам.

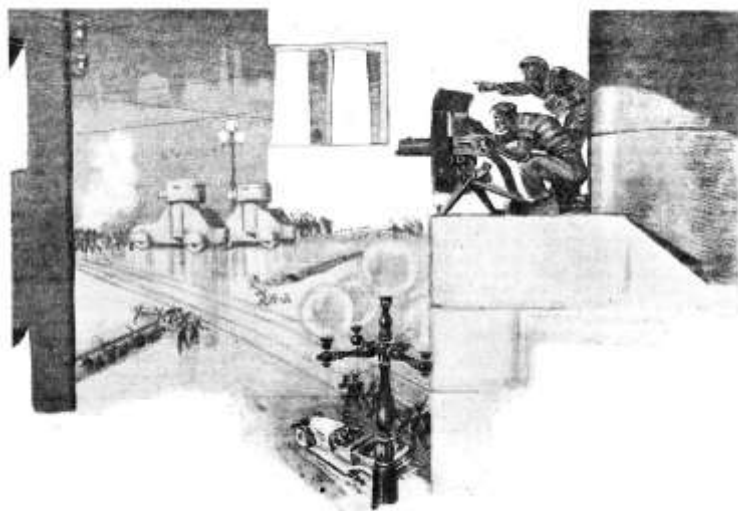
— Иди... Дети не должны... Не должны... Иди.

Щелкнул замок внутри. Она бросилась к глухой узкой двери, царапая себе руки, тянула к себе.

Но он не слышал. Он стоял в узком окне желтый в своей вытертой замшевой куртке и смотрел на город за рекой. Правая сведенная рука занесена кверху, рука со скрюченными пальцами, как вопросительный знак, как напоенный ядом крючок хвоста скорпиона.

Телефон, радио, прямой провод.

Белокурый юноша в авиационном шлеме сел на велосипед у незаметного дома на «улице второго сентября» и поехал по асфальтовому тротуару мимо старух и стариков, шептавшихся у подъездов. Он проехал мимо вырытого зигзагом окопа у оперного театра, мимо броневой башни, поставленной в начале улицы Бабефа. Рабочий патруль остановил его у ратуши, и там он пошел пешком, поддерживая велосипед, пробираясь мимо клубков колючей проволоки. За цветочными клумбами, прятавшими пулеметное гнездо, его снова остановили, но пропустили, внимательно прочитав пропуск — красную книжечку с золотым крылом на обложке. Перебраться через улицу нелегко. Рабочая дивизия вытянулась колонной от памятника Союзу почти до вокзала. Они проходили мимо балкона ратуши, перекликаясь с высоким седым человеком на балконе. Женщины стояли на тротуаре или шли с рядами, провожая до железнодорожных путей, где стояли пустые составы для дивизии. Но юноша пересек улицу и поехал вниз под гору, тормозя там, где вырос-

тал горбатый гребень баррикады за проволокой. Затем он выбрался на шоссе, гладкое, укатанное, с тополями вдоль трамвайного пути. Его обгоняли трамваи, обвешанные вооруженными людьми, грузовые автомобили с пулеметами, направленные в разные стороны. И так он ехал, пока слева внизу не раскрылось зеленое поле и желтые кубики ангаров по краю. По полю, как пешки на шахматной доске, длинным рядом стояли выстроенные аэропланы. Юноша съехал вниз по укатанному спуску и прыгнул с велосипеда. Четыре руки протянулись к нему. Он показал книжечку и прошел в ворота.

Начальник двадцать четвертого лежал на траве и рассеянно посмотрел на юношу, наклонившегося над ним.

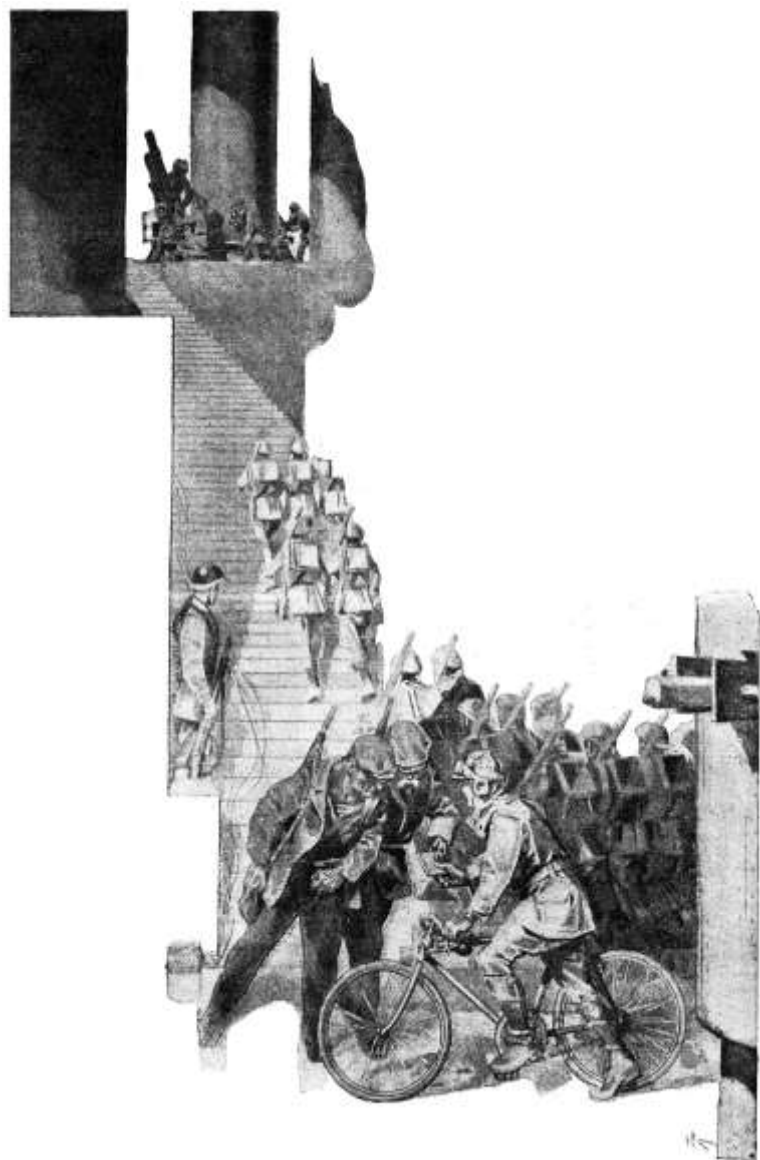
— Ты не узнаешь?

— Вы?.. Ты!... — протянул руку.

Лиза села на траву рядом с ним.

— Без перемен?

— Да. Если не считать донесений с границы. Начались стычки.

— А Союз Республик?
— Ведет переговоры с нейтральными. Впрочем, надежды нет.
— До нашей границы сорок минут, — двести километров. У трехцветных тысяча — против двухсот наших. Все ясно. Союз запоздает.
— А если бы подоспел союз...
— О, тогда... Тогда силы почти равны, но надежды нет..
— Вы ждете?.. — Оба посмотрели за реку.
— Да. Каждую минуту.
Двадцать четвертый читает узкую бумажную ленточку:

ДЕСЯТЬ ЧАСОВ ПЯТЬДЕСЯТ ОДНА.

«Районе предгория тридцать тире тридцать пять эскадрилий перелетели границу точка, наши пограничные посты разрушены».

У радиоприемника.

Лаборатория инженера Осташко. Водокачка на высоком берегу реки. У радиоприемника согнулся Андрей Осташко. Он поворачивает рукоятку и ловит обрывки слов. Обрывки приказов, воззваний и сводок. И в каждой фразе слово «война».

Первые донесения. Первые сводки трехцветных:

Обстрел красных пограничных постов.

Успехи трехцветных.

Вторжение в рабочую республику.

Старик усмехается. Он смеется, он потирает руки. Это расплата. Бледные, точно сведенные судорогой пальцы поворачивают рукоятку приемника. И вдруг

ясный, хриплый голос из рупора, слова на чужом языке:

— Алло! Слушайте девятый отдел штаба Трехцветных. Мы захватили агента красных... Слушайте...

Старик с досадой откидывается в кресло. Не то. Еще сводок. Еще новостей с фронта. Но хриплый, густой голос из рупора наполняет лабораторию.

— ..агента красных. Он работал на военном авиазаводе. Он разлагал наши войска. Слушайте приметы. Рост высокий. Волосы русые. Серые глаза. Левая бровь как бы обожжена взрывом. Слушайте...

Теперь старик слушает, не пропуская ни слова.

— ... постановление военно-полевого суда. Незвестного, назвавшего себя Гансом Роген, предать смертной казни. Не в пример обыкновенным преступникам Ганс Роген будет убит, умрет медленной смертью. Через тело осужденного будут пропущены постепенно усиливающиеся токи высокого напряжения. Алло! Слушайте, даем центральную тюрьму, даем зал, где приведут приговор в исполнение...

Шум и хрипение, и другой голос в рупоре:

— Алло! Центральная тюрьма. Сейчас вы услышите приговор.

— Ганс! — восклицает старик. — Ганс Роген!..

Он сжимает пальцами уши, и несколько минут сидит неподвижный и страшный, как гном. Но стон, слабый, длительный стон летит из рупора, и старик отбегает в сторону, и в испуге глядит в металлический зев.

— Ганс, — шепчет старик, — Ганс!.. Подлецы! Они убивают гения.

Стон длительнее и протяжнее, но его покрывает низкий и глухой голос палача:

— Включаем ток более высокого напряжения, — Мгновение тишины, короткий вопль и явственный

прерывающийся голос:

— У-чи-тель, — выговаривает рупор. — По-мо-гите.

В искупе глядит в металлический зев

Может быть, это галлюцинация, бредовое видение встает перед глазами старика. Но в черном зеве рупора он видит белый, ослепительно сияющий зал, и палачей в халатах, и толстые, похожие на спутавшихся в клубок змей, провода, соединенные со шлемом. Он видит голову под шлемом, лоб юноши, покрытый каплями предсмертного пота. Он слышит, ясно слышит его слова:

— Учитель... Помните долг... Учитель, — вы слышите меня...

Звонкий надорванный стон в рупор, и тишина.

ОДИННАДЦАТЬ ЧАСОВ ТРИ МИНУТЫ.

«Происходит непостижимое явление точка вторая группа трехцветных эскадрилий от неизвестных причин терпит крушение моторы перестают работать бензин взрывается аппараты падают охваченные пламенем районе устья упало до шестидесяти аппаратов точка».

Двадцать четвертый — начальнику эскадрильи:

— Не посылайте наших аппаратов в воздух. Проверьте телефоном сообщение.

— Двадцать четвертый! Телефон подтверждает. Четыре наблюдательных пункта подтверждают гибель второй группы трехцветных. Первая группа миновала Узловую. Вокзал разрушен.

— Первая группа над Узловой — вы слышите?

— Ни один не перелетит реку. Ясно.

Потом вспомнили многие — утро, высокий берег реки и несчетные рокочущие черточки на небе. Они летели ровным строем, как на прогулку. И тогда, на глазах сотен тысяч людей, напряженно глядевших в синеву, на высоте двух тысяч метров, как ряд серных

спичек, треща, вспыхнула первая линия самолетов. Вспышка и черный дым, и сначала медленное, потом ускоряющееся падение дымящегося факела. Эскадрильи смешались. Некоторые делали петли, другие поворачивали с риском столкнуться с соседними самолетами, и все-таки загорались группами, стаями, как бы под чудовищным фокусом увеличительного стекла, поставленного между ними и солнцем. Десятками падали на высокий берег реки и догорали, треща в облаках копоти. От взрывающихся моторов и бомб грохотала чудовищная канонада, но ни одна пушка, ни одно ружье еще не выстрелило в городе. Как трубы астрономов, недоуменно и безобидно ворочались зенитные орудия на крыше ратуши, а между тем, в небо уже удалялись отдельные разрозненные точки истребителей и метались последние тяжелые большие бомбовозы, уцелевшие от разгрома, и слишком тяжелые, чтобы скрыться.

Эпилог.

— Вы думаете, что это случайность?

— Возможно. Он включил свой прибор в то время, когда последние самолеты уходили на запад.

— И один из них взорвал его самого?..

— Да. А может быть, это не случайность.

— Во всяком случае, пока мы не знаем. Пока мы ничего не знаем...

— Стоит подумать и докопаться... Ах, старая каналья! Ну что бы ему стоило еще пожить? Какое открытие.

— Тсс... тише.

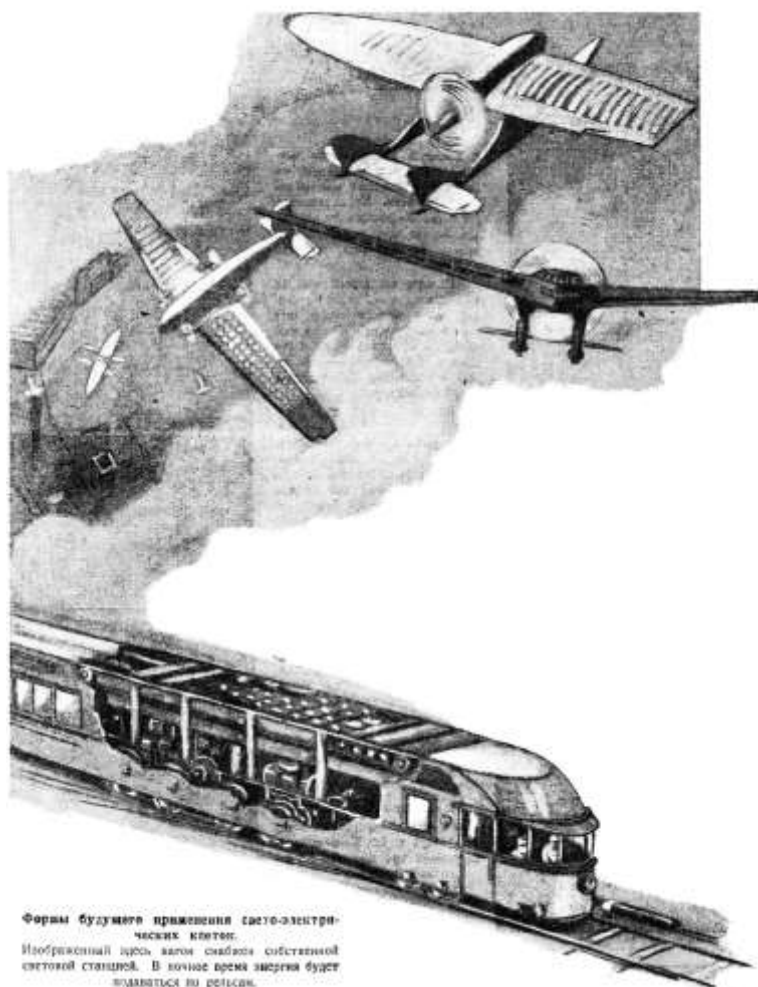
И тот, кто сказал «тише», указал на стоящих у обугленных развалин. Высокий поддерживал девушку.

Ветер развевал дым. Из дыма вставал низкий берег
ки и город, звенящий тысячами оркестров, десятка-
тысяч голосов, песен и восклицаний на площади
отив ратуши, где во всю стену свисал огромный
акат:

Гибель воздушного флота трехцветных!
Мирные предложения трехцветных Совету!
Да здравствует союз рабочих республик!

圖 3-2-1 在圖 3-2-2 中， α 爲電壓放大率， β 爲電流放大率， β 與 α 的關係如下：

С ЭТИМ НОМЕРОМ
ПОДПИСЧИКАМ ВЫСЫЛАЕТСЯ ПРИЛОЖЕНИЕ:
Б. БЕЛЬТЕНЕВ
УМЕЛОЮ РУКОЙ

Формы будущего применения фото-электрических клеток.

Изображенный здесь вагон снабжен собственной световой станцией. В ночное время энергия будет подаваться по рельсам.

Л. ВОРОНЦОВ

ВЗРЫВ НА ПУСТОМ МЕСТЕ

Фантастический рассказ

Рисунки Х. Ерганжиева

Л. Воронцов

ВЗРЫВ НА ПУСТОМ МЕСТЕ

Опубликовано в журнале «Знание – сила», № 8-9,
1938 г.

Рассказ на сайте советская-фантастика.рф Вельчин-
ского отмечен как фантастический.

День 2 августа 19.. года выдался жаркий и безоблачный. По направлению к одному из мюнхенских аэродромов широким потоком двигались пешеходы и автомобили. Немецкие фашисты праздновали очередную годовщину мировой войны. С целью поднять военный дух у населения в Мюнхене должна была состояться грандиозная боевая демонстрация германского авиационного оружия.

На аэродроме воздвигали большой макет завода — мишень для бомбардировки. Газеты и радио вот уже несколько дней широко оповещали об участии в празднике лучших немецких пилотов. Чаше других упоминалась фамилия летчика-наблюдателя майора Эриха фон-Фальгагена, ближайшего родственника самого министра авиации. Этому летчику фашисты создали широчайшую популярность. Его славили повсюду как выдающегося героя испанской кампании и лучшего представителя немецких пилотов. И он сам часто выступал на различных собраниях, увлекая доверчивых слушателей бесчисленными историями о своих боевых подвигах.

Злые языки утверждали, что Эрнх фон-Фальгаген лгал с феноменальной ловкостью, что он хотя и был в Испанин и принимал активное участие в разрушении Мадрида, Герники и других городов, но почти ни разу

не участвовал в воздушных боях с республиканскими истребителями. Больше того: говорили, что как только республиканцы организовывали противовоздушную оборону того или иного города, так Эриха фон-Фальгагена сейчас же перебрасывали на другие, более спокойные участки фронта, где он продолжал храбро сражаться с беззащитным населением. Этим, собственно говоря, и объясняли то, что Эрих фон-Фальгаген вернулся из Испании без единой контузии.

Все эти слухи, понятно, передавались шепотом, и то лишь в узком кругу. Широкие массы обывателей и рядовых членов фашистской партии о них ничего не знали. Многие, наслушавшись умопомрачительных рассказов об изумительной храбрости и меткости Эриха фон-Фальгагена, с нетерпением ожидали предстоя-

щее зрелище, в котором популярный летчик должен был продемонстрировать свое поразительное искусство.

Роскошный автомобиль Эриха фон Фальгагена, затертый в густом потоке автомобилей и автобусов, медленно продвигался к аэродрому. У прославленного летчика оказалось достаточно времени, чтобы еще раз продумать предстоящую операцию.

Собственно говоря, задача не выходит за рамки обыденного полигонного учения. На двухместном бомбардировщике нужно поразить мишень с высоты 800 метров. Высота небольшая, но можно ли поручиться, что промаха не будет?

К сожалению, толпа совсем не искушена во всех тонкостях механики бомбометания. Толпа ждет, что все бомбы, которые он сбросит, попадут в цель, как пули для снайпера, в сердце мишени. И нужно, во что бы то ни стало, оправдать ожидания зрителей, хотя для этого и придется прибегнуть к маленькой хитрости, незаметной для профанов. Ведь не будешь объяснять публике, что прицельное бомбометание куда более сложно, чем бомбежка незащищенных испанских городов. Там — дело верное: любая сброшенная бомба обязательно угодит в какой-нибудь дом; а вот попасть в точно намеченный объект — это не так-то просто.

К несчастью, траектория падающей бомбы зависит от множества причин: от атмосферных условий, от силы и направления ветра, от высоты и скорости полета; все это нужно безошибочно определить и учесть. Но и этого недостаточно. Летнаб^{*)} может все показатели определить точно, а летчик, который пилотирует самолет, руководствуясь данными летнаба, в нужный

^{*)} Летнаб — летчик-наблюдатель

момент сплешает... и тогда все расчеты идут насмарку, и бомбы падают чорт знает куда.

Эрих подумал о своем пилоте. Начальство аттестовало его с лучшей стороны, да и сам Эрих слышал о Гансе Мюнценберге, как об опытном летчике.

Внезапно размышления Эриха были прерваны гулом голосов. Он поднял голову. В этот момент машина выехала на гудронированное шоссе, проложенное параллельно трибунам. Огромная толпа, состоявшая из людей, одетых в форму штурмовых и охранных отрядов, приветствовала своего кумира. Эрих поклонился. Толстый руководитель отряда, с серебряными звездами на воротнике, завопил, багровея от натуги:

— Слава немецким летчикам, слава рыцарям меткости и германской точности!

Штурмовики закричали: «Хайль!» На трибунах подхватили приветствие. Несмолкающие восторженные возгласы понеслись вслед автомобилю Эриха и сопровождали его до тех пор, пока он не скрылся у ангаров.

Эрих протянул руку пилоту и небрежным кивком головы приветствовал механика. Осмотрев машину и проверив бомбодержатели, Эрих, улыбнувшись, проговорил:

— Мы идем на упрощение, Мюнценберг, так как чем проще задача, тем вернее успех. К цели подходим по направлению ветра. Угол сноса поэтому равен нулю. Высота известна: 800 метров. Характеристические свойства бомб тоже известны, — известно, сколько времени они будут падать. Короче — успех за нами.

Пилот понимающе улыбнулся. Он согласен с господином наблюдателем. И пусть господин наблюдатель не беспокоится за своего пилота. В его боевой практике не было случая, чтобы он нарушил штурманское зада-

ние. Он великолепно понимает свою ответственность, и как только ляжет на боевой курс, каждый вздох мотора будет соответствовать воле летнаба.

План Эриха действительно был до крайности прост: публика ведь все равно не поймет, что он выбрал самые легкие условия бомбометания; зато попадание в цель обеспечено, и зрители будут поражены его меткостью. Эриха нисколько не смущало то, что в настоящей боевой обстановке такие условия почти неосуществимы, что только откинув всякую возможность сопротивления со стороны противника, можно рассчитывать на успех подобной операции.

Обдумывая свое решение, Эрих невольно вспомнил некоторые испанские эпизоды, о которых он благоراضно умалчивал в своих многочисленных выступлениях. Он вспомнил один из рейсов на Мадрид. Тогда группе немецких бомбардировщиков было поручено забросать бомбами передовые окопы республиканцев, расположенные очень близко от позиций мятежников. В момент атаки дул малопрятный боковой ветер. И вот что значит боевая обстановка: хотя ветер и неприятный, но, делать нечего, приходится лететь, потому что если начнешь выбирать удобный подход к цели, искать попутный ветер, то не выполнишь тактических условий нападения, от которых зависит успех бомбометания.

Эрих помнит, что он произвел точнейшие вычисления и, сообщив пилоту необходимые навигационные показатели, приготовился к бомбометанию. Пилот лег на боевой курс, иначе говоря, повел машину на цель, руководствуясь данными летнаба.

В этот момент открыла стрельбу зенитная артиллерия республиканцев. Вокруг самолета появлялись и таяли в воздухе белые облачка разрывов.

Эрих до сих пор искренне убежден в том, что расчеты им были произведены со всей необходимой точностью. И тем не менее, факт остается фактом: бомбы, которые он сбросил, упали на позиции мятежников, вызвав среди уцелевших не столько испуг, сколько удивление. Эрих объясняет этот чудовищный промах ошибкой пилота, сошедшего под огнем зениток с боевого курса, и тем самым нарушившего расчеты летнаба. Пилот же был другого мнения на этот счет и уверял, что он точно выдержал задание летнаба. Но все верили — или делали вид, что поверили, — знаменитому фон-Фальгагену, а не какому-то неизвестному летчику.

Как бы то ни было, но здесь, на Мюнхенском аэродроме, ничего такого случиться не может. Здесь ведь только игра, и пилоту нечего будет пугаться, когда он поведет машину на боевом курсе.

А расчеты летнаба на этот раз настолько же просты, насколько они безупречны.

И Эрих еще раз уверяет себя в том, что успех обеспечен.

12 часов. Пронзительный звук сирены возвещает начало старта. По зеленому полю, покачивая крыльями, мчится бомбардировочный самолет «Гейнкель Х-V». Воздух наполнен ритмическим гулом мотора. Вот колеса оторвались от земли. В течение нескольких секунд самолет идет бреющим полетом, быстро набирая добавочную скорость, затем он круто взлетает вверх. Проходит еще некоторое время, и самолет исчезает из поля зрения. Теперь внимание зрителей привлечено к мишени — гигантской панораме завода и прилегающих к нему жилых строений. Бутафория воспроизводит наиболее типичную и характерную цель... Призе-

мистые постройке наклеплены возле широкого здания фабричного корпуса, увенчанного высокой трубой.

На вышку поста управления полетами поднимается со своей свитой генерал Гебель, начальник германской бомбардировочной авиации.

— Удар по этой мишени будет нанесен боевыми бомбами, — говорит они сопровождающему его итальянскому авиационному атташе. — Такое зрелище широкая публика увидит впервые.

Лицо итальянца выражает почтительный восторг.

— Риска нет никакого, — добавляет генерал: — мишень вынесена достаточно далеко от трибун. Кроме того, бомбометание осуществляет майор Эрих фон-Фальгаген, племянник министра. Его меткость была проверена еще на Пиренейском полуострове.

Как бы вскользь, среди кучи приятных слов, атташе осведомляется о том, с какой высоты будет производиться бомбометание.

Генерал Гебель на мгновение замялся:

— Высота... Высота, правда, небольшая — 800 метров. Но это, разумеется, не имеет никакого значения. Ничего не стоит ее увеличить.

И, обратившись к дежурному офицеру, генерал, с подчеркнутой небрежностью, отдает распоряжение изменить условия воздушной атаки.

Эрих взглянул на часы и полуобернулся к пилоту. Хотел подать знак к выходу на цель. Неожиданно на световой доске вспыхнул голубой глазок, и в следующую секунду трубка пневматического механизма, соединяющего штурманскую кабину с радиорубкой, выбросила аккуратно сложенную бумагу.

«Радиодепеша», с тревогой подумал Эрих. Он быстро пробежал текст и злобно выругался. Командный пункт по неведомой причине решил усложнить задание. Текст радиограммы гласил: «Подход к цели с боковым ветром, бомбардировка с высоты 1500 м». Приготовленные расчеты оказались теперь бесполезными.

Отдав распоряжение взять заданную высоту, Эрих приступил к новым вычислениям. Теперь ему предстояла нелегкая задача. Она заключалась в том, чтобы на высоте 1500 метров определить одну точку, единственно правильную для данного бомбардировочного расчета. Только будучи сброшены из этой точки, находящейся где-то в безбрежном пространстве воздушного океана, бомбы поразят цель.

И Эрих искал эту точку... Он определил силу ветра и узнал скорость самолета относительно земли и воздуха; он рассчитал, сколько времени падает бомба с высоты 1500 метров, и нашел угол скоса самолета при боковом дрейфе. Кажется, он сделал все, что можно было, для точнейшей наводки самолета и бомб на земную цель. Он понимал, что если в Мадриде в результате его ошибки сохранялся один дом, но обязательно разрушался другой, то сегодня ошибка в расчете повлечет за собой взрыв на пустом месте.

— Внимание, Мюнценберг... — высота 1500, скорость по прибору 230, курс по прибору 140.

— Слушаю и повторяю: высота 1500 со скоростью 230, компасный курс 140.

— Правильно... Выходите на цель...

Пилот прибавляет газ и плавно отводит ручку на себя. С новой силой ревет мотор. Стрелка альтиметра ползет вверх: 1200... 1300... 1450... 1520... Много... Ручка отодвинулась назад. Самолет болтает. Стрелка альтиметра танцует возле цифры 1500. Ганс непрерывно работает ручкой. Показание высотомера теперь соответствует воле штурмана. Выверен и компасный курс. Самолет точно идет на 140. Скорость постепенно падает. Стрелка указателя воздушной скорости колеблется около 250, затем соскальзывает на 240 и замирает на 230...

— Ложусь на боевой курс! — кричит Мюнценберг в телефонную трубку.

- Сообщите показатели.
- 1500, 230, 140.
- Так держать.
- Слушаю, так держать.

Глаза пилота прикованы к приборам. Уши следят за ритмическим рокотом мотора. Машина на боевом курсе, она идет прямо, как выпущенная из лука стрела. Стрелки приборов, кажется, приросли к заданным показаниям.

Труба фабричной постройки находится уже в поле зрения невооруженного глаза. Далеко справа — миниатюрная подкова трибуны, испещренная белыми и черными крапинками.

Вот Эрих прильнул к окуляру оптического прицела. Минута страшного напряжения — и мишень в прицеле. Эрих нажимает кнопку электроспуска бомбодержателя. Пять стокилограммовых бомб, одна за другой, через неуволимо короткие интервалы времени отделяются от самолета. Через несколько секунд летнаб видит черное облако разрыва. Миниатюрная подкова трибун исчезла за дымовой завесой, верхушка фабричной трубы потонула в плотной мгле.

Медленно, как под «лупой времени», оседает и расплзается облако взрыва, приоткрывая подкову трибун, фабричную трубу и прилегающие к ней темные квадраты строений.

Голова Эриха наливается тяжелой муťou.

«Мимо... Промах... Позор!..»

Он не в силах сдержать приступа бешеной злобы и отчаяния. Мембраны наушников передают пилоту хриплые возгласы летнаба:

— Мерзавец!.. Провокатор!.. Сошел с курса, сошел...

Пилот удивленно вздрагивает и подымает руку, словно защищаясь от удара. Его нога вслед за ручкой

уходит резко влево. Эрих вместе со своей кабиной заваливается на левый борт. Плоскости самолета вибрируют от страшной нагрузки непомерно крутого разворота. Пилот выравнивает машину и дает газ. Выдерживая бешеный взгляд летнаба, пилот говорит спокойно и почтительно:

— Ваше задание, господин летнаб, выдержал точно: 1500, 230, 140...

Эриха злит спокойное лицо пилота. Он отворачивается и кусает губы. В этот момент трубка пневматического механизма снова выбрасывает аккуратно сложенную бумагу. Радиограмма. Командный пункт предлагает повторить заход. Условия бомбардировки произвольные. Эрих облегченно вздыхает и лихорадочно водит пальцем по карте местности. Вот хороший ориентир — мост, находящийся всего в 30 километрах от объекта. Необходимо сконцентрировать волю и изолировать все посторонние чувства. Спокойствие и точность. Еще можно поправить дело.

Он предлагает пилоту взять курс к ориентиру, но идти не выше 500 метров. Мюнценберг выполняет приказание. Но он уже не в состоянии полностью сосредоточиться на пилотировании. В нем кипит раздражение против чванливого летнаба, не сумевшего справиться с порученным ему делом.

Эрих работает. Пока самолет кружит над мостом, он как бы репетирует предстоящую бомбардировку. Мост находится всего в 30 километрах от объекта. Высота небольшая — 500 метров. В бою на такой высоте вас, конечно, расстреляют в один момент. Но здесь, перед зрителями, это не имеет значения... Несложный математический расчет, и все ясно. Определив скорость самолета в 300 километров, Эрих готовится пустить секундомер. При этой скорости цель пройдет под само-

летом ровно через шесть минут. В это же мгновение он нажмет кнопку электроспуска.

— Внимание, Мюнценберг... Высота 500, курсе 135, скорость 300.

Пилот повторяет команду и берет заданное направление. Теперь Эрих уверен в успехе. Весьма вероятно, что раньше он действительно допустил ошибку. Не беда, об этом никто не узнает. В крайнем случае, можно свалить на пилота. Зато сейчас ошибки не может быть — задание чересчур просто. Низко и с огромной скоростью промчится «гейнкель», сбросит бомбы и, оставив позади себя груды дымящихся развалин, исчезнет на горизонте. Эффектная картина!

На губах Эриха застыла улыбка. Рука покоится на кнопке электроспуска. Глаза не отрываются от стрелки секундомера.

Пилот прибавляет газ. Он пытается сосредоточиться на приборах. Важно уместить в поле зрения только показания компаса, часов и счетчика скорости; за высоту он уверен. Но фигура штурмана маячит рядом и навеивает посторонние мысли.

Прошло четыре минуты, четыре с половиной... У Мюнценберга странное состояние: перед его глазами циферблат часов, но он воспринимает их показания почти механически. Он думает о летнабе. Он не может забыть его бешеный взгляд.

«Конечно, он свалит все на меня, — шепчет про себя пилот. — Разве мне под силу спорить с ним, с этой проклятой породой!»

Прошло пять с половиной минут. Мюнценберг газует. Страшным усилием воли он концентрирует свое внимание на приборах. И хриплый стон вырывается из его груди: секундомер отсчитывает шестую минуту в тот момент, когда указатель скорости показывает на

50 километров больше заданной скорости. Стрелка приросла к цифре 350.

Газ сброшен. Поздно... Бомбы упали с большим перелетом. Взрыв снова последовал на пустом месте.

[От редакции]

В рассказе Л. Воронцова действие происходит в немецком городе Мюнхене. Не читатель без особого труда обнаружит, что описанное здесь вымышленное происшествие имеет самое непосредственное отношение к подлинным трагическим событиям, которые произошли за последние годы в Испании, Абиссинии и Китае.

Мы помним, как итальянские фашисты сметали с лица земли первобытные селения абиссинцев. Мы помним ужасы Герники, Гранольероса и других беззащитных городов Испании, превращенных германскими и итальянскими воздушными бандитами в развалины. Мы знаем, что японские фашисты совершают подобные же «подвиги» над мирными городами Китая.

Опьяненные этими кровавыми «победами», фашисты возомнили, что их захватническим стремлениям нет преград. Они думают, что если им удастся безнаказанно уничтожать мирное население малых и слабых стран, то это свидетельствует о мощи их авиации и искусстве их летчиков. Но господа фашисты рано бахвалятся. При первом же столкновении их с хорошо вооруженным противником мы увидим, как подожмут хвосты эти трусливые разбойники.

Уже и сейчас беспристрастные наблюдатели отмечают в Испании странные вещи. В то время как республиканские летчики всегда бомбят лишь заранее намеченные, отдельные военные объекты, фашисты предпочитают упражняться, главный образом, на гигантских мишенях мирных городов. Два республиканских самолета с огромной высоты в 5 тыс. бомбят военные корабли мятежников и попадают в цель (1937 г.). А десятки фашистских самолетов скидывают сотни бомб на понтонные мосты через реку Эбро, чтобы помешать переправе республиканских войск, — и ни один мост из одиннадцати не оказывается ими даже задетым (июль 1938 г.). В свете этих фактов событие, описанное в рассказе Л. Воронцова, приобретает особый смысл и особый интерес.

Г. ФИЛОНОВ

ЧЕРНЫЙ СНЕГ

Фантастический рассказ

Г. Филонов

ЧЕРНЫЙ СНЕГ

Опубликовано в журнале «Вокруг света (Л)», № 12,
1934 г.

Г. ФИЛОНОВ

Рисунки С. ВЕРХОВСКОГО

В тот год, когда произошли все эти страшные события на одном участке обширных границ нашей страны, сентябрь выдался ясный и сухой.

Днем пограничные леса кишели звонко перекликавшимися ребятами, сбиравшими бруснику, клюкву и запоздалые грибы, а темными безлунными ночами безмолвные тени скользили по глухим болотным тропам, и каждый раз после их появления то здесь, то там в пограничной полосе вспыхивали пожары, поезда сходили с рельсов, а мосты оказывались минированными.

Командование всех пограничных отрядов терялось в догадках, каким образом проникали через тщательно охраняемую, буквально непрерывной линией постов,

границу злоумышленники, действия которых день ото дня становились все более дерзкими и опасными.

Прилегающие к границе деревни и хутора не могли служить им убежищем. На самой границе лежало непроходимое болото, тянувшееся на много километров; шоссейная дорога, упиравшаяся в пограничный шлагбаум, охранялась «пуще глаза» усиленными постами пограничников.

И все-таки таинственные преступления продолжали тревожить границу, точно исполнители их валились с неба...

Однажды, дождливой ночью, командир Шагун, в сопровождении двух разведчиков-ординарцев, объезжал посты, расположенные вдоль границы. Непроходимый мрак и скрип деревьев под порывами холодного ветра вызывали невольную дрожь.

Ехали молча; травянистая дорога, усыпанная прелым листом осины, заглушала ход коней. Намотав поводья на руку, Шагун шарил в кармане, нащупывая портсигар, и вдруг замер, насторожившись.

Среди шума ветвей и скрипа деревьев до них долетел явственный треск сухих деревьев, хлопанье не то огромных крыльев, не то паруса. Один из разведчиков мгновенно сдернул с плеча винтовку. На звук шелкнувшего затвора Шагун резко оглянулся. «Шт... ни звука...» — зашипел он. Все трое спешили. Второй разведчик отвел фыркавших лошадей в сторону от дороги под огромную ель и, оглаживая их, старался успокоить.

В центре поляны вынырнули три человека и быстро направились к дороге. Шатун выхватил наган и решительно двинулся наперерез. «Стой, кто идет?..» Люди остановились. После секундной паузы самый высокий выступил вперед и отчетливо ответил:

— Свои, из колхоза «Пограничник».

У Шагуна сразу родилось подозрение. Что могли делать среди ночи на болоте эти трое!

— Ваши документы...

— Все в порядке. не беспокойтесь, — сказал другой, засовывая руку за борт куртки и приблизившись к Шагуну. Двое других двинулись также, и Шагун оказался в треугольнике. Высокий протянул листок какого-то удостоверения. Шагун осветил бумагу карманным фонариком. В этот момент страшный удар обрушился на его голову. Он инстинктивно нажал собачку и в блеске выстрела, падая, различил жесткое лицо с белесыми глазами и светлыми подстриженными усами.

Выстрелы продолжала разрывать напряженную тьму леса. Разведчик, припав лицом к дереву, осыпал пулями три бежавшие на опушке тени. Высокий упал, двое скрылись в кустах.

Второй разведчик, привязав лошадей, подбежал к Шагуну и, зачерпнув из лужицы горсть воды, плеснул ему в лицо. С трудом соображая, Шагун ощупал голову. Толстое сукно фуражки смягчило удар, нанесенный повидимому рукоятью револьвера.

Шагун встряхнулся и с трудом выбрался на дорогу. Чиркая спичками, разведчики нашли упавший на кочку фонарик и, продираясь сквозь низкорослый кустарник к дороге, споткнулись о лежащее тело.

— Товарищ командир, одного угробили. . .

Шагун разом пришел в себя.

— Сахаров, скачи на пост, поднимай тревогу. Гузанов, обыщи убитого, но, смотри, тщательно.

Разведчик подтащил тело к краю дороги. Документов на нем не оказалось никаких. В подкладке толстой куртки, в специальных кармашках, уютно покоились обоймы автоматического пистолета. В карманах

брюк лежали два запасных тяжелых, двадцатипятизарядных автомата. Никаких указаний на личность убитого не было.

Шагун обошел с фонарем кругом всей поляны и на ветвях развесистой ели обнаружил клочья изорванного парашюта, ткань которого в желтом кружке фонарика светилась расплывчатым серебристым сиянием. Свернув остатки парашюта в пакет, Шагун передал его прибежавшему по тревоге командиру пограничного отряда. обстоятельно сообщив о событиях начальнику, Шагун присоединился к отряду, оцепившему лес для поимки бежавших шпионов. Но, несмотря на то, что лес был насквозь прочесан красноармейцами,—они как в воду канули, и усталые бойцы разочарованно возвратились ни с чем.

Зинка была преисполнена гордости: ее недавно премировали шефы-летчики фотоаппаратом за ударную работу по постановке военного дела в колхозе «Пограничник».

Жертвами Зинкиного увлечения фотографией сделались все деревенские ребята, изба-читальня, колхозная молотилка и даже племенная свинья «Фенька».

Несмотря на дождливую ночь, утро встало ясное и золотое. Зинка проснулась от солнечного зайчика, щекотавшего ее веселый вздернутый нос. Зинка открыла окно и радостно засмеялась: день обещал чудесное освещение, и рука ее разом потянулась к черному футляру «Томпа». Ей давно хотелось снять купальную вышку, выстроенную на лесном озере красноармейцами-шефами. Надо было только найти ребятшек, желающих выкупаться в холодной утренней воде.

Через час веселая гурьба детей подходила к овальному, зеленому из-за отраженных в воде елей, тихому

озеру. Вправо и влево расстилались покосные луга, переходившие в болото, покрытое мелкой порослью.

Федька — лучший пловец деревни, — поживаясь в одних трусиках, взобрался на вышку и приготовился по команде Зинки прыгнуть «ласточкой». Ловя непослушным объективом маленького пловца, Зинка неожиданно для себя увидела в стеклышке очертание самолета. На фоне темных деревьев смутно вырисовывались его контуры. Бесцветные плоскости крыльев и его корпус были почти невидимы, будто покрытые кисеей.

Зинка даже подышала на стекло видеоискателя и протерла его уголком пионерского галстука, но изображение оставалось таким же смутным. Зинка посмотрела, прищурясь, через озеро.

Самолет стоял, будто притаясь и подстерегая кого-то.

— Эй, ребята, бежим за озеро, — шеф прилетел, — крикнула Зинка и первая, шлепая босыми ногами по влажным кочкам, помчалась вокруг озера.

Уединенное озеро со времени окончания покоса почти не посещалось, а с наступлением заморозков даже ярые любители купанья перестали приходить к вышке. Путаясь в камышах, дети добрались до противоположного берега и остановились в десятке шагов от самолета, присевшего на берегу как большое злое насекомое.

Самолет был непривычно мал, а главное — ни возле него, ни в нем не было видно приветливых лиц приятелей-шефов. Полукружие детей стянулось кучкой, — невольный страх перед этим таинственным молчаливым самолетом закрадывался в ребячьи сердца.

Аппарат то ясно обрисовывался на темной зелени ельника, то почти исчезал в серебристом тумане, казалось, исходящем из его корпуса и крыльев, окрашен-

ных необыкновенной, переливавшей перламутром бесцветной краской.

Дети стояли молча, разинув рот, подавленные и смущенные.

Наконец, Зинка выступила вперед со своим «Томпом» и стала наводить объектив.

Вдруг мужской голос негромко окликнул Зинку.

— Ты для чего снимаешь? Нельзя это делать.

— Почему нельзя? — пролепетала Зинка и отступила на шаг. Перед ней стоял невысокий светловолосый летчик с незнакомым неприветливым лицом и злыми глазами. Зинка отступила еще на два шага. Глазам ее представилась фигура авиатора во весь рост, но, странно: Зинка видела отчетливо только его худощавое загорелое лицо и белокурые волосы; тело же, одетое в голубовато-серый комбинезон невиданного покроя, расплывалось как бы в тумане, и движения его были неуловимы для глаза. В опущенной левой руке незнакомец держал шлем и очки, а правую сунул в карман, причем вокруг него заколебалось перламутровое облако. Острые серые глаза летчика быстро и пронзительно обежали вытянувшиеся лица детей и уставились через их головы на другой конец поляны. Там быстро двигались какие-то две фигуры, низко пригибавшиеся к земле и прятавшиеся в зарослях гонобольника и болиголова. Издали донеслись смутные крики, и два выстрела гулко раскатились в тишине леса. Летчик отскочил к самолету и крикнул что-то на непонятном детям языке. Другие два незнакомца, запыхавшись, подбежали к самолету и, цепляясь окровавленными руками за борт кабины, с трудом перевалились внутрь. Шум включенного мотора и вихрь, поднятый пропеллером, оглушили Зинку. Летчик исчез в кабине. Через поляну с винтовками наперевес бежали красноармей-

цы, — дети мешали им стрелять. Самолет неожиданно взмыл кверху, как ястреб, улетающий от охотника, и начал уходить по вертикали ввысь. Миновав деревья, он разом исчез из глаз ошеломленных преследователей и будто растворился в сияющей синеве неба. Только слабое гудение мотора говорило им, что все это происходило не во сне.

Летчик-краснознаменец Слепцов возвращался в отряд после очередного дневного полета. Полет прошел безупречно, и нервы Слепцова были в отличном состоянии. Но время от времени ему все же чудился гул преследовавшего его самолета. Ясное небо было безоблачно, видимость на много километров — превосходная. Слепцов набрал высоту и выключил мотор. В разом наступившей тишине опять отчетливо донесся нагоняющий его стук мотора. Слепцов, планируя спирально, оглядывался во все стороны, но ничего не видел. Гул самолета теперь держался прямо над ним. Подняв голову, Слепцов смутно различил шасси идущего над ним метрах в восьмидесяти самолета, и сразу пули защелкали по стенкам кабины. Слепцов немедленно бросил свой самолет в мертвую петлю и вышел в хвост невидимки-противника. Два пулемета Слепцовского разведчика разом подали свой голос, но таинственный враг опять ушел в сторону и бесследно исчез из глаз. Несколько раз Слепцов выключал мотор, ловя невидимку по звуку под огонь своих пулеметов, но все его попытки оставались тщетными: как только начинал гудеть мотор Слепцова, — невидимка появлялся неожиданно сзади и над ним, и снова град пуль сыпался на самолет. Слепцов тотчас нырял и выходил в хвост противника. Такой воздушный вальс продолжался очень долго. Оба самолета кружились на огром-

ной высоте, и наблюдающим в бинокли с аэродрома казалось, что Слепцов сошел с ума. Его самолет был отчетливо виден с земли, и только изредка, против солнца, мелькала тень, тотчас исчезающая из виду.

Альтиметр показывал такую высоту, что Слепцов зажмурился, — так высоко забираться ему еще не случалось. Аппарат начал пошаливать и плохо повиноваться пилоту. Слепцов взглянул в боковое стекло кабины. Видная ему поверхность крыла была покрыта инеем и ослепительно сверкала на солнце. Внезапная мысль заставила Слепцова вздрогнуть. Он поспешно натянул на голову кислородную маску и открыл верхнее стекло кабины. Ледяной ветер заставил его съежиться, но он все-таки выглянул наружу. Его догадка подтвердилась: метрах в 200 над ним ясно был виден неприятельский самолет, сплошь покрытый белой кирасой инея. Слепцов испустил радостный крик, потонувший в глубинах маски, и, поспешно нырнув в кабину, перенес все внимание на то, чтобы выровнять падавший на крыло самолет и придать ему наивысшую скорость, на которую тот был еще способен. Самолет дрожал от напряжения. Резкий ветер высот гудел в тросах, холод забирался под теплый комбинезон летчика, но аппарат вышел над противником, делавшим яростные усилия подняться еще выше, — но его самолет достиг предела, и его потолок оказался ниже потолка Слепцовского разведчика.

Сквозь стекла кабины Слепцов различал лицо своего противника, искаженное удушьем и ненавистью. Пулемет Слепцова пробил в нескольких местах толстое верхнее стекло кабины, и на дне ее Слепцов увидел в бинокль два лежащих вповалку тела, одетых в коричневые куртки, с запекшейся на лицах и руках кровью. Правая рука пилота бессильно висела, а левой он судо-

рожно старался выправить из крена аппарат. Синеватый дымок вился над мотором, и перебои в его работе говорили о тяжелом повреждении.

Вдруг красное дымное пламя вырвалось между крыльев самолета-невидимки, и, резко нырнув носом вниз, он начал стремительно падать. Широкими спиральными кругами Слепцов пошел на посадку.

Через два дня после своего диковинного приключения в воздухе, командированный из отряда в тыл, летчик Слепцов докладывал чрезвычайной оборонной комиссией подробности своего столкновения с «невидимкой» и предложил свою идею обнаружения противника.

Одобренное высшим командованием, предложение это было тотчас же направлено в Институт экспериментальной химии, вместе с остатками сгоревшего самолета и обрывками парашюта, найденного Шагуном.

В течение многих дней, запершись в своих лабораториях, ученые, напряженно работая, старались претворить в жизнь подсказанную случаем счастливую идею Слепцова, и наконец, опыты их увенчались успехом...

Случай испытать новое изобретение в боевой обстановке не заставил себя долго ждать. В середине октября 19... года мутный серый рассвет, пробиваясь сквозь толстый слой набухших облаков, обрисовал квадратные строения ангаров пограничного авиаотряда, тускло блеснул на штыках часовых, шагавших вокруг аэродрома.

Тишина раннего утра ничем не нарушалась. Дежурный командир на радиостанции сидел в отдель-

ном помещении у столика, выкрашенного матовой темной краской. На уровне его глаз на стене висел овальный экранчик с системой зеркал и радиооборудованием; типа первичных установок телевидения. На серовой поверхности экрана ничего не было видно.

В наушниках, крепко охватывающих голову, дежурному не было слышно ни звука. Эфир на много тысяч метров над его головой был тих и спокоен. Дежурный снял с головы сбруч и растер онемевшие уши, потом встал, разминая затекшие колени.

Вдруг изошренный слух опытного радионаблюдателя приковал его глаза к экрану. Из лежавших на столе наушников доносилось слабое жужжание, постепенно переходившее в знакомый многоголосый гул моторов и разраставшееся в могучий грозный хор многих самолетов. Дежурный бросился к телефону и, не отрывая глаз от экрана, продолжавшего оставаться пустым и чистым, как зеркало, вызвал командира отряда. На полусонный вопрос начальника быстро и нервно отработовал:

— Товарищ начальник, неблагополучно с радиозондами. Высотомер показывает их нахождение на 22 тыс. метров. Звукоулавливатели в порядке — передают присутствие многих аппаратов. Экран же не дает наблюдений. Очевидно, опять невидимки.

— Сейчас буду.

Командир отряда повесил трубку. Дежурный вернулся к экрану.

Отраженные на сером, клубящемся океане облаков, величественно и медленно плыли тени пяти огромных дирижаблей. Поднимавшееся солнце делало их расплывчатые отражения все более четкими и реальными.

ми. На земле наблюдающий за экраном аппарата управления радиозондами вдруг сорвал наушники: звук взрыва едва не оглушил его.

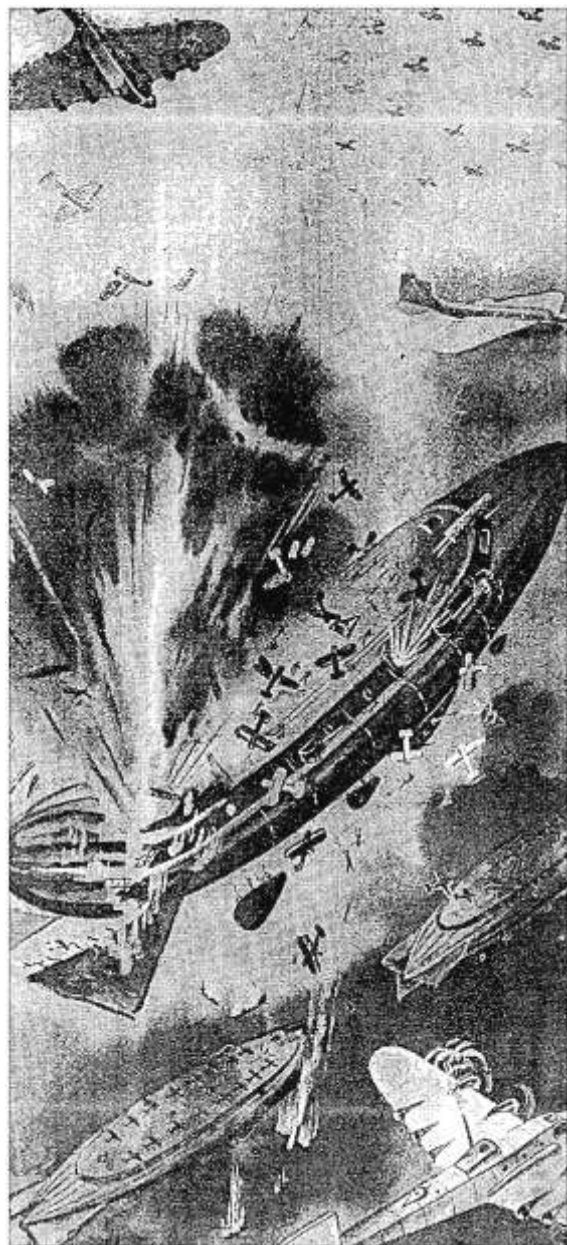
Ярко вспыхнувший экран объяснил этот страшный грохот: невидимки обстреливали радиозонды.

Гул разрывов продолжал греметь на заоблачной высоте. Экран потемнел и перестал действовать. Ни один звук не доносился больше через наушники — радиозонды были уничтожены.

На радиограмму начальника пограничного авиаотряда штаб из центра сообщил, что вылетели четыре эскадрильи стратосферных бомбометов, а также несколько самолетов особого назначения, боевых действий которых никто еще не видел.

Тем временем, незванные гости начали бомбардировку ангаров. Одно из зданий авиаотряда пылало ярким огнем. Красноармейцы поспешно выводили самолеты из ангаров, и один за другим истребители и разведчики поднимались и уходили за тяжелую низкую гряду облаков. С северо-востока — подходили обещанные Центром бомбовозы, сопровождаемые десятком легких, необычайно быстроходных и увертливых самолетиков. Поднявшийся ветер погнал облака к горизонту, и небо очистилось на всем видимом пространстве. Множество самолетов кружилось в воздухе, безуспешно нащупывая невидимого врага, присутствие которого время от времени подтверждалось взрывами на земле и падением наших подбитых самолетов. Послушные радиоприказу с земли, все самолеты разлетелись в разные стороны, спасаясь от обстреливавшего их сверху неприятеля.

Подобные кометам, вырвались из-за леса крошечные самолеты и, распустив за собой длинные клубя-

щиеся хвосты черного дыма, понеслись крутыми спиралями вверх. Из особых распылителей они выпускали химический состав, изобретенный профессором Цильке и названный им «Черным снегом». Выпущенный в воздух, этот состав оседал на все части самолетов, падая тяжелыми жирными хлопьями, напоминающими керосиновую копоть, и так плотно прилипал к ним, что его не сносило ни ветром, ни дождем.

Все небо заволокло черным туманом, и в течение нескольких минут с земли ничего не было видно. Когда же ветер отнес его, глазам изумленных летчиков представилась необычайная картина: угольно-черные на блеклой синеве осеннего неба, ясно видимые со всех сторон, на высоте 3—4 километров держались пять дирижаблей неприятеля. Верхние части их были плоски, как палубы морских авианосцев. На этих площадках помещались, вытянувшись в ряд, легкие самолеты, из блиндированных гондол высывались дула пушек. Специальные камеры под гондолами непрерывно выбрасывали бомбы.

Благодаря ловкому маневру, нашим самолетам удалось подойти к дирижаблю на близкое расстояние и почти в упор открыть огонь из своих легких пушек.

Огромная воздушная авиамамка, служащая базой для своих самолетов, снабжая их горючим, огневыми средствами и личным составом, могущая перебрасывать их с места на место на огромной высоте, — стала крениться на левый бок и перестала управляться.

Страшный взрыв, потрясигий весь корпус воздушного корабля, столб огня в кормовой его части, немедленно охвативший дирижабль, и обломки гиганта-авианосца посыпались вниз. Остальные четыре стали медленно уходить на запад, подбирая на ходу свои, с трудом державшиеся в воздухе, подбитые самолеты, и

отстреливаясь от наседающих со всех сторон наших легких истребителей, так же, как уходит океанский сверхдредноут, спасаясь от преследующих его подводных лодок.

ВАЛ. ГРИГОРЬЕВ

ТАЙНА ДОКТОРА ВИРДА

Фантастический рассказ

Рисунки Б. Антоновского

Вал. Григорьев

ТАЙНА ДОКТОРА ВИРДА

Опубликовано в журнале «Вокруг света(Л)», № 19,
1928 г.

Тайна доктора Вирда

Рассказ ВАЛ. ГРИГОРЬЕВА.

Рисунки Б. АНТОНОВСКОГО

Прием у доктора Вирда уже закончился, когда лакей ввел в кабинет запоздалого клиента.

— Фридрих Хелль, археолог, — отрекомендовался вошедший.

— Очень рад вашему приезду, господин Хелль, — сказал доктор, усаживая археолога в кресло, — я получил вашу телеграмму и ждал весь вечер. Меня немного поразил беспокойный тон вашей депеши, но я надеюсь, что с вами не случилось ничего неприятного. Во всяком случае, я очень рад познакомиться с вами: я много слышал о ваших прекрасных работах в Берлинском Археологическом Обществе и давно мечтал провести с вами запросто вечер... Надеюсь, что вы не нуждаетесь в моих услугах, как...

— Как врача, — dokonчил археолог. — К сожалению, нуждаюсь. Мои нервы совершенно растрепаны, доктор. Я разочаровался в своих археологических работах. Загадки прошлого, одна другой неразрешимее, тяготят мой ум. Боюсь, что через год я буду читать цикл лекций по археологии в сумасшедшем доме..

— Вы шутите! Я читал ваш труд о результатах ваших раскопок прошлого года в Египте. Он написан с

большим воодушевлением, с надеждами на успешное завершение исследований древнего Египта, и я никак не могу поверить, что вы больны пессимизмом. Помилуйте, господин Хелль, я считал вас энтузиастом археологии, и для меня совершенно неожиданно то, что я от вас слышу...

— Я перебую вас, доктор, — сказал археолог. — Виною во всем моя последняя поездка в Египет. Я сделал там исключительное открытие, которое, к сожалению, не могу разгадать. Неудача эта сделала меня крайне нервным, я стал меланхоликом, не могу взяться за другую работу: мозг мой заполнен неразгаданной проблемой. Я прошу вас, доктор, путем гипноза избавить меня от навязчивой идеи «египетской проблемы».

Хелль вскочил с кресла и взволнованно заходил по комнате. Доктор Вирд с удивлением следил за археологом.

— Успокойтесь, господин Хелль, — сказал Вирд, — вам совершенно не следует волноваться. Это крайне вредно для такой темпераментной натуры, как ваша.

Спокойный, и в то же время настойчивый тон слов доктора повлиял на Хелля. Он остановился у камина и закурил папиросу.

— Ваш уютный кабинет и деловая суэта Берлина понемногу успокаивают меня. В Египте я совершенно отвык от цивилизованной Европы. Угостите меня кофе и расскажите что-нибудь о Берлине.

Вирд подошел к окну и прижался лбом к стеклу

— Взгляните, — сказал он, — как красива осень в большом городе.

Хелль тоже подошел к окну. По стеклу стекали капли дождя. Свет фонарей расплывался неопределенным пятном в густом тумане. В провале улицы мель-

кали темные силуэты автомобилей. Город сверкал своими огнями и жил своей жизнью.

— Я люблю Берлин, покрытый сеткой дождя, — продолжал доктор, — шум и блеск большого города вдохновляют меня. Здесь все ясно, учтено, высчитано и заранее определено. Автобусы, трамваи, метрополитэн, подвесная железная дорога работают с пунктуальной точностью. Европа отвыкла от загадок и тайн. Мы живем в век формул. Многоголосый шум города можно разложить на слагаемые без неизвестных. Я бодр, потому что я знаю эти слагаемые, созданные для моего удобства и моих удовольствий. Заразитесь и вы моей жизненной бодростью и увереннее смотрите на свои силы. Для человеческой мысли нет преград, наш мозг должен постичь и объяснить всю вселенную.

Доктор позвонил и приказал вошедшему лакею дать кофе. Камин горел ясным пламенем, и кабинет казался чрезвычайно уютным. Доктор пригласил Хелля сесть в кресло у камина, и сам расположился около гостя в свете каминного огня.

Хелль уже совсем успокоился и с любопытством разглядывал доктора Вирда. Археолога заинтересовали лицо и руки врача, которые, казалось, были сделаны из старого пергамента: так они были сухи и непроницаемо прочны. Лицо казалось изможденным от физических лишений и крайне усталым, и лишь черные горящие глаза придавали ему выражение бодрости, жизни и неиссякаемой энергии.

Лакей внес кофе, положил еще несколько поленьев в камин, и тогда Хелль заговорил:

— Полтора года тому назад экспедиция Берлинского Археологического Общества прибыла в Египет и стала производить исследования по течению Голубого Нила. Шесть месяцев наши поиски новых экспонатов

для Берлинского музея были тщетны, и лишь осенью прошлого года мы нашли в лесной чаще развалины древнего храма. Недалеко от храма находилось небольшое пирамидальное сооружение, надолго привлекавшее наше внимание. Там мы нашли три мумии, иероглифические надписи на камнях и высеченные на стенах фигуры. Наша экспедиция расположилась у храма и начала свои исследования. С самого начала нас ждали неожиданности — одна другой удивительнее. Они перевернули все мои представления о древнем Египте. Для меня стало ясно, что современная археология не знает и одной десятой египетской культуры. Начну с надписей. Для прочтения надписей я не мог воспользоваться существующими ключами к чтению египетских иероглифов. Интересно, что надписи, несомненно, основаны на звуковом принципе, как известно, появившемся значительно позднее. Далее, рассматривая надписи, я обратил внимание на замечательное обстоятельство: все слова текста состоят из трех знаков. Все найденное указывает на то, что мы имеем дело с Египтом времен расцвета египетской культуры. Я пришел к заключению, что надписи на камне составлены криптографически, но это еще более отдалило меня от разгадки текста.

Но самое замечательное открытие я сделал, рассматривая мумии. Они, как выяснили неоднократные химические анализы, не были набальзамированы, подобно мумиям пирамид нижнего течения Нила, а были сохранены совершенно новым, неизвестным археологам способом.

Мы разрезали мумии, исследовали их внутренности, сохраненные так же, как и тело (чего мы раньше никогда не встречали), но ничего не узнали...

Хелль поднял глаза на доктора и вдруг с ужасом вскочил с кресла. Лицо Вирда было искривлено судорогой, руки дрожали, голова была закинута назад, туловище напряглось, как сталь; Хелль бросился к графину с водой и смочил голову врача. Но это не помогло. Археолог подошел к двери, чтобы найти лакея, как вдруг Вирд начал что-то бормотать. Хелль вторично смочил голову доктора, и это подействовало. Вирд стал понемногу успокаиваться, дрожание рук прекратилось, но бред продолжатся. Теперь уже в нем можно было разобрать отдельные слова. Инстинктивно археолог прислушался и запомнил их потом навсегда, как запомнил весь этот вечер у доктора Вирда. Вот о чем бредил врач:

— Великий Ниремес... его тело погибло... Я вижу луну... Нил... Домеир снова... один... В мире;.. Нил... Лунная Изида... Ниремес... дважды... Умер Великий...

Пораженный Хелль стал энергичнее растирать бредившего доктора, стремясь привести его в чувство и узнать значение имен, незнакомых археологу. Наконец, врач стал приходить в себя. Еще один холодный компресс, положенный на голову, окончательно привел его в чувство.

Хелль дал ему выпить крепкого кофе, и Вирд улыбнулся:

— Я, кажется, напугал вас. К сожалению, со мной случаются нервные припадки. Это — последствия переутомления. Простите меня за то, что доставил вам несколько неприятных минут.

Хелль пристально посмотрел в горящие глаза врача и сказал:

— Доктор, вы знаете нечто, о чем предпочитаете молчать. Ваш припадок дал мне нескромную возможность узнать то, что вы скрывали. Я услышал имена,

совершенно мне до сих пор неведомые. Вы поймете мое непреодолимое желание узнать вашу тайну, ибо она, бесспорно, связана с Древним Египтом.

— Вы правы, профессор. Я расскажу вам все. Вы услышите сегодня много необычайного. Сегодня я расстанусь со своей тайной, которую таил в себе девять лет.

Современная наука знает очень мало о культуре древних египтян. В области химии, биологии, физики и медицины — Египет достиг знаний, о каких в наши дни еще не приходится думать. Вас удивляет мой уверенный тон? Примите пока мой рассказ на веру, а потом я представлю вам доказательства.

Все знания Древнего Египта хранились, как в сокровищнице, в храме Изиды, в долине Голубого Нила, верными жрецами богини. Религия — культ Изиды — была лишь средством для того, чтобы обеспечить с материальной стороны ученую деятельность жрецов храма. Там был первосвященником Великий Ниремес. Он собрал вокруг себя людей высоких интеллектуальных способностей и вел с ними исследовательские работы во всех областях знания. Ниремес знал искусство гипноза, и это давало ему власть над народом. Он знал

химические элементы, ему была известна теория атомов, и он нашел радий. Ниремес знал тайны человеческого тела и был искусным врачом. Я, кажется, уже сказал, что Ниремес и его друзья знали то, о чем в наши дни не приходится думать...

Археолог слушал с напряженным вниманием. Расширенными зрачками он следил за движением губ доктора, говорившего такие необычайные вещи.

—Кружок Ниремеса, — продолжал Вирд, — стремился узнать все... Жрецы своим пытливым умом хотели охватить необъятное. Они решили узнать будущее. Для этого был сделан, казалось бы, невозможный опыт. Четыре жреца были усыплены на тысячелетия своими друзьями. В числе усыпленных был и сам учитель Ниремес. Ослабив свою волю самогипнозом, они поддались гипнозу оставшихся. Тела их подвергли продолжительному действию распадающихся атомов урана, и четыре человека уснули, чтобы проснуться в неизвестном будущем. Двадцатый век должен был стать утром для уснувших ученых. Было решено, что первый проснется на десять лет раньше, нежели три остальных, за это время он приготовит для своих друзей возможность работать в новом мире, изучит новые языки, узнает новую культуру и приготовит путь для Великого Ниремеса. Сроки пробуждения были точно установлены путем внушения при гипнозе. И вот полчаса тому назад я узнал, что тело Ниремеса погибло. Под ножом археологов погибла ценнейшая материя древности, а вместе с материей и величайшие ценности из царства разума...

Дрова в камине догорали, полуосвещенная фигура Вирда тонула в глубоком кресле, выражая печаль и отчаяние. В минутную тишину ворвался шум дождя, стекавшего струйками по оконным стеклам.

Возбужденно ходивший по комнате Хелль остановился у портьеры и срывающимся голосом спросил:

— Как вы знаете все, оставшееся тайной для науки? Почему же, наконец, мы нашли в долине Голубого Нила три тела, а не четыре? Кто вы, знающий тайны храма Изида?

Хелль посмотрел на Вирда и замер от страшной мысли. Он не мог проронить ни одного слова, так как в глазах Вирда прочел ответ на свой вопрос. Потрясенный новостью — он быстро оделся и покинул кабинет врача...

Вирд опустился в кресло, закурил сигару. Он мечтательно глядел на тающие в воздухе струйки дыма и ему казалось, что он видит перед собой прекрасные картины знойной Африки времен угасающей египетской культуры. Ему казалось, что он видит перед собой живыми египтян, достигших неведомых даже теперь ступеней познания.

Сигара уже догорела, когда Вирд, подойдя к окну, нажал кнопку и велел вошедшему лакею убрать посуду и, уходя, потушить свет.

Вирд пристально всматривался в темное небо, закрытое густым мраком. Перед его глазами вставал весь земной мир, готовый перед ним преклониться.

Настало утро 20 октября. Первое издание газет было раскуплено в течении пятнадцати минут. В этот день остановилась деловая жизнь всех стран. Все население городов находилось на улице. Ежеминутно на стенах домов вывешивались объявления — телеграммы из Берлина о Домеире.

Весь мир знал, что всю ночь представители всех телеграфных компаний интервьюировали Домеира.

Первую информацию получила радио-станция в Науэне и оповестила мир о возрождении Египтянина.

Мир знал, что утром началась подготовка к заседанию в зале Археологического Общества. По мысли самого Домеира, зал будет убран в стиле храма Изиды; никакие фотографии, кино-операторы и прочие представители механизированного «сегодня» не будут допущены на заседание. Этим Домеир хотел связать современный ученый мир с кружком Ниремеса, реставрируя в своем первом выступлении в двадцатом веке последнее заселение кружка жрецов Изиды в долине Голубого Нила.

Днем начался съезд ученых, приглашенных на заседание Археологическим Обществом. Толпа репортеров, студентов и интеллигенции встречала на улицах, прилегающих к Обществу, ученых из всех стран мира. Такое же скопление публики наблюдалось и на аэродроме. Там из ежеминутно прибывающих аэро высаживались все новые и новые приглашенные.

Ровно в двенадцать часов дня профессор Хелль от имени Археологического Общества открыл заседание. Слово для речи было предоставлено Домеиру. Он вышел в древне-египетском облачении, и это вызвало смех у некоторых, особенно скептически настроенных гостей. На первые слова Домеира заставили замолчать всех, и уже через пять минут все присутствующие застыли в напряженном внимании к словам человека, который принес в наш мир величайшие истины.

— Милостивые государи, — начал свое слово Домеир. — Еще сутки тому назад я не мог бы предположить, что сегодня мне придется выступать перед столь просвещенным обществом. Еще вчера днем я хранил в себе, согласно традиций моего учителя, знания, которые сегодня я передам всем.

Почти на границе теперешней Абиссинии и Судана, к юго-востоку от города Розейра, в пятнадцати километрах от берега Голубого Нила, в пределах теперешней провинции Годжам, среди гор, в чаще тропического леса был расположен храм Изиды. Жрецы этого храма покинули Египет и уединились в чаще леса, куда не мог проникнуть посторонний человек, и там они посвятили себя изучению наук. По мысли жрецов, их исследования должны были остаться погребенными в умах членов ученого кружка, и никто после их смерти не должен был воспользоваться плодами их работ.

Первосвященник храма, Великий Ниремес, руководил занятиями и был духовным наставником всего кружка. Главнейшее внимание ученых было направлено на химию и психологию, и, как вы увидите дальше, кружок в этих областях достиг определенных результатов.

Вам известна теория Праута, который еще в 1815 году указал, что атомы всех химических элементов построены из атомов водорода. Ядра атомов всех элементов построены из ядер водорода, называемых протонами, и электронов. Тогда, если мы примем атомный вес водорода за 1, удерживая точность до одной десятой доли, то станет очевидным, что в ядре атома кислорода находится 16 протонов, ибо атомный вес кислорода равен именно 16. Кроме указанного количества протонов в ядре атома кислорода мы имеем количество электронов, равное разнице двух чисел: количества протонов в ядре и количества электронов, вращающихся вокруг ядра. Итак, нам известно, что атом всякого вещества, в сущности, состоит из двух элементов: протонов и электронов. Отсюда очевидно, что вообще всякая материя состоит из этих двух основных элементов.

Это стало известно кружку древне-египетских ученых в храме Изиды после упорных исследований и гипотетических рассуждений.

Открытия супругов Кюри и опыты Розерфорда показали вашим ученым, какое значение для дальнейшего развития атомной теории имеют альфа-частицы, вылетающие с большими скоростями из ядер радиоактивных элементов. Вы знаете, что альфа-частицы представляют собой ядра атомов гелия.

Если предположить, что мы будем воздействовать на атомы элементов лучами, еще более активными, чем альфа-лучи, то всякую материю можно будет искусственно переродить. И в самом деле, поскольку материя состоит из двух основных элементов, то путем воздействия на нее этих предполагаемых лучей мы сможем видоизменить строение атома.

Жрецам храма Изиды, в результате своих работ, удалось найти альфа-лучи путем исследования и опыта над радио-активными проявлениями урана, и удалось найти тем же путем неизвестные в данное время лучи, которым я позволю себе присвоить начальную букву своего имени, назвав их дельта-лучами. Как известно, гамма-лучи тождественны по своему типу с икс-лучами Рентгена. Найденные же Ниремесом и его учениками дельта-лучи, также относятся к этой группе, но если гамма-лучи обладают большей частотой колебаний, чем рентгеновские лучи, то дельта-лучи немного превосходят частотой колебаний сами гамма-лучи.

Переменным воздействием ударов альфа-частиц и дельта-частиц Ниремес достигал в своих опытах исключительных эффектов. Произвольно меняя составы атомов, орбиты вращений электронов, путем крайне длительных опытов, он достиг победы над материей. С

того момента было уже не трудно превратить, например, ртуть в золото (над чем бились позднейшие алхимики), разрушать элементы, возрождать их вновь и т. д.

Слухи о замечательных открытиях в долине Голубого Нила дошли, как это теперь ни кажется мне удивительным, до жрецов других храмов. Эти жрецы, на основании слухов и догадок, положили начало новой науке, названной в четвертом веке нашей эры — алхимией. В Лейденском музее есть папирус третьего века с рецептами для приготовления похожих на золото сплавов. Вот отсюда и взяла начало алхимия, которая так неудачно хотела последовать опытам жрецов Изиды. Начало алхимии таинственно, но я думаю, что под именем основоположника ее, Трижды Величайшего Гермеса, легенда разумеет великого учителя древности Ниремеса.

Итак, в храме Изиды была одержана победа над материей, но время еще не было подвластно исследователям. Тогда они разработали проект проникновения в будущее. Четыре жреца были усыплены своими друзьями, тела их были подвергнуты продолжительному действию альфа- и дельта-лучей, и это давало основание думать, что их внешняя оболочка сохранится на многие тысячелетия. Девять лет тому назад, согласно внушению, первый из них — Домеир — должен был проснуться.

За несколько дней до назначенного срока едва теплившаяся жизнь, выраженная в невероятно слабой работе сердца и слабом кровообращении, стала приходить в повышено-возбужденное состояние. И, наконец, Домеир пришел в себя, вышел из наглухо закрытого помещения маленькой пирамиды и медленно во-

шел в лес. Воздух, напоенный кислородом, окончательно оживил Домеира.. Опыт удался...

С трудом Домеир добрался до ближайшего селения, там он знаками объяснил свою наготу нападением грабителей, получив одежду и еду, стал работать у гсстеприимных хозяев. Постепенно он изучал новый язык и знакомился с жизнью двадцатого века.

Вскоре он перебрался в Александрию. Пользуясь запасом радиоактивных элементов, сохраненных в его гробу в каменном ларце, он стал делать искусственно золото, что ему дало возможность, владея деньгами, нанять учителей и затем окончить университет по медицинскому факультету. Год тому назад он стал уже врачом с достаточной практикой... И вот сегодня Домеир имеет счастье выступать здесь с речью перед учеными Новой Европы.

В зале раздался глухой ропот, не то недоверчивый, не то одобрителный.

Группы ученых приближались к столу экспериментатора.

Тогда Домеир приступил к опытам, и перед глазами собравшихся прошел ряд явлений гибели и возрождения элементов. На столе зашумел рентгеновский

аппарат, значительно видоизмененный, и на пластинке замелькали изумрудные тени. Это были дельта-лучи. Одновременно с этим Домеир положил на хрустальную пластинку радирующий уран. Взмолнованные ученые увидели, как тяжелая ртуть под непрерывным действием альфа- и дельта-лучей превратилась в дымчатый хлор. Таким же путем Домеир превратил железа в кислород, а последний опять в железо.

Группы ученых приблизились к столу экспериментатора и напряженно следили за опытами, изредка обмениваясь короткими фразами. Еще целый ряд опытов произвел Домеир, превращая твердые тела в газообразные, газообразные в жидкие, достигая полного распада твердых веществ и из распавшихся элементов создавая новые. Через 6 часов опыты были закончены. Домеир одержал полную победу — он был признан ученым миром Европы.

Ученые общества, банки, тресты предоставили Домеиру крупные средства для широкого развития работы. В его распоряжение решено было отвести лабораторию Гейдельбергского университета.

На другой день Домеир уехал в Гейдельберг, а все ученые общества стали перерабатывать планы своих работ под углом зрения новых открытий. К концу недели ожидали уже от Домеира благоприятных результатов его работы и опубликования всех формул.

На третий день утром, в Гейдельбергской лаборатории собралось восемь профессоров химии для ассистирования при опытах Домеира.

Опыты приходили к концу, когда Домеир обратил внимание на настойчивый и однообразный шум, напоминающий шум вентилятора. Он прислушался к этому странному звуку, который был слышен с самого

утра в лаборатории. Молодой профессор отделился от группы ассистентов и подошел к месту шума. Он звонко рассмеялся и жестом подозвал к себе всех.

— Это превосходно. Изобретательность газетчиков замечательна. Это, господа, шум съемочного киноаппарата, помещенного снаружи здания. По-видимому, оператор поработал достаточно времени ночью, чтобы пробуравить это отверстие. Продолжайте ваш опыт и не обижайтесь на оператора. Он работает по поручению какой-нибудь фирмы, у которой, в конце концов, благородная цель — дать человечеству исторический фильм ваших работ в этой лаборатории.

Домеир улыбнулся в ответ на слова профессора, окончил свои опыты, имеющие такое громадное значение для дальнейших работ, и простился с гостями.

Оставалось еще три дня опытов, и лучи Домеира должны были снова творить чудеса..

В тот же вечер тысячи репортеров всего мира телеграфировали из Гейдельберга своим редакциям, что Домеир спешно выехал в Берлин. А ночью редакции были встревожены сообщением берлинских корреспондентов о том, что в Берлин Домеир не прибыл. Стало очевидным, что Домеиру надоели преследования корреспондентов, и он решил ввести их в заблуждение относительно своего маршрута. Редакции дали телеграфные указания своим корреспондентам больших городов немедленно сообщить, если туда приедет Домеир. Читатели разнесли бы редакции в щепы, если бы газеты, сообщив, что Великий Домеир уехал из Гейдельберга, не напечатали, куда он приехал, где ужинаял и что делал.

Впечатление грома в ясный день произвел выход утреннего издания лондонской газеты *«English Post»* в количестве пяти миллионов экземпляров. Там на

первой странице стоял заголовок «Шантаж доктора Вирда». Содержание газеты было немедленно передано по телеграфу во все газеты Европы и Америки, и они повторили сенсацию: доктор Вирд — шантажист...

В оправдание своих сообщений газета приводила в вечернем выпуске снимки с фильма, снятого тайно в Гейдельбергской лаборатории. На фильме ясно было видно, что опыты Домеира — доктора Вирда основаны на мошенническом гипнозе: он гипнотизировал слушателей, внушая им подлинность опытов, в то время как на фильме отразились лишь восторг слушателей и пустые руки Вирда.

Газеты были убеждены, что опыты 20 октября на собрании ученых тоже были основаны на массовом гипнозе, и никаких «чудес» распада и возрождения материи на самом деле Вирд не делал. Только теперь был объяснен каприз доктора, категорически запретившего присутствие на собрании фотографов и кинооператоров.

Ученые ждали ответа Домеира, где бы он ни был. Ждали, что он телеграфно ответит на клевету газеты и привлечет ее к ответственности. По-видимому, газета воспользовалась подложным фильмом, снятым по заказу редакции для обогащения на недоброкачественной сенсации.

Но Домеир молчал. Прошел весь день, а Домеира нигде не было.

Тогда стало ясно, что газеты правы.

В этот день стол управляющего Гейдельбергским отделением банка был завален кипой экстренных телеграмм со всех концов света о состоянии текущего счета Домеира — доктора Вирда. Банк непрерывно отмечал, что все деньги были взяты накануне Вирдом на

нужды химических опытов. Всего было взято два миллиона золотых марок.

Так исчез доктор Вирд.

Тогда корреспонденты устремились в Берлин к профессору Хеллю. Глубоко опечаленный, принял Хелль корреспондентов и на их вопросы ответил:

— Прочтя газеты и убедившись в исчезновении доктора Вирда, я перебрал в памяти все, что связывалось у меня со знакомством с доктором. Я обращаю ваше внимание на следующее обстоятельство. На одном из заседаний Ученого Совета Археологического Общества, за несколько дней до визита к Вирду, как я вспоминаю, на меня были устремлены два горящих черных глаза. Я тогда был увлечен своим докладом об археологической экспедиции в долину Голубого Нила, и не обратил внимания на эти глаза среди тысячи глаз аудитории, устремленных на меня, но сейчас я полагаю, что эта минута была началом гипноза, сделавшего меня игрушкой в руках афериста-доктора. Только это могло побудить меня на странный шаг — послать телеграмму Вирду, и в тот же день приехать к нему.

Безусловно, весь вечер 19 октября я был под властью Вирда, а припадок его был игрой прекрасного актера. Действуя по приказу этого человека, я был первым виновником всемирного шума, так ужасно окончившегося. Во всей этой истории я столько же виноват, сколько и вся аудитория Археологического Общества, и профессора, ассистировавшие в Гейдельбергской лаборатории при опытах Вирда, ибо все мы стали жертвами его авантюристического гипноза.

Корреспонденты покинули Хелля, чтобы сдать в набор полученное интервью.

Археолог подошел к окну. Над Берлином стоял осенний вечер.

П. ЕРШОВ

**ОТКРЫТИЕ
ПИТЕРА КРАЙСКОГО**

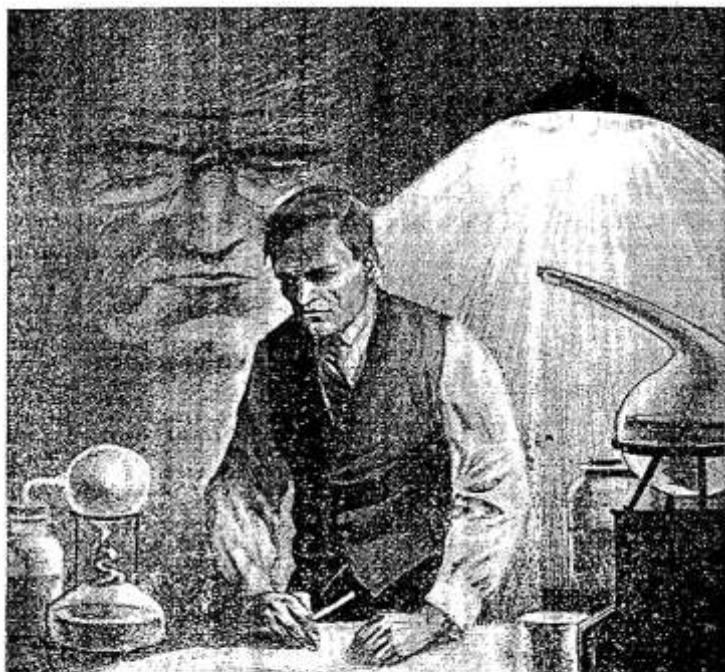
Фантастический рассказ

Рисунки Г. Фитингофа

П. Ершов

ОТКРЫТИЕ ПИТЕРА КРАЙСКОГО

Опубликовано в журнале «Вокруг света (Л)», № 47,
1925 г.

Склонившись над столом, исследователь задумался...

ОТКРЫТИЕ ПИТЕРА КРАЙСКОГО

Рассказ П. Ершова

Рис. Г. Фитингофа

1

В ГЛУБИНЕ просторной лаборатории ярким пятном выделялся длинный стол, заставленный лабораторной посудой и ящичками с микропрепаратами, напряженно склоненный над микроскопом профиль молодого худощавого лица и худая рука, спешно заносившая в блокнот какие-то знаки и формулы. Все это четко вырисовывалось в ярком конусе света, бросаемом спускавшейся с потолка сильной электрической лампой.

Остальная часть лаборатории тонула в глубокой тени. В абсолютной тишине раздавалось мерное тиканье часов, да изредка слышалось легкое покашливание и бормотанье сидящего. Вдруг он резко выпрямился, вынул предметное стеклышко с рассматриваемым препаратом, капнул на него крошечной пипеткой каплю какого-то раствора и поднес к нему две тоненькие проволоочки, шедшие от ящика с рукояткой. Когда он стал вращать рукоятку, пальцы его слегка дрожали. Затем, снова накинув на препарат покровное стеклышко, он поместил его в микроскоп и вновь застыл на несколько минут в неподвижности. Затем, посмотрев на часы, записал: «2 часа ночи; 17 марта 193... г. Точно установлена возможность трансмутации бактерий, опыты произведены над следующими микробами...» Далее следовало несколько латинских названий.

Склонившись над столом, исследователь задумался. В его памяти всплыло желчное лицо профессора Чэйзля...

2

РАСПАХНУВ блеснувшие зеркальными стеклами двери, молодой человек бросился в кабинку лифта, на ходу пробормотал подростку - служителю: — четырнадцатый!

Кабинка медленно поползла вверх. Пассажир не сел на диванчик, а сохранял позу готового к прыжку человека. Его глаза с красными воспаленными веками нетерпеливо следили за мелькавшими площадками этажей. Наконец, кабинка остановилась. Пассажир, выскочив на площадку, несколько раз нажал кнопку у двери, на которой блестела медная дощечка с надписью: «Профессор д-р Эдвин Чэйзль».

Молодой человек вошел в переднюю и быстро сбросил с себя пальто и шляпу. Затем вошел в небольшую гостиную. Из-за портьеры появилась легкая и тонкая фигура девушки.

— Мистер Крайский! — слегка воскликнула она, остановившись. — Так рано? Что случилось? — Присмотревшись, она добавила: — Что-то произошло — у вас необычное лицо...

— Я сделал, кажется, открытие, Вайолет...

— Открытие?!

— Да,—кивнул головой Крайский.— Вы знаете, что в течение последнего года я работал по изучению ядов, выделяемых болезнетворными микробами. И вот совсем недавно мне показалось... я заметил, что при некоторых условиях один вид бактерий превращается в другой... Происходит своеобразная трансмутация бактерий, причем — и это практически самое ценное — возможно превращение очень опасных для человека бацилл в безвредных и даже полезных, например, помогающих, по учению Мечникова, перевариванию пищи в толстых кишках!

— Значит, Питер, это переворот...

— Да, —медленно и значительно ответил он. — Переворот в науке.

— И в жизни человечества, — добавила Вайолет — это ясно и не-специалисту. — Она быстро встала: — Отец, вероятно, в столовой. Вам нужно поговорить с ним, конечно? Идем.

3

ЧТО-ТО вроде улыбки промелькнуло в углах рта профессорл Чэйзля. Мохнатые брови удивленно приподнялись, и стальные глаза внимательно взглянули из-под полуопущенных век.

— Что вас привело так рано ко мне, мой молодой друг? — задал он вопрос Крайскому.

Тот повторил, но уже более подробно, то же, что говорил и Вайолет. Чэйзль перестал есть. Резкие морщины на его лице стали еще резче. С минуту длилось молчание. Затем Чэйзль вернул своему лицу прежнее спокойное выражение и сказал:

— Советую не разглашать. Я проделаю повторные опыты вместе с вами. Если открытие подтвердится, то... я поздравляю вас с значительной победой.. — он сделал маленькую паузу и добавил с легким оттенком иронии: — ...с победой, которую вам помог одержать случай.

Крайский уловил в тоне профессора что-то враждебное.

— Я не имел в виду, профессор, вопроса чести, который вы выдвигаете на первый план. Для меня выше всего вопрос научной истины, которая должна принадлежать всему человечеству...

— Ну да, конечно, я понимаю, — нетерпеливо прервал Чэйзль, — результаты будут принадлежать человечеству, но никогда не следует отказываться от чести открытия, тем более что... это, дорогой мой, связано с вопросами материального свойства. Впрочем, об этом еще рано говорить! Вайолет, предложи Питеру кофе.

В кабинете, куда они перешли после завтрака, Чэйзль еще раз внимательно выслушал подробные объяснения Крайского. Его лицо оживилось, черты его приняли более мягкое, одухотворенное выражение, и он воскликнул:

— Разумеется! Это так и должно быть! Вы, насколько я вижу, воздействовали на среду, в которой находились бактерии, циановыми соединениями и электрическим током. Я напому вам знаменитую, но, еще не

устаревшую теорию Пфлюгера, высказавшего ее в начале последней четверти прошлого века. Эта теория считает живое существо видоизменением неживой материи, т. е. полагает, что первичная клетка, или вернее, элементы клеток появились как особые комбинации неживой материи в присутствии циана, этого любопытного соединения, которое отличает живой белок, непременною составную часть живой клетки, от неживых белков. Известно, что циановые соединения образуются только при высокой температуре. Поэтому считают, что циановые и другие необходимые для создания живого белка соединения образовались на земле еще в то время, когда она была в раскаленном или полухлажденном состоянии. В течении последующего медленного остывания земли из циановых, углеводных и других соединений сложился постепенно живой белок. Бактерии представляют собою сложные системы, состоящие из многих тысяч белковых молекул. Сомневаются, имеют ли они ядро и другие составные части, характерные для клетки, но наличие плазмы, т. е. белковой организации — в них несомненно. Таким образом, Пфлюгер и его последователи объясняют возникновение живого вещества в далекие периоды существования земли наличием своеобразных условий того времени. Подобных условий теперь уже нет, и поэтому считают в настоящее время невозможным зарождение жизни на земле из неорганической материи. Наряду с этим имеется, однако, множество таких опытов, которыми с полной очевидностью доказано влияние внешних химических и физических агентов на самые сложные и самые сокровенные процессы живой протоплазмы.

Я вижу по вашей нетерпеливой позе, Питер, что вам наскучило слушать то, что вы знаете не хуже меня.

Но теперь вам будет легче понять мои соображения по поводу ваших наблюдений. Перенесемся мысленно в ту бурную эру жизни земли, когда кора ее еще была совсем тонкой, и то там, то здесь вздувалась исполинскими пузырями-вулканами. Атмосфера была насыщена водяными парами, и над молодой землей сверкала бесчисленными молниями непрерывная гроза. Ведь в эту эру и образовывались цианистые соединения, и происходило превращение их в живой белок, чему способствовали...

Крайский, побледнев, привстал и крикнул, прерывая речь учителя:

— Электрические разряды?!

— Да— улыбнулся Чэйзль, — вы поняли меня, Питер. Участию электричества я придаю огромное значение. Грандиозные разряды электричества были, как я думаю, непременными спутниками образования живой материи.

— Следовательно, — тихо сказал Крайский, — вы полагаете, что цианистые соединения и воздействие электрического тока, примененные мною в опытах, дали в миниатюре ту обстановку, при которой возможен был переход от неживой материи к живой?

— Нет, — отрицательно мотнул головой Чэйзль, — вы создали, вероятно, те условия, при которых возможно изменить молекулярное строение микроба, но не создать его. Я вижу, что ваше случайное (он опять неприятно подчеркнул это слово) открытие возможно. Ведь возможно же, действуя определенными растворами солей или механическим раздражением на неоплодотворенные яйца некоторых животных, побудить их к развитию без оплодотворения. Почему бы не допустить трансмутации бактерий...

Чэйзль задумался, потом насмешливо взглянул на Крайского.

— Вы подумали о практическом применении вашего открытия?

— У меня даже голова кружится, когда я подумаю об этом!

— Наука предпочитает спокойных, трезвых жрецов, — бросил Чэйзль. — Вы, кажется фантазер и идеалист... Впрочем, это, вероятно, отголосок вашей национальности.

Крайский вздрогнул. Его поразила злоба, которая сквозила в словах Чейзля. Подавив в себе желание протеста, Крайский холодно ответил:

— Я думаю, что надо искать способов применения моего открытия в практической медицине.

— Да, я думаю тоже так — снисходительно заметил Чэйзль, подавая руку. — Я буду сегодня в лаборатории в три.

4

КРАЙНЕЕ возбуждение и напряжение сменилось у Крайского глубокой усталостью и даже безразличием. Надо было немного отдохнуть, а затем в три часа встретить Чэйзля в лаборатории. События ряда предыдущих ночей и сегодняшнего утра вызвали теперь целый вихрь воспоминаний. Почему так грубо Чэйзль попрекнул его национальностью? Да, конечно Питер Крайский — все-таки, по-настоящему — Петр Михайлович Крайский. Он смутно помнил отца — старого народовольца, упорно боровшегося с царским режимом в России, попавшего в тюрьму, и с чрезвычайным риском для жизни бежавшего за границу. Распад «Народной воли», крах ее идеологии, появление пер-

вых марксистских группировок — все это застало отца Крайского в нужде и больным, заброшенным в далекую Америку. Наконец, он нашел скромное место в штате Массачусетс. Там он женился на американке, дочери конторщика, там же и родился единственный сын — Петр.

Петр Михайлович, оставшись десяти лет круглым сиротой, начал самостоятельно пробивать себе жизненный путь.

Недюжинные способности, огромная усидчивость вытолкнули его из общей массы молодых студентов, и к тридцати годам он стал правой рукой Чэйзля. Чэйзль в минуту благодушного настроения потащил его к себе домой, познакомил со своей дочерью — Вайолет, жившей довольно одиноко и замкнуто. Вполне естественным явилось постепенное сближение между молодыми людьми. Но старик Чэйзль высказался о браке своей дочери с Крайским совершенно отрицательно.

Вообще за последнее время он все больше и больше придирался к своему помощнику.

В половине третьего Крайский уже был в лаборатории. Чэйзль пришел ровно в три, на ходу застегивая белый халат. В его обхождении опять стало чувствоваться недоверие, он продолжал отпускать шпильки, но Крайский решил не обращать на них внимания.

Опыт начался. Профессор нагнулся над микроскопом. В белом кружке двигались, на глазах размножались бактерии, похожие на запятые.

— Азиатская холера, — пробормотал Чэйзль.

Крайский кивнул головой, прибавил каплю раствора и пропустил электрический ток. Белый кружок перед глазом Чэйзля помутнел, слегка окрасился в фиолетовый цвет, снова прояснился, и запятые превратились в длинные цепочки палочкообразных бактерий.

Последовательно прибавляя раствор различной концентрации, воздействуя электрическим током, Крайский действительно видоизменял бактерии.

Наконец, профессор резко встал и произнес глуховатым голосом:

— Мое сомнение побеждено, но все это представляет пока теоретический интерес. Трансмутация микроба на стеклянной пластинке совсем не то, что трансмутация микроба в крови живого организма. Ваши растворы могут видоизменить и сами кровяные тельца, клетки живого организма. Вам теперь необходимо проделать серию опытов трансмутации бактерий в крови животных. Я надеюсь, что вы будете посвящать меня в ход ваших работ... ведь вы работаете в моей лаборатории...

Крайский удивленно поднял глаза:

— О, ни на секунду и не думал я скрывать от вас своей работы!

Профессор потрепал Крайского по спине и, направляясь в свой кабинет, многозначительно подчеркнул:

— Еще раз рекомендую вам никому не открывать ваших наблюдений, кроме меня... Это обеспечит наиболее эффектный результат в дальнейшем.

5

НЕСКОЛЬКО недель Крайский производил свои опыты. На первых же порах оказалось, что кровь, взятая у кроликов, морских свинок, собак и даже человека, не подвергалась никаким заметным изменениям под действием раствора и электрического тока. Находившиеся же в крови бактерии так же точно подвергались трансмутации, как и в других условиях. Тогда Крайский стал впрыскивать свой раствор в артерии животного, пропуская через него одновременно и ток.

Однако, при действии слабого тока результатов никаких не получалось, действие же тока высокого напряжения потрясало организм животного.

Крайский пал духом. Начала обнаруживаться невозможность практической трансмутации бактерий в теле живого организма.

К счастью, в эти тяжелые для него дни его навещил старый приятель — Вилли Сноуден, молодой врач. Вилли имел врачебную практику в рабочем квартале на окраине города. Крайский потащил Вилли к себе и подробно рассказал ему о своем открытии, зная, что старый товарищ сумеет сохранить тайну. Вилли крайне заинтересовался, выругал Чэйзля «усталым бегемотом» и обещал раздобыть у знакомого приятеля - исследователя из зоологического сада человекообразную обезьяну для опытов.

— Хорошо известно, — говорил он, — что кровь человека и обезьяны часто совершенно иначе реагирует на те или иные яды, чем кровь низших млекопитающих. Что же касается силы тока, то может быть вам, дружище, удастся подобрать такую, которая дала бы нужный эффект, не поражая организма в целом. А главное — терпение.

Через день в лабораторию Крайского привезли в большой клетке самку-шимпанзе. Обезьяна скоро привыкла к Питеру, шла к нему, когда ее называли «Джонни», обнюхивала руки, ища лакомства, и уморительно гримасничала, получая конфетку или яблоко. Через три дня, когда обезьяна свыклась с новым местом, Крайский сделал укол в ляжку животного, впрыснув ему культуру дифтерийных бактерий.

На следующее утро обезьяна сидела в углу насупившись, тяжело дышала и встретила Крайского оскаленными зубами. Обезьяна была больна. У нее повы-

силась температура, и она с трудом глотала воду. Вызвав на помощь двух служителей, Крайский уложил связанное животное на фарфоровую подставку, наполнил шприц трансмутационной жидкостью, приложил к груди и спине обезьяны электрические провода и сделал укол в артерию у локтевого сгиба. С невероятной силой обезьяна вырвалась из рук служителей. Крайский быстро отскочил, не успев включить ток. Джонни безумствовала, стараясь разбить фарфоровую подставку. Нужно было пока оставить животное в покое и вновь повторить впрыскивание, так как пропускание тока должно было совпадать с ним. Через полчаса обезьяна стала затихать. Глаза ее уже не горели злобным огнем; она жалобно стонала и казалась ослабевшей. Крайский подошел к ней и погладил по голове. Обезьяна не протестовала. Вдруг Крайский заметил, что из пяток обезьяны сочится кровь, — там был глубокий порез, вероятно, сделанный осколком фарфоровой подставки. Крайскому удалось собрать немного крови в стаканчик, а затем он перевязал ступню обезьяны. Она вполне успокоилась и с удовольствием уплетала яблоко, при чем глотание было уже почти не затруднено. Это было странно. Когда же капля добытой крови была помещена под микроскоп, Крайский вздрогнул от изумления и неожиданности. В поле зрения шел поразительный процесс. Дифтеритные микробы склеивались в прихотливые звездообразные тельца и затем распадались на какие-то новые ультрамикроскопические бактерии, быстро поглощавшиеся бледными кровяными тельцами — фагоцитами. Таким образом, обнаруживалась возможность трансмутации бактерий в крови человекообразной обезьяны только при помощи одного раствора без электрического тока.

Крайский занес кое-какие наблюдения в дневник и вышел на улицу. Мимо него неслись автомобили, гудели сирены, грохотали вагоны электрической дороги, суетились люди, но он быстро, машинально шел по знакомым улицам, почти ничего не видя, сосредоточившись в самом себе. Только на большом перекрестке он заметил, как у мальчика-газетчика прохожими нарасхват раскупались газеты, и читавшие их жестикулировали и обменивались между собою короткими фразами. Но Крайский на это не обратил внимания и, снова углубившись в себя, пошел дальше.

6

В ЕГО комнате у стола сидела Вайолет.

— Но как вы сюда попали и что случилось? — спросил Крайский.

— Как, разве вы ничего не знаете?

— Нет, ничего не знаю, — Крайский покачал головой.

— Сегодня утром, — продолжала Вайолет, — в газетах появились тревожные известия, что мы накануне войны с Англией. Со дня на день можно ожидать начала.

Теперь Питер понял, почему так жадно раскупались на улице газеты.

— Да, — наконец, сказал он. — Но я не понимаю, какое это отношение имеет к моей работе?

Вайолет вынула из сумочки сложенную газету.

— Вот это сегодняшний номер. Прочтите интервью с моим отцом.

Крайский стал быстро пробегать строчки:

«Война между нами и Англией, — писал журналист, — с каждым днем становится все более и более неизбежной. В ближайшее время можно ждать окончатель-

ного разрыва... ..Если в предыдущую мировую войну наука и техника играли большую роль, то грядущая война будет поединком инженеров и ученых Старого и Нового Света... Выдвигается также и возможность бактериологической войны. Бомбы, сбрасываемые с аэропланов и начиненные бациллами, будут парализовать и тыл и фронт развивающимися эпидемическими болезнями... Из беседы с проф. Чэйзлем, к которому мы обратились, выяснилось, что ведущиеся под его руководством работы молодого ученого Крайского могут успокоить все население САСШ. М-р Крайский добился трансмутации самых опасных для жизни человека бактерий в безвредные, и предоставляет секрет своего открытия исключительно нашему правительству»...

Крайский возмущенно отбросил газету.

— Я не давал никакого права м-ру Чэйзлю распоряжаться моим открытием! — воскликнул он. — И кроме того, я не говорил ему ни слова о своих опытах с обезьяной. Откуда же он знает об этом?

— Вчера он был в лаборатории после вашего ухода.

Крайский растерянно посмотрел на Вайолет:

— Что же теперь делать?

— Необходимо переговорить с отцом и... — Вайолет запнулась и тише добавила: — в противном случае...

Крайский тяжело вздохнул.

— Значит, между нами произойдет разрыв?

— Да, возможно, между вами и моим отцом, но, благодаря этому, вы не теряете меня.

7

— **Вы** легки на помине, — сказал Чэйзль входящему в его кабинет Крайскому, — позвольте вас представить генералу Бокбеллу, уполномоченному нашего военного министерства.

Питер увидел коренастого, с коротко подстриженными седыми волосами и живыми черными глазами человека, и сухо поклонился ему.

— Вы, вероятно, уже читали газеты, — продолжал профессор, — и, конечно, догадываетесь, о чем у нас здесь шла речь. Я полагаю, что ваше открытие можно использовать двояко в случае войны: во-первых, в случае отравления сброшенными бактериологическими бомбами бассейнов воды, как средство для обезвреживания их, и во-вторых, для быстрой ликвидации эпидемий среди солдат и граждан.

— Простите, м-р Чэйзль, — прервал профессора Крайский, — я думаю, что вы получили ошибочную информацию — я не достиг еще тех результатов, которые вас интересуют.

Багровая краска поползла по всему лицу Чэйзля.

— Но ведь вы трансмутировали дифтеритные бациллы в крови обезьяны! Я не знаю только, какой силы ток.

— Нет, профессор, — твердо ответил Крайский, — впрыскивание жидкости не удалось. Запись в дневнике сделана до инъекции, в расчете на ее удачу.

М-р Бокбелл быстро поднялся и, кланяясь Чэйзлю и Крайскому, пробормотал:

— Прошу извинения за беспокойство.

Когда Бокбэлл ушел, Чэйзль гневно взглянул на Крайского.

— М-р Крайский, вы солгали, чтобы опозорить меня. Я знаю, что опыт удался.

— Если бы опыт и удался, я все-таки не открыл бы своего секрета даже вам! Я не хочу, чтобы благодаря мне одно правительство поработило ряд других. Моей мечтой было отдать свою находку всему человечеству!

— Вы смешны со своими стремлениями! — презрительно усмехнулся Чэйзль.— Вы начитались бредней из бывшей России, где наперекор здравому смыслу правят страной и по всему миру рассылают свои ядовитые семена такие же фантазеры и простаки, как вы! Моя лаборатория, да не только моя, а все — теперь закрыты для вас, пока вы не образумитесь. Помните, что вы играете неравную игру, — за каждым вашим шагом будут следить глаза полисмена!

Крайский резко повернулся и вышел из кабинета.

8

НАДО было скорее взять из лаборатории готовые растворы трансмутационной жидкости и дневник. Обезьяна его встретила в его собственном белом халате, она дружески обнюхала его и даже погладила лапой по щеке.

В это время служитель доложил, что Крайского хочет видеть доктор Сноуден.

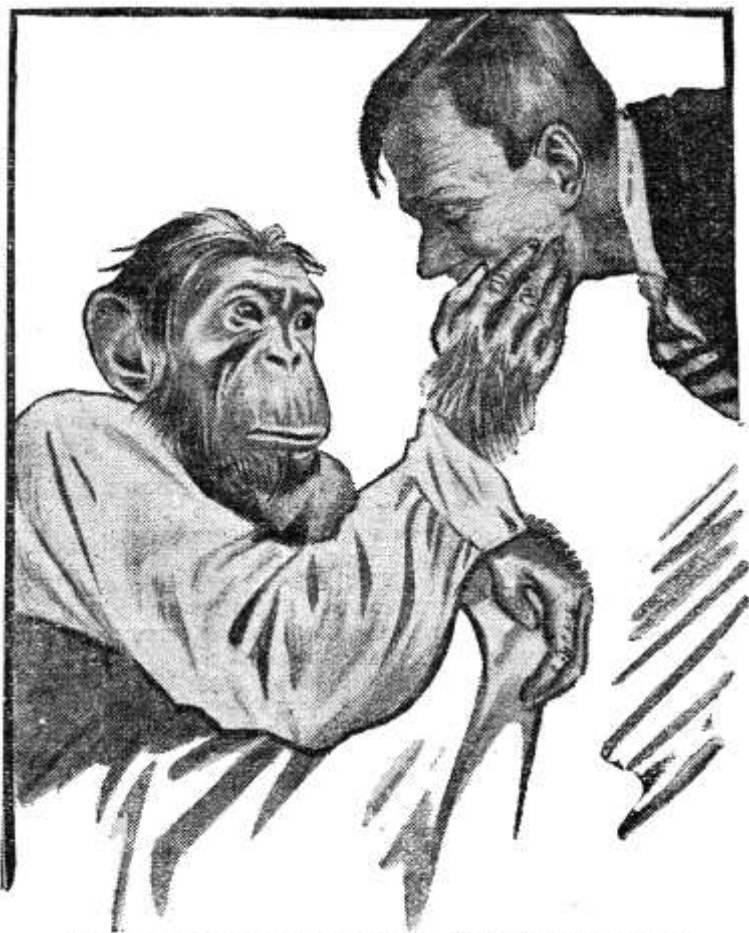
— Говорят, истинные друзья познаются в несчастье, — пожимая руку Сноудену, грустро улыбнулся Питер. — Настало время испытать вашу дружбу.

Вилли сначала принял эти слова в шутку, но когда Крайский ему обо всем рассказал, нахмурился.

— Я вас понимаю, Питер, — протянул он, — я думаю, что поступил бы точно так же, как и вы. Разумеется, при капиталистическом строе наука не может принадлежать всему человечеству, и будет помогать уничтожению, а не благополучию его.

— Значит, нет того, кому можно было бы отдать мой способ?!

— Я думаю, что есть, — задумчиво сказал Вилли. — Родина вашего отца.

Обезьяна дружески погладила Крайского по щеке...

Питер оживленно улыбнулся.

— В самом деле, — социалистическое государство! — воскликнул он. — Если бы даже Чэйзль и разгадал теперь мой секрет, то все-таки открытие мое будет известно и трудящимся. Надо скорее принимать меры!..

— Не торопитесь, — возразил Вилли, — не забудьте, что вы уже находитесь под бдительным наблюдением шпииков. Теперь нужна осторожность.

— А как бы я хотел все-таки продолжать опыты, — сказал после некоторого молчания Крайский. — Но теперь это вряд ли возможно.

— Я так уверен в их успехе, что предложил бы вам даже сегодня отправиться в мой квартал. Там, кстати, есть один безнадежный тифозный.

9

Под вечер того же дня они отправились в рабочий квартал.

Нагнувшись, они вошли в какую-то хижину, темную и смрадную. За грязным пологом лежал похожий на скелет пожилой мужчина. Его глаза провалились, а запекшиеся губы силились что-то шептать. Около как тени ходили две женщины, молча позвякивая какой-то посудой. Маленькая девочка сидела на корточках у изголовья больного и держала в жестяной кружке какое-то питье.

Питер сделал укол. Вилли все время наблюдал за пульсом. Приблизительно через полчаса больной стал успокаиваться, и затем уснул. Итак, открытие было проверено на человеке.

Для того, чтобы не вызвать каких-нибудь осложнений и дожидаться ослабления полицейского надзора, они условились, что Крайский будет проводить большую часть времени дома.

Из газет Крайский узнал, что «вследствие некоторой неудачи нашумевших опытов м-ра Крайского за них принялся сам профессор Чэйзль. Со дня на день

можно ожидать окончательных блестящих результатов».

От Вилли, с удивительной расторопностью собиравшего нужные сведения, стало известно, что Чэйзль уничтожает неисчислимое количество кроликов и собак. По-видимому, он искал секрета в различном изменении тока.

Ликующая беднота, несмотря на предупреждения и увещевания Вилли, поделилась своей радостью с соседним кварталом, где был другой врач, который, естественно, не мог так успешно бороться с болезнями своих пациентов. Ему показались подозрительными рассказы о массовых случаях чудесного исцеления тяжело больных, и он сообщил об этом своему начальству.

10

НА исходе второй недели затворничества Питера в дверь к нему постучались, и в комнату вошла Вайолет.

— Вы должны меня приютить, Питер. Я туда... к отцу больше не вернусь.

Успокоившись, она рассказала, что последние дни Чэйзль был особенно взбешен. Его работа в лаборатории шла неудачно. Сегодня утром он вызвал ее к себе и сказал:

— Надеюсь, что дочь хорошо поймет своего отца... Я готов дать согласие на ваш брак, но ты должна узнать, в чем состоит его способ. У меня есть сведения, что в одном из рабочих кварталов он применяется...

Вайолет, не отвечая ни слова, вышла из спальни отца... И вот — она пришла к Питеру просить приюта.

Предоставив девушке свою вторую комнату, Крайский переговорил с хозяйкой, а затем демонстрировал

под микроскопом свои препараты и с увлечением давал Вайолет объяснения.

К вечеру какой-то рабочий принес от Вилли записку. Вилли просил прислать ему флакон трансмутационной жидкости, так как у него иссякли запасы. Крайский решил поехать сам, так как предстоял новый опыт.

Сделав укол, Крайский и Вилли наблюдали за действием препарата. Вдруг в комнату вбежал какой-то рабочий и тревожно шепнул:

— Квартал окружен полицией...

— Питер, бегите, — воскликнул Сноуден. — Впрочем, подождите, я посмотрю, как лучше поступить... — Он выбежал из лачуги. Скользя по грязи и натываясь на камни, он побежал вдоль улицы, сопровождаемый предупреждавшим их рабочим.

— Смотрите, смотрите... — зашептал тот, указывая на цепь расплывавшихся в темноте силуэтов.

— Это они! — упавшим голосом сказал рабочий.

Кольцо полицейского отряда все более и более суживалось, стягиваясь к лачуге, где находился Крайский.

— Стой! — Вилли почувствовал, что тяжелые руки легли на его плечи. Он оглянулся и увидел за своей спиной полицейских.

...В дверь лачуги постучались. Все вздрогнули. Двое рабочих стали впереди Крайского, закрыв его собою.

— Мы не дадим вас этой полицейской своре! — тихо проворчал один из них.

— Я не хочу борьбы — она бесполезна, — сказал Крайский спокойно.

Крайский быстро пошел к выходу, за ним вышли и рабочие, о чем-то шептавшиеся между собою. Около двери снаружи стояло человек пять полицейских. У

одного из них в руке был электрический фонарь, которым он освещал лица выходящих. Осветив лицо Крайского, полицейский резко бросил:

— Вы арестованы, — двое полисменов сделали шаг по направлению к нему. В этот момент один из рабочих выбил фонарь из рук полицейского, другой бросился на полисменов, успев шепнуть Крайскому: — бегите!..

В темноте были слышны удары, стон и падение тела... Затем откуда-то, не то с крыши лачуги, не то из соседней хижины, раздалось два выстрела...

... Часа через два на месте перестрелки было уже тихо. Полицейский чиновник, ругаясь от отчаяния, следил за тем, как в автомобиль укладывали труп человека, которого было приказано во что бы то ни стало доставить живым.

11

ВАЙОЛЕТ не ложилась спать, и всю ночь или сидела в кресле, стиснув пальцами виски, или, прижавшись лбом к оконному стеклу, смотрела на улицу.

Когда стало светать, пришел Вилли, и девушка все поняла по выражению лица измученного и запыленного доктора.

— Меня выпустили, — криво усмехнулся Вилли, — им нужен Питер. А его нет.

*

* *

Через три недели Вайолет ехала в поезде по стране, где свободно развевается красный флаг. Глаза ее скорбно смотрели в окно, за которым раскидывались такие чуждые ей зеленеющие равнины, перелески,

ленты рек и далекий горизонт, смыкающийся с нежно-голубым куполом неба. Дым, мощно выдыхаемый паровозом, белыми хлопьями сползал по насыпи и седым туманом обволакивал прятавшуюся в широком овраге деревеньку.

Вайолет вышла в коридор, и в сотый раз проверила содержимое маленького ручного чемоданчика. Там, тщательно уложенный, находился толстый конверт с надписью, сделанной крепкой и размашистой рукой:

«Во Всесоюзную Академию Наук».

Она смотрела на непривычные ей буквы незнакомого языка и видела ласковые глаза Питера.

Б. НИКОНОВ

ПАТЮРЭН И КОЛЛИНЭ
(ЭКСПЛУАТАТОР СОЛНЦА)
Фантастический рассказ

5

Б. НИКОНОВ

ШУМ КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ
Рассказ

23

Б. НИКОНОВ

АМЕРИКАНСКАЯ ДУЭЛЬ
Рассказ

37

В. СИПОВСКИЙ (В. Новодворский, В.С.)

ДВАДЦАТИПЯТИЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ ШЕРЛОКА ХОЛМСА
(ИЗ ЗАПИСОК ДОКТОРА ВАТСОНА)
Рассказ

55

В. СИПОВСКИЙ (В. Новодворский)

ТАЙНА СТАРОЙ КНИГИ
Рассказ

101

К. БОГОЛЮБОВ

(Н. Константинов)
ВЕЩИ ГОСПОДИНА ПИКА
Фантастический рассказ

127

К. БОГОЛЮБОВ

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Рассказ

145

К. БОГОЛЮБОВ

ВОИНЫ НОДО

Рассказ

155

К. БОГОЛЮБОВ

РАВНИНА ТУА

Рассказ

177

К. БОГОЛЮБОВ

ПЕРЕБЕЖЧИКИ

Рассказ

199

Р. СТАР

ГИДРОКАРБОН

Фантастический рассказ

217

Б.Т. ГОРОЩЕНКО

ЛЕТАЮЩЕЕ КРЫЛО

Фантастический очерк

229

Б. БЕЛЬТЕНЕВ

ПОЛЯНА КОШМАРА

Фантастический рассказ

241

К. ПАУСТОВСКИЙ

ДОБЛЕСТЬ

Фантастический рассказ

261

Г. КЛЮЧЕВ
ГИПЕРБОЛИЧЕСКИЙ КОРАБЛЬ
Фантастический рассказ

273

Ю. ГЕКО
ПЛЕННИК «ВРЕМЕНИ»
Рассказ

285

В.А. МАЗУРКЕВИЧ
ПОСЛЕДНЯЯ ПАРТИЯ
Фантастический рассказ

297

С. РОМОВ
ОДНА ТРЕТЬ ЖИЗНИ
Фантастический рассказ

323

П. ЖЕРЕБЦОВ
БОКСЕР МОРИНЭ
Рассказ

359

ЛЕВ НИКУЛИН
ДОЛГ (Патент 78925)
Фантастический рассказ

393

Л. ВОРОНЦОВ
ВЗРЫВ НА ПУСТОМ МЕСТЕ
Фантастический рассказ

419

Г. ФИЛОНОВ
ЧЕРНЫЙ СНЕГ
Фантастический рассказ

437

ВАЛ. ГРИГОРЬЕВ
ТАЙНА ДОКТОРА ВИРДА
Фантастический рассказ

453

П. ЕРШОВ
ОТКРЫТИЕ ПИТЕРА КРАЙСКОГО
Фантастический рассказ

473

Литературно-художественное издание

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ
Для среднего и старшего возраста

РАВНИНА ТУА

*Антология советского фантастического
и приключенческого рассказа
20-х – 30-х годов XX века*
Том 2

Особая благодарность фантлабовцам, особенно
Arnoldsco, laapooder, slovar06, fortunato, hlynin, malshin,
Geographer и всем основателям и участникам темы
«Фантастический раритет».
Без вас эта книга не состоялась бы...